

Альберто Моравиа Равнодушные

Минуло почти полвека с того, времени, когда сын римского архитектора, двадцатидвухлетний Альберто Пинкерле, уже пробовавший силы в литературе лирическими стихотворениями и новеллами на французском языке, опубликовал в 1929 году под псевдонимом Альберто Моравиа свой первый роман «Равнодушные». Ныне знаменитый писатель, по праву считающийся наиболее крупным мастером современной итальянской прозы, автор многих романов, новелл, пьес и эссе, Моравиа неоднократно рассказывал об обстоятельствах создания этого произведения. «Я хотел написать повесть с внутренней структурой театрального произведения, с единством места и времени, с минимальным числом персонажей, — вспоминает он. — Я тщился написать трагедию, а вместо этого получился роман... В те времена я зачитывался Шекспиром, Мольером, Расином, Гольдони, совсем не читал Фрейда, едва знал русских писателей».

Сначала издатели отказывались публиковать книгу. Моравиа пришлось даже оплатить расходы по ее печатанию. Но после статьи авторитетного критика Дж. Борджезе, обратившего внимание на «Равнодушных», к молодому автору сразу пришло признание и известность. За истекшие четыре с половиной десятилетия книга отнюдь не устарела, последующие творения Моравиа не смогли затмить ее. «Равнодушных» по-прежнему переиздают, переводят, по-прежнему читают. Более того: почти каждую новую книгу маститого автора итальянская критика так или иначе соотносит с «Равнодушными», и такое сопоставление помогает глубже раскрыть новое произведение и придает дополнительное звучание старому. Положительно можно сказать, что «весь Моравиа вышел из „Равнодушных“».

Мы говорим в данной связи прежде всего о твердой реалистической платформе писателя и о социально-психологической направленности его творчества. «Равнодушные» при всей своей необычной для прозы театральной структуре являются аналитическим романом, выявившим новые специфические моменты самосознания буржуазного интеллигента XX века. Именно эта проблематика навсегда осталась в центре внимания Моравиа, как художника-моралиста, определив и круг его героев, и его видение мира.

Действие «Равнодушных» разворачивается в узком мирке буржуазной семьи. Лео, богатый любовник Мариаграции, женщины уже увядшей, матери двоих взрослых детей, стремится соблазнить ее дочь Карлу. Девушка не любит Лео, но быстро уступает ему; надеясь изменить этим свою жизнь: ей опротивела царящая в доме фальшь, однообразие, вечные сцены ревности. Брат Карлы Микеле, вялый и инертный юноша, понимает подлость Лео, разбившего их семью, разорившего их материально. Но сильнее ненависти и презрения — его равнодушие, безразличие к моральным нормам. Микеле заставляет себя ссориться с Лео, неоднократно пытается оскорбить его, а узнав, что Лео сошелся с сестрой, стреляет в него. Но все эти попытки неудачны, ибо они обессиливаются в самый момент действия душевным холодом Микеле, отсутствием подлинного искреннего порыва. Развязка ничего не меняет в положении молодых героев. Лео решает жениться на Карле, но жизнь ее будет такой же тусклой и фальшивой, как и жизнь матери, как жизнь всей их среды, сделавшей из брата и сестры «равнодушных».

Главную идейную нагрузку несет в романе образ Микеле. В нем открыто и подчеркнуто выражена основная этическая тревога автора. Этот юноша поражен болезнью тщеславия и равнодушия, но последний недостаток преобладает, и Микеле отчетливо сознает себя неполноценным человеком. Малодушие, самоирония, двойственность, нерешительность — все это производные его безразличия. Здесь важно отметить, что Микеле отнюдь не «разъеден рефлексией», как принято было когда-то характеризовать Гамлета; между великим шекспировским героем и Микеле нет никакого, даже самого

отдаленного, родства. Все размышления Микеле, его самоанализ несут на себе клеймо холодного равнодушия. Он в полной мере видит ничтожность собственной жизни, но не способен на гнев и возмущение и тем более на борьбу; у него нет душевной энергии, нет естественной привязанности к родным. Его оставляет равнодушным и жалкое положение матери, и подлое обольщение, сестры. Удел Микеле — отчужденность, духовное одиночество.

Молодой Моравиа, к счастью, свободен от фрейдистских объяснений этого характера. Его Микеле таков, каким сделала его окружающая среда: атмосфера лжи, глупости, мещанских претензий и предрассудков, мелкотравчатых чувств и мыслей, возвыситься над которыми он не в состоянии. Он — плоть от плоти своего класса, вернее, своей узкой касты с ее провинциальной претенциозностью и фальшивыми условностями.

Микеле страдает от собственного безразличия и безверия. Его попытки оскорбить Лео, по существу, имеют эгоистическую подкладку. Он стремится не столько постоять за справедливость, сколько утвердить самого себя, победить свое равнодушие, совершить деяние, результатом которого был бы душевный взлет. Однако все эти демонстративные жесты — оскорбления, попытка дать пощечину и, наконец, выстрел в Лео — оборачиваются не драматической, а фарсовой стороной, ибо Микеле заранее убежден в нелепости своих поступков. Поэтому вместо ненависти и презрения он по-прежнему испытывает безразличие и тоску.

Характерно, что в своем отчуждении от семьи Микеле не делает различия между матерью и сестрой, не замечает душевного надлома Карлы, его целиком занимают лишь собственные ощущения. Здесь проявляется сама сущность равнодушия всех героев — эгоизм, душевная глухота.

Карла, в отличие от Микеле, сначала не кажется равнодушной: она испытывает отчаяние, стремление взбунтоваться против бессмысленности жизни. Ее первая реакция на бесстыдное предложение Лео — отвращение к пошлости. Но стремление «покончить с прежней жизнью» толкает ее к тому, чтобы кинуться в бездну, окунуться в грязь. Ее покорность — тоже форма равнодушия. Она, как и Микеле, не задумывается над горем своей матери, ее не интересует внутренний мир брата. Карла, по существу, такая же эгоистка, как и Микеле, ее идеалы и мечты мещански ограничены, как и у других членов семьи.

Лео и Мариаграция, эти законченные эгоисты, чудовищно равнодушны к ближним. Мариаграция знать ничего не хочет, кроме своей страсти к Лео, кроме своего светского тщеславия. Очень характерно ее презрение и даже ненависть к беднякам, которых она считает «жалкими кретинами». Внутренняя фальшь приросла к ней, как кожа, она лицемерит, даже когда кажется самой себе искренней. Дети платят матери безразличием и неприязнью, уступая ей в спорах только из эгоистического желания обеспечить себе покой. Эгоизм, эгоцентризм — вот подоплека равнодушия во всех его видах. Носителем наиболее цинического равнодушия, переходящего в преступление, является Лео, который способен обокрасть собственную любовницу, развратить ее дочь и одновременно обмануть их обеих с Лизой, подругой Мариаграции.

Автор не скрывает своего отвращения к Лео и Мариаграции, он со всем пылом молодости судит своих героев, дает прямые авторские оценки их душевной ничтожности, награждая их постоянными эпитетами-характеристиками. Глупые, пошлые лица, фальшивые слова и жесты, притворство, лицемерие — вот словарь авторского комментария. Прямое вмешательство автора в повествование, откровенно отрицательные ремарки по адресу героев вносят в роман элемент живой эмоциональности, которая в дальнейшем творчестве Моравиа постепенно сменяется все более строгой объективностью психологической характеристики. Нарастает гротескность подобных образов, которые становятся олицетворением окостеневших социальных типов.

Мы уже приводили высказывания Моравиа о том, что его главной задачей при создании этого романа была забота о форме, которую он хотел возможно более приблизить к драматургической структуре. И действительно, мало найдется прозаических произведений,

которые были бы столь «театральны». С удивительным мастерством на первых же страницах романа, без всяких авторских объяснений, без предыстории, с помощью нескольких сжатых реплик Моравиа сразу вводит читателя в курс далеко продвинувшейся вперед драматической интриги. Карла уже стоит на пороге своей нравственной гибели. Все действующие лица семейного «четырёхугольника» давно знают циническую подоплеку своих взаимоотношений, никто не заблуждается относительно друг друга (за исключением Мариаграции, которая еще пытается обмануть себя). Завязка событий осталась далеко позади, за пределами романа, сложившееся положение уже вплотную подошло к кульминации. Такой накал «первого действия» редко можно встретить даже в произведениях, написанных специально для сцены. Вспоминается разве что «Мачеха» Бальзака, но и там автору потребовались некоторые предварительные объяснения отношений, сложившихся между членами семьи. А в «Равнодушных» повествование сразу же ставит нас перед возможностью немедленного взрыва.

Но при этом важно отметить, что характеры в романе не развиваются ни вглубь, ни вширь. Все персонажи в конце повествования остаются такими, какими предстали перед читателем на первых страницах, психологический рисунок не разнообразится новыми красками. Во всех сценах каждый персонаж остается в рамках своей роли, своей «маски», с той же схемой поведения: спокойная наглость Лео, ревнивые выходки Мариаграции, вспышки гнева и возмущения Карлы, сменяющиеся покорностью, тщетные попытки Микеле затеять ссору. Однако эта статичность характера — не только театральная приемы автора, заимствованный из классицистической драмы: иными и не могут быть «равнодушные», эта застылость — тоже клеймо среды и эпохи. Напряженность ситуации нарастает только в результате действий Лео, Он — единственный активный персонаж, поскольку хорошо знает, чего добивается. Его слова и поступки вызывают как бы заранее запрограммированные реакции «господствующей страсти» каждого из героев, но душевное их состояние не меняется.

О драматургической форме напоминает и предельно малое число действующих лиц. Кроме членов семьи, в романе фигурирует только один персонаж — Лиза, бывшая любовница Лео, которая теперь влюблена в Микеле и мечтает о «чистой любви». Лиза нужна автору для дополнительного раскрытия характеров других героев: равнодушия Микеле, которому Лиза противна, но он так и не решается ее окончательно отвергнуть; ревности Мариаграции, которая подозревает Лизу в связи с Лео, и, наконец, похоти и подлости Лео. Как это бывает в театральном произведении, наряду с главной линией сюжета, Лео — Карла, тянутся еще несколько нитей, пересекающихся и переплетающихся между собой: Лео — Микеле, Лео — Мариаграция, Микеле — Лиза, Мариаграция — Лиза... Последней, словно в многоголосной фуге, возникает на заключительных страницах романа линия Карла — Микеле. И все эти темы скручены в тугий узел единства интриги, дополняя и исчерпывающе раскрывая психологический облик персонажей.

Еще один «драматургический показатель» романа — то, что он построен как цепочка сцен, каждая со своей внутренней кульминацией и развязкой, подготавливающей следующую сцену. Так, например, уход Лизы с виллы вместе с Лео влечет за собой сцену ревности Мариаграции, затем — взрыв безысходного гнева Карлы и, наконец, очередную попытку Микеле отомстить Лео. Моравиа, как он сам признается, в те далекие времена почти не знал русских писателей, но здесь явно ощущается типологическая близость техники итальянского романиста с полифонической композицией Достоевского. Не случайно впоследствии у Моравиа возникла огромная тяга к Достоевскому, творчество которого, однако, было воспринято итальянским писателем очень односторонне, в плане его собственных этических представлений.

В романе максимально соблюден принцип единства времени: события разворачиваются на протяжении двух суток, причем автор почти не расстаётся со своими героями. Разлучившись поздно вечером, они поутру встречаются вновь, Лео, уйдя вскоре после обеда из дома Мариаграции, через час уже снова заезжает сюда и отвозит семью на танцы; оттуда

он возвращается на виллу, где ужинает, слушает музыку, уславливается с Мариаграцией о встрече на завтра, ссорится в очередной раз с Микеле и, наконец, уходит, с тем чтобы в полночь тайком увезти Карлу к себе на квартиру. Место действия меняется тоже относительно мало: вилла Мариаграции, квартира Лео, дом Лизы. Внешний мир безлик, не индивидуализирован: множество автомашин, множество прохожих, множество огней на улицах. В единственной сцене, где действие происходит на людях, в танцевальном зале отеля, публика — это незнакомые накрашенные дамы с оголенными плечами, мужчины, которые пьют, не обращая внимания на окружающих, «множество плащей и пальто в гардеробе».

В этот душный замкнутый мирок нет доступа свежему человеку, которого тщетно ждут Микеле и Карла. Светская среда обрисована только как общий фон, но ясно, что герои прозябают именно в ней, порождены именно ею. Это круг средних буржуа, претенциозных снобов, развратных ханжей, уродливых и внешне и внутренне. Такой характеристике буржуазной среды Моравиа остается верным на протяжении всего своего творчества. Подчеркивая уродливость персонажей, он особенно ясно проявляет свою ненависть, свое безоговорочное отрицание.

Вся обстановка, в которой развивается действие, выявляет и усугубляет ущербное психологическое состояние героев. Пыльная, обветшавшая мебель виллы, где «в коридоре привычка и скука вечно сидели в засаде, а стены словно источали смертоносный яд»; тусклые лампочки, гаснущие однажды вечером, оставляющие людей во тьме, как того и заслуживают их постыдные слова и действия; обшарпанный, выдавший виды белый будуар Лизы; комната Карлы, наполовину детская, наполовину женская спальня — все это жилье несет на себе печать фальши, двусмысленности, неустроенности. Под стать чувствам и переживаниям действующих лиц — городской пейзаж, природа: черные тени, резкие, безжалостные цвета. Почти все время идет дождь, голые ветви деревьев мечутся под холодным ветром. Грязная дорога, по которой шагает Микеле, символизирует его жизненный путь. Под проливным дождем выходит Карла из дома на свидание с Лео.

Великолепна с точки зрения архитектоники, единства формы и содержания сцена в саду между Лео и опьяневшей Карлой. Как соответствует происходящему весь пейзаж — угрюмый сад с узкими сырыми аллеями и сгнившей листвой под ногами, а затем и грязная комнатка в сарае... Это — почти символический фон для отвратительной картины грубых домогательств Лео и дурноты Карлы. Такая беспощадная пародия на первое свидание была для того времени огромной литературной смелостью. Таково начало «новой жизни» Карлы. Натуралистическая откровенность этой сцены почти вытеснила из нее сексуальность, сбросила с постыдной попытки совращения охмелевшей девушки соблазнительный флер эротики,

И лишь однажды в романе появляется солнце, робкое и нежаркое, — в тот час, когда возвращаются с работы рабочие. «Солнце было немощным и бледным, но оно дарило свой свет этим одетым в лохмотья людям, словно благословляя их». Единственная согретая добрым чувством автора фраза в книге.

Таким образом, «Равнодушные» Моравиа, первая веха на его творческом пути, донныне, после создания им ряда замечательных литературных произведений, продолжает оставаться шедевром писателя. Отточенное и обдуманное формальное мастерство, свежесть и оригинальность художественной манеры служат здесь раскрытию острой и злободневной социально-психологической проблемы.

Весь материал, из которого выстроена эта художественная структура, был глубоко реальным, почерпнутым из живой итальянской действительности. Оригинальное драматизированное повествование, напряженное и сжатое, полное взрывчатой силы, предельно психологически насыщенное оказалось в конечном счете беспощадным разоблачителем общественных пороков. Роман раскрывает не просто общую аморальность буржуазной среды, но прежде всего — духовную опустошенность молодого поколения итальянских привилегированных классов 20-х годов. Эта молодежь погрязла во лжи и

фальши, безразлична к добру и злу, не верит в моральные ценности. Ведь действие романа происходит как раз в то время, когда Муссолини в своих напыщенных речах утверждал, что фашистские идеи призваны не только возродить Римскую империю, но и вдохнуть в молодежь моральные доблести древних римлян. Какой насмешкой над этой идеологией прозвучал роман о равнодушных и опустошенных, утративших энергию, веру, надежду.

Поэтому-то «Равнодушные» Альберто Моравиа очень быстро стали восприниматься прогрессивно мыслящей частью итальянского общества как роман сатирический и антифашистский. И с каждым годом господства дуче и его присных эта антифашистская тональность звучала все явственнее, хотя сам Моравиа позже признавал, что не ставил себе целью разоблачать социальную систему фашизма. Тем не менее та затхлая духовная атмосфера, которая почти физически ощущается при чтении «Равнодушных», имеет совершенно определенные приметы времени, она порождена именно эпохой фашизма, когда равнодушие и примиренчество стали равнозначны духовному предательству, капитуляции перед грубой силой и философией жестокости.

В самом деле, оба молодых героя «Равнодушных» пытались как-то отринуть от себя окружающую общественную действительность. «Этот мир, карикатурный, омерзительно лживый, принадлежит матери, а мне в нем нет места», — думает Микеле. Он обманывает сам себя: многое в его характере свидетельствует о том, что он — неизбежное порождение этого мира, картина которого была бы неполной без его душевной драмы. И закономерно то, что он в конце концов в состоянии к нему приспособиться. В этом немалую роль играет материальная сторона дела. Если для Мариаграции и Лео владение виллой — ставка, козырь в их любовной игре, давно ставшей сделкой, то и для Микеле перспектива денег, легкой, беспечной жизни, полной удовольствий, внезапно окрашивает мерзавца Лео в цвета добросердечия, бескорыстного приятельства. Микеле готов отказаться от мести, когда мать сулит ему деньги и покровительство этого негодяя. Карла, мечтающая о «новой жизни», тоже готова приспособиться к браку с Лео, поскольку он принесет ей наряды, балы, путешествия. И хотя девушка сознает неприглядность своего поведения, она невольно прикрывает свою капитуляцию нехитрой жизненной философией самого Лео: «Не нужно все принимать близко к сердцу, все так просто». Что же касается Микеле, то он во имя денег, доходного места уже предал Карлу в сердце своем: ведь он, по собственному признанию, был морально готов к тому, чтобы предоставить Лео свободу действий в отношении Карлы, если в качестве компенсации тот поможет ему устроиться в жизни. И он чувствует себя сообщником Лео, хотя бы только в мыслях. Получается, что молодые герои, с их сложным и противоречивым внутренним миром, с тонким психическим складом, предадут лучшее в самих себе, смиряются с Лео, с его примитивностью и подлостью. Для него-то не существует никаких сложностей, он кичится этим и потому особенно страшен, ибо он — хозяин жизни, и с легкостью навязывает брату и сестре свою волю. Торжествующий хам в одежде светского человека — ведь такими и были «столпы фашизма», перед которыми пасовали те, кто не находил в своем равнодушии сил для отпора.

Эта социальная преступность безразличия и приспособленчества была с предельной убедительностью раскрыта писателем в его романе «Конформист», написанном вскоре после окончания второй мировой войны. Герой книги «приспосабливается» уже не только к среде и ее моральным нормам, но и к политическому строю фашизма, к его аппарату подавления и угнетения, непосредственным слугой которого он становится вследствие душевного холода и нравственной неразборчивости. Тут надо бы по справедливости добавить: и вследствие сексуальной неполноценности героя, поскольку в этот период Моравиа все более подчиняется фрейдистской теории о всесильности полового начала. Однако, несмотря на этот перекосяк, общность социально-психологического происхождения «конформиста» и героев «Равнодушных» несомненна. К такой концепции писателя, несомненно, подвели сами исторические события: Соппротивление, бескомпромиссная борьба против фашизма — борьба, в которой активное участие приняла итальянская интеллигенция, нашедшая в этой борьбе духовное спасение, выход из равнодушия.

Итак, развязкой романа «Равнодушные» был крах попыток изменить жизнь, примирение с бесцельным существованием, откровенное приспособленчество. Результатом такой жизни для обоих героев будет неудовлетворенность, отчуждение и тоска, приступы которой и Карла и Микеле уже испытывали. Это — безысходность и горечь, духовное отупение и бесчувственность, механическое прозябание. Так уже на страницах первого романа Моравиа возникает одна из ведущих тем последующего творчества писателя — тема тоски или скуки. Она достигает своего апогея в нескольких послевоенных произведениях, прежде всего в романе 1960 года, который так и называется — «Скука». Роман этот имеет принципиальное значение для нынешнего периода творчества Моравиа, и итальянская критика рассматривает его опять-таки в сопоставлении с «Равнодушными».

Процесс морального распада, всеубивающего равнодушия, разъедавшего Микеле, теперь, в процветающем и бездуховном «обществе потребления» доходит до такой степени, что герой «Скуки», художник Дино утрачивает не только душевные порывы, но и способность художественно воспринимать и отображать окружающий мир, природу. Дино отчетливо сознает, что его «скука» порождена безраздельным господством денежных отношений, фетишем механической цивилизации, отнявшей у него первозданность ощущений. Нечто подобное испытывал и Микеле, который говорил, что чувствует себя «ограбленным материально и морально». Автор однажды говорит, что Микеле «хотел бы жить в честные времена, вознестись в сферу высоких чувств, но оставался пленником своего времени и этой недостойной жизни». Таким образом, связь между душевной опустошенностью и бесчестными временами Моравиа констатировал уже в конце 20-х годов, что доказывает его социальную зоркость. Одна эта фраза могла бы опровергнуть все попытки рассматривать новаторство Моравиа в этом романе только как мастерство формы.

Дино из «Скуки» уже не мечтает о «чистой любви», о «честных временах». Он ощущает себя пленником общественного уклада, которому не суждено измениться. Тоска Микеле содержала в себе попытку что-то изменить в себе самом. Скука Дино беспросветно холодна и безнадежна; она проникнута скепсисом, в ней нет места иллюзиям. Единственное отвлечение от этой скуки — секс, чисто физическое наслаждение, поскольку Дино считает духовное возрождение пустой иллюзией. Только тяжелая травма, полученная в автомобильной катастрофе, когда Дино подсознательно искал смерти, помогла художнику, вернувшемуся к жизни, вновь обрести способность увидеть за окном дерево в его материальной плоти и понадеяться на то, что он когда-нибудь сможет нарисовать его.

И, наконец, еще одна тема, идущая от «Равнодушных», занявшая в современном творчестве Моравиа значительное место. Уже Карла с ужасом и внутренним протестом ощущала себя вещью, которой распоряжаются другие. «Разве я вещь или дрессированный зверек?» — С возмущением говорит она брату, узнав, что он готов был продать ее Лео. Но попытка Карлы избрать новый путь в жизни обернулась лишь тем, что она продала сама себя, все же стала «вещью» Лео и будет влачить то же пустое и механическое существование, которое было уделом ее матери.

Эта тема «овеществления» человека и автоматизации житейских будней буржуазного быта нашла выразительное воплощение в ряде новелл Моравиа, например, в сборниках «Автомат» и «Рай». Особенно интересно сопоставить с «Равнодушными» именно этот последний цикл рассказов, где перед читателем проходит вереница судеб современных итальянских женщин из богатой, обеспеченной среды. Все они «вещи», все — рабыни денег, фальшивых отношений, созданных этими же деньгами. Из их семей исчезли подлинные человеческие чувства, в домах царит ложь, обман, скука. Их мужья глупы, подлы, ленивы и развратны, их дети жестоки и равнодушны к родителям, с которыми не имеют и не желают иметь ничего общего. Сами эти женщины стали беспомощными и нервическими самками, они никудышные жены и матери, внешние обязанности которых они механически исполняют, или притворяются, что исполняют. Иными словами, вся их семейная жизнь развивается с теми или иными отклонениями по той же схеме, которую рисовала себе Карла, думая о браке с Лео.

Итак, все или почти все нити, движущие героями Моравиа, который любит называть их «куклами» или «марионетками», сходятся в «Равнодушных» в один узел. И ненависть Моравиа к этому миру, к этому психологическому типу, к бездуховному эгоизму не только не ослабела, но с годами приобрела бичующую силу сатиры, напоенной презрением и желчью. Он ничего не прощает равнодушным.

Но есть и оборотная сторона этой ненависти — сторона, которую мы не вправе не отметить. То чувство безысходности, которое ощущалось в произведении юноши, написавшего свою первую книгу в отравленной атмосфере фашизма, переросло у зрелого Моравиа в социальный скепсис, в неверие в возможности современного человека позитивно преобразовать общество и себя самого. Фатализм Моравиа нашел в 30-е годы опору в теории Фрейда, которую он постепенно абсолютизировал как философию человеческого существования, расценивая сексуальное начало в человеке как определяющий фактор его личного и общественного поведения.

В годы послевоенного общедемократического подъема этот скепсис и фатализм был потеснен в творчестве Моравиа более жизнеутверждающими мотивами. Данью Сопrotивлению явился его роман «Чочарка» (1947), где знаменателен образ убитого гитлеровцами антифашиста, интеллигента Микеле (совпадение имен вряд ли случайно). В цикле «Римских рассказов» (1954), написанных под очевидным воздействием эстетики неореализма, появились новые для Моравиа герои — люди из народа, бедняки, труженики, чьи чаяния и стремления, как небо от земли, далеки от равнодушия.

Но когда затем Моравиа снова вернулся к прежнему кругу своих героев — к интеллигентам и к персонажам, для которых, как он однажды выразился, «единственной заботой является их брюхо», то искажение этических норм и человеческих отношений, обусловленное современным буржуазным укладом, некоммуникабельность, аморализм, отчуждение и равнодушие снова представились художнику как нечто неодолимое. Фрейдистские мотивы, пропитывающие последние его романы, ощутимо ослабляют реалистическую убедительность, присущую мастерству Альберто Моравиа. Скептическое отношение к историческому прогрессу, явное нежелание увязать этические проблемы с перспективами революционного процесса современности сужает поле наблюдений писателя, мешает ему видеть других героев, страстных, гневных и настойчивых, которые, разделяя его ненависть к бездушию и приспособленчеству, сейчас борются за уничтожение системы, порождающей мир равнодушных, против которых сам писатель всю жизнь боролся своим пером,

Злата Михайловна Потапова

РАВНОДУШНЫЕ

I

Вошла Карла. Она была в шерстяном коричневом платье, таком коротком, что стоило ей потянуться, чтобы закрыть дверь, как стали видны резинки чулок. Но она этого даже не почувствовала и осторожно, неуверенно, глядя прямо перед собой, направилась к столику, покачивая бедрами. В полутемной мрачной гостиной горела только одна лампа, освещавшая колени Лео, который удобно устроился на диване.

— Мама одевается, — сказала Карла, подойдя поближе. — Она спустится немного позже.

— Подождем ее вместе, — сказал Лео, наклонившись вперед. — Иди сюда, Карла, садись рядом.

Но Карла словно не слышала. Она стояла у столика с лампой и, не сводя глаз с отбрасываемого абажуром круга света, в котором рельефно выделялись, сверкая всеми красками, безделушки и флакончики, тыкала пальцем в голову фарфорового китайского

ослика. Ослик вез тяжелую поклажу: между двух корзин восседал толстый крестьянин в запахнутом на животе цветастом кимоно — эдакий деревенский Будда. Голова ослика раскачивалась вниз и вверх, и Карла, опустив глаза и сжав губы, казалось, вся сосредоточилась на этой детской забаве.

— Останешься с нами ужинать? — спросила она наконец, не подымая головы.

— Конечно, — ответил Лео и закурил сигарету. — Тебе это неприятно?

Откинувшись на спинку дивана, он с жадностью разглядывал девушку: полные икры, втянутый живот, темную ложбинку между большими грудями, узкие запястья слабых рук и круглую голову, непомерно большую для тонкой шеи.

«Какая аппетитная девочка! — подумал он. — Какая аппетитная!» Вожделение, точно дремавшее до времени, пробудилось в нем — кровь прилила к щекам, он готов был закричать от страстного желания. Карла снова качнула голову ослика.

— Ты заметил, как нервничала мама за чаем? Все только на нас и смотрели.

— Это ее дело, — сказал Лео. Он наклонился и будто невзначай приподнял край ее платья. — Знаешь, Карла, а ведь у тебя красивые ноги, — сказал он и попытался изобразить на лице некое подобие улыбки, но ничего не получилось. Лицо оставалось глупым и фальшивым. Карла нимало не смутилась, а лишь молча одернула подол.

— Мама без конца тебя ревнует, — сказала она, взглянув на Лео. — Из-за этого жизнь в доме стала просто невыносимой.

Лео пожал плечами, словно желая сказать: «Я-то что могу поделаться». Он вновь откинулся на спинку дивана и положил ногу на ногу.

— Последуй моему примеру, — флегматично сказал он. — Едва начинается буря, я умолкаю. Потом буря стихает, и все кончается миром.

— Для тебя, — глухим голосом проговорила Карла, так, точно слова Лео зажгли в ней давнюю, слепую ярость. — Для тебя кончается миром... А для нас с Микеле... для меня? — дрожащими губами повторила она, прижимая руку к груди. — Я живу с ней, и для меня ничего не кончается. — Глаза ее гневно блестели. На миг она умолкла. Затем досадливо продолжала тем же тихим, дрожащим от обиды голосом, словно иностранка, растягивая слова. — Если б ты знал, как меня угнетает эта жалкая, серая жизнь! И так день за днем, день за днем!

Ей показалось, что из погруженной в полутьму гостиной прихлынула к груди волна безнадежного отчаянья, черная, без единой светлой полоски пены, и тут же исчезла. Карла осталась стоять у столика, устремив взгляд в пустоту и задыхаясь от бессильной обиды.

Они посмотрели друг на друга. «Ого, — подумал Лео, слегка растерявшись от этой вспышки ярости, — дело принимает серьезный оборот». Он протянул ей коробку сигарет.

— Хочешь? — ласково предложил он. Карла взяла сигарету, закурила и шагнула к нему, вся окутанная дымом.

— Значит, — сказал он, взглянув на нее снизу вверх, — тебе совсем неважно?

Она кивнула, немного смутившись оттого, что разговор стал слишком доверительным.

— Тогда, — протянул он, — знаешь, что делают, если становится неважно? Меняют свою жизнь.

— В конце концов так я и сделаю, — решительно сказала она, но ей самой показалось, будто она разыгрывает жалкую комедию.

«Неужели отчаянье рано или поздно приведет меня в объятия этого человека?» Она взглянула на Лео — не хуже и не лучше других, скорее даже лучше. Есть что-то роковое в том, что он десять лет ждал, пока она созреет, и вот теперь, в этой темной гостиной, пытается ее соблазнить.

— Измени свою жизнь, — повторил он. — Сойдись со мной.

Она покачала головой.

— Ты с ума сошел!

— Вовсе нет!

Он чуть нагнулся и схватил ее за подол платья.

— Бросим твою мамочку. Пошлем ее ко всем чертям. У тебя будет все, что ты пожелаешь, Карла. — Он тянул ее за платье, его горячий взгляд метался с растерянного, испуганного лица девушки на обнажившуюся из-под юбки полоску белой кожи.

«Увезти к себе домой и там овладеть ею». У него перехватило дыхание.

— Все, что пожелаешь... Платья, много платьев. Мы отправимся путешествовать... вместе... Такая красивая девушка, и должна жить в нужде?! Где же тут справедливость?! Сойдись со мной, Карла.

— Но это невозможно, — лепетала она, безуспешно пытаясь высвободить край платья. — Мама... Нет, невозможно.

— Бросим ее, — повторил Лео, обняв Карлу за талию. — Пошлем ее к дьяволу, хватит ей командовать... Ты переедешь ко мне, слышишь? Будешь жить со мной, с твоим настоящим другом, единственным, кто тебя понимает и знает, о чем ты мечтаешь.

Он крепче прижал ее к себе, хоть она и отбивалась испуганно. Точно молнии в грозовом небе, вспыхивали похотливые мысли. «Завлечь бы ее к себе, там бы я ей показал, о чем она мечтает».

Он взглянул на ее растерянное лицо и, чтобы окончательно убедить ее, прошептал как можно нежнее:

— Карла, любовь моя...

Она снова попыталась оттолкнуть его, но уже менее решительно, чем прежде, почти покоряясь неизбежному. Да и почему она должна его отвергнуть? Ведь этот добродетельный поступок опять отдал бы ее во власть скуки, вызывающих отвращение условностей и жалких привычек. К тому же из-за страсти к самоуничтожению ей вдруг показалось, что это почти семейное любовное приключение будет единственным эпилогом, достойным ее прежней жизни. И потом, это хоть как-то изменит ее жизнь и ее самое. Она смотрела на лицо Лео, жадно тянувшегося к ней. «Покончить со всем разом, — подумала она, — погубить себя», — и наклонила голову, точно готовясь броситься в омут.

— Оставь меня, — умоляюще прошептала она и снова попыталась высвободиться. У нее мелькнула мысль: «Сначала отвергну его, потом уступлю». Хотя и сама толком не знала, для чего ей это. Возможно, чтобы у нее осталось время обдумать, какие опасности ее подстерегают, а может, просто из запоздалой стыдливости. Однако она напрасно старалась разжать его руки. Нетвердым, тихим, жалобным голосом она торопливо повторяла:

— Останемся добрыми друзьями, Лео. Добрыми друзьями, как прежде.

Но из-под задранного платья виднелась голая нога, и во всех робких попытках одернуть юбку и высвободиться, в мольбах, обращенных к Лео, страстно сжимавшему ее в объятиях, было столько испуга, растерянности, покорности, что ее бы уже не спасло никакое притворство.

— Самыми добрыми, — с радостью повторял Лео, комкая в кулаке подол шерстяного платья. — Самыми добрыми, Карла...

Близость столь желанного тела пробудила в нем бешеное вожделение.

«Уж теперь ты будешь моей», — думал он, до боли стискивая зубы и торопливо подвигаясь, чтобы освободить ей место рядом, на диване. Ему уже удалось пригнать к себе голову Карлы, как вдруг дребезжание стеклянной двери в глубине гостиной предупредило его, что кто-то идет.

Это была мать Карлы. И с Лео мгновенно произошло невероятное превращение. Откинувшись на спинку дивана и скрестив ноги, он устремил на девушку равнодушный взгляд. В своем притворстве он зашел так далеко, что даже рискнул сказать тоном человека, дающего напоследок важный совет:

— Поверь, Карла, ничего другого не остается.

Мать Карлы хотя не переделалась, но причесала волосы, густо напудрилась и накрашила губы. Осторожно ступая, она от дверей направилась прямо к ним: в полутьме ее застывшее, ярко накрашенное лицо казалось глупой и печальной маской.

— Долго меня ждали? — спросила она. — О чем вы беседовали?

Лео широким жестом показал на Карлу, неподвижно стоявшую посреди гостиной.

— Я сказал вашей дочери, что нам ничего другого не остается, как провести вечеру дома.

— Да, ничего другого, — с важным видом подтвердила мать Карлы, усаживаясь в кресло напротив любовника.

— В кино мы сегодня уже были, а в театре ставят вещи, которые мы не раз видели. Я бы не отказалась посмотреть «Шесть персонажей в поисках автора», но, откровенно говоря, неприлично идти на плебейский спектакль.

— И потом, ручаюсь, вы ничего не потеряете, если не пойдете, — заметил Лео.

— Ну, тут вы не правы, — томным голосом возразила мать Карлы, — у Пиранделло есть хорошие пьесы... Как называлась комедия, которую мы недавно смотрели?... Ах, да... «Лицо и маска». Мне она показалась забавной.

— Возможно, — ответил Лео, откинувшись на спинку дивана, — но я на его пьесах обычно испытываю смертельную скуку.

Он сунул оба больших пальца в карманы жилета и взглянул сначала на мать Карлы, затем на девушку.

Этот тяжелый, невыразительный взгляд Карла, стоявшая за креслом матери, восприняла как удар. Точно вдруг неслышно разбился прикрывавший ее стеклянный колпак, и она впервые увидела, какой давней, привычной и тоскливой была разыгрывающаяся перед ней сцена: мать, ее любовник, сидящие друг против друга и занятые пустой беседой, эта тень, эта лампа, эти глупые, застывшие лица и она сама, вежливо принимающая участие в праздной болтовне. «Жизнь не меняется, — подумала она, — и не желает меняться». Ей хотелось кричать. Она опустила руки и крепко, до боли сжала их в запястьях.

— Можно провести вечер дома, — продолжала мать Карлы, — тем более что все остальные дни недели у нас строго расписаны... Завтра — чай с танцами в пользу сирот... послезавтра — бал-маскарад в «Гранд-отеле»... На все оставшиеся дни мы приглашены к друзьям... Знаешь, Карла... я видела сегодня синьору Риччи... Она до того постарела... Я рассмотрела ее лицо... Две глубокие морщины тянутся от глаз до самого рта... а волосы стали какого-то невообразимого цвета... Просто ужас!

Она скорчила гримасу отвращения и махнула рукой.

— Ужас не в этом, — сказала Карла, подойдя к дивану и садясь рядом с Лео. Ее томило горькое предчувствие, она предвидела, что хотя и запутанным, окольным путем, но мать своего добьется — устроит любовнику сцену ревности. Она не знала, когда и каким образом, но была уверена в этом так же твердо, как в том, что завтра утром взойдет солнце, а затем настанет ночь. Собственная проницательность пугала ее. «Спасения нет — все неизменно, и все подчиняется пошлему року».

— Риччи наговорила всякой чепухи, — продолжала между тем мать Карлы, — сообщила, что они продали старую машину и купили новую... «фиат». «Знаете, — заявила эта особа, — мой муж стал правой рукой Пальони, ну, директора Национального банка... Пальони не может без него обойтись, он хочет сделать мужа своим компаньоном». Пальони здесь, Пальони там... Какая низость!

— Почему низость? — заметил Лео, посмотрев на любовницу из-под прищуренных век. — Что во всем этом низкого?

— А вам известно, — сказала Мариаграция, пристально глядя на Лео, словно призывая его хорошенько обдумать каждое ее слово, — что Пальони — друг Риччи?

— Это всем известно, — ответил Лео и припухшими глазами тяжело уставился на Карлу, безропотно смирившуюся со своей участью.

— И вам известно также, — отчеканивая каждый слог, продолжала Мариаграция, — что до знакомства с Пальони у этих Риччи не было ни гроша?... А теперь у них — своя машина!

Лео пожал плечами.

— А, вот вы о чем! — воскликнул он. — Не вижу тут большого греха. Бедные люди,

устраиваются как могут.

Этим он словно поджег фитиль мины.

— Ах, так! — с насмешливой улыбкой сказала Мариаграция. — Вы оправдываете эту бесчестную женщину. Была бы еще красива, а то — кожа да кости, — женщину, которая беззастенчиво обирает друга, заставляет его покупать машину и дорогие платья, да еще умудряется устраивать карьеру мужа — не поймешь, то ли он дурак, то ли разыгрывает из себя дурака... Где же ваши принципы, Лео? Чудесно, просто чудесно!.. Тогда мне нечего больше сказать... Все ясно... Вам нравятся именно такие женщины.

«Начинается», — подумала Карла, вздрогнув от нестерпимой досады. Она прикрыла глаза и откинула голову назад — подальше от света лампы, от всех этих разговоров.

Лео засмеялся.

— Нет, откровенно говоря, мне нравятся другие женщины... — Он бросил быстрый, жадный взгляд на сидевшую рядом Карлу. «Вот какие женщины мне нравятся», — хотелось ему крикнуть любовнице.

— Это вы сейчас так говорите, — не сдавалась Мариаграция, — сейчас так говорите... А сами... когда встречаетесь с ней... к примеру, вчера в доме Сидоли, рассыпаетесь в комплиментах... И вдобавок глупых... Перестаньте, я вас знаю... Хотите, я вам скажу, кто вы такой? Вы — лгун.

«Начинается», — повторила про себя Карла. Как бы дальше ни протекал этот разговор, она уже знала, что привычная, тоскливая жизнь не изменится. А это — самое страшное. Она встала.

— Пойду надену жакет и сразу вернусь. — И, не оборачиваясь, чувствуя, как взгляд Лео, точно пиявка, впился ей в спину, вышла. В коридоре она встретила с Микеле.

— Лео в гостиной? — спросил он.

Карла посмотрела на брата.

— Да.

— Я только что от секретаря Лео, — спокойно сказал Микеле. — Услышал от него тьму любопытных новостей; но самая любопытная — что мы разорены.

— Как это понимать? — в замешательстве спросила Карла.

— Как понимать? — повторил Микеле. — А так, что нам придется в счет долга отдать Лео виллу и без гроша в кармане отправиться куда глаза глядят.

Они посмотрели друг на друга. Микеле улыбнулся вымученной улыбкой.

— Почему ты улыбаешься? — сказала Карла. — По-твоему, есть от чего улыбаться?

— Почему? — переспросил он. — Да потому, что мне это безразлично... вернее, даже приятно.

— Неправда.

— Нет, правда, — сказал он и, не добавив больше ни слова, пошел в гостиную. Карла осталась одна, растерянная и немного испуганная.

Мариаграция и Лео все еще пререкались. Микеле уловил сердитое «ты», которое при его появлении мгновенно сменилось вежливым «вы», и усмехнулся с презрительной жалостью.

— Кажется, пора ужинать, — обратился он к матери, даже не поздоровавшись с Лео и не взглянув на него.

Но столь явное недружелюбие не смутило Лео.

— Кого я вижу! — воскликнул он с обычной приветливостью. — Садись сюда, Микеле... Мы так давно не виделись!..

— Всего два дня! — сказал Микеле, смерив его взглядом. Он старался быть язвительно-холодным, хотя в глубине души не испытывал ничего, кроме равнодушия. Хотел было добавить: «Чем реже, тем лучше», — но не нашелся вовремя, да и звучало бы это не очень искренне.

— Разве два дня это мало?! — воскликнул Лео. — За два дня можно много чего натворить.

Он наклонился к лампе, и его широкое, самодовольное лицо расплылось от восторга.

— О, какой у тебя красивый костюм! Кто его тебе шил?

Костюм был синий, хорошего покроя, но далеко не новый. Лео наверняка видел его не раз, но он так искусно польстил тщеславию Микеле, что тот сразу же забыл о своем намерении выказать Лео неприязнь и оскорбительную холодность.

— Ты находишь? — спросил Микеле, не сумев сдержать довольной улыбки. — Костюм старый, я его давно ношу. Знаешь, его шил Нино. — И, повернувшись, чтобы продемонстрировать Лео покрой спины, машинально оттянул борты пиджака, чтобы он лучше облегал фигуру. В венецианском зеркале, висевшем на противоположной стене, он увидел свое отражение. Да, покрой, несомненно, был великолепен, но Микеле вдруг показалось, что сам он выглядит нелепо и смешно и похож сейчас на расфранченные манекены с ярлычком цен на груди, неподвижно и тупо глядящие на прохожих с витрин больших магазинов. Ему стало не по себе.

А Лео рассыпался в похвалах.

— Хороший... очень хороший костюм.

Он наклонился и пощупал ткань, затем выпрямился и сказал, похлопав молодого человека по плечу:

— Наш Микеле — молодец. Всегда безукоризненно одет. Только и делает, что беззаботно веселится. — По тону и по ехидной усмешке Микеле лишь теперь догадался, что Лео ловко польстил ему, чтобы издевка вышла еще более злой. Но куда делся весь его гнев, который он еще так недавно испытывал к своему врагу? Растаял, как снег на солнце. Глубоко уязвленный собственным малодушием, он с досадой взглянул на мать.

— Как жаль, что сегодня тебя не было с нами! — сказала Мариаграция. — Мы посмотрели чудесный фильм.

— Неужели? — воскликнул он. И, повернувшись к Лео, самым сухим и едким тоном, на какой только был способен, проговорил:

— Я был у твоего секретаря, Лео.

Но Лео прервал его резким взмахом руки.

— Не сейчас... Я понял... Поговорим об этом позже... После ужина... Все мое время...

— Как хочешь, — с неожиданной покорностью согласился Микеле, в то же мгновение сообразив, что его снова обвели вокруг пальца. «Я должен был сказать „нет“ сразу. Так на моем месте поступил бы любой другой, — подумал он. — Надо поссориться с Лео, оскорбить его». От ярости он готов был кричать. Действительно, за каких-то несколько минут Лео дважды сыграл на двух его слабостях — тщеславии и равнодушии. Оба, и мать, и ее любовник, поднялись.

— Я проголодался, — сказал Лео, застегивая пиджак. — Как же я проголодался!

Мариаграция засмеялась. Микеле невольно пошел за ними. «Ну ничего, зато уж после ужина я с тобой рассчитаюсь», — подумал он, напрасно стараясь разжечь в себе гнев.

У дверей гостиной все остановились.

— Прошу, — сказал Лео и пропустил Мариаграфию вперед. Они остались в гостиной одни. Взглянули друг на друга.

— Проходи, пожалуйста, проходи, — настойчиво повторил Лео, положив руку на плечо Микеле. — Дорогу хозяину дома. — И отеческим жестом, с преувеличенно любезной улыбкой, в которой явно сквозила насмешка, легонько подтолкнул Микеле.

«Хозяину дома, — без всякой злобы повторил про себя Микеле. — Неплохо бы ему ответить в тон: истинный хозяин дома — ты». Но ничего не сказал и вслед за матерью вышел в коридор.

II

Трехрожковая люстра отбрасывала на гладкую поверхность стола три тонких и острых

как лезвия луча, в которых сверкали и переливались графины, бокалы, тарелки. На столе, белом словно мрамор, темными пятнами выделялись: вино — красное, хлеб — коричневое, дымящийся в кастрюле суп — зеленое. Но мрамор в своей ослепительной белизне подавлял эти цвета и один торжествовал в четырех стенах столовой. На его фоне и мебель и картины, казалось, сливались в сплошную черную тень.

Карла уже сидела на своем привычном месте и, задумчиво глядя на дымящийся суп, спокойно ждала. Первой вошла Мариаграция и, повернув голову к Лео, который шел чуть сзади, горячо, с сарказмом изрекла:

— Живут не для того, чтобы есть, а едят для того, чтобы жить... Вы же поступаете наоборот... Счастливы вы, Лео, человек!

— Да нет же, вовсе нет! — возразил Лео и, подойдя к стене, заранее готовый к худшему, потрогал батарею парового отопления. Она была чуть теплой. — Вы меня не так поняли... Я хотел сказать, что, когда делаешь одно, — нельзя думать о другом... К примеру, работая, я думаю только о работе... Когда ем, думаю лишь о еде... И так во всем... Тогда все складывается как нельзя лучше.

— «А когда крадешь?» — хотел спросить у него Микеле, шедший последним. Но он был не в силах ненавидеть этого человека, которому невольно завидовал. «В сущности, Лео прав, — подумал он, садясь на место. — Я слишком много рассуждаю».

— Счастливы вы человек, — повторила Мариаграция с насмешкой. — А вот у меня все складывается плохо. — Она села и с видом оскорбленной добродетели стала помешивать суп, чтобы тот поскорее остыл.

— Почему плохо? — спросил Лео, тоже садясь за стол. — Я бы на вашем месте чувствовал себя счастливым: очаровательная дочь... умный, полный радужных, надежд сын... прекрасный дом... Что еще можно желать?!

— О Лео, вы отлично меня понимаете! — с легким вздохом сказала Мариаграция.

— Я, нет. Даже рискуя прослыть глупцом, честно признаюсь, что ничего не понимаю... — Лео, не торопясь доел суп и положил ложку. — Впрочем, вы все трое чем-то неудовлетворены... И не думайте, синьора, что только вы одна!.. Хотите доказательств?... Вот ты, Карла, скажи откровенно, ты довольна своей жизнью?

Карла подняла глаза: это показное, лживое добродушие было ей особенно неприятно. Как и во все прежние вечера, они снова за этим столом. Те же разговоры и те же вещи вокруг с незапамятных времен. А главное — неизменный свет, не оставляющий места ни иллюзиям, ни надеждам, примелькавшийся, опостылевший, как поношенный костюм, неотделимый от всех этих лиц. Иногда, когда она зажигала лампу, у нее появлялось ощущение, будто лица всех четырех: матери, брата, Лео и ее самой, точно застыли в этом жалком свете. Все они — живое олицетворение скуки. А тут еще Лео затронул самое болезненное место. Но она сдержала себя.

— Да, могла бы быть получше, — признала она и снова опустила голову.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Лео. — Я же говорил... И Карла недовольна... Но это еще не все... Я уверен, что и Микеле... Признайся, Микеле, у тебя ведь тоже все складывается плохо?!

Прежде чем ответить, Микеле посмотрел на него. «Сейчас самое время, — подумал он, — ответить этому типу, как подобает, оскорбить его, затеять спор и наконец-то поспорить с ним». Но у него не хватило духу. Он молчал и саркастически усмехался; а в душе его не было ничего, кроме равнодушия.

— И не надоело тебе притворяться? — спокойно сказал он. — Ты лучше меня знаешь, как обстоят дела.

— Э, нет, хитрюга! — вскричал Лео. — Хитришь, Микеле... уходишь от прямого ответа... Юлишь. Но всем и так ясно, что ты недоволен. Иначе бы у тебя не было такого постного лица. — Он взял кусок мяса с блюда, которое протягивала ему служанка. — А вот я, господа, заявляю, что у меня все идет хорошо, даже очень хорошо, и что я весьма рад и доволен. И доведись мне вновь родиться, на свет, я хотел бы родиться точно таким же и

носить то же имя: Лео Мерумечи.

— Счастливый человек! — с иронией воскликнул Микеле. — Открой хоть, как это тебе удастся всегда быть всем довольным?!

— Как? — повторил Лео, не переставая жевать. — А вот так вот — удастся. Но дело не в этом. Хотите знать, чем вы трое отличаетесь от меня? — продолжал он, наливая себе вина. — Чем? Да тем, что вы принимаете близко к сердцу всякий пустяк!

Он умолк, отпил вино. На минуту в столовой воцарилось молчание; все трое, Микеле, Карла и Мариаграция, почувствовали себя глубоко уязвленными. Микеле увидел себя таким, какой он есть, ничтожным, равнодушным, изверившимся, и подумал: «Хотел бы я посмотреть, что бы он делал на моем месте!» Карла вспомнила о жизни, которая никак не меняется, о грубых ухаживаниях этого человека, и ей захотелось крикнуть: «У меня предостаточно причин быть недовольной!» Но за них ответила Мариаграция, самая порывистая и непосредственная из всех.

Она была о себе очень высокого мнения, и когда Лео обвинил ее заодно с сыном и дочерью в неумении наслаждаться жизнью, это показалось ей настоящим предательством, — любовник не только хочет ее оставить, но еще и насмехается над ней.

— Допустим, — помолчав, сказала она сердитым, ворчливым голосом человека, готового затеять ссору. — Но у меня, дорогой мой, есть серьезные причины быть недовольной.

— В этом я не сомневаюсь, — невозмутимо ответил Лео.

— Мы тоже, — подтвердил Микеле.

— Не в пример Карле, я уже не ребенок, — едко, мрачным тоном продолжала Мариаграция. — Я многое повидала на своем веку и пережила много горя. Увы, очень много горя, — зло повторила она. — На мою долю выпало немало бед и трудностей. Несмотря на это, я сумела сохранить достоинство и всегда оставалась выше и порядочнее других. Да, мой дорогой Мерумечи, — с горечью воскликнула она, — выше всех, включая и вас!..

— Я вовсе не собирался... — начал было Лео.

Теперь все поняли, что Мариаграция в своей ревности уже не остановится на полпути. И с тоской и отвращением почувствовали, что спокойный ужин при мирном свете лампы закончится постыдной, бурной сценой.

— Вы, мой дорогой Мерумечи, — прервала любовника Мариаграция, глядя ему в лицо широко раскрытыми глазами, — только что проявили непростительное легкомыслие... Я не принадлежу к числу ваших модных и бесстыдных приятельниц, которые думают только о развлечениях и деньгах, — сегодня один любовник, завтра — другой, лишь бы повеселиться... О нет, вы ошибаетесь... я отнюдь не похожа на этих синьор!

— Мне и в голову не приходило, что...

— Я принадлежу к тем женщинам, — все больше распаляясь, продолжала Мариаграция, — которые могли бы кое-чему научить вас и вам подобных. Но из чувства редкой в наши дни деликатности, а может, даже по недомыслию, я никогда себя не выпячиваю, не говорю о себе и потому остаюсь непонятой и нецененной, по достоинству... Однако, если я слишком добра, скромна и великодушна, это еще не значит, что кому-либо позволено оскорблять меня при всяком удобном случае... — Она в последний раз пронзила любовника гневным взглядом, опустила глаза и принялась меланхолично переключивать лежавшие перед ней вилки и ложки:

На лицах у всех остальных отразилось величайшее уныние.

— У меня и в мыслях не было оскорбить вас, — миролюбиво ответил Лео. — Да и что я такого сказал?! Что из всех четверых я один доволен жизнью.

— О, вполне понятно! — с явным намеком сказала Мариаграция! — У вас нет причин быть ею недовольным.

— Послушай, мама, — вмешалась в разговор Карла, — он не сказал ничего обидного.

Карлой овладело отчаянье. «Покончить со всем, — думала она, глядя на перезрелую и по-детски обидчивую мать, которая, опустив голову, казалось, пережевывала свою

ревность. — Покончить со всем этим, любой ценой изменить жизнь». В голову приходили самые нелепые идеи — уйти из дому, раствориться в лабиринте улиц. На память пришли вкрадчивые слова Лео: «Тебе нужен такой человек, как я». Это будет настоящим концом всего.

И концом ее долготерпения. «Он или другой, не все ли равно», — подумала она. Она перевела взгляд с матери на лицо Лео. Вот они, неизменные лица спутников ее жизни: упрямые, тупые, неспособные понять ее порывы. Она опустила глаза и уставилась в тарелку, где остывший соус уже подернулся пленкой.

— А ты вообще помолчи, — приказала мать Карле. — Тебе этого не понять.

— Уважаемая синьора! — протестующе воскликнул Лео. — Я тоже ничего не понял.

— Вы, — хмуря брови, многозначительно сказала Мариаграция, — отлично меня поняли.

— Возможно, — пожав плечами, ответил Лео. — Но...

— Молчите!.. Ни слова больше! — прервала его Мариаграция. — Для вас самое лучшее тоже помолчать. На вашем месте я была бы тише воды, ниже травы.

В столовой стало совсем тихо.

Вошла служанка и быстро убрала посуду.

«Ну, кажется, буря миновала, и скоро проглянет солнце», — подумал Микеле, видя, как постепенно проясняется лицо матери. Он поднял голову и без тени улыбки спросил:

— Итак, инцидент исчерпан?

— Безусловно, — подтвердил Лео. — Мы с твоей матерью помирились. Разве мы с вами не помирились, синьора?

На крашеном лице Мариаграции мелькнула слабая улыбка, — она отлично знала этот вкрадчивый голос еще с тех лучших времен, когда была молода, а любовник был ей верен.

— Вы думаете, Мерумечи, — сказала она, кокетливо поглядев на свои холеные руки, — что так легко — взять и простить?

Сцена становилась явно сентиментальной. Карла задрожала от обиды и опустила глаза, Микеле презрительно усмехнулся.

«Все ясно. Мир заключен. Обнимитесь, и не будем об этом больше вспоминать».

— Прощать, — с шутовской важностью объявил Лео, — долг каждого доброго христианина. («Черт бы ее побрал, — подумал он. — Счастье еще, что дочь вполне заменяет мне мать».) Он, не повернув головы, украдкой бросил взгляд на Карлу: пухлые, красные губы, чувственна еще больше, чем мать.

Она, конечно же, готова ему отжаться. После ужина можно попробовать — куй железо, пока горячо. Завтра будет поздно.

— Ну что ж, — сказала Мариаграция, — будем добрыми христианами и простим.

Не в силах больше сдерживать улыбки, она умиленно просияла, обнажив два ряда чересчур белых зубов. Все ее рыхлое тело заколыхалось.

— Кстати, — добавила она в порыве внезапной материнской любви, — мне приятно вам напомнить, что завтра — день рождения Карлы.

— Мама, теперь не принято отмечать день рождения, — сказала Карла, подняв голову.

— А мы его отметим, — ответила Мариаграция торжественным тоном. — А вы, Мерумечи, считайте себя приглашенным на утренний чай.

Лео привстал и поклонился.

— Весьма вам признателен, синьора. — Затем, обращаясь к девушке, спросил: — Сколько тебе исполнится, Карла?

Они посмотрели друг на друга. Мариаграция, сидевшая напротив дочери, подняла два пальца и еле слышно, одними губами, подсказала: «Двадцать». Карла расслышала, поняла и заколебалась. «Она хочет уменьшить мне годы, чтобы самой быть помоложе. Так нет же!»

— Двадцать четыре, — ответила она, не краснея. Лицо Мариаграции выразило разочарование.

— Такая старая? — с шутивным изумлением воскликнул Лео.

— Да, такая старая, — подтвердила Карла.

— Ты не должна была говорить, — упрекнула Мариаграция дочь. От горькой дольки неспелого апельсина, которую она сунула в рот, лицо ее стало еще более кислым. — Женщине всегда столько лет, на сколько она выглядит... А тебе на вид нельзя дать больше девятнадцати — двадцати.

Она проглотила последнюю дольку апельсина. Лео вынул портсигар и каждого угостил сигаретой. Над столом поплыли голубые облачка дыма. Какое-то время все четверо сидели неподвижно, в замешательстве поглядывая друг на друга. Наконец Мариаграция поднялась и сказала:

— Идемте в гостиную.

Все встали и один за другим вышли в коридор.

III

Короткий, но мучительный путь по коридору... Карла упорно смотрела в пол. Она со смутной тоской думала, что от этих каждодневных хождений рисунок старого ковра совсем истерся. И овальные настенные зеркала точно хранят отпечатки их лиц и фигур. Ведь много лет подряд они отражались в этих зеркалах — отражались всего на миг, но и этого ей и матери хватало, чтобы взглянуть, хорошо ли накрашены губы, а Микеле, чтобы проверить, как повязан галстук.

В этом коридоре привычка и скука вечно сидели в засаде и душили того, кто по нему проходил, а сами стены словно источали смертоносный яд. Все здесь с незапамятных времен было неизменным — ковер, свет ламп, зеркала, стеклянная дверь холла — слева, и темная лестничная площадка — справа. И вечно повторялось одно и то же, — Микеле останавливался, закуривал и дул на зажженную спичку, мать томно спрашивала у Лео: «У меня сегодня усталое лицо, правда?» Лео, не вынимая изо рта сигареты, равнодушно отвечал: «Нет, напротив, вы никогда еще не были так оживленны». Она всякий раз страдала от всего этого. Увы, в жизни ничего не менялось.

Они вошли в холодную полутемную гостиную, которую арка делила на две неравные части, и сели в углу, подальше от двери. Решетчатые окна были задрапированы бархатными гардинами. На стенах, на одинаковом расстоянии друг от друга висели бра, других светильников в гостиной не было. Три из них горели, слабо освещая меньшую половину гостиной, вторая половина за аркой была погружена во тьму, и с трудом можно было различить поблескивание зеркал и удлиненный силуэт рояля.

С минуту все четверо хранили молчание. Лео сосредоточенно курил. Мариаграция с печальным достоинством разглядывала свои лакированные ногти, Карла, нагнувшись, пыталась зажечь нижнее угловое бра, Микеле смотрел на Лео. Наконец угловое бра зажглось, Карла села, и Микеле сказал:

— Я был у секретаря Лео, и тот заморочил мне голову своей болтовней. Но суть дела вот в чем: насколько я понял, на этой неделе истекает срок закладной. Чтобы расплатиться с Мерумечи, нам придется продать виллу и самим убраться отсюда.

Мариаграция широко раскрыла глаза.

— Этот человек мелет всякую чепуху... Он поступает, как ему заблагорассудится... Я всегда говорила, что он настроен против нас.

— Этот человек сказал правду, — проронил Лео, уставившись в пол.

Все трое посмотрели на него.

— Но послушайте, Мерумечи! — молитвенно сложив руки, воскликнула Мариаграция. — Неужели вы хотите так вот взять и выгнать нас?... Продлите хотя бы срок выплаты...

— Продлевал уже дважды, — ответил Лео. — Хватит. Тем более, что виллу все равно придется продать.

— Как это, придется? — изумилась Мариаграция. Лео поднял наконец глаза и взглянул

на нее.

— Поймите же! Если вы не соберете хотя бы восемьсот тысяч лир, не вижу, как вам удастся погасить долг, не продав виллу.

Мариаграция вдруг осознала, что перед нею разверзлась пропасть. Она побледнела и умоляюще посмотрела на Лео, но тот сосредоточенно разглядывал сигарету и даже не считал нужным ее приободрить.

— Это означает, — сказала Карла, — что нам предстоит оставить виллу и перебраться в небольшую, скромную квартиру?

— Совершенно верно, — подтвердил Микеле.

Снова воцарилось молчание.

Теперь Мариагратию охватил самый настоящий ужас. До сих пор она и слышать не желала о бедняках и очень сердилась, когда о них упоминали. Она вообще не признавала, что существуют люди, жизнь которых проходит в невзгодах и тяжком труде. «Им живется много лучше, чем нам, — неизменно говорила она. — Мы — восприимчивее, тоньше и потому страдаем куда сильнее». И вот теперь ей придется смешаться с ними, пополнить ряды жалких неудачников. Подобное же чувство отвращения, страха и унижения она испытала, когда однажды очутилась в маленькой машине среди грозно орущей толпы оборванцев-забастовщиков. Еще больше, чем неизбежная нужда и лишения, ее пугала мысль о том, как к ней отнесутся и что будут говорить ее прежние знакомые, сплошь уважаемые, богатые, респектабельные люди. Это угнетало ее и жгло, как огнем. Она уже видела себя бедной, одинокой, без друзей, без развлечений: Не будет больше ни балов, ни праздников, ни светских застольных бесед при свете люстр. Ее и двух ее детей ждет полное забвение и беспросветное одиночество.

Она побледнела еще сильнее. «Я должна поговорить с Лео наедине, — думала она. — Без Карлы и без Микеле. Мои ласки убедят его, и он все поймет». Она посмотрела на Лео.

— Все-таки дайте мне отсрочку, Мерумечи, — искательно проговорила она. — А уж деньги мы как-нибудь раздобудем.

— Но как? — с легкой иронической улыбкой спросил Лео.

— Ну, возьмем ссуду в банке... — неуверенно проговорила Мариаграция.

Лео засмеялся.

— Ах, в банке! — Он наклонился к Мариаграфии. — Банки, — отчеканивая каждый слог, сказал он, — не дают ссуду без надежных гарантий. Особенно теперь, когда все нуждаются в наличных. Но допустим, они согласятся. Какую гарантию вы сможете им представить, уважаемая синьора?

«На его доводы трудно что-либо возразить», — подумал про себя Микеле.

Речь шла о его судьбе, он должен был бы возмутиться, затеять спор с этим наглым типом. «Ведь для нас это вопрос жизни или смерти, мы в любую минуту рискуем оказаться нищими, буквально без гроша в кармане». Но как он ни пытался взвинтить себя, предстоящее разорение оставляло его равнодушным. Словно он видел, как тонет чужой человек, смотрел и даже пальцем не хотел пошевелить.

Совсем иначе повела себя Мариаграция.

— Вы уж дайте нам отсрочку, — твердо сказала она, выпрямившись в кресле. — Можете не сомневаться, — точно в срок получите ваши деньги, все, до последнего центезимо.

Лео мягко улыбнулся и покачал головой.

— Я и не сомневаюсь. Но тогда зачем вам отсрочка?... Если вы найдете способ через год достать нужную сумму, то почему бы не прибегнуть к этому способу сейчас и не расплатиться сразу же?

Он наклонился к Мариаграфии. В его лице было столько спокойствия и уверенности, что она испугалась. Перевела растерянный взгляд с Лео на Микеле и затем на Карлу. «Значит, моих слабых, неопытных детей ждут тяжкие лишения?» Ее захлестнула волна неудержимой материнской любви.

— Послушайте, Мерумечи, — доверительным тоном сказала она. — Вы — друг семьи... с вами я могу быть совершенно откровенной... Речь идет не обо мне, не для себя прошу я об отсрочке, я готова жить даже на чердаке. — Она воздела очи к потолку. — Богом клянусь, я не о себе думаю. Но Карла уже на выданье... Вы знаете жизнь... В тот самый день, когда мы покинем виллу и переберемся на какую-нибудь грошовую квартиру, все отвернутся от нас... Так уж люди устроены... И тогда о замужестве дочери нечего будет и мечтать.

— Ваша дочь, — с притворным участием сказал Лео, — так красива, что на нее всегда найдутся претенденты.

Он посмотрел на Карлу и незаметно ей подмигнул. Карлу переполнял гнев, она с трудом сдерживалась.

«Кто захочет на мне жениться, — хотелось ей крикнуть матери, — когда в доме хозяйничает этот человек, а ты разорилась?!» Ее оскорбляла и унижала бесцеремонность, с какой мать, которая обычно совсем не заботилась о ней, теперь, в споре с Лео, прикрывалась ею как щитом. С этим надо покончить раз и навсегда. Она отдастся Лео, и тогда уже никто не возьмет ее в жены. Она посмотрела Мариаграции прямо в лицо.

— Обо мне, мама, не волнуйся, — твердо сказала она. — Я в этой истории мало что значу, и, пожалуйста, меня в нее не впутывайте.

И тут сидевший в углу Микеле рассмеялся горько, с наигранной веселостью. Мариаграция повернулась к нему.

— Знаешь, кто первым от нас отвернется, когда мы покинем виллу?! — воскликнул он с едким сарказмом, хотя в душе оставался совершенно равнодушным. — Догадываешься?

— Право, не знаю.

— Лео, наш Лео.

Лео протестующе взмахнул рукой.

— А, вы, Мерумечи! — в сильном волнении повторила Мариаграция и пристально посмотрела на любовника, словно желая прочесть на его лице, способен ли он на подобное предательство. Внезапно глаза ее блеснули, и она сказала, грустно усмехнувшись: — Ну конечно... Наверняка... А я-то, глупая, надеялась!.. Знаешь, Карла, — добавила она, обращаясь к дочери, — Микеле прав... Первым, кто сделает вид, будто вообще незнаком с нами, будет Мерумечи. Разумеется, не забыв вначале получить свои деньги... И не пытайтесь возражать, — продолжала она со злой улыбкой, — вы не виноваты, все мужчины таковы... Могу поклясться, что вы пройдете мимо с одной из ваших милых элегантных приятельниц, даже не удостоив меня взглядом. Отвернетесь... Да, да... дорогой мой, отвернетесь... Я готова повторить это под пытками. — Она умолкла на миг. — Ведь даже Христа, — с горькой покорностью судьбе заключила она, — предали его лучшие друзья.

Захлестнутый бурным потоком обвинений, Лео положил сигарету.

— Ты, — сказал он, обращаясь к Микеле, — мальчишка, и потому не стоит обращать на тебя внимания. Но как вы, синьора, могли подумать, что я из-за каких-то там денег способен бросить своих лучших друзей! От вас я ничего подобного не ожидал! — воскликнул он, повернувшись к Мариаграции. — Воистину не ожидал. — Он покачал головой и снова взял сигарету.

«Какой фарисей!» — с невольным восхищением подумал Микеле. Внезапно он вспомнил, что его ограбили, унизили, втоптали в грязь достоинство матери! «Нужно оскорбить этого наглеца, — подумал он, — устроить скандал». И он понял, что за вечер упустил, и безвозвратно, множество куда более благоприятных возможностей для ссоры. К примеру, когда Лео отказался дать им отсрочку.

— Не ожидал, да? — сказал он, откинувшись на спинку стула и скрестив ноги. И после мгновенного колебания добавил: — Ты негодай.

Все обернулись. Мариаграция изумленно посмотрела на сына. Лео медленно вынул изо рта сигарету.

— Что ты сказал?

— Я хотел сказать, — выдавил из себя Микеле, вцепившись в ручки кресла и не находя в своем равнодушии истинных причин, подвигнувших его на столь жестокое оскорбление, — что Лео... нас разорил... а теперь притворяется нашим другом... Хотя на самом деле никогда им не был...

В ответ — осуждающее молчание сестры и матери.

— Послушай, Микеле, — сказал наконец Лео, буравя его своими невыразительными глазами, — я еще раньше замечал, что тебе, не знаю уж почему, непременно хочется затеять со мной ссору... Сожалею, но тебе это не удастся. Будь ты мужчиной, я бы ответил тебе, как положено... Но ты безответственный мальчишка... Поэтому тебе лучше всего пойти и хорошенько выспаться. — Он умолк и снова сунул в рот сигарету. — Надо же такое придумать, — со злостью сказал он. — В тот самый момент, когда я хотел предложить вам более выгодные условия.

Снова воцарилась тишина.

— Мерумечи прав, — нарушила молчание Мариаграция. — Не он нас разорил... И потом, он всегда был нам другом... Почему же ты его так грубо оскорбил?

«Теперь ты же его и защищаешь!» — подумал Микеле. Ему противны были эти люди, да и сам он был себе противен. «Знали бы вы, насколько все это мне безразлично», — хотелось ему крикнуть в ответ. Взволнованная, дрожащая за свою судьбу мать, растерянная Карла, лицемер Лео, все они показались ему сейчас нелепыми марионетками. И все-таки он завидовал даже им, — ведь они жили реальной жизнью и всерьез воспринимали слово «негодяй», как оскорбление. А для него их жесты, слова и чувства были всего лишь бессмысленной игрой, притворством... Но он решил идти до конца.

— Все, что я сказал, — чистая правда, — без всякого внутреннего убеждения проговорил он. — И я...

Лео, возмущенный донельзя, брезгливо пожал плечами.

— Прошу тебя, не мели ерунды, — прервал он Микеле, с ожесточением стряхивая пепел. — Очень тебя прошу.

Мариаграция уже собралась прийти ему на помощь и завела свое обычное: «Ты глубоко ошибаешься, Микеле», — как вдруг дверь приоткрылась, и в просвете показалась белокурая женщина.

— Можно? — спросила она. Все обернулись на голос и на луч света, пробившийся сквозь полутьму.

— А, это ты, Лиза! — воскликнула Мариаграция. — Входи, входи.

Дверь растворилась, и Лиза вошла в гостиную. Длинное синее пальто мягко облегло ее немного грузное тело. Ноги у нее были тоненькие, как спички, тогда как плечи — округлые и полные, отчего украшенная серебристой шляпой-цилиндром голова, и без того маленькая, казалась просто крохотной. И хотя пальто было широкое, свободного покроя, грудь и полные бедра выпирали, впечатляя своими формами. Тем более удивительной была худоба ног с узенькими лодыжками, которые виднелись из-под широкого пальто.

— Я не помешала? — спросила Лиза, подходя поближе. — Час поздний... Но я ужинала тут неподалеку и не удержалась от искушения заглянуть к вам...

— Ну, что ты, что ты! — воскликнула Мариаграция. Она встала и пошла навстречу приятельнице. — Раздевайся, снимай пальто.

— Нет, нет! — сказала Лиза. — Посижу минутку и пойду... Хотя, пожалуй, расстегнусь... тут очень жарко...

Она расстегнула пояс, и стало видно, что на ней блестящее шелковое платье — голубые цветы на черном фоне. Она поздоровалась с Карлой: «Добрый вечер, Карла», — с Лео: «А, Мерумечи, вы, как всегда, уже тут!» — с Микеле: «Как поживаешь, Микеле?» — и села на диван рядом с Мариаграцией.

— Какое у тебя, Лиза, красивое платье! — воскликнула та, распахнув на приятельнице пальто. — Ну, что новенького?

— Увы, новостей никаких, — ответила Лиза, оглядываясь вокруг. — Но почему вы так

взволнованы? Можно подумать, что вы спорили, а я своим появлением помешала вам!

— Вовсе нет, — возразил Лео, загадочно поглядев сквозь клубы дыма на Лизу. — Напротив, все мы в самом благодушном настроении.

— Беседовали о разных пустяках, — сказала Мариаграция. Она взяла коробку сигарет и протянула приятельнице.

— Кури!

И тут, как всегда некстати, в разговор вмешался Микеле.

— Ты не ошиблась, — сказал он, слегка наклонив голову и пристально глядя на Лизу. — Мы спорили, и ты своим появлением прервала наш спор.

— Ах, вот как! — воскликнула Лиза, ехидно улыбаясь. И, не вставая с кресла, добавила: — Так я уйду, уйду!.. Весьма сожалею, что помешала вашему семейному совету.

— Ничуть не помешала, — возразила Мариаграция и с гримасой неодобрения бросила сыну: — Глупец!

— Я — глупец? — как эхо, повторил Микеле. «Поделом мне, — подумал он. — Конечно. Я и есть глупец... Только глупца могут волновать твои страхи и сомнения...» Он ощутил полнейшее безразличие и тоску. Обвел взглядом полутемную гостиную, лица сидевших рядом. Ему показалось, что Лео смотрит на него с насмешкой, на его пухлых губах змеилась издевательская улыбочка. Решительный, твердый мужчина наверняка сумел бы обидеться и затеять ссору... А он, Микеле, — нет. Он испытывал сейчас чувство превосходства, презирал и жалел этих людей... Но, увы, оставался равнодушным... Все-таки, вопреки своему желанию, он вновь попробовал возмутиться. «Я должен его оскорбить», — убеждал он себя.

Он взглянул на Лео.

— Хотел бы я знать, — глухим голосом спросил он, — чему ты улыбаешься?

— Я улыбаюсь?! — с притворным изумлением воскликнул Лео. — Клянусь, мне даже...

— И все же я хотел бы знать, — с трудом, повысив голос, повторил Микеле. Однажды в трамвае он был свидетелем ссоры между двумя синьорами, одинаково толстыми и надменными. Каждый из них, призвав вначале в свидетели пассажиров и грозно перечислив свое звание, высокое положение, фронтовые ранения, — словом, все, что могло впечатлить присутствующих, лишь затем, чтобы окончательно сокрушить врага, перешел на крик, после чего действительно расвирепел. Так и надо ссориться, так он и поступит.

— Не думай, что при Лизе я не решусь повторить свои слова... Повторяю... Ты негодяй!

Все уставились на него.

— Ну это уже слишком! — возмутилась Мариаграция. Лиза с любопытством смотрела на Микеле.

— Что случилось? — спросила она.

Лео не пошевелился и не подал виду, что оскорблен. Лишь громко, презрительно и зло расхохотался.

— Великолепно... просто великолепно!.. Уж и улыбнуться нельзя.

Внезапно он встал и, стукнув кулаком по столу, процедил:

— Шути, да знай меру. С меня довольно... Либо Микеле извинится, либо я уйду.

Все поняли, что дело принимает скверный оборот и что громовой хохот Лео был лишь предвестием бури.

— Мерумечи совершенно прав, — властным голосом сказала Мариаграция, сурово глядя на Микеле. Сейчас она не испытывала к сыну ничего, кроме неприязни, — больше всего она боялась, что любовник воспользуется благоприятным случаем и порвет с ней. — Твое поведение — отвратительно, и я требую, чтобы ты извинился перед Мерумечи.

— Но... Не понимаю?... Почему Мерумечи — негодяй? — изумлялась Лиза, явно желая подлить масла в огонь. Лишь Карла сидела неподвижно и молчала. Она испытывала

отвращение и тягостную дурноту и чувствовала, что жалкие, ничтожные события этого дня вот-вот переполнят чашу ее терпения. Прищуриив глаза, она с болью следила за тупыми, возбужденными лицами остальных.

— Ах, приказываешь! — не скрывая иронии, сказал Микеле. — А если я не подчинюсь?

— Тогда ты доставишь большое огорчение своей матери, — с театральным пафосом ответила Мариаграция.

Микеле молча глядел на нее. «Доставишь большое огорчение своей матери», — повторил он про себя, и фраза показалась ему хотя и выпендренной, но полной глубокого смысла. «Конечно, — с омерзением подумал он, — обидели Лео... ее любовника... И она сразу вспомнила про оскорбленное материнское достоинство». Но фраза оставалась прежней: «Ты доставишь большое огорчение своей матери», — отвратительной и неопровержимой. Он отвел взгляд от ее печального лица. И как-то сразу забыл о своем твердом решении быть честным и беспощадным. «В конце концов мне безразлично, — подумал он... — Почему бы и не извиниться и тем самым избавить ее от огорчения?» Он поднял голову. Нет, все равно он скажет правду, покажет им, до какой степени все это оставляет его равнодушным.

— Значит, вы думаете, — начал он, — что я не хочу извиниться перед Лео?... Если бы вы знали, как мне все надоело!

— Ничего не скажешь, приятные я слышу речи... — прервала его Мариаграция.

— Как мало это меня трогает, — разгорячившись, продолжал Микеле. — Вы даже не представляете себе!.. Словом, можешь не волноваться, мама... Если хочешь, я не только извинюсь, но и поцелую вашему Лео ноги.

— Ни за что не извиняйся, — подала голос Лиза, которая с величайшим вниманием следила за происходящим.

Все посмотрели на нее.

— Покорно тебя благодарю! — оскорбленным тоном воскликнула Мариаграция. — Как ты смеешь настраивать Микеле против собственной матери?!

— Никто его против тебя не настраивает, — невозмутимо ответила Лиза;- Но я считаю, что ему незачем извиняться...

Лео исподлобья взглянул на нее.

— Мне не доставляет ни малейшего удовольствия выслушивать оскорбления от какого-то мальчишки, — хмуро сказал он. — Я требую, чтобы Микеле извинился, и я жду.

— Не лучше ли все забыть и помириться? — сказала Карла, слегка наклонив свое по-детски наивное лицо.

— Нет, — возразила Мариаграция. — Мерумечи прав, Микеле должен извиниться.

Микеле встал.

— Не волнуйся, я извинюсь... Итак, Лео, — обратился он к любовнику матери, — прошу извинить меня за грубость... — На миг он умолк, пораженный тем, как легко произносит эти унижительные слова. — Я обещаю, что больше это не повторится, — спокойно закончил он с простодушием шестилетнего ребенка.

— Вот и отлично, — не глядя на него, сказал Лео.

«Болван», — хотелось крикнуть Микеле этому надутому, самодовольному типу. Больше всех была рада мнимому примирению Мариаграция.

— Мой Микеле — добрый, любящий сын! — с внезапной нежностью глядя на него, воскликнула она. — Микеле послушался своей мамочки.

И если Микеле, принося свои извинения Лео, не испытывал ни малейшего чувства унижения, то теперь щеки его обожгло стыдом. «Как можно быть такой недалекой!»

— Я сделал так, как вам хотелось, — резко сказал он. — А теперь позвольте сообщить, что я устал и хочу спать. — Он механически, словно кукла, повернулся и, не попрощавшись, вышел.

Проходя через холл, он почувствовал, что кто-то бежит за ним вдогонку. Он обернулся

— это была Лиза.

— Я специально пошла за тобой, — задыхаясь, проговорила она и взглянула на него странно горящими глазами, — чтобы сказать, что могу познакомить тебя с одним моим родственником... Он подыщет для тебя какую-нибудь работу... В своей фирме или в другом месте.

— Спасибо, — ответил Микеле, пристально глядя ей в глаза.

— Но тебе надо прийти ко мне... Там вы сможете встретиться, поговорить.

— Хорошо. — Чем сильнее волновалась Лиза, тем спокойнее и увереннее становился Микеле. — Когда?

— Завтра, — сказала Лиза. — Приходи завтра утром, пораньше... Он придет в полдень... Мы до тех пор успеем немного поболтать, верно?

Они снова посмотрели друг на друга.

— Зачем ты попросил прощения у Лео?! — внезапно воскликнула Лиза. — Ты не должен был этого делать! — горячо добавила она.

— Почему? — спросил Микеле. «Вот зачем ты за мной побежала», — подумал он.

— Причину так сразу не объяснишь. — Лиза вдруг заговорила тихо, таинственно. — И потом, здесь не место.

Они могут подумать, что мы тут... Но если ты придешь завтра, я все тебе расскажу.

— Хорошо, значит... до завтра...

И, пожав ей руку, стал подниматься по лестнице.

Лиза вернулась в гостиную. Карла, Лео и Мариаграция сидели в углу, возле лампы. Мариаграция, на которую падал яркий свет, говорила о Микеле.

— Видно было, — объясняла она любовнику, который, откинувшись на спинку кресла, слушал ее, не мигая, с мрачным выражением лица, — что ему тяжело дались эти извинения... Он не из тех, кто легко сдается. Он мальчик гордый... Душа у него гордая и чистая, как у меня, — с вызовом заключила она.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Лео, вскинув брови и пристально поглядев на Карлу. — Но в этот раз он хорошо сделал, что сдался.

Все трое умолкли, инцидент был исчерпан. И тут Лиза неслышными шагами подошла к Лео и невозмутимо спросила:

— Вы приехали на машине, Мерумечи?

Все трое обернулись к ней.

— На машине? — точно очнувшись ото сна, повторил Лео. — Конечно... Я приехал на машине,

— Вы не отвезете меня домой? — сказала Лиза. — Понятно, если вас это не затруднит.

— Ну, что вы, буду очень рад! Лео встал, застегнул пиджак.

— Идемте, я готов, — сказал он.

В душе он готов был послать ее ко всем чертям, — мало того, что у него ничего не вышло с Карлой, так еще придется везти эту дуру.

Но его спасла слепая ревность Мариаграции. Между ним и Лизой много лет назад был роман. Они даже собирались пожениться. Но затем появилась Мариаграция, недавно перед тем овдовевшая, и увела у своей лучшей подруги жениха. История, правда, давнишняя... «Вдруг этим двоим вздумается начать все сначала?» Мариаграция обернулась к Лизе.

— Нет, не уходи... Мне надо с тобой поговорить.

— Хорошо. — Лиза изобразила на лице замешательство. — Но тогда Мерумечи не сможет отвезти меня домой.

— О, насчет этого не беспокойтесь! Сейчас Лео и в самом деле был очень рад.

— Пока вы будете беседовать, я могу подождать в коридоре либо здесь... А Карла, — добавил он, посмотрев на девушку, — составит мне компанию.

Карла, тряхнув крупной головой, лениво поднялась и подошла к Лео. «Если я останусь с ним, — подумала она, — все будет кончено». Лео смотрел на нее с лукавой улыбкой, и эта улыбка заранее уверенного в успехе сообщника показалась ей отвратительной. Но какой

смысл сопротивляться? Ее мучило нетерпеливое желание разом покончить со всем. «Скорее бы все кончилось», — повторяла она про себя, глядя на темную гостиную, в которой столько страстных надежд сгорело, развеялось пеплом, на напыщенные, глупые лица всех троих, стоявших возле лампы. И у нее было такое ощущение, будто она бросается в бездну. И притом так же легко, как самоубийца — в лестничный пролет.

Поэтому она промолчала.

— Но вы, Мерумечи, не знаете, — возразила Мариаграция, — сколько времени я продержу Лизу... Идите, идите... А мы вызовем такси.

В голосе ее слышались мольба и ревность. Лео был вежлив, но неумолим...

— Ничего, я охотно подожду. Какая разница — минутой раньше, минутой позже.

Мариаграция поняла, что проиграла, что ей не удастся разъединить Лео и Лизу. «Все ясно... он хочет ее подождать, чтобы потом поехать к ней». Мысль об этом была невыносимой. Она побледнела и уже с нескрываемой ревностью воскликнула:

— Что ж... идите и ждите ее в холле!.. Я вам мигом верну вашу Лизу. Не волнуйтесь, я ее и минуты лишней не задержу.

Она гневно взмахнула рукой, ее дрожащие крашенные губы искривились в горькой, недоброй усмешке. Лео пристально посмотрел на нее, пожал плечами и, ничего не ответив, вышел в коридор. Карла пошла за ним.

В коридоре Лео, будто невзначай, обнял ее за талию. Карла ощутила прикосновение его руки, но устояла перед желанием высвободиться. «Это конец, конец моей прежней жизни», — подумала она. В блестящих в полутьме зеркалах отразились их, казалось, сплетенные воедино тела.

— Ты заметил, — громко сказала Карла, — мама ревнует тебя к Лизе.

В ответ Лео еще сильнее привлек ее к себе. Так, прижавшись друг к другу, они вошли в холл с высокими, светлыми стенами и выложенным плитками полом.

— Кто знает, — добавила она, стыдясь своего притворства, — может, мама и права.

Лео остановился и, не убирая руки, посмотрел ей в лицо.

— А между тем, — с глупой, самодовольной улыбкой, возбужденно сказал он. — Знаешь, к кому она должна бы ревновать? К тебе... Только к тебе.

«Теперь все», — подумала она.

— Ко мне... почему? — звенящим голосом спросила она.

Они посмотрели друг на друга...

— Придешь ко мне? — отечески ласково спросил Лео.

Карла опустила голову, не ответив ни да, ни нет. «Вот самый удобный момент», — подумал Лео. Он пригнул ее голову и уже хотел поцеловать, но тут звук голосов в коридоре предупредил его, что идет Мариаграция. Он чуть не задохнулся от ярости. Второй раз за день любовница появлялась в самую неподходящую минуту, словно задавшись целью ему досадить. «Черт бы ее побрал», — подумал он. Из коридора до них доносились голоса Мариаграции и Лизы. И хотя разговор обещал быть долгим, Карла встревожилась и попыталась освободиться.

— Пусти, мама идет.

Лео в бешенстве смотрел на дверь, не разжимая объятий. Его блуждающий, растерянный взгляд упал на портьеру в правой стороне холла. Он протянул руку и потушил свет.

— Идем, — прошептал он в темноте, пытаясь увлечь Карлу за портьеру. — Спрячемся, подшутим над Мариаграцией.

Карла, ничего не понимая, слабо сопротивлялась. Ее глаза странно блестели в темноте.

— Зачем, ну зачем, Лео? — повторяла она. Однако в конце концов уступила. Они спрятались за портьерой в дверном проеме. Лео снова обнял ее за талию.

— Сейчас увидишь, — прошептал он. Но Карла ничего не видела. Закрыв глаза, она неподвижно стояла за пыльной, слегка колыхавшейся портьерой и позволяла Лео гладить себя по щеке и по шее.

— Сейчас увидишь, — повторил Лео. Портьера заколыхалась, она почувствовала, что губы Лео приникли к ее груди, щекочуще скользнули по подбородку и припали к ее губам. Они быстро поцеловались. Голоса приближались, Лео вновь выпрямился.

— Вот они, — пробормотал он и прижал к себе Карлу крепко, со спокойной уверенностью, которой не испытывал прежде.

Стеклянная дверь отворилась. Карла немного отодвинула портьеру и выглянула: в светлом квадрате распахнутой двери была отчетливо видна Мариаграция, на которую падал свет. Лицо ее выражало удивление и растерянность.

— Их здесь нет! — воскликнула она.

Лиза из коридора спросила:

— Куда же они делись?...

Вопрос остался без ответа. Мариаграция наклонилась вперед, словно пытаясь охватить взглядом весь холл. Лучи света выхватывали из тени каждую морщину ее дряблого, похожего на раскрашенную маску лица, на котором было написано детское изумление. Полуоткрытый рот, черные от помады губы и широко раскрытые глаза, казалось, зывали: «Лео, где ты?... Ты меня покинул... Бросил одну!» Карла смотрела на мать с любопытством и жалостью. Она догадывалась, сколько страха таится за этим лицом-маской, и мысленно представила себе, какое лицо будет у матери в тот день, когда она узнает о предательстве любовника и дочери. Вся эта сцена длилась какой-то миг. Затем голова Мариаграции исчезла.

— Странно, — донесся до них голос Мариаграции. — Пальто Мерумечи висит, а ни его, ни Карлы нет.

— Может, они в передней, — ответила Лиза. Не переставая удивляться и строить всякие догадки, обе женщины направились в гостиную.

— Видела? — прошептал Лео. Он вновь наклонился и прижал Карлу к груди. «Это конец», — подумала она, протягивая ему губы. Ей приятна была темнота, которая не давала ей разглядеть Лео и сохраняла все призрачные надежды. Да и сама проделка Лео ей нравилась.

— А теперь идем, — прошептала она, раздвинув портьеру. — Идем, Лео, нас могут увидеть.

Он неохотно повиновался, и они, точно два вора, крадучись, выскользнули из своего тайника. В глаза им ударил свет.

— Волосы у меня не растрепались? — спросила Карла.

Он отрицательно покачал головой.

— Что же мы скажем маме?

Красное, возбужденное лицо Лео расплылось в хитрой, довольной улыбке. Он хлопнул себя по бедру и громко расхохотался.

— Здорово мы ее разыграли! Очень даже здорово! — воскликнул он. — Что скажем?... Да что мы оставались здесь... Все это время...

— Но, Лео, — неуверенно сказала Карла, прижимая руки к животу. — Я не шучу.

— Я — тоже, — сказал он. — А вот и они!

Дверь распахнулась, и в холл вошла Мариаграция.

— Они здесь! — воскликнула она, обращаясь к Лизе. — А мы их по всему дому искали... Где вы были?

Лео удивленно пожал плечами.

— Все это время были здесь.

Мариаграция посмотрела на него так, точно он спятил.

— Не говорите глупости... Я и сюда заглядывала, тут никого не было.

— Значит, вы страдаете галлюцинациями, — невозмутимо ответил Лео и снял с вешалки пальто. — Мы все время оставались здесь. Верно, Карла? — обратился он к девушке.

— Да, верно, — после секундного колебания подтвердила Карла.

Наступила зловещая тишина, Мариаграция подозревала, что над ней издеваются, но не понимала причины, Ей представлялось, что за всем этим кроются хитроумные, коварные интриги. Обиженная и растерянная, она переводила испытующий взгляд с Лео на Карлу и с нее на Лизу.

— Вы, Лео, с ума сошли, — сказала она наконец. — Пять минут назад здесь никого не было, и свет не горел... Это и Лиза может подтвердить, — добавила она, показав на приятельницу.

— Да, здесь никого не было, — сказала Лиза.

Снова наступило молчание.

— А вот Карла может подтвердить, что мы были здесь — сказал Лео, многозначительно поглядев на девушку. — Правда ведь, Карла?

— Правда, — смущенно подтвердила Карла. Она впервые отчетливо осознала, что они действительно были в холле, когда туда заглянула Мариаграция.

— Пусть так, — с горечью сказала Мариаграция. — Пусть будет по-вашему... Вы правы, мы с Лизой тронулись в уме. — Она на миг умолкла. — Что Лео позволяет себе подобные выходки, — взорвалась она, — это его дело... Но тебе, Карла, не стыдно издеваться надо мной? Так-то ты уважаешь свою мать!..

— Но Лео сказал правду, — запротестовала Карла, Теперь эта шутка стала ей самой неприятна и больно, точно заноза, ранила ее и без того растревоженную душу. «Я была в холле, — хотелось ей крикнуть матери. — За портьерой, обнималась с Лео». И она живо представила себе, какая бы потом разыгралась сцена. Но это была бы самая последняя сцена, а затем наступила бы развязка.

Лиза со скучающим видом обратилась к Лео!

— Ну, мы идем, Мерумечи?...

Лео поспешно стал прощаться с Мариаграцией.

— Подумайте над этой загадкой, — не удержавшись, сказал он с улыбкой. — Может, за ночь что-нибудь и придумаете.

— Ночью я сплю, — пожав плечами, ответила Мариаграция. Она обняла Лизу и шепнула ей на ухо:

— Так не забудь, что я тебе говорила.

Карла открыла дверь, и в холл ворвался холодный воздух. Лиза и Лео вышли и сразу растворились в темноте.

IV

Мать и дочь вместе поднялись на второй этаж. Мариаграция, до глубины души оскорбленная розыгрышем в холле, хранила мрачное молчание. Вдруг она спросила у Карлы, какие у нее планы на завтра.

— Хочу поиграть в теннис, — ответила Карла. После чего они, не пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим комнатам.

У Карлы в комнате горел свет — она забыла его потушить. В белом свете лампы казалось, будто и мебель и постель ждали возвращения хозяйки. Она вошла и сразу же машинально посмотрелась в большое зеркало шкафа. Лицо было таким же, как всегда. Вот только усталые, слегка припухшие глаза лихорадочно блестели. И эти черные круги под глазами, и взгляд мечтательный, полный надежд, смущали Карлу, точно они принадлежали кому-то другому, чужому. Она на миг коснулась руками зеркала, потом отошла и села на кровать. Поглядела вокруг. С виду могло показаться, что в комнате живет четырехлетняя девочка, — мебель была низкой, белой, чистой, стены светлые, в голубую полоску, на маленькой кушетке у окна сидели рядышком забытые куклы с открученными головами, растрепанные, в жалких лохмотьях. Вся обстановка оставалась такой же, как много лет назад. Мариаграция, которой вечно не хватало денег, никак не могла сменить мебель на другую, более подходящую для взрослой девушки. Впрочем, уговаривала себя Мариаграция,

Карла и не нуждается в новой мебели. Ведь рано или поздно она выйдет замуж и навсегда покинет виллу.

Поэтому Карла выросла в окружении повидавших виды вещей и игрушек, не менявшихся с тех ранних лет. Однако сама комната давно утратила прежний, по-детски целомудренный вид. Каждый год оставил в ней свой след — безделушки, всякое тряпье. Теперь в комнате было полно вещей, и она стала уютно-интимной, но в самом этом уюте было что-то двусмысленное. Многие могли принадлежать только женщине, — обшарпанный туалетный столик с флаконами духов, пудреницей и губной помадой, и, уж, конечно, розовые подвязки, висевшие на стене возле овального зеркала, а многое — лишь маленькой девочке.

Полный беспорядок — валявшиеся на стульях платья, полупустые флаконы духов на столике, брошенные куда попало туфли — лишь усиливал это двойственное впечатление.

Карла с робким изумлением смотрела на эти вещи, они не пробуждали в ней никаких мыслей. Вот сидит она этим вечером в своей комнате на своей постели, в комнате горит свет — так было и в прежние вечера; все как обычно.

Привычными движениями она сняла туфли, платье, чулки. Раздеваясь, чуть растерянно переводила взгляд с растрепанных кукол на прогнувшуюся под тяжестью вещей вешалку, с туалетного столика на лампу...

Ровный свет, струившийся, казалось, из самих вещей, мягкий, такой домашний, окошко с белоснежными занавесями, укрывавшими комнату от любопытных глаз, придавали Карле приятную, волнующую уверенность. Да, тут не может быть никаких сомнений, она в своем доме, в своей комнатке. Наверно, за стенами дома уже ночь, но ее надежно охраняют от черной тьмы этот ровный свет, эти вещи, и ей кажется, что она одна, одна-одинешенька на всем белом свете.

Она разделась догола и, тряхнув крупной взлохмаченной головой, поднялась, чтобы взять из шкафа новую пижаму. Неслышно ступая босыми ногами, подошла на цыпочках к шкафу. Открыла ящик и, нагибаясь, ощутила, как колышется ее тугая грудь, словно повинуюсь особому закону. Выпрямившись, Карла увидела себя в зеркале. Ее поразила неестественность и даже постыдность позы, резкое несоответствие между слишком крупной головой и худыми голыми плечами, которые казались еще более худыми из-за разметавшихся волос. Она взяла зеркальце и поднесла его к затылку, — да, волосы слишком длинные, надо сходить в парикмахерскую.

Она снова принялась разглядывать свое тело... Увы, ноги внизу чуточку кривоваты, но лишь чуть. А грудь... грудь — чересчур полная. Карла слегка приподняла ее обеими руками, вот так было бы куда красивее. Она повернулась, чтобы рассмотреть спину.

И тут, стремясь получше разглядеть через плечо спину, она внезапно подумала: «Как я могу так легкомысленно вести себя, когда в моей жизни происходят такие важные события?» Сегодня, совсем недавно, Лео поцеловал ее. Она поставила зеркало на место и подошла к постели.

Села, и какое-то время сидела неподвижно, уставясь в пол. «Начинается новая жизнь», — подумала она. Вскинула голову, внезапно ей почудилось, что эта мирная, чистая, целомудренная комната и ее, Карлы, нелепые и глупые привычки составляют единое целое, живут одной с ней жизнью. А теперь она, бездумно и подло, готова предать самое себя.

«Скоро мы простимся навсегда», — еле слышно проговорила она с печальной, тревожной улыбкой и, сидя на краю постели, слабо помахала рукой окружавшим ее вещам и предметам, точно отплывала на корабле, а они оставались на берегу. Невероятные, дикие, печальные сцены проносились в ее сознании, и ей казалось, что все они роковым образом связаны между собой... «Завтра я отдамся Лео, и начнется новая жизнь... И как раз завтра мой день рождения. Разве это не странно?»

Она вспомнила о матери. «И я уйду с твоим любовником, с твоим любовником, мама». И это совпадение, постыдное соперничество с матерью были Карле приятны. Все должно быть грязным, подлым, низким, здесь не может быть ни истинной любви, ни привязанности,

а лишь мрачное ощущение катастрофы. «Пусть разразится скандал, произойдут отвратительные, безобразные сцены ревности, и я навеки погублю себя», — думала Карла. Она сидела, низко опустив голову, а когда, на миг вскинув глаза, увидела свое отражение в зеркале, то, сама не зная отчего, вздрогнула всем телом. Ей хотелось плакать, молиться, на душе была тоска, и ей показалось, что она уже стала падшей женщиной. «Что меня ждет? — повторяла она, уставясь в пол. — Что?»

Но потом эти тоскливые слова перестали действовать на нее. Она вдруг заметила, что она совершенно голая сидит на краю постели и что мысли ее разбегаются. Ровно светила лампа, привычные вещи лежали на привычных местах, от недавнего возбуждения не осталось ничего, кроме горького чувства пустоты. Ей почудилось, что она на какой-то миг ухватила главную нить, но тут же непостижимым образом ее потеряла.

«Будь что будет», — подумала она. Развернула пижаму, лениво надела ее, скользнула под простыни, потушила свет и закрыла глаза.

V

В доме Лизы прислуга не жила никогда. Лиза и слышать об этом не желала. Для уборки и прочих домашних дел к ней приходила еще вполне бодрая старушка-привратница. Тут, конечно, были свои неудобства, но Лиза вела жизнь бурную, беспорядочную и предпочитала иметь дело с привратницей.

В это утро Лиза проснулась поздно. Она уже несколько дней подряд возвращалась домой после полуночи, ей снились какие-то безрадостные сны, и утром она просыпалась еще более нервной и усталой. С трудом, не подымая головы, она осмотрелась. Комнату окутывала пыльная, тусклая полутьма, в которую, точно сквозь сито, проникали тонкие лучи света. В этой полутьме, немые и бездушные, угадывались — старая мебель, безгласные зеркала, висевшие на вешалке платья. А это черное пятно — дверь. Вся комната была пропитана запахом разомлевшего от сна тела, пота и пыли. Через закрытое наглухо окно не попадало ни единой струи свежего воздуха.

Лиза встала с постели. Подобрав спадавшие на потное лицо волосы, подошла к окну и подняла жалюзи. В комнату ворвался дневной свет. Лиза раздвинула портьеру, стекла были подернуты серой пеленой, — должно быть, день выдался холодный. Сквозь иней на окнах вдали угадывались нежные, словно размытые водой цвета: белый и зеленый. Она стерла со стекла влажную пелену и сразу же ей бросился в глаза розоватый кусок крыши, до того потемневший, и сырой, и унылый, что даже не понадобилось смотреть вверх, затянуто ли небо тучами. Она отошла от окна и стала машинально расхаживать по заставленной мебелью комнате. Огромная супружеская кровать орехового дерева, мрачная и претенциозная, на которой валялись скомканные белые простыни, стояла совсем близко от окна. В иные зимние ночи Лизе, укрытой теплым одеялом, было особенно приятно слушать, как рядом по оконным стеклам бешено хлещет дождь.

Кроме кровати, в комнате стояли два больших, пропахших плесенью шкафа, тоже орехового дерева, с огромными пожелтевшими зеркалами. Комната была просторная, но из-за обилия мебели свободным в ней оставался лишь узкий проход.

Она подошла к вешалке. На ней была лишь прозрачная сорочка, отчего тело ее казалось еще более кургузым, ноги были обнажены до самых округлых бедер, белых и гладких, грудь, с годами отяжелевшая, тоже была гладкой и упругой. Лиза увидела себя в зеркале полуголой и сильно наклонившейся вперед, словно ей хотелось скрыть под слишком короткой сорочкой темное пятно лона. Ей показалось, что она за последнее время похудела. Она накинула халатик и отправилась в ванную.

В небольшой, холодной и пустой ванной комнате по углам чернели пятна от сырости, трубы были выкрашены темной краской, сама ванна была эмалированная, а оправа одного-единственного зеркала совсем проржавела. Лиза зажгла свет. Она вспомнила, что уже целых три дня не мылась как следует и что не мешало бы принять ванну. Заколебалась, а

стоит ли? Взглянула на ноги, ногти были еще совсем чистыми. Нет, не стоит. Тем более что ночь она почти наверняка проведет с Микеле, и уж утром непременно придется помыться. Приняв решение, она подошла к раковине, открыла кран и подождала, пока раковина наполнится водой. Потом сняла халатик, опустила рубашку на живот и стала умываться. Сначала, чихая и отфыркиваясь, вымыла лицо, затем, стараясь, чтобы струйки воды с груди не стекали на теплые после сна живот и ноги, вымыла шею и уши. Каждый раз, когда она нагибалась посильнее, рубашка на спине задиралась и ее всю обдавало холодом, да и каменный пол неприятно охлаждал ноги. В довершение всего она не нашла полотенце и, вся мокрая, голая, ослепшая от мыльной пены, бросилась за ним в спальню.

Там она вытерлась досуха и села за туалетный столик. Быстро привела себя в порядок — она не употребляла ни губной помады, ни крема и сейчас лишь слегка припудрила лицо, надушилась и причесала волосы. Повернулась к зеркалу спиной и стала натягивать чулки. В ней боролись два противоречивых чувства: страсть к еде и страсть к Микеле. Она любила утром выпить чашку кофе и вкусно, с аппетитом поесть: паштет, сардины, бутерброд с маслом, печенье. Из-за стола она вставала, лишь ощутив приятную сытость. Но сегодня она рисковала остаться голодной.

«Микеле вот-вот придет, неприятно будет, если он застанет меня за едой. Ничего не поделаешь, придется потерпеть». Она встала, надела розовую комбинацию и лиф — такой узкий, что грудь казалась стянутой корсетом. Чтобы утешиться, она представляла себе, как войдет Микеле, несмелый, безумно влюбленный, неопытный, и она отдастся ему, дрожа от счастья. Наконец-то в ее жизни будет чистая любовь. После всего пережитого, подумала она, ей так недостает хоть немного чистоты. Бессонные ночи, безрадостная, мучительная жажда наслаждений — это удушливое облако скоро рассеется. Микеле принесет с собой солнце, голубое небо, свежесть, восторг любви. Он будет поклоняться ей, как богине, уронит голову на ее колени. Она испытывала сильнейшую жажду счастья и не могла дожидаться той минуты, когда наконец сможет приникнуть губами к этому источнику молодости, вновь познает стыдливую, робкую любовь, о которой уже лет двадцать как забыла. Микеле — олицетворение чистоты. Она отдастся этому юноше без всякой похоти, почти без страсти. Совершенно нагая, она танцующей походкой приблизится к нему и скажет: «Возьми меня». Это будет необыкновенная любовь, которую теперь уже не встретишь.

Она закончила свой туалет. Вышла из комнаты, пересекла темный коридор и направилась в залитый светом бело-розовый будуар. Белыми были потолок и мебель, розовыми — ковры, обои, диван. Сквозь три больших окна, задрапированных гардинами, мирно струился свет. На первый взгляд все здесь казалось чистым и даже непорочным, можно было заметить множество приятных глазу вещей: корзинку для вышивания, маленькую этажерку книг в красивых разноцветных переплетах, тонкие стебли цветов в эмалевых вазочках, на стенах — акварели под стеклом, так что сразу приходило на ум: «Ах, какая милая, уютная комнатка, здесь может жить только молодая девушка». Но стоило присмотреться, и это впечатление проходило. Вы вдруг замечали, что мебель пожелтела, краска облупилась, ковры — выцвели и кое-где истерлись, подушки на диване в углу — рваные и грязные. Еще один пристальный взгляд, и больше не оставалось никаких сомнений — в глаза бросались и дыры в занавесях, и разбитое стекло акварелей, и пыль на измятых обложках книг, и широкие трещины в потолке. А если вы заставляли хозяйку дома, то незачем было и осматриваться вокруг, весь этот хлам и запущенность дополнялись следами разрушения на ее лице.

Лиза села за письменный стол и стала ждать. Ей снова захотелось есть, с особой силой пробудился голод, но она не знала, как ей быть. «Хоть бы сказал, когда придет», — с досадой подумала она, глядя на наручные часы.

Наконец ей удалось побороть себя, и она вновь предалась нежным, волнующим и бурным мечтам.

«Я посажу его на диван, — внезапно подумала она, — а сама лягу рядом... мы немного побеседуем о всяких пустяках. Потом я двусмысленно пошучу насчет его невинности... и

посмотрю ему прямо в глаза... Если он не глупец, то сразу сообразит». Она оглядела диван, словно оценивая его прочность и пригодность.

Хотя нет! Если все пойдет удачно, то она заставит Микеле немного потомиться и повздыхать и наконец однажды вечером пригласит его на ужин, а потом оставит на всю ночь. Что это будет за ужин: изысканные лакомства и, главное, отменное вино! Она наденет голубое платье, которое очень ей к лицу, и украсит руки и шею теми немногими драгоценностями, которые удалось вырвать из жадных рук ее бывшего мужа. Стол она накроет здесь, в будуаре, — в гостиной все будет выглядеть не так интимно. Маленький столик на двоих, на блюдах изумительная еда: рыба, мясные паштеты, фрукты, овощи, пирожные. Шикарный, сверкающий столик на двоих, только для нее и Микеле. Третьему там даже при желании не нашлось бы места...

Глаза ее светятся счастьем и нежностью, она сидит напротив своего милого мальчика и даже за едой неотрывно глядит на него. Она будет подливать ему в бокал вина, много вина, шутить легко, остроумно, с материнской теплотой. Спросит о его юношеских увлечениях, заставив его покраснеть, лукаво, дружески подмигнет ему. Он коснется под столом ее ноги.

После ужина они с улыбкой на лице уберут посуду со стола, касаясь друг друга плечами, руками, сгорая от желания. Потом она разделется догола и юркнет в халатик, а Микеле наденет одну из двух пижам ее бывшего мужа. Она ему наверняка подойдет — они примерно одного роста, вот только Микеле немного потоньше. Сидя рядом на диване, она и Микеле познают скупую, дразнящую радость ожидания первой ночи... Наконец они вместе пойдут в спальню.

Возбужденная этими видениями, она молча сидела за письменным столом, низко опустив голову, и, словно желая отогнать эти мысли, то приглаживала волосы, то, чуть выгнув ногу, принималась рассматривать туфли. И все это время ее не покидали сладострастные мечты.

Когда прозвенел звонок, сердце ее забило сильнее, она улыбнулась, посмотрела в зеркало и вышла в коридор. Прежде чем открыть дверь, зажгла свет. Вошел Микеле.

— Не рано ли я явился? — сказал он, вешая пальто и шляпу.

— Что ты, Микеле!

Они прошли в будуар, сели на диван.

— Ну как дела? — спросила Лиза. Она взяла пачку сигарет и протянула ее гостю. Он отказался и продолжал задумчиво сидеть на диване, положив руки на колени.

— Хорошо, — наконец ответил он. Помолчали.

— Если ты не возражаешь, — сказала Лиза, — я полежу... А ты... седи... седи... так тебе будет удобнее. — Она подобрала ноги и откинулась на подушки. Микеле увидел две белые, полные ляжки и про себя усмехнулся. «Она явно хочет меня соблазнить», — подумал он. Но Лиза ему не нравилась, совсем не нравилась, и ее ухищрения оставляли его равнодушным.

А Лиза смотрела на Микеле и думала, что бы ему такое сказать. Она растерялась, все доверительно-ласковые слова, которые несколько минут назад казались ей такими естественными, внезапно улетучились... В голове пустота, сердце бешено колотится. И тут она вспомнила вчерашнюю ссору Лео и Микеле, так ее заинтересовавшую. Она колебалась, заговорить ли об этом с Микеле. Но ей так хотелось открыть Микеле глаза на связь Мариаграфии с ее, Лизы, бывшим любовником и отомстить им обоим. А потом, окольными путями, она переведет разговор на более интимные вещи.

— Могу держать пари, — сказала она, посмотрев на Микеле, — что ты сгораешь от желания узнать, почему я вчера посоветовала тебе не просить прощения у Лео.

Он повернулся к ней лицом.

«Это ты, милейшая, сгораешь от желания посплетничать», — хотел он ответить, но сдержался.

— Ну, сгорать не сгораю, но узнать хочу.

— Я считаю, что больше, чем кто-либо, имею моральное право открыть тебе глаза, —

начала она.

— Я в этом уверен.

— Все молчишь, молчишь, притворяешься, будто ничего не видишь. Но всякому терпению приходит конец... Вчерашняя сцена меня возмутила.

— Прости, — прервал ее Микеле, — но что именно тебя возмутило?

— Что ты извинился перед Лео. — Она пристально посмотрела на Микеле. — И особенно то, что твоя мать, именно она, потребовала от тебя подобного унижения.

— А, теперь понимаю!

Микеле иронически усмехнулся. «Ей не терпится сообщить мне, что у моей матери есть любовник». Он испытывал сейчас омерзение к Лизе, да и к себе самому.

— Но, может, это и не было унижением, — сказал он.

— Было. Самым настоящим. Даже — унижением вдвойне. Ты все и сам поймешь, когда я тебе расскажу...

Он посмотрел на Лизу. «Если б я прижал тебя сейчас и пощекотал по спине, как бы ты задержалась!.. Твое лицо сразу бы утратило все свое таинственное и важное выражение».

— Предупреждаю заранее, — сказал он, и ему показалось, что он говорит вполне искренне, — меня это нимало не интересует.

— Превосходно, — ответила Лиза, ничуть не растерявшись. — Ты прав... но я чувствую, что должна все тебе сказать... Потом ты наверняка будешь мне благодарен. Итак, знай же, твоя мать совершила большую ошибку.

— Одну-единственную?

Из двух возможностей — возмутиться либо рассмеяться — Лиза выбрала последнюю.

— Верно — целую тысячу, — с улыбкой сказала она, подвигаясь к Микеле. — Но эта наверняка была самой крупной. И...

— Подожди, — прервал ее Микеле. — Не знаю, что ты собираешься мне сообщить, но если речь идет о чем-то весьма серьезном, то любопытно, зачем тебе понадобилось выдавать тайну своей подруги?

Они посмотрели друг на друга.

— Зачем? — переспросила Лиза и медленно опустила глаза. — Да потому, что ты мне безразличен! Больше того, я испытываю к тебе симпатию. И потом, я уже сказала — подобная несправедливость меня возмущает.

Микеле знал о прежних отношениях между Лео и Лизой. «Вернее, тебя, моя милая, возмущает, что у тебя увели любовника», — подумал он, но все же кивнул головой в знак согласия.

— Ты права, нет ничего хуже несправедливости!.. Ну, так в чем состоит ее ошибка?

— Видишь ли... десять лет назад твоя мать познакомилась с Лео Мерумечи...

— Уж не хочешь ли ты мне сообщить, — с мнимым ужасом прервал ее Микеле, — что Лео — любовник моей матери?!

Они вновь посмотрели друг на друга.

— Мне очень жаль, — с достоинством и с болью в голосе сказала Лиза, — но это так.

Короткая пауза. Микеле смотрел в пол, и ему хотелось расхохотаться. Глубокое отвращение сменилось горьким ощущением нелепости происходящего.

— Теперь ты можешь понять, — продолжала Лиза, — как возмутила меня твоя мать. Потребовать, чтобы ты унился перед этим человеком!..

Микеле не шевелился и молчал. Перед глазами вновь встали мать, Лео, он сам, просящий прощения, крохотные фигурки, безнадежно затерявшиеся в бурном водовороте жизни... Но эти видения не оскорбляли его и не вызывали никаких чувств. Он хотел бы быть совсем иным, возмущенным, полным гнева и неукротимой ненависти. И ему было очень грустно, что все это оставляло его глубоко равнодушным. Лиза приподнялась и села возле него.

— Не надо, — сказала она, манерным жестом положив свою пухлую руку ему на голову. — Не надо... Наберись мужества. Я понимаю, как это должно тебя ранить... живешь

уверенный, что человек достоин твоего уважения и любви, а потом... вдруг все вокруг рушится... Но это не так уж страшно, а главное, послужит тебе уроком.

Он покачал головой, покусывая губы, чтобы не рассмеяться. Лиза же решила, что его переполняет горе.

— Нет худа без добра, — напыщенным, медоточивым голосом изрекла она, продолжая гладить Микеле по голове... — Это сблизит нас. Хочешь, я стану для тебя тем же, чем прежде была твоя мать?... Скажи, хочешь, чтобы я стала твоим другом, поверенной твоих тайн?

Она говорила искренне, но голос ее звучал до того фальшиво, и приторно-ласково, что Микеле хотелось зажать ей рот ладонью. Он продолжал сидеть неподвижно, упрямо наклонив голову. Он видел себя, словно в зеркале, сидящим на диване с растерянным и глупым видом, рядом с Лизой, и сама сцена казалась ему такой нелепой, что был один-единственный способ не расхохотаться, — по-прежнему не шевелиться.

Лиза сделалась еще более заботливой.

— Ты станешь навещать меня... мы будем беседовать... И вместе постараемся построить новую жизнь.

Он украдкой взглянул на нее, — лицо, обрамленное венчиком белокурых волос, красное, возбужденное. «Вот как ты собираешься строить вместе новую жизнь!» Он вспомнил о ее мнимом родственнике, который должен был прийти утром... «Почему бы не принять несуществующего родственника всерьез и не воспользоваться этим? Почему бы не притвориться и дальше?» Он поднял голову.

— Это было тяжким испытанием, — произнес он голосом человека, еле подавившего боль и горечь. — Но ты права... Я должен начать новую жизнь.

— Конечно, — горячо одобрила Лиза. Снова наступила глубокая тишина. Оба, хотя и с разными целями, притворялись погруженными в мечтательную поэтическую задумчивость. Они неподвижно сидели рядом, уставившись в пол.

Легкий шелест. Рука Микеле скользнула вниз и обвила Лизу за талию.

— Нет, — отчетливо произнесла она, не шевелясь и не оборачиваясь, словно отвечая на заданный самой себе вопрос. Микеле хмуро усмехнулся, — он испытывал смутное волнение и еще сильнее привлек ее к себе.

— Нет, нет, — слабеющим голосом повторила она, но уступила и склонилась головой ему на плечо. Миг нежных объятий, а затем Микеле взял ее рукой за подбородок и, не обращая внимания на лживый, протестующий взгляд, поцеловал в губы.

Выпустил ее из своих объятий.

— Ты скверный мальчик, — патетически сказала Лиза со слабой, благодарной улыбкой. — Скверный и дерзкий.

Микеле поднял глаза, и равнодушно посмотрел на нее. Его худое, мрачное лицо осветилось улыбкой. Он протянул руку и изо всех сил ущипнул Лизу в бок.

— Ой, ой! — вскрикнула она, отбиваясь и громко хохоча. — Ой, ой! — Она вскидывала руки и дрыгала ногами. Наконец сползла с дивана, дергаясь всем телом. Юбка сильно задралась, обнажив мускулистые, белые ляжки. Тут Микеле отпустил ее. Она снова села на диван и одернула юбку.

— Какой же ты коварный! — фальцетом сказала она, сжимая рукой бурно вздымающуюся грудь. — Какой коварный!

Микеле молчал и с угрюмым любопытством разглядывал ее.

— А ведь ты должен был меня поцеловать вот так, смотри.

Она сложила губы бантиком и слегка прижалась ими к губам Микеле. Затем откинулась назад, удовлетворенно поблескивая глазами.

— Вот так ты должен был меня поцеловать, — капризно, с глупым видом повторила она, пытаясь скрыть возбуждение.

Микеле скривил рот в усмешке, поднялся и, сунув руки в карманы, стал прохаживаться по будуару, разглядывая аляповатые акварели на стенах. Он был взбудоражен и зол.

— Нравятся тебе? — внезапно настиг его сзади голос Лизы. Он повернулся.

— Дрянь, — сказал он.

— Неужели? — растерянно переспросила Лиза. — Мне они всегда казались красивыми. Они снова сели на диван. У Микеле стучало в висках, щеки пылали.

«Постыдная комедия», — с отвращением подумал он. Но едва они очутились на диване, он опрокинул Лизу на подушки, точно хотел овладеть ею. Она смежила дрожащие веки с отталкивающим и нелепым выражением экстаза на лице. Впечатление было столь неприятным, что у него сразу пропало всякое желание. Он равнодушно поцеловал ее в губы и с тихим стоном уткнулся головой в ее теплый живот. Приятная тьма. «Так бы лежать до самого вечера, — подумал он. — Не видеть ее больше и не целовать». Он почувствовал, что она нежно гладит пальцами его волосы.

— Что с тобой? — наигранно-проникновенным голосом спросила она.

— Всякие мысли одолевают, — многозначительно ответил он и закрыл глаза.

«Достаточно сделать над собой небольшое усилие, чтобы быть искренним. Между тем оба делают все, чтобы скрыть истину». Он вздохнул. Ему вдруг показалось, что он понял самое важное. «Зачем я сюда пришел? Для чего я лгу? Ведь было так просто сказать ей правду и уйти».

— Ты прав, — отозвалась Лиза, не переставая гладить его волосы. — Во всем... Но теперь тебя не должны мучить грустные мысли... Ты больше не будешь нуждаться в других... Все заботы я возьму на себя. Мы будем вместе... Вдвоем на целом свете.

Она говорила таким страстным голосом, что Микеле всего передернуло.

— Будем жить вдали от докучных мыслей, хочешь? Вдали от ничтожных делишек... Ты будешь рассказывать мне о своей жизни, о своих горестях и печалях, а я отдам тебе свою любовь всю, без остатка. Я хранила ее для тебя одного... Я буду твоим другом, хочешь? Преданным и покорным. Таким покорным, что буду слушать тебя в глубочайшем молчании и дарить тебе в утешение ласки... Вот так, так...

Ее рука, лежавшая на голове Микеле, судорожно сжалась. Она наклонилась и стала неистово целовать его волосы, затылок, а ее пальцы нервно стискивали склоненные плечи Микеле. Сердце ее бешено колотилось. «Наконец-то я люблю и любима, — думала она. — Наконец-то».

Микеле не двигался, ему еще не приходилось встречать столь полного слияния смехотворного жеманства с искренностью, фальши с правдой. Он ощущал мучительную неловкость. «Хоть бы она замолчала, — подумал он. — Так нет же, ей надо выговориться». Ему до безумия хотелось сказать ей правду, свою правду, единственно возможную, встать и уйти. Но его удерживала жалость к ней. И потом, разве не сам он, первым, ввел ее в обман своими обаяниями?

— Дорогой... мой дорогой... — повторяла Лиза, прикинув губами к его голове. — Ты даже не представляешь, как ты мне дорог!

«Преувеличиваешь, милая», — хотел ответить ей Микеле. Но в глазах его стыла густая тьма, ему казалось, что он вообще никогда не видел света. Эти ее слова, ласки, этот голос были для него точно черная ночь без малейшей надежды.

Он вскинул голову, приподнялся, сел, потирая ослепленные ярким светом глаза.

— Пожалуй, мне пора, — сказал он. — Твой родственник когда придет?

— Сейчас ему позвоню, — сказала Лиза, явно не ожидавшая такого вопроса. И вышла из будуара.

Он остался один, встал и рассеянно взглянул на одну из акварелей. Потом непроизвольно подошел к двери и слегка приоткрыл ее. Телефон висел на стене, в самом конце темного коридора, но Лизы там не было. Значит, это — сплошное притворство и никакого родственника не существует. Чтобы завлечь его к себе, Лиза солгала.

«Притворяется. Она вправе притворяться», — подумал он, прикрыв дверь. Он снова подошел к стене и стал разглядывать акварель, на которой был изображен крестьянский дом и сеновал. И все-таки ему было противно. Он испытывал, мучительное чувство тошноты. «В

сущности, я ничуть не лучше ее», — думал он. И эта мысль немного примирила его с Лизой. «Все мы одинаковы. Из тысячи способов, ведущих к цели, всегда инстинктивно выбираем наихудший».

Секунду спустя дверь отворилась, и вошла Лиза.

— Как обидно!.. Мой родственник сегодня занят... и не сможет прийти... Но он обещал — завтра. Ты сможешь прийти завтра после полудня?

Они посмотрели друг на друга. Микеле испытывал к ней сейчас еще большее отвращение и одновременно жалость. «Это уж слишком, — подумал он. — Так водить меня за нос. Завтра повторится та же самая история: „Прийти завтра“». Если он притворится, будто ничего не понял, они как бы станут сообщниками. Это будет безмолвный союз двух распутников. И в ожидании мнимого родственника они сговорятся довести бесчестную игру до конца.

— Нет, — сказал он, — завтра не приду.

— Но он наверняка придет, — беззастенчиво солгала Лиза. — И если тебя не будет...

Микеле положил ей руку на плечо и посмотрел прямо в глаза.

— Это же глупо... он не придет... Почему бы тебе не сказать правду?

Она смутилась и, избегая его взгляда, нагло и откровенно улыбнулась, как человек, который не очень огорчен, что его уличили во лжи. И это было Микеле особенно тягостно.

— Какую правду? — повторила она, не глядя на него и продолжая улыбаться. — Не понимаю тебя... Если ничего не случится, он обязательно придет.

— Я выглянул в коридор... — спокойно объяснил Микеле. — Ты никому не звонила... Этот твой родственник вообще не существует.

Короткое молчание, а затем Лиза нашла самый простой выход из положения: снова улыбнулась и слегка пожала плечами.

— Раз ты выглянул в коридор, зачем же задавать лишние вопросы?

Микеле посмотрел на нее. «Неужели она не понимает, что могла бы быть лучше, честнее?» Он сделал еще одну попытку.

— Нет, — сказал он, — нельзя все обращать в шутку. Речь идет об очень серьезных вещах: почему вместо того, чтобы разыгрывать комедию, ты не сказала прямо: «Приходи ко мне завтра... Выпьем вместе чаю».

— Знаю. Я так и должна была поступить... — Лиза произнесла эти слова без всякого стыда, скорее с нетерпением. — Значит, ты все равно придешь завтра, да?... И потом, не волнуйся, я, правда, еще не переговорила со своим родственником, но в ближайшие же дни непременно поговорю.

«Ну вот! Она убеждена, что все мои упреки только из-за того, что она не позвала этого чертова родственника». Его лицо посуровело.

— Нет, я не приду, — ответил он. — И никого не зови. Он отстранился от Лизы и вышел в коридор. Этот темный туннель был пропитан запахами кухни.

— Ты и в самом деле не придешь? — умоляюще и в то же время недоверчиво спросила она, протягивая ему шляпу. Он взглянул на нее и заколебался. Все, в сущности, было бесполезно — и его отвращение и жалость. Лиза так ничего и не поняла. Это ощущение бессмысленности всех усилий причиняло ему настоящую боль, угнетало и приводило в отчаянье, ему хотелось закричать,

— Что толку от моего прихода? — сказал он,

— Как что толку?

— Не будет никакого толку. Ровно никакого... — Он покачал головой. — Такая уж ты есть... Тут ничего не поделаешь... Все вы такие!

— Какие? — настойчиво переспросила она, невольно покраснев.

«Ничтожные, скудоумные... Болтаете о любви, только чтобы заманить в постель... Ты сама уверена, что я лишь о том и мечтаю, как бы познакомиться с твоим родственником», — хотел ответить Микеле. Но ответил:

— Хорошо, я все равно навещу тебя завтра. — Помолчал. — Но прежде, чем я уйду, —

добавил он, — объясни мне одно — когда ты убедилась, что я... тебя люблю и потому приду еще раз, зачем ты снова прибегла к старой уловке насчет родственника? Вместо того чтобы сказать правду?

— Мне было неприятно, — поколебавшись, ответила она, — признаться, что первый раз я это придумала, чтобы ты непременно пришел.

— Но и тогда твоя уловка была излишней, — пристально глядя на нее, сказал Микеле.

— Да, ты прав, — смиренно признала она. — Но кто же из нас без греха?... И потом, родственник существует. Он очень богат... Только мы с ним давно не виделись.

— Ну ладно, не будем больше говорить об этом, — сказал Микеле. Он взял ее за руку. — Итак, до завтра, — сказал он и внезапно заметил, что Лиза как-то странно смотрит на него, улыбаясь робко и в то же время маняще. Он все понял. «Раз тебе так этого хочется...» Наклонился, прижал Лизу к груди и поцеловал в губы. Быстро разжал объятия и направился к двери. На пороге остановился, чтобы попрощаться с ней. Она, как влюбленная девчонка, стыдливо пряталась за пальто, висевшее на вешалке в темном коридоре, и, приложив два пальца к губам, посылала ему воздушный поцелуй. «Постыдная комедия», — подумал он. И, не оборачиваясь, стал спускаться по лестнице.

VI

В этот день Мариаграция кончила одеваться очень поздно. Уже наступил полдень, а она все еще сидела за туалетным столиком и, отчаянно гримасничая, с величайшим усердием водила черной кисточкой по припухшим векам.

Едва она проснулась, как порожденные ревностью видения настроили ее на скверный лад. Но внезапно она вспомнила, что сегодня день рождения Карлы, ей исполнилось двадцать четыре года, и в душу ее истерическим ливнем хлынула материнская любовь. «Моя Карлотта, моя бедная Карлоттина, — думала она, чуть не плача от нежности. — Лишь она одна в целом свете любит меня». Она встала с постели, и, пока одевалась, ее не покидала мысль о Карле, которой исполнилось уже двадцать четыре года. Ей самой день рождения дочери представлялся очень грустным, трогательным событием, из-за которого впору разрыдаться. И она ни на минуту не переставала фантазировать, какие подарки принесет она сегодня своей Карлоттине и как это ее обрадует. «У нее мало платьев. Я сошью ей целых пять... И еще подарю шубу... Бедная девочка давно о ней мечтает». Где она раздобудет деньги для всех этих даров, — об этом Мариаграция не задумывалась ни на секунду. «И пусть Карла найдет себе мужа. Тогда все мои желания исполнятся». Вспомнив, что ее дочери уже двадцать четыре года, а она до сих пор не замужем, Мариаграция преисполнилась великим гневом к мужчинам. «Все эти молодые люди — сплошные кретины. Им бы только развлекаться и прожигать жизнь. А ведь должны были бы подумать и о том, что пора обзавестись семьей! Но Карла наверняка выйдет замуж. Она красива, — говорила она себе, считая на пальцах все достоинства дочери. — Я бы даже сказала — красавица. Добра, как ангел... И притом умна и образованна... Получила великолепное воспитание... Чего еще можно желать? Денег... Вот именно — ей недостает денег. Карла, в этом нет никаких сомнений, войдет в дом мужа, так же, как явилась на свет, — нагой. И единственным ее богатством будут лишь ее добродетели. Но разве так уж верно, что замуж выходят только богатые девушки? Разве недавно несколько девушек не вышли очень удачно замуж без всякого приданого?». Немного приободрившись, Мариаграция перешла из спальни в переднюю.

На большом столе лежали букет великолепных роз и картонка. В букет была вложена записка. Мариаграция прочла: «Карле, почти моей дочери. С самыми теплыми пожеланиями в день ее рождения. *Лео*». Она снова положила записку в розы. «Какая тонкая душа у моего Лео! — с гордостью подумала она. — Другой на его месте не знал бы, как себя вести с дочерью возлюбленной... А он сразу заставляет вас отбросить прочь все подозрения... Он относится к Карле, точно родной отец». От полноты счастья Мариаграция готова была

захлопать в ладоши. Будь Лео рядом, она б его обняла. Она открыла картонку. В ней лежала вышитая шелком сумочка с замком из голубого камня. Радости Мариаграфии не было предела.

Она схватила букет роз и картонку и бросилась в комнату Карлы.

— Были бы все дни года такими! — крикнула она дочери. — Смотри, что тебе принесли.

Карла сидела за столом и читала книгу. Она встала и молча прочла записку. Бесстыдство Лео, который бесцеремонно, точно полновластный хозяин, называл ее своей «почти дочерью», невольно напомнило ей и столь внезапно, что она даже вздрогнула, о постыдности ее кошунственной любовной интриги. Она подняла глаза: мать вся светилась от счастья, улыбалась и растроганно и как-то нелепо прижимала к груди букет роз.

— Весьма любезно с его стороны, — холодно сказала Карла. — А что в картонке?

— Сумочка! — с восторгом воскликнула Мариаграфия. — На редкость изящная вечерняя сумочка... Она стоит не меньше пятисот лир!.. Смотри... — Она открыла картонку и протянула подарок Лео дочери. — Разве не красивая?!

— Очень красивая, — подтвердила Карла, положив сумочку на стол. Они посмотрели друг на друга.

— Так, значит, моей доченьке сегодня исполняется двадцать четыре года! — внезапно сказала Мариаграфия нежным голосом... — А мне все кажется, что только вчера ты была маленькой девочкой.

— И мне самой тоже, мама, — без тени иронии ответила Карла. «Но с сегодняшнего дня я ею уже не буду», — хотела она добавить.

— Ты играла в куклы, — продолжала Мариаграфия. — Убаюкивала их, показывая мне знаками, чтобы я молчала. Говорила, что они уже уснули. — Тут она прервала свои восторженные излияния и пристально взглянула на Карлу. — Будем надеяться, что однажды ты произведешь на свет живую куклу.

— Будем надеяться, — ответила Карла смущенно, испытывая мучительную жалость к своей неумной матери.

— В самом деле, Карла, — настаивала Мариаграфия, точно желая убедить дочь в глубокой и важной истине. — У меня лишь одно желание, чтобы ты вышла замуж... Тогда я буду счастлива.

Карла усмехнулась: «Ты будешь счастлива, а я?» — подумала она.

— Да, хорошо бы, — сказала она, опустив голову. — Но, чтобы выйти замуж, одного моего желания недостаточно... Надо еще найти *его*.

— Он найдется! — уверенно воскликнула Мариаграфия. — Больше того, это может показаться тебе смешным, но у меня такое предчувствие, что в новом году ты выйдешь замуж... или хотя бы обручишься... Так мне подсказывает сердце... сама не знаю почему, но ведь это и не объяснишь... Вот увидишь, моя надежда сбудется.

«Сбудется кое-что иное», — хотела ответить Карла. И она подумала о своем решении сегодня же отдаться Лео. Недогадливость и слепота матери острой болью отдавались в сердце, ясно показывая, в какую беспросветную тьму они все погружены. И к тому же без малейшей надежды на спасение. Она улыбнулась и твердым голосом ответила:

— Конечно, что-то со мной должно произойти.

— Предчувствие меня не обманывает, — убежденно повторила Мариаграфия. — Хорошо, а куда же мы поставим цветы?

Они поставили цветы в вазу, и пошли в переднюю, где царил полумрак. Узкое, высокое лестничное окно было задрапировано красной гардиной. Мать и дочь сели на диван.

— Скажи, — сразу же спросила Мариаграфия, — как по-твоему, выглядела Лиза? Ну, вчера вечером?

— Как выглядела? Как обычно.

— Да? — с сомнением переспросила Мариаграфия. — А мне она показалась располневшей... И, пожалуй, даже... постаревшей...

— Знаешь, я не нахожу, — ответила Карла. Она сразу догадалась, куда клонила мать. «Не к Лизе тебе надо ревновать, а ко мне», — подумала она.

— А это ее платье! — продолжала Мариаграция. — Безвкуснее в жизни не видела!.. А ей, бедняжке, казалось, что она надела нечто необыкновенное.

— Откровенно говоря, — сказала Карла, — платье не показалось мне таким уж плохим.

— Не плохое, а просто безобразное, — убежденно возразила Мариаграция. На миг она уставилась широко раскрытыми глазами в пустоту, словно увидела там предмет своей ревности. Затем резко повернулась к дочери.

— Признайся, ты заметила, как Лиза прилепилась к Лео?!

«Начинается», — с тоской подумала Карла. Ей хотелось крикнуть: «Это была не Лиза, а я... Мы стояли за портьерой в обнимку...» Но вместо этого она спросила:

— Что значит прилепилась?

— Вот именно прилепилась, — повторила Мариаграция. — Как ей хотелось, чтобы Лео проводил ее домой!.. Знаешь, что я думаю... — добавила она, наклоняясь к дочери. — Она сгорает от желания снова сойтись с ним... Поэтому и строила ему глазки. Но у Мерумечи есть дела поважнее. Он о ней и не вспоминает... И потом, если б он захотел, то нашел бы тысячу женщин получше ее... При его красоте... и фигуре... Лиза лицемерна, полна зависти, говорит одно, а думает другое... Право же, я добра ко всем и в каждом нахожу что-то хорошее, я не способна обидеть даже муху. Но ее, эту авантюристку, не переносу.

— Так ведь она твоя подруга!

— Что поделаешь! — вздохнула Мариаграция. — Нельзя всегда говорить людям правду в глаза... Условности нашего круга часто заставляют поступать совсем не так, как хотелось бы... Иначе, кто знает, чем бы все кончилось.

Она всячески старалась внушить дочери: «Пойми, такова жизнь», — хмурила брови, кривила в горькой усмешке рот. Однако лицо Карлы словно окаменело, она старалась не смотреть на ее лицо-маску.

«Лучше быть хоть немного честнее!» — хотелось ей крикнуть матери.

— Но постоянную ложь, — продолжала Мариаграция, — сплошное притворство, — а Лиза только и делает, что притворяется, — вот этого я не признаю. Все, что угодно, только не это!.. К примеру, я уверена, что вчера вечером Лиза пришла не ради нас. Должно быть, она каким-то образом узнала, что у нас в гостях Мерумечи, потому и прискакала. Заметь, она ничего любопытного не рассказала. Да и посидела совсем недолго, сгорая от желания поскорее уйти!

Карла посмотрела на нее почти с состраданием. Мучительно-трудные попытки матери как-то обосновать свои пустые подозрения вызывали в душе Карлы презрительную жалость.

— Ты уверена? — сказала она, чтобы как-то поддержать разговор.

— Абсолютно, — решительно ответила Мариаграция. Она на миг задумалась. Внезапно в этой затемненной передней с бархатными портьерами ее накрашенное лицо исказилось гримасой ненависти.

— Знаешь... Эта женщина... мне даже физически неприятна... Она какая-то липкая и бешено темпераментная. При виде мужчины она вся трепещет... точно сука... Да, да... Смотрит на мужчин горящими глазами, приманивая их... и точно говоря — придите ко мне... А вот я, на месте мужчины, до нее бы даже кончиками пальцев не дотронулась. Мне было бы противно...

— Уверю тебя, мама, — сказала Карла, — она не производит такого впечатления.

— Тебе этого не понять... Много от тебя ускользает... Но я женщина, у меня богатый опыт, я знаю жизнь. И когда я смотрю на эту лицемерку, эти ее глаза, фигуру, мне вмиг все становится ясным. Щелк!.. И снимок готов...

— Может, ты и права, — согласилась Карла. Они умолкли. Сидели неподвижно в полной тишине. Но вдруг с первого этажа из глубины коридора донесся стук захлопнувшейся двери.

— Должно быть — Мерумечи, — сказала Мариаграция и встала... — Прими его... Я

сейчас приду.

Сердце Карлы учащенно забилося. Она спустилась по лестнице, ступая осторожно, неуверенно, словно боясь вот-вот упасть. Вошла в гостиную. Мать не ошиблась, Лео стоял у окна, к ней спиной. Он повернулся.

— А вот и ты! — Взял ее за руку и усадил на диван.

— Спасибо за подарок, — сразу же сказала она. — Только для чего такая записка?

— Какая?

— «Почти моей дочери», — сказала она, глядя ему в лицо.

— А! — воскликнул Лео с таким видом, будто он совершенно забыл об этом... — В самом деле... Я так и написал... «Почти моей дочери...» Верно.

— Почему ты так написал?...

Лео улыбнулся самодовольно и нагло.

— Прежде всего из уважения к твоей матери... И потом, мне приятно представлять тебя своей дочерью.

Она пристально посмотрела на него. «Какое бесстыдство! Какое редкое бесстыдство!» — подумала она. Но желание растоптать прошлое было сильнее отвращения.

— Я твоя дочь... — сказала она с легкой усмешкой. — Об этом я, по правде говоря, никогда не думала... Как тебе могло прийти подобное в голову? Когда?

— Вчера вечером, — невозмутимо ответил Лео. — Когда мы укрылись за портьерой... в этот миг я, сам не знаю почему, вспомнил, что видел тебя девочкой вот такого росточка, с голыми ножками и маленькими косичками, и подумал: «А ведь я мог бы быть ее отцом! И, однако...»

— И, однако, мы любим друг друга? Не так ли? — докончила фразу, Карла, глядя ему в глаза. — Но тебе не кажется, что эти две вещи, как бы поточнее выразиться... несовместимы?

— Почему? — ответил Лео с неизменной улыбкой и провел рукой, по лбу. — Как правило, да, но в каждом отдельном случае человек поступает, подчиняясь чувству.

— Да. Но это же противостоит природе!

Лео рассмеялся ей в лицо. А она глядела на него серьезно, взволнованно.

— Верно. Но поскольку ты не моя дочь, считай, что я не точно выразился. — Они посмотрели друг на друга. — Кстати, — добавил Лео, — пока не забыл... После обеда под любым предлогом спустись в сад... Подождешь меня у рожицы позади дома... Я тут же приду... Договорились?

Она кивнула головой. Лео, довольный, скрестил руки и стал разглядывать потолок. Он не решался даже прикоснуться к ней — боялся, что с минуты на минуту войдет Мариаграция. «Чем мучиться от желания и неудовлетворенной страсти, лучше дожидаться момента, когда мы останемся совсем одни и у меня будет сколько угодно времени», — подумал он. Но стоило ему взглянуть на Карлу, как лицо его вспыхивало ярким пламенем, он готов был обнять ее, сжать в объятиях, овладеть ею тут же, на диване.

И то, что этим надеждам сейчас не суждено было сбыться, вызывало у него еще большее раздражение против Мариаграции. Он вспомнил сцену ревности, которую Мариаграция устроила ему вчера вечером, и утратил к ней даже остатки жалости, испытывая одну лишь злобу.

— Твоя мать, — бросил он Карле, — набитая дура.

Карла повернулась, хотела ему ответить, но тут скрипнула дверь. Буквально волоча Микеле за руку, вошла Мариаграция.

— Добрый день, Мерумечи, — сказала она любовнику. И без малейшей паузы, показывая на сына, добавила: — Знаете, Микеле утверждает, что если мы не уступим вам виллу, а продадим ее на аукционе, то сможем заплатить долги. Да еще останется двадцать-тридцать тысяч лир... Он прав?

Лео потемнел в лице.

— Глупости, — не двигаясь, сказал он. — Никто и ни при каких условиях не даст вам

за виллу больше, чем я.

— Но, в сущности, — сказал Микеле, подойдя поближе, — ты нам вообще ничего не даешь... Вынуждаешь нас покинуть виллу... и только.

— Я вам уже немало дал, — недовольно, скучающим тоном ответил Лео, глядя через окно на блеклое небо. — Впрочем, — добавил он, — поступайте как знаете, продавайте виллу, дарите ее. Но предупреждаю, больше я ни в чем не приду вам на помощь. И в день истечения срока деньги должны лежать у меня на столе.

Лео знал, что, говоря так, он многим рискует. А вдруг они и правда решат продать виллу на аукционе? Тогда выяснится ее истинная цена, и он проиграет игру. Но Мариаграция не разбиралась во всех этих аукционах и купчих и считала их сплошным обманом. А главное, она боялась потерять возлюбленного и готова была на все, лишь бы его удержать. И она поспешила его успокоить.

— Нет, — сказала она, — на аукционе мы, пожалуй, виллу продавать не станем... Но вы, Мерумечи... могли бы предложить нам более выгодные условия... Тогда можно было бы договориться.

— На каких же условиях? — не глядя на нее, спросил Лео.

— Ну, к примеру, — с редкой наивностью сказала Мариаграция, — вы могли бы оставить за нами виллу до тех пор, пока Микеле не начнет работать, зарабатывать деньги, пока Карла не выйдет замуж.

Лео встретил ее предложение громким, неестественным, презрительным смехом.

— Долго же мне придется ждать! — воскликнул он, наконец оборвав деланный смехок. — Очень долго...

Он посмотрел в грустные, покорные глаза Карлы и угадал ее мысли, «Кто захочет взять меня в жены?» Но это вовсе не вызвало у него жалости или огорчения. Наоборот, он ощутил тщеславную гордость оттого, что вся ее жизнь всецело зависит от него, Лео.

— Как? — оскорбилась Мариаграция. — Что вы хотите этим сказать?

— Боюсь, вы меня превратно поняли, — поправился Лео. — Я уверен, что Карла в ближайшее время выйдет замуж. И от всего сердца желаю ей этого... Что же до Микеле, то не думаю, что он скоро начнет зарабатывать, — пройдет еще немало лет. И я не убежден, что у него хорошие шансы разбогатеть... На этот счет, уважаемая синьора, я, простите, испытываю серьезные сомнения.

До сих пор Микеле молчал, позволяя матери втягивать и его в спор. Но теперь, когда Лео открыто обвинил его в лени и никчемности, он понял, что, несмотря на все свое равнодушие, должен как-то ответить. «Самое время обидеться», — подумал он и шагнул к Лео.

— Я, — твердым голосом сказал он, — совсем не такой, каким кажусь тебе... И на деле докажу, что умею работать и зарабатывать не хуже других... Вот увидишь, — добавил он, радуясь выражению полного одобрения и гордости на лице матери, — что и без твоей помощи смогу обеспечить себя и всю нашу семью.

— Разумеется! — воскликнула Мариаграция. Она восхищенно погладила сына по голове, и он улыбнулся, полный сострадания к ней. — Микеле будет работать и станет богатым! — пылко воскликнула она. — Мы ни в ком не нуждаемся.

Но Лео не так-то легко было сбить с толку. Он в бешенстве пожал плечами.

— Ерунда! — крикнул он. — С Микеле никогда не знаешь, шутит ли он или говорит серьезно... Ты, Микеле, шут гороховый, самый настоящий шут.

Лео был вне себя от ярости. В делах он шуток не терпел, это уж точно. Он готов был встать и немедленно уйти.

Микеле подошел к Лео еще ближе.

«Шут?» Надо ли считать это грубым оскорблением его чести и достоинства? Если судить по тому, как он равнодушно это воспринял, то нет. Но если оценить подлинный смысл слова и недоброжелательный тон, каким оно было произнесено, то, безусловно, да. «Я должен что-то, сделать, — в смятении подумал он. — Скажем, дать ему пощечину». Нельзя

было терять ни секунды. Лео был рядом, в шаге от него, он стоял возле окна, прислонившись к бархатной гардине. Щека, по которой Микеле собирался ударить, была ярко освещена: широкая, мясистая, чисто выбритая, пухлая, так что наверняка не промахнешься — и на ней отпечатаются все пять пальцев. Итак...

— Значит, я шут? — бесцветным голосом сказал он, подойдя к Лео вплотную... — А ты не думаешь, что я могу обидеться?

— По мне, так можешь обижаться, — небрежно улыбаясь, ответил Лео, не сводя, однако, глаз с Микеле.

— Тогда получай! — Микеле вскинул руку... Но Лео с поразительной быстротой схватил его за запястье и отбросил руку назад. Микеле даже не понял, каким образом оказался прижатым к окну. Лео крепко держал его за запястья. Карла и Мариаграция в сильнейшем волнении вскочили со своих мест и подбежали к ним.

— Ах, ты хотел дать мне пощечину! — невозмутимо, с едкой насмешкой произнес наконец Лео. — Но ты ошибся, мой милый! Еще не родился тот, кому бы это удалось. — Он говорил внешне спокойно, крепко сжав зубы.

— Что случилось? Как, почему? — воскликнула стоявшая за спиной у Лео Мариаграция.

Сам Микеле, прижатый к окну, чувствовал себя весьма неуютно. Его поразила даже не молниеносная реакция Лео, а сила и уверенность этого человека, его элегантность — темно-коричневый двубортный пиджак, плотно облегающий тело, белоснежная рубашка, свежий, крахмальный льняной воротничок, гаванский в желтую полоску галстук, повязанный со скромным изяществом и небрежно змеившийся по разрезу жилета. Все это Микеле успел заметить в какие-то мгновения. Он поднял глаза и сказал Лео:

— Пусти.

— Нет, дорогой мой, — ответил Лео, — нет... Не пущу. У меня к тебе долгий разговор...

Но тут вмешались Карла и Мариаграция.

— Отпустите его, Мерумечи, — сказала Карла, положив брату руку на плечо и глядя на Лео. — Разве нельзя побеседовать с Микеле спокойно, мирно?

Лео разжал пальцы и отошел от окна.

— Я только хотел объяснить твоему брату, — сухо сказал Лео, — что пора бы ему и поумнеть. Не говоря уже о том, что подобные выходки недопустимы, не думаю, что это лучший способ прийти к дружескому соглашению.

— Вы тысячу раз правы, — поспешно, с заискивающей улыбкой подтвердила Мариаграция. — Не обращайтесь на Микеле внимания... Он сам не знает, что делает...

«А ты знаешь?» — подумал Микеле, глядя на нее.

— Зачем же ты втянула меня в свои дела? — сказал он, подойдя к матери.

— Поэтому, — продолжала Мариаграция, оставив без ответа замечание сына, — о вилле надо говорить со мной.

— Ах, так? — воскликнул Лео, глядя на растерянные лица Карлы, Микеле и Мариаграции. — Ну хорошо. Вот мои последние условия. Запомните их раз и навсегда. Я оставляю за вами виллу до тех пор, пока вы не подыщете другой дом... И еще... я дам вам определенную сумму... скажем, тридцать тысяч лир.

— Тридцать тысяч? — повторила Мариаграция, широко раскрыв глаза. — Всего?

— Попробуйте понять, — сказал Лео, — Вот вы, синьора, утверждаете, что вилла стоит больше, чем вы получили в долг. Я уверен в обратном. Но, чтобы доказать свое дружеское расположение, даю вам дополнительно тридцать тысяч лир... Ну допустим, за ремонт, который вы недавно произвели. Словом, за все работы, которые выполнены за последнее время.

— Да, но вилла стоит больше, Мерумечи! — настаивала Мариаграция. — Куда больше, — умоляюще повторила она.

— В таком случае я вам вот что посоветую, — холодно ответил Лео. — Продайте ее

кому-нибудь другому... Вы не только не получите тридцати тысяч лир, но даже долг не сможете заплатить... Начнем с того, что сейчас самый неподходящий момент для продажи. Времена плохие, никто не покупает, все хотят продать. Достаточно посмотреть четвертую страницу газет, чтобы убедиться в этом... И учтите, поскольку вилла за городом, трудно найти охотника поселиться здесь... Впрочем, поступайте как знаете. А вдруг я дал вам неверный совет. Да меня потом совесть замучает! Нет уж, решайте сами.

— Я бы, мама, приняла условия Мерумечи, — сказала Карла. — Я жду не дожусь, когда смогу покинуть нашу виллу и переселиться в другое место. Пусть даже без гроша в кармане.

— Ты лучше помолчи! — в отчаянье махнув рукой, воскликнула Мариаграция. В комнате воцарилась напряженная тишина. Мариаграция уже видела себя и детей нищими, Карла — как рушится ее прежняя жизнь, а Микеле вообще ничего не видел впереди и оттого из всех троих испытывал наибольшее отчаяние.

— Во всяком случае, — сказал Лео, — все это можно обсудить еще раз... Приходите... Приходите ко мне послезавтра, синьора... Тогда и поговорим подробно, обстоятельно.

Мариаграция приняла его предложение с бурным, унижавшим ее восторгом.

— Послезавтра, после обеда?

— Хорошо, синьора, приходите после обеда.

С минуту все четверо молчали. Наконец Мариаграция предложила перейти из гостиной в столовую.

Стол был накрыт празднично и даже изысканно. На белой скатерти в ярком свете дня сверкали хрусталь, серебро и фарфор. Мариаграция села во главе стола и, хотя стулья заранее были расставлены как обычно, решила на этот раз всех пересадить.

— Мерумечи, вы садитесь вот сюда, ты, Карла, — напротив, а ты, Микеле, — сюда...

Непонятно было, поступила ли она так, чтобы придать особую торжественность семейному празднику, либо по прежней, не забытой еще привычке принимать и рассаживать в подобных случаях куда больше гостей.

— Мне хотелось, — сказала Мариаграция, приступая к еде, — устроить сегодня для Карлы такой обед, на какой только я способна: со всевозможными яствами, словом, настоящий праздничный обед... Но как? В наши дни это просто невысказано... Моя повариха хотя и не плоха, но до хорошей ей далеко... Ей надо все указывать и показывать — сделай это так, а это вот так... Но нет у ней страсти, любви к своему делу. А когда нет страсти, то, сколько ни старайся, ничего не получится.

— Ты права, — с самым серьезным видом подтвердил Микеле. — Я, к примеру, как ни пытался дать пощечину Лео, ничего не вышло... Мне не хватило страсти.

— При чем здесь это? — прервала его Мариаграция, покраснев от негодования. — При чем тут Лео?... Речь идет о моей поварихе... Ах, Микеле, ты верен себе!.. Даже в такой день, в день рождения сестры, когда нужно забыть все обиды и веселиться от души, ты говоришь о пощечине, о ссоре. Право же, ты неисправим!

— Пусть себе говорит, синьора, — сказал Лео, не отрываясь от еды. — Мне это безразлично, я его и не слушаю вовсе.

— Молчу, мама, молчу! — воскликнул Микеле, вовремя сообразив, что задел ее за живое. — Не сомневайся, я буду нем как рыба и не стану больше отравлять семейное торжество.

Снова наступила тишина. Вошла служанка и унесла грязную посуду. Мариаграция, которая не сводила пристального взгляда с Лео, обернулась к нему и спросила:

— Хорошо ли вы повеселились вчера вечером, Мерумечи?

Лео бросил взгляд на Карлу, словно желая сказать: «Ну вот, начинается», — но Карла отвела глаза,

— С кем? Когда? — услышала она, и в тот же миг почувствовала, как Лео под столом слегка наступил ей на ногу. Она закусила губу. Эта низкая двойная игра была ей противна. Она готова была встать и во всеуслышанье сказать всю правду.

— С кем? — повторила Мариаграция. — О, Господи, да, конечно же, с Лизой!

— Вы находите, что проводить женщину домой — большое веселье?

— Я лично не нахожу, — возразила Мариаграция, с ехидной усмешкой. — Мне в компании некоторых лиц, откровенно говоря, бывает адски скучно. Но вы, Лео, вы такую компанию ищете, а значит, вам подобные компании нравятся.

Лео хотел было ответить ей грубостью, но тут, как всегда невпопад, вмешался Микеле.

— Ах, мама! — воскликнул он, пародируя недавние слова Мариаграции. — Ты верна себе!.. Даже в такой день, в день рождения твоей сестры, прости, твоей дочери, когда нужно забыть все обиды и веселиться от души, ты говоришь о Лизе... Право же, ты неисправима.

Эта шутливая выходка заставила Карлу невольно улыбнуться, а Лео громко расхохотаться.

— Bravo, Микеле! — воскликнул он. Но Мариаграция обиделась.

— При чем здесь ты? — сказала она, обращаясь к Микеле. — Я могу говорить сколько угодно о наших с Мерумечи делах, а ты при этом должен молчать,

— Но в такой день?!

Мариаграция сердито пожала плечами.

— Я всего лишь упомянула о Лизе... и вообще... Ну хорошо, — сказала она. — Поговорим о другом... Но только предупреждаю вас, Мерумечи, отныне выбирайте другое место для встреч со своими любовницами. Ясно вам?

Мариаграция впервые столь яростно нападала на Лео. И тут произошло непредвиденное. Карла, которая при этих сценах прежде хранила молчание, внезапно запротестовала.

— Одно я хотела бы знать, — начала она, пытаясь говорить спокойно. Но ее по-детски чистое лицо покраснело, а глаза смотрели на мать мрачно и даже с ненавистью. — Я хотела бы знать, мама, понимаешь ли ты, что говоришь?... Вот что мне хотелось бы знать.

Мариаграция уставилась на нее, точно на какое-то чудо.

— О, это нечто новое!.. Я уже не вправе сказать то, что думаю.

— Я хотела бы знать, — настаивала Карла, возвысив голос, — как можно дойти до такого?! — У нее дрожали губы, а голос от волнения прерывался. Она наклонила свою крупную голову и снизу вверх взглянула матери прямо в глаза.

Какое-то мгновение в комнате было тихо. Микеле, Мариаграция и Лео изумленно смотрели друг на друга. Из всех троих только Лео смутно угадывал состояние Карлы. Чтобы лучше видеть мать, она подвинулась к столу и вся словно сжалась на стуле со слишком высокой спинкой. Ее худые плечи казались еще более узкими, а голова — еще более крупной... Она точно приготовилась к прыжку.

«Маленькая фурия, — подумал Лео. — Сейчас она бросится на Мариаграцию и исцарапает ей лицо». Но его мрачные предположения не сбылись. Карла лишь вскинула голову.

— Вот все, что я хотела бы знать, — повторила она. — И еще — как можно каждый день повторять эти сцены?! Ничто не меняется: та же скука, та же жалкая суета, те же споры по одному и тому же поводу, те же глупые разговоры. И выше этих дурацких разговоров мы подняться не способны. Нисколько. — Она сняла руку со стола, ее сверкавшие гневом глаза наполнились слезами, она вся дрожала. — А главное, я хотела бы знать, — заключила она, резко выпрямившись, — что ты находишь в этом приятного?... Ты, мама, ничего не замечаешь. Но если б ты взглянула на себя в зеркало, когда ты споришь, возмущаешься, тебе стало бы стыдно! И ты поняла бы, до чего может довести человека скука и однообразие и до какой степени можно желать новой жизни, не похожей на прежнюю...

Она замолчала. Лицо ее покраснело, в глазах блеснули слезы, она, не глядя, взяла мясо с блюда, которое ей протягивала служанка.

Наконец Мариаграция пришла в себя.

— О, чудесно! Это уже верх наглости! — воскликнула она. — Значит, отныне я должна буду, прежде чем слово сказать, спрашивать разрешения у дочери? Я вот слушала тебя и

думала, что мне это приснилось... Нет, это просто верх наглости!

— Мне кажется, — спокойно сказал Микеле, — что Карла лишь слегка прикоснулась к истине... Все это не просто тоскливо, а отвратительно. Но возмущаться бесполезно, лучше постараться привыкнуть.

— Не преувеличивай, — примирительно сказал Лео. — Карла ничего такого не думала.

— Ах, перестаньте! — ответила Мариаграция. — Я их насквозь вижу, моих птенчиков... Знаете, кто такие Карла и Микеле? Эгоисты, которые, если б могли, давно бы ушли, бросив меня одну. Гнусные эгоисты. Вот в чем истина!

Ее голос дрожал, губы мелко подрагивали. «Все бы они ушли, и Лео, и эти двое, а я осталась бы одна-одинешенька». Карла смотрела на мать, она уже раскаивалась, что заговорила. Какой от этого прок? Нельзя стаканом вычерпать море — мать останется такой же, как и прежде, — нелепой, черствой, полной предрассудков, и ее уже ничто не изменит, даже чудо. Она ничего не выиграет, вступив с ней в спор, лучше действовать. «Да, мне надо уйти из дома, — подумала Карла, глядя на розовое, невозмутимое лицо Лео. — Сегодня же, сейчас, и больше не возвращаться». Но, подавив отвращение, она первой сделала шаг к примирению.

— Пойми, мама, я не собиралась тебя обидеть, — мягко сказала она. — Я только хотела попросить в день моего рождения, ты ведь сама об этом заговорила, не затевать споры и... и...

— И повеселиться от души, — закончил за нее Микеле с недоброй гримасой.

— Вот именно, — серьезным голосом одобрила Карла, — повеселиться. — Но когда она взглянула на глупое, недовольное, растерянное лицо матери, то готова была закричать: «Отчего веселиться? Оттого, что мы такие жалкие люди?» Помолчав секунду, она добавила: — Так ты не обиделась, мама, правда?

— Я никогда не обижаюсь, — с достоинством ответила Мариаграция. — Но мне казалось, что почтительная дочь не имеет права разговаривать с матерью в таком тоне.

— Ты тысячу раз права, мама, — не уступала Карла. — Тысячу раз права, — повторила она тем же мягким голосом. — Но теперь надо забыть все. Хотя бы на сегодня, и подумать о чем-нибудь более веселом.

— Ах ты, хитрюшка! — с легкой улыбкой сказала Мариаграция. — Ну хорошо, забудем все, что было, ведь сегодня твой праздник... Иначе бы все было по-другому.

— Отлично, — одобрила ее Карла, по-прежнему стараясь говорить как можно мягче. — Спасибо тебе, мама... А теперь вы, Лео и Микеле, расскажите что-нибудь забавное, смешное.

— Так, сразу, я, право же, ничего не могу придумать, — ответил Лео, положив вилку.

— А я знаю по-настоящему смешную историю, — отозвался Микеле. — Хотите, расскажу?

— Чудесно, послушаем твою историю, — подбодрила его Мариаграция.

— Вот она. — Микеле поднял голову и забубнил: — Был вечер страстной пятницы, калабрийские разбойники сидели вокруг костра. И тут один из них сказал: «Ты, Беппе, знаешь тьму всяких историй, расскажи нам какую-нибудь поинтереснее». И Беппе хриплым голосом начал: «Был вечер страстной пятницы, калабрийские разбойники сидели вокруг костра. И тут один из них сказал: „Ты, Беппе, знаешь тьму всяких историй, расскажи нам какую-нибудь поинтереснее“. И Беппе хриплым голосом начал: „Был вечер страстной пятницы...“»

— Хватит, хватит, — прервала его Мариаграция. — О, Господи, она никогда не кончится!.. Мы уже догадались.

— Как две капли воды похожа на историю про змею, которая кусает свой собственный хвост, — важно произнес Лео.

Вошла служанка, неся великолепный торт, на котором кремом было выведено: «Поздравляем!» Первой взяла себе кусок торта Мариаграция, затем Лео, Карла и, наконец, Микеле.

— Значит, вам моя история не понравилась? — спросил Микеле.

— Ничуть, — ответила Мариаграция, старательно поедая торт. — Глупее трудно придумать...

— Вас этому в университете учат? — невозмутимо спросил Лео, не отрываясь от еды.

Микеле исподлобья взглянул на него, но ничего не ответил.

— Я знаю еще одну историю, — не сдавался он. — Но боюсь, что и она придется вам не по вкусу. В ней рассказывается о пожилой синьоре, у которой был любовник.

— Но это совсем не веселая история, — поспешно прервала его Карла, пристально глядя на брата. — А я хочу такую, чтобы можно было посмеяться.

— Ну, эта история может быть и веселой и грустной, — заметил Лео.

— И потом, Микеле, — наставительно сказала Мариаграция, — мне не нравится, что ты с такой легкостью говоришь о подобных вещах в присутствии Карлы...

Замечание Мариаграции вызвало у Лео улыбку и позабавило своей наивностью.

«Какая ерунда! — подумал он. — Карла насчет этого знает больше тебя!» Он отыскал под столом ее ногу и наступил на нее, как бы приглашая Карлу посмеяться вместе с ним. Но она вновь не ответила на этот доверительный жест сообщника. Ей расхотелось веселиться. Она смотрела на мать, на ее растерянное лицо — глупую маску, точно повисшую в матовом свете столовой. «Скорее покончить со всем этим, — подумала она. — Сделать так, чтобы завтра мама уже не могла сказать ничего похожего». И так велико было ее желание изменить все раз и навсегда, что она едва не рассмеялась матери прямо в лицо, — тогда у нее не останется больше никаких иллюзий насчет невинности дочери. А может, просто в ответ выразительно пожать плечами? Но она сдержалась.

— Очень жаль, — сказал Микеле. — История была весьма поучительная... Быть может, и не смешная, но поучительная.

И опять наступила тишина. Служанка сменила приборы и принесла фрукты.

— Итак, Карла, — сказал Лео, старательно очищая яблоко, — с сегодняшнего дня для тебя должна начаться новая жизнь?

— Будем надеяться, — тихонько вздохнув, ответила Карла. Ее мучила мысль — когда она отдастся Лео, сегодня вечером или завтра?

— Новая, в каком смысле? — спросила Мариаграция.

— Во всех смыслах, мама.

— Не понимаю тебя, моя милая, — сказала Мариаграция. — Объясни на каком-нибудь примере.

— Новая, ну, значит, не такая бессмысленная, пустая, бесполезная. Иная, чем теперь, — более серьезная... — Карла посмотрела на мать. — Новая в том смысле, что в ней все изменится.

— Карла права, — вмешался Лео. — Время от времени полезно кое-что менять.

— Вы, Мерумечи, молчите, — прервала его Мариаграция. — Не понимаю... как можно вдруг изменить жизнь?... — с беспокойством продолжала она. — В одно прекрасное утро ты просыпаешься и говоришь себе — сегодня я решила изменить свою жизнь. Ну мыслимо ли это?

— Можно сделать нечто такое, — сказала Карла, не подымая глаз и крепко сжимая зубы, — что перевернет всю твою жизнь.

— Да, но, дорогая моя, — сурово ответила Мариаграция, — я не представляю себе, как может девушка изменить жизнь, не выйдя замуж?! Вот после замужества жизнь и в самом деле меняется... Домашние обязанности, нужно ухаживать за мужем... воспитывать детей, если они появятся... Словом — множество забот, которые заставляют нас изменить свои привычки. Конечно, я от всего сердца желаю тебе счастья, но сомневаюсь, чтобы ты не сегодня-завтра вышла замуж... Поэтому я не понимаю, как может жизнь внезапно измениться по одному нашему желанию.

— Но, мама, — осмелилась возразить Карла, нервно сжимая в руке нож, — кроме замужества, есть немало вещей, которые способны изменить жизнь человека.

— А именно? — весьма холодным тоном спросила Мариаграция, отрезая ломтик яблока.

Карла посмотрела на нее почти с ненавистью. «А именно — стать любовницей Лео», — хотела она ответить. И со злорадным удовольствием представила себе, какое изумление, возмущение, ужас вызвали бы у матери ее слова. Но она сумела сдержаться и лишь с усмешкой сказала:

— К примеру, если б меня сегодня увидел глава американской кинематографической фирмы и, пораженный моей красотой, предложил бы стать актрисой... Моя жизнь сразу же изменилась бы.

Мариаграция поморщилась.

— Ты рассуждаешь, как ребенок... С тобой невозможно говорить серьезно.

— Всякое случается, — сказал Лео, которому не терпелось завоевать расположение Карлы.

— Как?! — воскликнула Мариаграция. — Моя дочь вдруг станет актрисой? Вы, Мерумечи, сами не знаете, что говорите.

— Шутки шутками, — сказала Карла, — но скоро мы, похоже, покинем виллу и переселимся в другое место... И нам придется экономить, так разве наша жизнь волей-неволей не изменится?

— Кто сказал, что мы оставим виллу? — удивилась Мариаграция, с наглостью отчаянья глядя Мерумечи прямо в глаза. — Пока ты не найдешь мужа, мы останемся здесь.

Лео посмотрел на Мариаграцию. Он побагровел от гнева, и, с трудом сдержавшись, лишь пожал плечами.

«Черта с два останетесь! — хотелось ему крикнуть Мариаграции. — Уберетесь отсюда, и даже очень скоро».

— Останемся, — с неуверенной улыбкой повторила Мариаграция. — Не правда ли, Мерумечи, мы останемся?

Взгляды всех троих скрестились на Лео.

«Черт бы тебя побрал», — подумал Лео, но ответил:

— Да, да, останетесь. — Он опасался новых сцен, а главное, боялся испортить все дело с Карлой.

— Видите! — торжествующе воскликнула Мариаграция. — Мерумечи дал слово. Пока ничего не изменится.

— Пока, — пробурчал Лео, но так тихо, что никто не расслышал. И в тот же момент на Карлу напал неудержимый приступ истерии. Лицо ее вдруг стало пунцовым, она стукнула кулаком по столу.

— Я... я не верю, — воскликнула она срывающимся голосом. — Ты, мама, хочешь, чтобы я задохнулась в этих стенах? А я предпочитаю полное разорение! Понятно тебе — разорение... Чем эта серая жизнь, лучше уж упасть на самое дно. Как раз вчера я говорила Лео, что днем и ночью думаю об этом. Вот и сегодня утром, едва я встала и взглянула в зеркало, я сказала себе: «Для меня начинается новый год жизни, он должен быть совсем непохожим на прежние. Потому что дальше так жить нельзя... Невозможно!»

Внезапно лицо ее из пунцового сделалось бледным как полотно, она опустила голову и разрыдалась. Все трое в смятении переглянулись. Мариаграция поднялась — слезы дочери показались ей вполне искренними, а значит, не стоило придавать значения всем ее предыдущим обвинениям — и подошла к ней.

— Охота тебе плакать так, без всякой серьезной причины?! Ну, успокойся... сегодня твой праздник... не надо плакать, детка.

Карла не поднимала головы, ее всю сотрясали рыдания. Но мягкие, успокаивающие слова Мариаграции на миг перенесли ее во времена детства с его ребяческими огорчениями и материнской лаской, и постепенно глухая, боль сменилась робким чувством растроганности. Она словно увидела себя такой, как прежде, — маленькой девочкой, и ей внезапно стало до боли жалко утраченной невинности и беззаботности. Сквозь пелену слез

она различала полузабытых сверстников тех далеких дней. Все это длилось одно мгновение. Потом до нее донеслись слова Лео. Он тоже стал ее утешать.

— Ну... улыбнись же, зачем плакать? Она подняла голову.

— Вы правы, — твердым голосом сказала она, вытирая слезы. — Сегодня мой день рождения... — Хотела добавить еще что-то, но сдержалась.

— Надо же, сидеть за праздничным столом и плакать! — воскликнул Лео. Мариаграция глупо улыбалась. «Как все это горько и сладостно», — подумала Карла.

Лишь Микеле не сдвинулся с места и не произнес ни слова. «Самая настоящая истерика, — подумал он, когда Карла вдруг залилась слезами. — Если б она полюбила юношу, ее сверстника, а тот ответил бы ей взаимностью, она была бы спокойной и счастливой». Он не делал никакого различия между сестрой и матерью с Лео — все трое казались ему нестерпимо фальшивыми и чужими. Смотрел на них и с тоской спрашивал себя: «Неужели это и есть мой мир, близкие мне люди?!» Чем дольше он их слушал, тем больше они казались ему нелепыми и эгоистичными, хотя каждый и был по-своему искренен. «Веселиться — подумал он. — Я должен веселиться». Но, то ли из жалости к ним, то ли из отвращения, он сам этого не понимал, но когда он в сотый раз смотрел на сидящих за обеденным столом Лео, мать, Карлу, не меняющихся, все таких же ущербных, лицо его невольно хмурилось, а глаза слипались от усталости. «Тут какая-то ошибка. В этом должна быть какая-то ошибка», — повторял он тихонько, наклонив голову, чтобы скрыть подступавшие слезы.

Остальные ничего не заметили и ничего не поняли. Наконец фрукты были съедены, у каждого возле тарелки стоял бокал, а Лео внимательно изучал этикетки двух бутылок французского шампанского, которое только что принесла служанка.

— Это хорошее, — объявил он наконец с видом знатока. — А это просто отменное...

— Сначала одну, а немного позже — другую, — рассудительно сказала Мариаграция. — Откупорьте вы, Мерумечи.

Лео взял бутылку, снял с нее провололочную оплетку.

— Раз, два, три, — театрально произнес он. И при слове «три» пробка вылетела, и Лео поспешно, чтобы не выплеснулась пена, наполнил каждому бокал. Все встали — на всех четырех падал тусклый свет пыльной люстры.

— За твоё здоровье, Карла, — сказала Мариаграция тихим, задушевым голосом, словно речь шла о какой-то тайне.

Они чокнулись: дружеские и даже трогательные пожелания: «Спасибо, мама, Микеле», «Счастья тебе, Карла», «И за вас тоже, синьора». Беспорядочно сдвинутые приборы, четыре склоненные над столом головы, печальное позвякивание хрустальных бокалов при каждой новой здравице. Потом все выпили вина, вопросительно поглядывая друг на друга.

— Хорошее, — объявила наконец Мариаграция. — Чувствуется, что выдержанное.

— Вино превосходное, — сказал Лео. — А теперь, — добавил он, — я произнесу тост... Тост в честь каждого из вас. Но прежде хочу попросить тебя, Микеле, не смотри, точно приговоренный к смерти Сократ, это не цикута, а шампанское.

«Ты прав, — подумал Микеле. — Нужно веселиться». И он изобразил улыбку. Но она вышла такой натянутой и глупой, что он сам это почувствовал и громко засмеялся.

— Вот и чудесно! — сказал Лео, очень довольный тем, что сумел к месту вернуть словцо о Сократе.

Он поднял бокал.

— За твою новую жизнь, Карла. — Он улыбнулся и чокнулся с Карлой. — Я отлично знаю, — продолжал он, лукаво глядя на нее, — каковы твои желания и о чем ты мечтаешь днем и ночью... Поэтому думаю, что попаду точно в цель, пожелав тебе замужества, счастливого во всех отношениях. Иными словами, чтобы твой муж был человеком богатым, красивым и умным... Я угадал, не так ли?

Мариаграция радостно кивнула головой и снова подняла бокал. Сама именинница ничего не ответила и даже не улыбнулась. Глумливый, иронический намек Лео открывал ей

всю глубину ожидавшего ее падения. Но раз уж она решилась, то лучше падать на самое дно пропасти. Она опустила глаза и с чувством отвращения — она не любила французское шампанское — выпила все до последней капли.

— А теперь пьем за ваше здоровье, синьора, — продолжал Лео. — Насколько я понял, ваши надежды не совпадают с надеждами Карлы. Пожелаем же вам от всей души, чтобы ничто в мире не менялось и не изменилось в дальнейшем. Чтобы все оставалось по-старому, — тут он сделал ловкий ход, — также и со старыми друзьями.

Мариаграция заулыбалась, словно ее пощекотали под мышками.

— Да здравствуют старые друзья! — восторженно крикнула она. Чокнулась с Лео и единым духом выпила бокал до дна.

— За нашу дружбу, Микеле, — после короткой паузы сказал Лео. Он залпом выпил свой бокал и, подойдя к Микеле, протянул ему руку. Микеле посмотрел снизу вверх на Лео, который улыбался самодовольно и дружелюбно, посмотрел на протянутую руку. Он сидел, Лео стоял рядом. Микеле видел его широкую грудь и отечески ласковую, глуповатую улыбку на красном, пухлом лице. «Отказаться, — подумал он. — Отказаться и рассмеяться этому типу в лицо». Он поднялся, положив на стол салфетку. И тут он заметил, что после смеха и тостов воцарилась напряженная тишина. Карла и мать словно застыли и были сейчас так же неподвижны, как лампа и сдвинутая в беспорядке посуда.

Мать, полная нетерпеливого ожидания, смотрела на него, подперев голову руками. Лоб ее прорезали две морщины, и по глазам непонятно было, просит она или приказывает. Микеле снова стало неприятно и в то же время жаль ее. «Не бойся, — хотел он ей сказать, — никто у тебя не собирается отнимать любовника, мама, никто». Он переводил взгляд с матери на Лео, вглядывался в них, но свет лампы слепил глаза... Нет, это сон, дикий сон полнейшей апатии.

— Ну, смелее, — услышал он слова Лео. — Дай руку, и покончим разом со всеми недоразумениями!

Он протянул Лео правую руку, и Лео крепко пожал ее. И вдруг он очутился в объятиях Лео. Они обнялись и поцеловались.

Все мгновенно повеселели.

— Чудесно! — воскликнула Мариаграция и захлопала в ладоши. — Bravo, Микеле!

— Ну, разве два таких разумных и порядочных человека, как Микеле и я, могут долго быть в ссоре! — воскликнул Лео. А про себя подумал: «Теперь, после этих объятий, ты оставишь меня в покое, молокосос?» Микеле, сидевший в конце стола, низко наклонился над тарелкой. Казалось, он устыдился этого объятия, точно совершил недостойный поступок. Наконец он поднял глаза. После примирения все трое сразу утратили к нему всякий интерес. Сидя на другом конце стола, они пили, смеялись... и не обращали на него никакого внимания. Они вновь казались ему далекими и совершенно чужими. Лео взял бутылку и наполнил бокалы матери и дочери, бокал Карлы он наполнил до краев.

«Я буду не я, если не заставлю Карлу выпить целиком хотя бы одну из двух бутылок». Он знал, что опьянение Карлы облегчит ему успех, и уже предвкушал все удовольствия встречи в саду. Быть может, виной тому была обильная еда, быть может, молодость и свежесть Карлы, но им овладела похоть.

— Итак, не забывайте, — суровым голосом произнес он, подняв бокал. — Мы не встанем из-за стола, пока не допьем обе бутылки.

— Пейте вы, Лео, — сказала Мариаграция, которая беспрестанно смеялась и то и дело бросала на любовника пламенные взгляды. — Пейте вы или Карла... Я больше не хочу...

— Что ж, — согласился Лео. — Будем пить я и Карла, не так ли, Карла?

И он поднял свой бокал.

Карла посмотрела на него. Шампанское ей не нравилось, даже было противно, но в жесте Лео, в его повелительном взгляде было столько грозной силы, что она невольно подчинилась.

— Все, до последней капли, — повелительно сказал Лео.

Мариаграция снова захохотала. Карла посмотрела на Лео, затем на мать. «Напиться», — внезапно со страхом подумала она. Эти лица в белом полуденном свете пугали ее. Ничтожные, бездушные лица ее теперешней жизни. «Больше не видеть всего этого». Она с тяжелым чувством подняла бокал и выпила шампанское, все, до конца. Сладковатая, пенящаяся жидкость с неприятным запахом забила рот, Карла не смогла проглотить ее сразу, на миг ей захотелось выплюнуть оставшуюся часть Лео в лицо. Но она сдержалась и, прикрыв веки, слушала, как шампанское булькает в горле. Когда она открыла глаза, желтая струя снова лилась из бутылки в ее бокал.

— Выпейте и вы, — предложил Лео, обращаясь к Мариаграции. — Знаете поговорку: «Наполни бокал пустой, опорожни бокал полный, никогда не оставляй бокал пустым и никогда не оставляй его полным».

— Ха, ха, ха! — Мариаграция громко смеялась его заплесневелым островам.

— В вине истина, — не унимался Лео. — Выпейте, синьора, вместе со мной... Впрочем, ручаюсь — уже после второго бокала у вас все поплывет перед глазами. Мариаграция оскорбилась.

— Вы ошибаетесь, — с достоинством сказала она. — Мало кто может выпить, не пьянея, столько, сколько я. — И в доказательство единым духом выпила полный бокал шампанского.

— Так, посмотрим, — сказал Лео, который пришел в отличное расположение духа. И показал Мариаграции два пальца. — Сколько?

— Двадцать, — захохотав, ответила Мариаграция.

— Великолепно. — На какое-то мгновение Лео умолк и посмотрел на обеих женщин, мать и дочь. — А теперь, — добавил он, внезапно повернувшись к Карле, — выпьем... выпьем за здоровье твоего будущего мужа.

— За это я тоже выпью! — вне себя от радости воскликнула Мариаграция.

Карла заколебалась. Она уже захмелела, и все плыло перед ее глазами. У нее было такое чувство, будто она надела слишком сильные очки либо смотрит сквозь стекло аквариума. Все предметы дрожали, распались, вновь соединялись. «Еще один бокал, — подумала она, — и я вообще перестану соображать». Она растерянно улыбнулась, подняла бокал этого мерзкого шампанского и выпила. И сразу опьянела. Ее захлестнула невероятная веселость, ей непременно захотелось показать всем, что она нисколько не пьяна.

— Я не прочь выпить за здоровье своего будущего мужа, — сказала она, старательно выговаривая каждый слог. — Но каким он будет, этот мой будущий муж?

— Это одному богу известно, — сказала Мариаграция. — Не считай я тебя почти своей дочерью, — сказал Лео, — я предложил бы себя самого в мужья... Ты бы согласилась?

— Ты — мой муж! — воскликнула Карла, тыча в него пальцем. — Но... — Она взглянула на него. «Разве ты не любовник моей матери?» — Но ты слишком толстый, Лео.

— Ну уж тут ты ошибаешься, — оскорбленно возразила Мариаграция. — Лео совсем не толстый... Я бы пожелала тебе такого мужа.

— Ну, ты согласна, Карла? — с улыбкой продолжал Лео. — Мы совершили бы свадебное путешествие в Париж и...

— Нет... Лучше в Индию, — прервала его Карла капризным голосом.

— Париж куда интереснее! — сказала Мариаграция, которая никогда там не бывала.

— Пусть будет Индия, — уступил Лео. — Я бы подарил тебе автомобиль, дом, платье... Так ты пойдешь за меня замуж?

Карла посмотрела на него, от выпитого вина мысли у нее путались. «Зачем Лео говорит все это! Может быть, для того, чтобы подшутить над матерью! Но в таком случае надо смеяться».

— Я, пожалуй, не возражала бы, — неуверенно ответила она наконец. — Но нужно сначала спросить согласия у мамы.

— А вы, синьора, — спросил Лео с привычной довольной, невозмутимой улыбкой, — приняли бы меня в зятя?

— Посмотрим, — тут же отозвалась Мариаграция, которой от возбуждения все казалось веселым и забавным. — Посмотрим... У вас хорошая должность?

— Я служащий министерства юстиции, — со скромным видом ответил Лео. — Получаю в месяц восемьсот лир... Но начальство любит меня... Мне обещано повышение.

— А как насчет семьи? — продолжала задавать вопросы Мариаграция, едва удерживаясь от смеха.

— У меня нет семьи, я один на всем белом свете.

— Верующий?

— О да, верующий!

— Словом, вы надеетесь, — заключила Мариаграция, — что сделаете мою дочь счастливой?

— Я в этом уверен, — ответил Лео, пристально глядя на Карлу.

— Тогда женитесь, и благословит вас господь! — воскликнула Мариаграция и расхохоталась.

— Поженимся, Лео, — хлопнув в ладоши, грустно согласилась Карла. Лео засмеялся.

— Похоже, генеральная репетиция прошла удачно. Теперь тебе, Карла, остается только дождаться настоящего мужа.

Он взял вторую бутылку и наполнил бокал Карлы. «Надо ее напоить, — все время повторял он себе. — Напоить допьяна». Он посмотрел на девушку.

— А теперь еще один тост за здоровье синьоры, — сказал он.

Карла дрожащей рукой поднесла бокал ко рту и выпила. И тут она вдруг со страхом поняла, что пьяна. Голова у нее кружилась, в горле пересохло, и хотя она широко раскрывала глаза, но почти ничего не видела. Она плохо соображала, что делала, и точно утратила зрение и слух. Стеклянная и серебряная посуда казалась ей до того сверкающе-яркой, что было больно глазам, выражение лиц сидящих за столом было таким же застывшим, невыразительным, как у масок. Все вокруг колыхалось, очертания предметов расплывались, глаза и рты собеседников расплывались, словно масляное пятно на песке. Казалось, столовую затянуло белым туманом, и хотя Карла слышала каждое слово, уловить его значение никак не могла. «Как же я теперь, совершенно пьяная, буду разговаривать с Лео в саду?» Эта мысль неотступно преследовала Карлу, и она горько жалела, что согласилась столько пить. Ей хотелось плакать.

А Лео хотелось ее напоить допьяна. Он беседовал с Мариаграцией, делал вид, будто вообще не обращает внимания на Карлу, но посреди очередного анекдота оборачивался и, держа в руке бутылку, снова и снова наполнял ее бокал, повторяя с веселым видом:

— Ну... смелее же, Карла! — И поднимал свой бокал. Карла смотрела на него. «Зачем все это?» — хотелось ей спросить. Но неподвижное лицо Лео, рука, держащая бутылку, каждый его жест, каждое слово, все казалось ей знаком роковой, жестокой, неизбежной судьбы, а сам Лео — автоматом, который каждые пять минут подливал ей вина. Но она не сопротивлялась и, подавив отвращение, пила. Затем ставила пустой бокал и точно сквозь пелену смотрела на него испуганным взглядом. «Сейчас, — думала она, — снова возникнет узкое горлышко бутылки, и из него неумолимо хлынет в бокал струя вина».

Наконец была выпита и вторая бутылка.

— Мы и ее прикончили, — радостно сказал Лео, — Молодчина, Карла.

Но Карла ничего не ответила. Она сидела, уронив голову на стол, на глаза падал клочок волос.

— Что с тобой? — забеспокоился Лео. — Тебе нехорошо?... На... покури, — сказал он, протянув свой портсигар. Увидев, как Карла с трудом взяла сигарету и закурила, он подумал: «Для посетительницы ночных клубов ей сейчас недостает лишь розы на груди». И верно, Карла сидела точно в такой же позе, как женщины в ночных клубах на рассвете, — облокотившись о стол и подперев голову руками, дымя сигаретой и глядя прямо перед собой.

Рукав слишком широкого, еще недавно принадлежавшего матери, платья сполз с плеча,

обнажив полоску белой груди. Карле еще никогда не было так плохо. Она всем телом навалилась на стол, чувствуя, что вот-вот задохнется.

Мариаграция беззлобно посмотрела на нее.

— Спустись в сад, — посоветовала она дочери. — Подыши свежим воздухом... тебе станет легче.

Слова матери, несмотря на опьянение, Карла поняла и восприняла их с горькой иронией. «Отчего мне станет легче? — хотела она ответить. — Оттого, что я встречу там с Лео? Конечно, мне будет легче». Но лишь сказала:

— Ты в этом уверена? — И встала из-за стола.

И сразу ощутила, как трудно ей удержаться на ногах. Все в комнате дрожало и плыло перед глазами: пол вздымался и опускался, словно палуба корабля в бурю, стены покачивались, картина вдруг перевернулась, а вот тот шкаф почему-то валится на нее. Ей казалось, что стол вместе с тремя сидящими людьми сейчас взлетит к самому потолку. Кто-то, уронив голову на руки, смотрел на нее по-детски изумленными глазами с противоположного края. Был ли то Микеле? Она так и не успела этого понять — неуверенно ступая, вышла из комнаты и исчезла во тьме коридора.

— Она не умеет пить, не привыкла, — сказала Мариаграция, провожая дочь взглядом.

— Да, только тот, кто, как я, был на войне и пил в горах граппу,¹ знает, что такое опьянение, сказал Лео. Он взял бутылку и налил себе шампанское в бокал Карлы.

— За нашу дружбу, Микеле! — крикнул он, обернувшись к нему.

Но Микеле промолчал, не ответил на тост и не стал пить вместе с Лео. Он сидел, низко опустив голову, и ему было стыдно, противно и горестно. Он вспоминал, как обнимался с Лео, прижимаясь носом к его плечу. В ту минуту он был растроган, да, его сентиментальная душа почти растрогалась. Он до сих пор ощущал соленый вкус поцелуя, полученного и, увы, возвращенного... Какая умилительная сцена! Ему казалось, что его барабанные перепонки лопнут от оглушительного смеха Лео. Растроганный и одураченный! Ведь Лео одержал полную победу, получил и деньги и мать. А он, Микеле, остался с пустыми руками, удовольствовавшись тостом и дружеским объятием — вещами ничего не стоящими. Обе бутылки были пусты, от горящих сигарет плыли клубы дыма.

Мирный белый свет пробивался сквозь занавеси на окнах. Обуреваемая ревностью Мариаграция вновь упорно вызывала Лео на ссору.

— Почему вы не пьете за здоровье далекой подруги? — допытывалась она. И злым голосом добавляла: — *Loin de toi, loin de ton coeur.*²

Лео, откинувшись на спинку стула, сидел молча и тупо смотрел на Мариаграфию своими невыразительными глазами, целиком поглощенный процессом переваривания пищи. Когда же Мариаграция умолкала, в мрачной тишине слышно было, как он сыто зевает. А из труб парового отопления доносилось бульканье воды — внизу, в котельной, кто-то разжигал огонь.

VII

Из коридора Карла прошла в холл. Вот за этой портьерой они вчера вечером прятались с Лео. Перед глазами у нее все плыло; чтобы не упасть, она ухватилась за портьеру. Наконец она одолела холл и стала спускаться по мраморным ступеням лестницы. В саду было тихо-тихо. За деревьями с голыми ветвями виднелась каменная ограда, желтоватая, в больших пятнах плесени. Ни света, ни тени, ни ветерка, воздух холоден и неподвижен, небо серое, в вышине летит стая ворон, то распадаясь, то соединяясь, но все дальше уплывая в

¹ Граппа — виноградная водка.

² С глаз долой, из сердца вон (*франц.*).

безбрежность. Лишь одна птичка прятась где-то, тихонько и жалобно посвистывала; казалось, и самой природе было тяжело.

Шаг за шагом, держась за ограду, Карла обошла вокруг виллы. Посмотрела вверх на закрытое окно столовой. «Что делают те трое? До сих пор сидят за столом и пьют? А может, спорят?»

Она подняла камешек и бросила его прямо перед собой, сорвала цветок, всячески стараясь доказать себе, что не пьяна. Но на чуть большем расстоянии все путалось и плыло, словно в тумане, деревья извивались, точно змеи. И главное, бесполезно было притворяться — ноги у нее подгибались. Впечатление было такое, будто при каждом шаге земля вздрагивала и куда-то проваливалась.

Позади виллы сад сужался, но был более густым и зеленым. Здесь росли огромные деревья, кустарник был почти в рост человека. В глубь сада вела лишь одна запущенная аллея у ограды, но и она до того заросла травой, что порой трудно было отыскать дорогу. В конце сада находилось и маленькое прямоугольное строение, бывший сарай, но с того места, где стояла Карла, его сквозь деревья не было видно.

У стены виллы стояла зеленая скамья. Карла села на нее и обхватила голову руками. Еще никогда ей не было так плохо. Опьянение не проходило, а, наоборот, усиливалось, на смену недавней легкости, воздушности пришло чувство тошноты и какого-то оцепенения. Бесконечное мерцание перед глазами всех предметов становилось невыносимым. «Неужели нет возможности прекратить эту пытку», — в отчаянье думала она, глядя на белесый гравий под ногами. Никакого ответа. Покоренная этой мутной круговертью и немотой природы вокруг, испытывая смутное желание забыться, раствориться в этой тишине, Карла закрыла глаза. Она не спала и ни о чем не думала. Так, смежив веки, она в неподвижности просидела на скамье минут десять. Внезапно на плечо ей легла чья-то рука. Она открыла глаза и увидела Лео. На согнутой руке он держал плащ, во рту дымилась сигарета.

— Что с тобой? Почему ты здесь сидишь? — спросил он.

Карла подняла голову.

— Мне плохо, — ответила она.

— Плохо, что плохо? — повторил Лео и, нетерпеливо улыбнулся. — Но все-таки вставай и пойдем... тебе совсем не так уж плохо... Просто ты выпила лишнего.

Карла с трудом поднялась, но тут же уцепилась за Лео.

— Поддержи меня, — умоляюще попросила она, — У меня все кружится перед глазами. — Посмотрела на Лео, снова опустила голову и глубоко вздохнула. Они сделали несколько шагов и вошли под свод ветвей узкой, сырой аллеи, тянувшейся вдоль ограды. Лео то и дело спрашивал у Карлы:

— Тебе лучше?

И она отвечала:

— Нет.

— Тебе лучше?

— Нет.

Сплетающиеся над их головами ветви деревьев были такими же неподвижными, как серое небо над ними. Густой слой опавших, прелых, черных листьев скрадывал звук шагов, тишина была полной и не нарушалась ни единым звуком.

— А теперь тебе лучше, дорогая? — снова спросил Лео. Возбужденный, сгоравший от желания, он выбирал удобный момент, чтобы обнять Карлу. Ее тело мягко покоилось на его руке, ее округлое бедро прижималось к его бедру, и от этих прикосновений желание становилось еще неудержимее. «Спокойнее, спокойнее, — убеждал он себя. — Сейчас отведу ее в сарай и там овладею ею... немного терпения».

Взгляд Карлы блуждал по мрачной тенистой аллее.

— Зачем ты заставлял меня пить? — спросила она наконец плаксивым голосом.

— А зачем ты пила? — парировал Лео. Вопросы, сплошные вопросы. Они остановились.

— Я пила, — безвольно отвечала Карла. — Чтобы не видеть больше маму, тебя... и даже Микеле... Чтобы никого не видеть. — Она опустила глаза и покачала головой. — Но, знай я, что мне будет так плохо, я бы никогда не стала.

— Не говори глупостей! — воскликнул Лео до того громко, что сам удивился. — Ты пила, потому что тебе это было приятно.

Она загадочно улыбнулась.

— Думаешь, я тебя люблю? — спросила она кокетливо.

Они взглянули друг на друга: Карла внимательно, с тем легким безумием в блестящих глазах, которое порождает опьянение, Лео насмешливо и возбужденно. Оба были немного смущены. Внезапно Лео отпустил руку Карлы и грубо обхватил ее за талию. Она пьяно захохотала и забилась в его объятиях, бесстыдно дергаясь всем телом.

— Лео, Лео! — кричала она, захлебываясь от хриплого смеха. — Лео, не смотри на меня так... нет... пусти меня!

Свод ветвей заглушал ее тонкий голос, вырываясь, она видела, как к ней тянется багровое лицо Лео, полное жадной и какой-то старческой похоти. Она сама не знала, зачем сопротивлялась. Наконец Лео одолел ее и крепко сжал в объятиях. На миг взглянул на нее — испуганные глаза, побледневшее лицо, полуоткрытый рот. Он наклонился и поцеловал ее.

Он разжал руки, и они, чуть покачиваясь, вновь вошли под густое переплетение ветвей деревьев и кустарника. Внезапно Карла остановилась в нерешительности и нервно сжала плечо Лео.

— Не надо, Лео... не надо... — пробормотала она, грозя ему пальцем, точно капризная девочка. И сразу умолкла — ее отвлекли катившиеся по лицу слезы и звук собственного голоса. Она вглядывалась во что-то скрытое в тени аллеи, и ее залитые слезами глаза странным образом меняли выражение.

— Продолжай, — сказал Лео. Но Карла, казалось, не могла отвести замороженного взгляда от почти погребенного под ворохом черных листьев камня, круглого и белого, как яйцо. Да она и не знала, что сказать. Эти слова «не надо» вырвались у нее непроизвольно. Она тут же забыла, чем они были вызваны, и снова погрузилась в полубабытье.

— Ну, — подбадривал ее Лео. — Чего не надо делать? Не надо пить? Э, я понимаю... Но теперь... тебе нужно идти дальше, — сказал он, слегка подтолкнув ее.

Они забрались в самую глубину сада. Здесь аллея огибала сарай, прилепившийся к ограде. Стену сарая густо обвил плющ, видна была лишь потрескавшаяся дверь с ржавыми петлями.

— А... это что такое? — недоуменно спросил Лео, словно он и в самом деле очень удивился.

— Дом садовника.

— Дом садовника?! О, какой красивый! А сам садовник дома?

— Нет.

— Дом садовника... — радостно повторил Лео, так, словно в этих словах был другой, скрытый смысл. — Пойдем, посмотрим.

Карла засмеялась. Все это казалось ей нелепым, но она ничего не возразила. Дверь была не заперта. И когда Лео ее распахнул, то увидел, что в доме одна-единственная комната с низким потолком и пыльным деревянным полом. Стены были голыми, в одном углу на железной кровати лежал серый, дырявый матрац, из которого торчали клочья ваты. В другом углу на треножнике стоял ржавый тазик. Больше ничего. Карла неотрывно глядела на эти жалкие вещи, тошнота стала просто невыносимой; ей хотелось вернуться на виллу и там поудобней улечься на диване. Но, сломленная усталостью и опьянением, она села на кровать и подогнула ноги.

— Зачем, — печально спросила она, — зачем ты заставил меня пить? — Она смотрела на деревянные половицы; на глаза ей падала прядь волос, во рту, полном слюны, она ощущала горечь. Лео сел рядом. «Самый удачный момент», — лихорадочно думал он. И обнял Карлу за талию.

— Будь умницей, вспомни, — ласково уговаривал он, — ты пила по собственному желанию, правда?

Карла покачала головой, но ничего не ответила.

— К тому же, — добавил Лео, — какое это имеет значение?

Он слегка оттянул рукав платья и осторожно поцеловал оголившееся плечо.

— Все пройдет. Скоро тебе станет лучше.

Его взгляд был прикован к полоске обнаженной груди, видневшейся сквозь глубокий вырез платья. Вдруг он схватил Карлу, опрокинул навзничь, смял. Борьба, скрип пружин, бесполезные попытки освободиться.

— Пусти, — пробормотала она и перестала сопротивляться, ослабевшая от борьбы и от незнакомого ей тягостного чувства. Она уставилась в потолок широко раскрытыми, полными страдания глазами. Внезапно на нее камнем обрушился Лео, лицо его было неестественно красным. Он целовал, ее в шею, в щеку, потом в губы. Карла закрыла глаза и уронила голову на плечо. Прикосновение влажных, мягких губ Лео оставляло ее равнодушной, ей хотелось спать. Но тут ее заставил вздрогнуть треск отлетевших пуговиц, покотившихся по полу, от толчка в спину она чуть приподнялась. Она открыла глаза и увидела возбужденное, горячее лицо Лео, склонившееся над ней, и заметила, что плечи ее обнажены. Она забилась, отчаянно ухватила за край платья, точно цепляясь за куст у края пропасти. Все было напрасно. Лео с такой силой дважды рванул платье, что у нее чуть не сломались ногти. Со странным хладнокровием и тщательностью, которые никак не вязались с его возбуждением, Лео приподнял Карлу и не без труда опустил платье на живот. Принялся лихорадочно отстегивать бретельки лифчика. Карла смотрела на него испуганно. Попыталась сопротивляться, но он действовал с методичностью хирурга во время операции: хмурил брови, сердито качал головой и кривил рот, словно говоря: «Нет, не надо, дорогая, не надо... Не волнуйся... Все будет хорошо... Доверься мне». Эти повелительные жесты Лео, и чувство горечи во рту, тошнота сделали больше, чем все прежние усилия Лео. Карла сдалась. Поднимала руки, когда их надо было поднять, прогибала спину, когда нужно было ее прогнуть, не схватилась за рубашку, которую Лео ловко опустил. Голая по пояс, она покорно лежала на матрасе, закрыв глаза. Тошнота становилась все сильнее, она больше ничего не соображала, ей казалось, что она умирает.

— Какая красивая девочка! — восхищался Лео. Обнаженная Карла ослепляла его, он не знал, что ему ласкать раньше, — нежные, хрупкие, матовые плечи, либо юную, молочной белизны грудь, которую он пожирал жадным взглядом и никак не мог насытиться. — О, какая красивая девочка! — Он уже наклонился, чтобы обнять ее, как вдруг увидел, что Карла приподняла голову, испуганная, белая как полотно, и что-то промычала, дергая подбородком. Он отпустил ее, отодвинулся. Карла как безумная вскочила с кровати и показала глазами на треножник в углу. Лео все понял; он схватил тазик и поднес его Карле. И в тот же миг в проржавевший таз с бульканьем хлынула рвотная масса. На секунду рвота прервалась, затем началась с еще большей силой. Все тело Карлы содрогалось в конвульсиях. Придерживая ей голову, Лео смотрел на нее в полном бешенстве.

«Моя вина, хоть покающую молитву читай. Я не должен был так ее спаивать». Теперь было бесполезно обманывать самого себя: его затея провалилась. Он смотрел на Карлу, задыхаясь от злости. Вот она, девушка его мечты, голая, готовая отдаться, и она держит на коленях не его голову, а таз, от которого не может оторвать отчаянного взгляда. «А ведь не напои я ее, сейчас она уже была бы моей», — подумал он.

Наконец Карлу перестало рвать, она оттолкнула от себя полный таз, и Лео с отвращением поставил его на треножник. Обернувшись, он посмотрел на Карлу — она сидела голая на краю кровати, опустив голову и бессильно уронив руки. Лео поразило несоответствие между худым телом — лопатки буквально просвечивали, плечи были острыми, узкими — и непропорционально большой грудью и головой. «Она неважно сложена», — подумал он, пытаясь утешиться.

— Как ты себя чувствуешь? — громко спросил он.

— Плохо, — ответила Карла. Она смотрела в пол и беспрестанно сглатывала горькую слюну. Взгляд ее то и дело останавливался на платье, сползшем на голый живот. Ей стало холодно, ее переполняло черное отчаянье. «Все кончено», — подумала она. И в самом деле она чувствовала, что ее прежней жизни приходит конец. Но все было безрадостным, пошлым, о чем неумолимо напоминал этот таз. Что изменилось, она и сама точно не смогла бы объяснить. Она осторожно подняла голову и сквозь пелену слез посмотрела на Лео.

— А что теперь? — невольно вырвалось у нее.

— Теперь одевайся, и уйдем отсюда, — с трудом сдерживаясь, ответил Лео.

Он поднялся и стал прохаживаться по комнате, расштаннанные половицы скрипели под ногами. Время от времени он бросал взгляд на Карлу, которая начала одеваться. Желание вспыхнуло в нем с новой силой, и он спрашивал себя, а не стоит ли подождать, когда ей станет легче, и снова пойти на штурм. Но было уже поздно Карла оделась. «Бесполезно, — подумал он с досадой. Момент упущен... На сегодня все». Он подошел к кровати.

— Ну, а сейчас как тебе? — спросил он.

— Лучше, — ответила Карла. — Лучше. — Она застегнула последние пуговицы и встала. Сначала она, а затем Лео, стараясь не касаться друг друга, вышли из дома садовника, В саду глухо шумели ветви деревьев.

— О, дождь идет! — удивленно воскликнул Лео. Его смущало молчание Карлы. Он старался держаться как можно свободнее. Они сделали несколько шагов, воздух под этим зеленым укрытием был душный, густой, черная тень окутывала переплетение ветвей. На размякшей земле журча струилась по прелым листьям вода.

— Странное дело, — сказал Лео. — Каждый день — одно и то же: рассвет ясный, утром небо начинает хмуриться, с полудня и до самой ночи льет дождь.

В ответ — молчание.

— Так мы увидимся сегодня вечером? — настойчиво спросил Лео. Карла остановилась, посмотрела на него. «Никогда больше не увидимся», — хотела она ответить, но ее удержала мысль: «Я должна дойти до самого конца... до полного крушения».

— Может быть... не знаю, — опутив голову, ответила она и пошла дальше.

В конце аллеи они снова остановились.

— А знаешь, — с глупой улыбкой сказал Лео, сжимая ее локоть, — знаешь, даже когда тебя тошнит, ты все равно остаешься красивой.

Они посмотрели друг на друга.

«Если б я могла его полюбить», — подумала Карла, глядя на его красное, невыразительное лицо. Опьянение еще не совсем прошло, и она испытывала огромную потребность в чьем-то участии и нежности. И тут Лео легонько хлопнул ее по щеке.

— Глупышка, — сказал он, — глупышка, сначала пьешь без меры, а потом тебе становится плохо. Моя маленькая дурочка. — Он привлек ее к себе. — Поцелуй меня, и забудем об этом.

Они поцеловались. Карла отстранилась, вышла из-под прикрытия ветвей, побежала под дождем и исчезла за углом виллы.

«Какой отвратительный день, — подумал Лео, направляясь к выходу. — Какой идиотский день!»

Теперь дождь мерно кропил землю с небесной выси. В саду стало совсем сыро, легкий беспрестанный шелест воды скрадывал все другие звуки. Лео уходил взбешенный. Мало того что день рождения Карлы — цветы, сумка — обошелся ему в полтысячи лир, так еще из-за этого шампанского любовное приключение закончилось нелепо и даже постыдно. «Карла ни о чем другом и не мечтает, — с яростью думал он. — Зачем, спрашивается, было ее спаивать?! А теперь все придется начинать сначала». Лишь когда он выбрался на шоссе и посмотрел, в какую сторону ему теперь идти, он вспомнил про Лизу. Вчера вечером она пригласила его заглянуть на часок.

Вначале мысль о возвращении к бывшей любовнице показалась ему абсурдной. Он не любил ходить уже проторенной дорогой. Такой визит не лучше подогретого супа, который

остался со вчерашнего дня. Но, с другой стороны, желание, которое возбудила в нем Карла, осталось неудовлетворенным.

«Если я сегодня не пересплю с кем-нибудь, — думал он, шагая под дождем по широкой и пустынной улице богатого предместья, — меня хватит апоплексический удар». Перед глазами стояла обнаженная плачущая Карла, и видение было столь сильным, что он провел ладонью по глазам, чтобы его отогнать.

«Ладно, схожу, — решил он после недолгих колебаний. — В конце концов Лиза тоже женщина».

И сразу приободрился. Подозвал таксиста.

— Виа-Боэцио, — приказал он, плюхаясь на сиденье.

Автомобиль набрал скорость, Лео закурил сигарету. «Это будет самый прекрасный день в ее жизни», — подумал он. И представил себе, как Лиза, завидев его, бросается ему на шею. «Вчера вечером она немного поломалась, ей хотелось меня разжечь. У нее тоже есть своя женская гордость... Но сегодня она не заставит себя долго упрашивать».

Мчащийся автомобиль бросал его из стороны в сторону, Лео казалось, что этим визитом к Лизе он проявит великодушие, сам останется не в накладе и Лизу осчастливит. «Это будет самый прекрасный день в ее жизни, — повторял он про себя. — Я подарю ей нечто такое, о чем она и мечтать не смела. И к тому же удачно закончу это дурацкий день». Он выкинул в окошко окурок сигареты. Автомобиль, мягко скользя колесами по мокрому асфальту, выехал на пустынную улицу, обсаженную платанами. Машина остановилась. Лео вынул бумажник, расплатился, вылез и, горбясь под дождем, нырнул в парадное.

Он медленно поднимался по лестнице, без грусти и даже с удовольствием вспоминая, сколько раз проделывал это десять лет назад. «Ничего не скажешь, десять лет — это десять лет», — думал он, даже не пытаясь понять свою глубокомысленную сентенцию. Позвонил, ему открыла служанка. Все было как прежде. На миг ему даже показалось, что и он снова стал таким, как десять лет назад. Все стояло на своих местах; шкафы в темном коридоре, там, в глубине коридора, — стеклянная дверь в будуар, а вон и та вечно опущенная гардина, те же ковры. Он сел в одно из скрипучих кресел и закурил.

Спустя мгновение вошла Лиза.

— А, это ты! — разочарованно протянула она, села и посмотрела на Лео так, словно желала угадать причину его прихода.

— Не ждала? — удивился Лео, который был уверен, что его ждут с великим нетерпением. — Между тем вчера ты мне говорила кое-что другое.

— Мало ли что люди говорят, — ответила она, одернув юбку, — особенно ночью, когда не видят лиц друг друга.

«Притворяется, — подумал Лео. — Хочет, чтобы ее упрашивали». Он пододвинул свое кресло к креслу Лизы и, наклонившись к ней, сказал:

— А я уверен, что ты говорила искренне.

— Ну а вдруг я передумала? — живо возразила она. Сейчас вчерашняя минутная слабость предстала перед ней во всей своей неприглядной сути — не как вспыхнувшая вновь страсть к Лео, а как легкомыслие, недостойное ее любви к Микеле.

— Многое могло измениться со вчерашнего вечера, — убежденно добавила она.

Лео пристально посмотрел на нее. Взгляд его перебегал с лица на тело, на белую округленную грудь и обнаженную полоску плеча, которые в полутьме гостиной казались более свежими и гладкими, чем это было на самом деле. «Хочет меня помучить, — подумал Лео. — Ого, да она хитрее лисы». Он еще ближе наклонился к ней и сказал:

— А ты сейчас на редкость хороша.

— Значит, раньше я была некрасивой?! — воскликнула она с произвольным кокетством. Но тут же устыдилась своей новой слабости. «Надо выставить его вон, — подумала она. — Дать ему понять, что он просчитался».

Она взглянула прямо в его красное, возбужденное лицо, лицо человека, уверенного, что добыча от него не ускользнет, — достаточно было посмотреть, как он изгибается в низком

кресле, как напряглась его грудь, как сверкают вожделением глаза, которым он пытается придать выражение неподдельной страсти. Ей стало противно, и внезапно она решила, что будет куда интереснее и умнее разыграть его, — сначала сделать вид, будто он желанен и любим, а потом отвергнуть. Ее переполняла гордость. «Теперь я люблю и любима другим», — хотелось ей с вызовом крикнуть Лео.

— Ты всегда была красивой, — ответил Лео. — А теперь стала еще красивее.

— Но у тебя есть Мариаграция, — парировала Лиза, начиная свою игру. — Зачем тебе я?

— Между мной и Мариаграцией все кончено... все... А вот ты снова влечешь меня, как и в те далекие времена.

— Покорно благодарю.

— Нас разлучило недоразумение, — продолжал Лео, — всего лишь недоразумение... Что поделаешь. Людям свойственно ошибаться... С тобой я ошибся, признаю... Но теперь я пришел, чтобы сказать — забудем прошлое и помиримся.

Он умолк и протянул Лизе руку.

Она посмотрела на его лицо, на протянутую руку.

— Зачем нам мириться?... Ведь мы никогда не ссорились.

— Нет, так дело не пойдет, — возразил Лео. — Я тебе честно говорю — так дело не пойдет... Ради бога, не притворяйся ничего не понимающей и, прости за грубость, дурочкой. Ты отлично поняла, о чем идет речь. Я говорил яснее ясного... Надо забыть прошлое и помириться! И даже, почему бы и нет... начать все сначала... Я так готов... Как видишь, я не темню... Говорю то, что думаю, и не прибегаю к уловкам... Я жду твоего ответа.

— Право же... не знаю... — Она сделала вид, что пребывает в сильнейшем смятении.

— Как это не знаешь? Наберись смелости и отвечай прямо.

— Ну что ж, — сказала Лиза. — Если хочешь, давай помиримся... а о том, чтобы начать все сначала, я должна подумать.

«Главное сделано, — очень довольный собой, решил Лео. — Она далеко не глупа... и все поняла». Он наклонился и с жаром поцеловал Лизе руку. Поднял голову и сказал:

— Больше всего мне нравится в тебе простота и искренность... С тобой все решается легко и быстро... И не бывает никаких сюрпризов.

— Это потому, — ответила она, придавая своим словам особый скрытый смысл, — что я всегда вовремя угадываю чужие намеренья.

— Вот и чудесно! — воскликнул Лео, подвигая еще ближе свое кресло к ее креслу. — Какие же, к примеру, у меня сейчас намерения?

— Сейчас у тебя?

Она взглянула на него. Эти уловки, эти банальные вопросы и ответы, преследовавшие одну-единственную цель, после того как она почти насладились мстостью, стали ей противны. «Все кончилось для тебя... все кончилось, мой Лео. Теперь я люблю и любима», — с гордостью думала она. Но решила довести игру до конца.

— Сейчас у тебя? На это ответить нетрудно.

— Раз знаешь, скажи, — раздраженно настаивал Лео.

— Так вот, — начала она, стыдливо потупив глаза и загадочно улыбаясь, — все это получалось у нее очень естественно. — Если уж тебе непременно хочется знать... твои намерения, как мне кажется, весьма агрессивны.

— То есть? — спросил Лео, так сильно наклонившись вперед, что задел подбородком плечо Лизы. Она посмотрела на него — это красное, устремленное к ней лицо бесило ее. «То есть, — хотелось ей ответить, — зря стараешься... Я люблю Микеле... он мой возлюбленный». Но она сдержалась.

— Будь поосторожнее, — предупредила она кисло-сладким голосом. — Так можно и упасть.

Лео был слишком возбужден, чтобы прислушиваться к ее словам.

— Что ты сказала? — удивился он,

— Что так можно и упасть, — повторила Лиза. — И даже разбить себе лоб.

— Во всяком случае, — ответил Лео, не поднимая головы, неторопливо, упрямо, — мои намерения крайне просты. Сейчас ты оденешься, мы выпьем вместе чаю... Лучше всего у меня... Поужинаем, сходим на какой-нибудь спектакль... А потом я отвезу тебя домой.

Он умолк. Лиза изобразила на лице сомнение.

— Я, пожалуй, приняла бы твоё предложение, — сказала она наконец. — Но кто мне поручится, что ты действительно любишь меня, что это не минутный каприз и что ты завтра снова не вернешься к Мариаграфии?

— Да нет же, — не подымая головы, возразил Лео, с упорством, порожденным еле сдерживаемым вожделением и нетерпением. — Ты ошибаешься... Я же сказал, и повторяю снова... К Мариаграфии я не вернусь. Между этой женщиной и мной все давно кончено... Мы были вместе, пока могли... Это была одна из тех любовных связей, которые тянутся и никак не кончаются... Отчасти — по привычке, отчасти — по разным другим причинам...

— По причинам взаимных материальных интересов? — подсказала Лиза.

— Каких там материальных интересов?! Словом... — Лео поднял наконец глаза и посмотрел на Лизу. — Нечего впутывать сюда Мариаграфию... Лучше отвечай...

— На что?

— О, Господи! — деланно непринужденным тоном воскликнул Лео и, словно желая поправить платье Лизы, положил ей руку на плечо. — Ведь я тебе уже говорил... Согласна ли ты поехать ко мне?

Она заколебалась — сказать ли ему правду? Но ее выручило прикосновение руки к ее затылку.

— Перестань, — сердито сказала она. — Терпеть не могу, когда меня трогают за шею.

— Прежде тебе это очень нравилось, — медленно произнес Лео, пристально глядя ей в глаза и почти касаясь губами ее губ.

— Да, но... теперь я стала другой... — поспешно отвечала она, пытаясь устоять перед ласковым прикосновением этой крепкой руки. — Пусти меня.

— Пустишь? — Внезапно Лео вскочил, наклонился, схватил ее за волосы, откинул ей голову назад и попытался поцеловать. Лиза едва успела закрыть рот рукой. — Ну, не будь же злючкой, — сказал Лео. Он явно не принимал всерьез ее сопротивление. В его взгляде, в том, как он решительно отвел ее руки, была такая уверенность в окончательном успехе, что ею овладела слепая, бешеная ярость. Она сама отняла руку ото рта.

— Пусти меня — понял? — приказала она гневным голосом, сверкая глазами. Но Лео воспользовался этим, чтобы прижаться своими губами к ее вздрагивающим губам. И как она ни извивалась и ни пыталась высвободиться, ему удалось ее поцеловать. Наконец она сумела рывком вскочить, толкнув Лео в грудь. Толчок был до того сильным, что Лео потерял равновесие и рухнул в кресло.

Но тут же поднялся и, одергивая пиджак, сказал:

— Что за глупые шутки, Лиза?! Разве мы не договорились снова стать друзьями?... А с друзьями разве так обращаются?

Лиза демонстративно указала ему на дверь.

— Убирайся.

— Но почему? — изумился Лео.

— Я не люблю тебя и никогда не любила! — с присвистом выкрикнула Лиза прямо ему в лицо. — Я притворялась, чтобы получить редкое удовольствие — послушать твои басни... А теперь убирайся!..

Секунду Лео стоял молча, пораженный ее словами. Но потом на смену немому изумлению пришел гнев, упрямое желание отомстить. Он рассвирепел.

— Ах, вот как! — закричал он. — Я должен уйти! После того, как мной позабавились, словно игрушкой!.. Нет, не уйду.

Он умолк, подыскивая Лизе достойную ее вероломства кару. Но безуспешно — слишком велика была его ярость. Может быть, разломать шкаф или разбить фарфоровую

статуэтку? Или дать ей пощечину?

— Не уйду, пока не поцелую тебя.

Он оттолкнул кресло и хотел ее обнять. В бешенстве у него мелькнула мысль: повалю ее и овладею ею прямо на ковре. Но Лиза ускользнула от него и укрылась за креслом. Мгновение они стояли друг против друга, наклонившись и пальцами впившись в кресло.

Их взгляды скрестились, каждый старался предугадать намерения другого.

— Убирайся вон, — тяжело дыша, выговорила наконец Лиза. Растрепанная, взбудораженная, она со страхом смотрела на искаженное злобой, вспухшее лицо Лео. И тут Лео прибег к хитрости — ногой оттолкнул ее кресло и схватил ее за волосы. Молниеносно сжал ее в объятиях.

Несколько секунд длилась борьба, — Лео пытался отбросить прочь руку Лизы, она старалась вырваться из его цепких объятий. Наконец ей это удалось, и она отбежала к двери.

— Убирайся, — срывающимся голосом приказала она. — Убирайся, или я позову служанку.

Грудь у нее вздымалась, волосы разметались, лицо покраснело, одно плечо обнажилось. Она ухватила рукой за дверь и прерывающимся голосом повторила:

— Убирайся.

Но тут кто-то из коридора толкнул дверь, пытаясь войти в комнату.

— Не надо, Мария, — не оборачиваясь, крикнула она. — Пока вы не нужны.

— Открой, — послышался за дверью мужской голос. — Я не Мария. Открой!

Лиза невольно отодвинулась, дверь от резкого толчка отворилась, и вошел Микеле.

В руке он держал шляпу и был в насквозь мокрым зеленом плаще. Посмотрел на тяжело дышащую, растрепанную Лизу, перевел взгляд на багровое лицо Лео. И сразу же мысленно воссоздал только, что происшедшую здесь сцену. «Лео пришел, возобновить прежнюю связь, а Лиза его отвергла», — подумал он. Но не поступил так, как того требовали обстоятельства. Он лишь смутно подумал, что это удобный предлог для полного разрыва с Лизой. И потом, разве не положено в таких случаях выказать свое презрение?

— Простите, — сдержанным тоном, стараясь вложить в каждое слово побольше иронии, сказал он. — Вина целиком моя... Решил больше не приходить сюда и все-таки пришел... Я вам помешал... простите.

Он неловко и как-то нелепо поклонился, повернулся и вышел. Дверь захлопнулась.

Внезапное и бесшумное появление Микеле из тьмы коридора и столь же внезапное его исчезновение охладили пыл Лео. Он усмехнулся.

— Это и есть твоя большая любовь, Лиза? — сказал он.

Еще не совсем пришедшая в себя, она мрачно кивнула. И тут вдруг поняла, что Микеле ушел, даже не попрощавшись, и, быть может, навсегда. Сама мысль об этом была непереносимой, она бросилась к окну, распахнула его настежь.

Квартира была в бельэтаже, и потому окна были очень низко от земли. Лиза высунулась, окинула взглядом улицу. Было холодно, на мокрой улице — ни души, лил дождь, большой безлистный платан, казалось, заслонил собой все небо. Но чуть левее, держась поближе к стенам домов, неторопливо шел мужчина в зеленом плаще, схваченном поясом.

— Микеле, — крикнула она, — Микеле!

Он обернулся, с любопытством посмотрел на нее и продолжал свой путь.

— Микеле! — с силой крикнула она.

На этот раз Микеле, не оборачиваясь, на ходу, помахал ей рукой. Он уже удалился на порядочное расстояние и теперь споро шагал по омытому дождем тротуару. «Сейчас он завернет за угол». Лиза поняла, что звать его снова бесполезно, и повернулась к Лео.

— Не бойся, он вернется, — с лицемерным участием сказал Лео, стоявший посреди комнаты. — Я его знаю... Он не из тех, кто поступает твердо и решительно... Не сомневайся, твой друг вернется.

Этот наглый, насмешливый голос ранил ее в самое сердце. Лиза с достоинством

подошла к противоположной стене и нажала кнопку. Немного спустя появилась служанка.

— Мария, проводите синьора до двери.

Это был конец, банальнейший и глупейший конец. От гостиной до двери было всего два шага.

— Я уйду, Лиза... уйду... Передай привет Микеле, — бормотал Лео, направляясь к выходу.

Служанка ничего не понимала и растерянно переводила взгляд с Лео на хозяйку. Однако Лео не стал ждать, пока его выставят за дверь. Он взял шляпу, пальто и ушел.

Дождь подействовал на него умиротворяюще. Он раскрыл зонт и зашагал по тротуару, ни о чем больше не думая. «Могло выгореть, а могло и нет. На этот раз не выгорело. Сегодня я твердо понял — эта струна больше не зазвучит», — утешился он. После чего с легким сердцем закурил и, стараясь не ступать в лужи, пошел дальше своим обычным шагом, не быстро, но и не медленно.

Он добрался до конца улицы и свернул на широкую мокрую площадь без памятников и скверов. На углу, под столбом со знаком «остановка», группа людей ждала трамвая. Подойдя поближе, он увидел Микеле, Тот стоял, прислонившись к столбу.

— О, ты еще здесь! — воскликнул Лео без тени досады,

— Как видишь, — ответил Микеле, кинув на него скучный взгляд, — жду трамвая.

— Я еду домой на такси. Могу и тебя захватить, — сказал Лео. — Эй, такси!

Микеле не отказался. «Почему у меня все складывается так глупо», — подумал он, садясь в такси рядом с Лео.

С минуту они молчали.

— Позволь узнать, — сказал наконец Лео, — почему ты ушел? Разве ты не понял, что она только того и ждала, чтобы ты остался?

Микеле ответил не сразу. Он смотрел в окошко на залитые дождем фасады домов.

— Понял, — сказал он наконец.

— Тогда почему же ты не остался?

— Потому... что я ее не люблю.

Такой ответ вызвал у Лео улыбку,

— Ясно. Значит ты считаешь, что жить надо лишь с женщиной, которую любишь?

— Да, я так думаю, — серьезным тоном ответил Микеле.

— Ну, если так! — пробормотал Лео в некотором замешательстве. — Но я, к примеру, — спокойно добавил он, — обладал многими женщинами, которых не любил, хотя бы той же Лизой. И, несмотря на это, никогда потом не раскаивался... И поверь, я наслаждался ничуть не меньше, чем другие...

— Не сомневаюсь, — сквозь зубы процедил Микеле. — Но ты уверен, что в мире все до одного похоже на тебя? «Хоть бы ты убрался ко всем чертям», — хотелось ему добавить,

— Меня другое удивляет, — невозмутимо продолжал Лео. — Когда я вижу, что юноша без связей, почти без денег, ну как ты, гордо отвергает такую женщину, как, скажем, Лиза, которая, при всех ее недостатках, женщина привлекательная... мне начинает казаться, что мир перевернулся вверх дном.

— И пусть себе переворачивается, — пробормотал Микеле, но Лео этого не услышал.

— Впрочем, по мне, так поступайте, как хотите, — заключил Лео. Он закурил и поплотнее закутался в пальто.

Микеле посмотрел на него.

— А по-твоему, я не должен отказываться от, Лизы? — спросил он.

— Ну, разумеется, — подтвердил Лео, вынув изо рта сигарету. — Прежде всего потому, что Лизой пренебрегать не стоит. Как раз сегодня я ее хорошенько разглядел... Она полновата, но сбита крепко... У нее красивая грудь, бедра... — добавил он, подмигнув Микеле... — И к тому же, дорогой мой, в постели она доставит куда больше наслаждений, чем любая из этих сентиментальных синьорин... Лиза темпераментна... Она настоящая женщина... И второе... где еще ты найдешь в наше время любовницу с квартирой? А в твоём

положении снять номер в гостинице либо комнату ты не можешь — это тоже большое удобство: приходишь, уходишь, приезжаешь, когда тебе вздумается. Никто тебе — ни слова, распоряжаешься, как в своем доме. Между тем в твои годы обычно приходится водить возлюбленную в самые скверные места — дешевые ресторанчики и гостиницы, о которых потом даже вспоминать неприятно. Добавь к этому, что Лиза не будет стоить тебе ни лиры... Понимаешь, ни лиры! Право же, не знаю, чего еще можно желать?..

«Да, — с грустью подумал Микеле. — Чего еще можно желать?» Он сидел, немного согнувшись, молча глядя то на Лео, то на дорогу. Уже стемнело, но фонари еще не зажглись... Влажные сумерки опустились на улицу, до того людную, что сквозь толпу не видно было, где она кончается. Люди, зонты, машины — все сливалось в дождливой дали в темное пятно, и лишь по желтым, мерцающим огням можно было различить проносящиеся мимо отдельные машины. «А что делать дальше?» — спрашивал себя Микеле. Всякий раз, когда он смотрел, как вокруг него кипит жизнь, собственная нерешительность повергала его в смятение.

— Брось, не раздумывай долго, — обратился к нему Лео. — Все куда проще, чем тебе кажется. Лиза тебя ждет не дождется. Вернись к ней сегодня же, и она встретит тебя с распростертыми объятиями.

Микеле повернулся.

— Значит, я должен притворяться, будто люблю её? И потом...

— Зачем притворяться? — прервал его Лео... — Кто тебя заставляет... Не усложняй. Главное, что она готова лечь с тобой в постель... Вот и будь доволен.

Микеле снова задумчиво посмотрел на дорогу.

— Пусть остановит машину на площади, я там сойду, — предупредил он. — Но представь себе, — продолжил он начатый разговор, — что кто-то тебя оскорбил... Этот кто-то тебе не слишком неприятен, и, несмотря на оскорбление, ты не в силах его возненавидеть... Ты притворишься разгневанным и дашь ему пощечину или же промолчишь?

— Зависит от того, какое оскорбление нанесено, — ответил Лео.

— Величайшее!

— Но в таком случае, — возразил Лео, — этот человек не может быть мне хоть мало-мальски симпатичен. А тогда твой вопрос теряет всякий смысл.

— И все-таки. Как бы ты себя повел в такой ситуации?

— Конечно, я бы дал ему пощечину, — решительно ответил Лео.

На площади автомобиль остановился. Когда Микеле стал вылезать из машины, Лео потянул его за рукав.

— Заставь Лизу, — сказал он, подмигнув Микеле и выразительно прищелкнув пальцами, — ...потрудиться. — Затем откинулся на сиденье, крикнул шоферу свой адрес, и машина помчалась дальше.

Пять минут спустя Лео уже был дома. Он прошел в свой кабинет — почти голую комнату, в которой стояли лишь коричневая этажерка и американский письменный стол да висели книжные полки. Сел в кресло; в дождливых сумерках эта удобная, но стандартная мебель навевала невыносимую тоску, казалась лишней, ненужной. И вообще, было самое скверное время дня — уже не вечер и еще не ночь. Свет с улицы был слишком слабым, чтобы ясно различать что-либо, а свет настольной лампы казался слишком ярким в этой серой полутьме. Однако Лео быстро поборол тягостное чувство. Он зажег свет, прочел деловое письмо и стал писать ответ. В этот момент зазвонил телефон. Не выпуская ручки, он поднял трубку и поднес к уху.

— Алло?

— С кем я говорю? — донесся до него женский голос. «Мариаграция», — подумал Лео.

— Мой номер триста четырнадцать — девяносто шесть.

— Я говорю с синьором Мерумечи? — переспросил женский голос...

— Да.

— Это я — Мариаграция... Карла предлагает отправиться в «Ритц» потанцевать... Хочешь пойти с нами?...

— Хорошо... Я буду у вас примерно через час.

— Кстати, — добавила Мариаграция. — Когда мы сможем с тобой встретиться?

Лео по опыту знал, что теперь разговору не будет конца.

— Решим это попозже, — ответил он и резко положил трубку. После чего закончил письмо и неторопливо написал еще одно.

Дел в истинном значении этого слова у него не было. Вся его работа заключалась в том, что он старался извлечь как можно больше выгоды из принадлежавших ему домов, которые сдавал внаем, да иногда осторожно спекулировал на бирже. Однако его капиталы росли с каждым годом. Он тратил лишь три четверти своих доходов, а на оставшиеся деньги покупал новые дома. Запечатав в конверт оба письма, он закурил и перешел в спальню. За час он должен был успеть побриться, одеться и приехать к Арденго. Он зашел в ванную, помылся, аккуратно и тщательно побрился, вернулся в спальню и стал одеваться. Его страстью были превосходно сшитые костюмы из превосходной ткани. Сам ритуал одевания доставлял ему огромное наслаждение. Он надел белую шелковую рубашку, выбрал галстук серебристо-черного цвета, натянул серо-красные шерстяные носки и, наконец, после долгих и сложных манипуляций облачился в темно-синий приталенный костюм моднейшего покроя. Затем стал любоваться собой перед зеркалом. Возможно, оттого, что в полутьме он казался более приятным, моложавым, либо оттого, что он был в совершенном восторге от своего великолепного костюма, но только Лео твердо уверовал в то, что лицо у него красивое, благородное и в меру печальное. Он посмотрел на часы. Прошло уже сорок пять минут. Он торопливо вышел из дому, заскочил в гараж, выкатил автомобиль, а десять минут спустя уже звонил в дверь виллы семейства Арденго.

В гостиной горела всего одна лампа, возле которой неподвижно сидела на диване Карла. Она уже успела одеться и приготовиться к выходу. На ней было легкое персикового цвета платье, она накрасилась, причесалась и припудрилась.

— Мама сейчас придет, — сказала она.

— Прекрасно, — ответил Лео, садясь и энергично потирая руки. — Как себя чувствуешь?

— Хорошо.

Они помолчали. Лео взял руку Карлы и поцеловал ее.

— Так что будем делать?

— Съездим в «Ритц», потанцуем, — рассеянно ответила Карла. — Вечером ты поужинаешь с нами, да?

Послышался скрип открываемой двери. Карла мгновенно отдернула руку. Вошел Микеле.

— О, какой шикарный вид! — воскликнул он с наигранной веселостью. — Добрый вечер, Лео... Чем же вы здесь занимаетесь, богатые, счастливые, роскошно одетые?

— Собираемся в «Ритц» потанцевать, — тем же рассеянным тоном ответила Карла.

— Танцевать? — Микеле сел. — Я тоже не прочь... возьмешь меня с собой, Карла?

— Пригласил всех Лео, — ответила она, пристально глядя на возлюбленного.

«Я и не думал, черт побери, никого приглашать», — Котел возразить Лео, но промолчал.

— Почему, Лео, — слабо запротестовал Микеле. — За чай я еще пока в состоянии заплатить сам.

Карла снова посмотрела на Лео.

— Какой может быть разговор! — поспешил сказать Лео. — Я приглашаю и, само собой, плачу за все.

Секунду все трое молчали.

— Но, Микеле, — добавила Карла, — ты пойдешь с нами только при условии, если переоденешься...

— Да, конечно...

Микеле наклонился. Ботинки покоробились, брюки до самых колен были забрызганы грязью, а сам он весь промок.

— Конечно, ты права, Карла. Он встал.

— Тысячу раз благодарю тебя, мой великодушный друг, удаляюсь, дабы привести себя в порядок.

Он отвесил Лео поклон и ушел.

— Мне очень грустно, — сказала Карла еще до того, как за Микеле закрылась дверь.

— Почему?

— Сама не знаю. — Она посмотрела на темные оконные стекла, по которым стекали сверкающие капли дождя. — Может, из-за дождя. — Ее голова томно склонилась к Лео. Лео нежно погладил ее по волосам и поцеловал.

— Будешь танцевать со мной. Только со мной одной. Мама посидит... Она сможет потанцевать с другими... Ну хотя бы с Микеле, — с откровенным бесстыдством сказала Карла. Она резко засмеялась, ей показалось, что она и в самом деле постарела на целый год. «Это конец», — подумала она.

Они снова поцеловались.

— Значит, вечером ты придешь ко мне, да, Карла? — небрежным тоном сказал Лео.

Она побледнела.

— Как это к тебе?

— Ко мне домой, — пояснил Лео, глядя ей прямо в глаза. Он увидел, что она колеблется, — наклонила голову, словно ища что-то на ковре.

— Нет... Это невозможно, — сказала она наконец.

— Почему? — не сдавался Лео. — Ты обещала... И ты должна прийти.

— Нет... нет. — Она покачала головой. — Это невозможно.

Секунду оба молчали. Лео смотрел на Карлу, тугая грудь под узким платьем возбуждала его, кровь прилила к его лицу, и без того красному.

«Какой чудесной любовницей будет эта курочка! — подумал он. — Ах, какой она будет любовницей!» Он стиснул зубы, сгорая от страсти, обнял ее за талию.

— Карла, ты должна прийти, так нужно, если ты не придешь, то... — Он запнулся, лихорадочно подыскивая убедительный довод. Внезапно он вспомнил, до чего ей осточертела ее теперешняя жизнь и как она жаждет новой. — То как же ты сможешь начать новую жизнь?! — тихо закончил он.

Она посмотрела на него. «Он хочет всего лишь поразвлечься, — трезво подумала она. — И все-таки он прав — это будет новой жизнью». Она понимала, что для этого сначала надо безжалостно испепелить прошлое, но ночное свидание в чужом доме было ей противно, пугало ее.

— Я приду днем, — предложила она с лицемерным простодушием. — В один из ближайших дней... Да? Выпьем чаю, побеседуем... Хорошо?

— Не хочу чаю, я в тебе души не чаю, — сказал Лео. И сразу же после этой плоской остроты перешел в атаку. — Нет, любовь моя... либо сегодня ночью, либо никогда.

— Но пойми, Лео... — умоляюще лепетала она.

— Я буду ждать тебя в машине, — продолжал Лео. — И еще до наступления утра отвезу домой. — Он на миг взглянул на нее. — Вот увидишь, тебе это так понравится, что ты станешь проводить у меня все ночи.

— Нет, — испуганно шептала она.

«Нет, все должно быть ясно... придется все сказать...» Она посмотрела на Лео, и вдруг ей захотелось закричать от ужаса. «Все ночи, — повторила она про себя... — Что он такое говорит? Как я дошла до этого?»

— Я уверен, что ты придешь, — сказал Лео и грубо взял ее за локоть, — Скажи, что придешь! Да?

Она ухватила за последний предлог.

— Но ведь мы всего два дня, как... любим друг друга... Почему ты не хочешь подождать? Неужели ты не понимаешь, что каждая женщина дорожит своей честью.

— Моя дорогая, — торопливо проговорил Лео, — я все понял. Это значит, что я буду ждать тебя сегодня вечером, договорились?

Она все еще не решалась, молчала, пряча глаза.

— Я дам тебе ответ на танцах, — сказала она наконец. — Да, — добавила она, словно желая убедить себя, — на танцах я непременно дам тебе ответ.

«Слава тебе Господи», — подумал Лео. Он обнял ее.

— А теперь нам остается лишь отправиться на эти самые танцы, — весело сказал он. Он обхватил ее за талию и, наклонившись своим красным, возбужденным лицом к ее — накрашенному, испуганному, прошептал: — Знаешь, кто ты?... Чудо... Да, да, моя чудесная куколка!

Скрип двери.

— Так мы едем, Мерумечи? — войдя, спросила Мариаграция.

Лео поднялся.

— Отлично, я готов, — поспешно ответил он.

Карла тоже поднялась и пошла матери навстречу.

— Почему ты не взяла сумочку, которую тебе подарил Мерумечи? — спросила Мариаграция, оглядев дочь с ног до головы. — Она будет великолепно гармонировать с этим платьем.

— Сейчас захвачу ее и вернусь, — сказала Карла.

Она торопливо поднялась по лестнице, вбежала в комнату. Сумочка лежала на комод, изящная, сделанная с большим вкусом. И когда Карла взяла ее, ей внезапно пришло в голову, что сумка может быть первым из бесчисленного множества подарков. Мысль об этом так ее поразила, что она остановилась перед зеркалом, вглядываясь в свое лицо. И зримо представила себе, как сидит у Лео на коленях и треплет его по щеке. А потом, нежно склонив голову ему на грудь, полушепотом просит денег на одно миленькое платьице. А может, она пойдет с ним к знаменитой модистке и закажет три-четыре парижских шляпки, последний крик моды, которые так ей нравятся. Все это, честно говоря, было очень соблазнительно. Так же, как возможность стать обладательницей автомобиля, дома, драгоценностей, возможность путешествовать, увидеть незнакомые страны и незнакомых людей, одним словом, не знать преград своим планам и желаниям. Необыкновенно соблазнительно. Она невольно улыбнулась, но вдруг, подойдя совсем близко к зеркалу, увидела круглое, красное пятно на шее. Вначале она ничего не поняла, потерла пятно пальцами, стала его рассматривать. И тут вспомнила, что недавно в гостиной Лео поцеловал ее в шею. Ее охватил безотчетный страх, что мать может заметить это предательское пятно. Она схватила пудреницу и обильно присыпала его пудрой. И вот, когда она извивалась перед зеркалом, пытаясь разглядеть, исчезло ли наконец пятно, ей показалось, что требование Лео прийти ночью к нему домой и мечта о подарках, о вожаделенных платьях, неразрывно связаны друг с другом... «О, боже, неужели это и есть новая жизнь?» — подумала она со страхом, но страх этот был несильным — неизбежной данью условностям. Она еще не успела достаточно глубоко разобраться в своих чувствах, чтобы испугаться по-настоящему. «Такой будет отныне моя жизнь?» Но у нее не было времени, чтобы додумать свою мысль до конца. Звук клаксона, донесшийся из погруженного в ночную тьму сада, предупредил ее, что пора отправляться в «Ритц».

Она потушила свет, стремительно сбежала по лестнице. И хотя эти привычные действия не оставляли ей времени для раздумий, ее ни на миг не покидало острое чувство грусти. Ей хотелось плакать, лицо ее исказилось гримасой боли.

В коридоре было темно, она ощупью добралась до холла, открыла дверь. Лео, Микеле и Мариаграция, ждавшие Карлу в автомобиле, встретили ее радостными возгласами. Площадку окутывала плотная мгла. Капли дождя бесшумно падали на землю. Нельзя было различить ничего, кроме сверкающих фар машины и двух ее желтых, светящихся стекол,

сквозь которые, сидя в глухо закупоренной железной «коробке», эти трое смотрели на нее, Карлу, и на их розовых, веселых, возбужденных лицах было написано любопытство. Это длилось одно мгновение. Карла села в машину, тяжело опустившись на сиденье рядом с Лео, и машина тронулась с места.

Всю дорогу никто не проронил ни слова. Лео умело вел свой громоздкий автомобиль по запруженным людьми и машинами улицам. Карла сидела неподвижно и, точно зачарованная, смотрела на эту ночную жизнь города, смотрела вперед и вниз, где на спуске между двумя рядами черных зонтов, в брызгах дождя, словно обезумевшие, метались красные огни машин. Мариаграция тоже смотрела в окно, но не для того, чтобы полюбоваться чем-то, а чтобы полюбовались ею самой. Поездка в большой роскошной машине вызывала у нее чувство счастья, ощущение богатства. И всякий раз, когда из многолюдья возникала фигура бедняка либо скромно одетого человека, она брезгливо морщилась, точно желая сказать: «Ты, жалкий кретин, идешь пешком... Так тебе и надо... А я вот по праву мчусь сквозь толпу, откинувшись на мягкое сиденье машины».

Лишь Микеле не смотрел в окно, его больше интересовали те трое, что сидели в прочном кузове автомобиля. Казалось, будто этот железный кузов отгородил их от внешнего мира. Лица его спутников были в тени, но когда машина проносилась мимо дорожного фонаря, перед ним на мгновение представало морщинистое, дряблое лицо матери и ее блестящие от гордости глаза, восхищенное лицо Карлы — лицо девочки, едущей на праздник, и, наконец, красное, спокойное, немного суровое в профиль лицо Лео, пугающе недоступное, как те далекие загадочные предметы, которые в бурю внезапно освещаются на миг вспышками молний.

Каждый раз, когда Микеле видел мать, сестру и Лео, его изумляло, что они едут вместе с ним. «Почему они, а не другие?» — спрашивал он себя. Эти трое были ему чужими. Он почти не знал их. Ему казалось, что, будь на месте Карлы блондинка с голубыми глазами, на месте матери — худая высокая синьора, а на месте Лео — низенький, нервный человек, в его собственной жизни ничего бы не изменилось. Но рядом с ним, в тени, неподвижно сидели именно эти трое, и каждый толчок заставлял их стучаться друг о друга, точно это были куклы-марионетки. Больше всего его мучило, что эти люди так далеки ему и так безразличны и что каждый из них, да и он сам, безнадежно одинок.

Наконец они добрались до места. Черные машины стояли в четыре ряда на темной площадке возле отеля. Машины были всех размеров и марок. Шоферы в сверкающих кожаных плащах и кепках курили и переговаривались, собравшись небольшими группами. И казалось, что в этот темный зимний вечер парадный вход в отель «Ритц» особенно приветливо и щедро сверкал огнями. Вращающаяся дверь из стекла и дерева, привычно скрипнув, пропустила их одного за другим в вестибюль, где было полно швейцаров и слуг. Они прошли в гардероб, где уже висело великое множество плащей и пальто, пересекли целую анфиладу пустых, раззолоченных салонов и наконец добрались до танцевального зала. У дверей за столом сидел человек и продавал билеты. Лео заплатил за всех, и они прошли в зал.

Час был уже поздний, в низком, длинном зале было темно от людей. Столики стояли у самых стен, а посередине и в проходах между столиками танцевали пары. На небольшом возвышении, украшенном двумя пальмами в кадках, играл негритянский джаз.

— Сколько народу! — с восхищением воскликнула Мариаграция, осмотревшись с благородным достоинством. — Вот увидишь, Карла, мы не найдем места, — досадливо добавила она...

Однако, вопреки ее мрачным предсказаниям, нашелся свободный столик в углу. Они сели. Мариаграция сняла накидку.

— Знаете, — сказала она, окидывая взглядом зал и обращаясь сразу ко всем трем своим спутникам. — Тут масса знакомых... Посмотри, Карла... Вон сидят Валентини.

— И Сантандреа, мама.

— И Контри, — добавила Мариаграция. Она слегка наклонилась и, понизив голос,

сказала: — Кстати, о Сантандреа. Ты знаешь, какое свадебное путешествие они совершили два месяца назад в Париж? В одном и том же спальном вагоне ехали новобрачный, новобрачная и ее друг. Ну... как его зовут?

— Джорджетти, — подсказала Карла.

— А, точно — Джорджетти!.. Подумать только, что происходит. Послушаешь со стороны, так даже не верится!

Музыка умолкла, после вялых хлопков танцоры вернулись на свои места. И сразу же шум голосов в зале стал сильнее. Мариаграция повернулась к Лео.

— А не сходить ли нам сегодня еще и в театр, посмотреть французскую труппу, — предложила она. — Мне оставлены билеты в ложу на сегодня либо на послезавтра.

— Сегодня не смогу, — ответил Лео, пристально глядя на Карлу. — В одиннадцать у меня очень важное свидание.

— Свидание в одиннадцать вечера, — с иронией и подчеркнутой небрежностью повторила Мариаграция. — А скажите, Мерумечи, — с мужчиной или с женщиной?

Лео заколебался — стоит ли пробуждать ее ревность?

— Разумеется, с женщиной, — ответил он наконец. — Но я неточно выразился... Это не свидание, а видите ли... будет скромный ужин... В доме одной моей приятельницы, которая собирает старых друзей.

— Кто же эта синьора, если не секрет? — злым голосом спросила Мариаграция.

Лео растерялся. Он не предвидел столь нескромного вопроса. Стал лихорадочно подыскивать имя женщины, которая была бы незнакома Мариаграфии.

— Смитсон, — сказал он наконец. — Художница Смитсон.

— О, чудесно! — с едким восторгом воскликнула Мариаграция. — Смитсон... Мне ужасно жаль, но как раз позавчера я была у ее модистки. И она показала мне модель шляпки, которую Смитсон велела ей прислать в Милан... Увы... ваша художница уже пять дней, как находится в Милане!

— В Милане?! — изумился Лео.

— Да, да, — вмешался в разговор Микеле. — Разве ты не знаешь? Выставка ее картин открывается на несколько дней раньше, чем предполагалось.

— Итак, отправляйтесь к вашей Смитсон. — Мариаграция ядовито усмехнулась. — И поскорее! Но боюсь, что если вы и успеете на ближайший поезд, даже на самолет, то все равно опоздаете на свидание.

На секунду она умолкла. Лео не отвечал. Карла со страхом посмотрела на мать.

— Дорогой мой, у лжи короткие ноги, — не унималась Мариаграция. — Хотите, я вам сама скажу, кто эта достойная синьора, которой вы собираетесь нанести визит? Наверняка это не порядочная женщина, таких вы избегаете... Скорее всего — какая-нибудь кокотка низкого пошиба.

Карла побледнела так сильно, что Лео с испугом подумал: «Сейчас она упадет в обморок либо разрыдается». Но ничего подобного не произошло.

— Мама, не кричи так, — спокойно сказала Карла. — Тебя могут услышать за соседним столиком.

Один из оркестрантов трижды ударил в барабан. Танцы возобновились.

— Ну, Лео, идем потанцуем, — предложила Карла. Они прошли к танцевальной площадке мимо сидящих за столиками, первой шла Карла, за ней Лео. Лицо Карлы, когда она шла мимо шумных столиков, оставалось белым как бумага, и на нем появилось выражение мрачной решимости. В сумятице танцующих пар, прежде чем прижаться к Лео, она подняла голову.

— Так вот, Лео, — сказала она твердо и, как ему показалось, даже сквозь стиснутые зубы, — сегодня вечером я приду к тебе.

— Ты серьезно?

— Вполне.

Сейчас она говорила уже не твердо, а дрожащим, прерывающимся голосом: казалось,

ей вдруг изменила решимость и у нее перехватило дыхание.

— Все, — добавила она. — Больше ни слова. Я хочу танцевать.

Они стали танцевать. Лео крепко обнимал Карлу за талию. Успех вдохновил его, и он чувствовал себя необычайно легким, окрыленным. И хотя площадка была узкой, а танцующих пар очень много, Лео выделял самые немислимые па.

«Теперь ты от меня не уйдешь, — думал он. — Теперь уже не уйдешь». А в душе Карлы царили тоска и смятение. Она танцевала вяло, ей хотелось выбраться из этого скопища людей, забиться в угол и закрыть глаза. А перед ней снова и снова, точно на карусели, проносились танцующие пары: лица мужчин, женщин, застывшие и живые, серьезные и улыбающиеся. Музыка была мажорной, бравурной, но все же с легким оттенком грусти. Впрочем, мелодия была банальной и беспрестанно повторялась. От мелькания всех этих лиц, от грохота музыки у Карлы кружилась голова.

Танец кончился. Пары вернулись на свои места. Вернулись и Мариаграция с Микеле. Они о чем-то сердито спорили.

— Больше никогда не буду с тобой танцевать, — раздраженно говорила Мариаграция.

— В чем дело? — властно спросил Лео.

— Никогда, — повторила Мариаграция. — Представьте себе, Лео, все смотрели на нас... Они, наверно, бог знает что подумали... Это было ужасно!.. Он танцевал... как... — Она поискала подходящий эпитет и, не найдя, в порыве гнева выпалила: — Как вор.

— Неужели? — изумился Лео.

— Как безумец, — с достоинством поправила Мариаграция.

— Буду премного благодарен, — натянуто улыбаясь, сказал Микеле, — если вы мне объясните, как танцуют воры. И кто вор в этой компании... Я или кто-нибудь другой?

— Прошу тебя, замолчи, — умоляюще проговорила Мариаграция, озираясь вокруг.

— Но все-таки, — не унимался Микеле. — Уж скорее я танцую легко, невесомо, как ограбленный... Ограбленный морально и материально... Однако полный страсти и вдохновения... А вот чтобы узнать, как танцуют воры, тебе надо потанцевать с кем-нибудь другим... Безусловно... с кем-нибудь другим, — повторил он, пристально глядя на Лео.

Секунду Лео молчал. Обе женщины, затаив дыхание, смотрели на него. Он мрачно улыбнулся.

— Похоже, — сказал он и встал, — что с тобой, Микеле, и в самом деле творится неладное... Поэтому лучше тебе уйти. Иначе придется уйти мне.

— Да, Микеле, уйди, дорогой, — сказала Мариаграция.

Он посмотрел на мать.

— Значит, ты предпочитаешь прогнать сына, — вырвалось у него, — а не чужого тебе человека?!

— Но ведь пригласил-то нас Лео!

На это Микеле нечего было возразить. «Она права, — подумал он. — Заплатил за всех Лео». Он огляделся: в большом, низком зале стоял оглушительный шум, за столиками, скрестив оголенные ноги, сидели накрашенные дамы и мужчины — с сигаретой в зубах, небрежно откинувшись на спинку стула. Они ели, пили, о чем-то беседовали, не обращая внимания на остальных. На эстраде под пальмами музыканты уже настраивали инструменты. «Мне нечего ей возразить».

— Ты права, — сказал он наконец. — Я уйду... А вы развлекайтесь. Вор удаляется.

И он направился к выходу.

На улице лил дождь. «Вор, вор,» — почти беззлобно повторял Микеле, притворяясь перед самим собой взволнованным. «Он пытался украсть у меня и Лизу. Кто же тогда из нас двоих вор?» Но спустя несколько минут он, к своему изумлению, обнаружил, что гнев испарился, что он совсем успокоился. Ни один поступок Лео, даже самый гнусный, не мог пробить броню его равнодушия. После короткой, нарочитой вспышки ярости, он, как всегда, испытывал лишь какую-то пустоту, безразличие.

Тротуары были запружены людьми, мостовая — машинами. Был час пик. Микеле без

зонтика шел под дождем так медленно, словно это был приятный солнечный день. Остановившись посмотреть на витрины магазинов, на яркие вывески, сверкавшие во тьме, провожал взглядом хорошеньких женщин. Но, как ни старался, не мог по-настоящему увлечься зрелищем вечерней, шумной улицы. Глухая тоска, овладевшая им, когда он шел через пустые залы «Ритца», не покидала его. Он не мог отделаться от мысли, будто смотрит в зеркало и видит себя таким, каков он есть на самом деле: одиноким, жалким, равнодушным.

Ему захотелось сходить в кино. На этой улице как раз был дорогой кинозал с мраморным парадным входом, над которым призывно сверкали огнями рекламы. Микеле подошел, посмотрел фотографии — фильм о китайцах, сделанный в Америке. Слишком примитивный — не стоит. Он закурил и безнадежно зашагал дальше под дождем в людской толпе. Докурив, выбросил окурочек. «Нет, видно, не удастся убить время».

Между тем тоска все росла, ширилась. Он уже знал ее симптомы — вначале легкое замешательство, чувство неуверенности в себе, бесплодности всего, потребность что-то сделать, вспылать страстью. Затем — нарастающее чувство горечи во рту, пересохшее горло, широко раскрытые глаза, в гудящей голове вновь проносятся обрывки фраз и, наконец, — слепое отчаяние. Этого приступа тоски Микеле боялся до боли в сердце. Он старался не думать об этом, хотелось жить, как другие люди, — сегодняшним днем, без забот, в мире с самим собой и окружающими. «Стать обыкновенным глупцом», — вздыхал он иногда. Но когда он меньше всего этого ждал, одно-единственное слово, образ, мысль вновь вызвали у него приступ тоски. Тогда его спокойствие и иллюзии рушились, все усилия оказывались напрасными, приходилось вновь задумываться над своей жизнью. И когда он в тот вечер медленно брел в толпе по тротуару и смотрел на сотни ног, шлепающих по грязи, его поразила бессмысленность собственных поступков. «Все эти люди, — подумал он, — знают, куда идут и чего хотят. У них есть цель, и поэтому они спешат, волнуются, грустят, веселятся, словом, живут... А у меня в душе пустота, никакой цели... сижу ли, хожу ли — все едино». Он больше не мог оторвать взгляда от тротуара. В сотнях ног, месивших грязь, чувствовалась та уверенность, твердость, которой не было у него. Он смотрел, и отвращение к самому себе росло. Ведь он всегда и всюду один и тот же — равнодушный, не имеющий цели. Эта грязная после дождя дорога была и дорогой его жизни, по которой он шел без веры и без одушевления, ослепленный обманчивыми огнями рекламы. «Куда же они ведут, эти огни?» — думал он. Он поднял глаза к небу и увидел, что там, в черной вышине, огненные буквы рекламируют зубной порошок и крем для ботинок. Он снова опустил голову — ноги продолжали двигаться, из-под ботинок летела грязь, толпа безостановочно текла куда-то. «А я, куда я иду? — спросил он самого себя. Он сунул палец за воротник. — Что я за человек? Почему не бегу, не тороплюсь, не поступаю честно, повинуюсь первому порыву? Почему утратил веру?». Тоска давила его, ему хотелось остановить кого-нибудь из прохожих, схватить его за ворот и спросить — куда он идет, почему так спешит. В толпе людей, у которых есть цель, он тоже должен иметь цель, любую, пусть даже-обманчивую.

«Куда же я иду?» Прежде люди, похоже, знали свой путь от первого и до последнего шага, теперь — нет. Словно на голову вдруг надели мешок — полная слепота и тьма. Куда-то идти надо! Но куда? Микеле решил пойти домой.

И тут он заторопился. Вся улица была забита машинами, и они медленно продвигались вперед у самого тротуара. Под косым, слепящим дождем невозможно было перебежать улицу. Машины, стоявшие в два ряда у светофора, — один ряд поднимался на холм, другой спускался, — были словно зажаты между темными и освещенными фасадами домов. Они ждали сигнала, чтобы ринуться вперед. Микеле тоже ждал. И вдруг среди других машин он увидел одну невероятно большую. В ней неподвижно сидел мужчина, лицо его оставалось в тени. Чья-то женская рука обнимала его, нетрудно было догадаться, что эта сидевшая рядом женщина положила ему голову на колени, а рукой обвила возлюбленного за плечи, точно умоляя его о чем-то и не смея взглянуть ему в лицо. Неподвижно сидящий мужчина и припавшая к нему женщина на миг промелькнули перед глазами Микеле в белом свете фонарей. Затем машина тронулась с места и, словно кит, поплыла среди других машин.

Больше Микеле ничего не увидел, кроме красной сигнальной лампочки сзади, чуть выше номерного знака. Казалось, будто эта красная лампочка, мигая, звала его, Микеле. Но тут же исчезла и она.

После этой мимолетной сценки тоска стала непереносимой, нервы совсем сдали. Микеле не знал ни того мужчины, ни женщины. Вероятно, они были из другой среды, возможно, вообще иностранцы. И, однако, ему казалось, что это была фантазия его души, плод больного воображения, что само зрелище предстало его глазам по чьей-то высшей воле. В том мире действительно страдали, обнимали возлюбленного яростно, со страстью, напрасно умоляли. Это и был его, Микеле, подлинный мир, а не тот мирок, в котором столько шума, ложных чувств, где, неправдоподобные, какие-то стертые, мечутся мать, Лиза, Карла, Лео. Он мог бы искренне ненавидеть того иностранца, искренне любить ту женщину. Но он знал — бесполезно надеяться, доступ в землю обетованную для него закрыт, и ему никогда туда не добраться.

Тем временем полицейский-регулирущик остановил бесконечный поток машин, и Микеле перешел дорогу. Посредине улицы у него закружилась голова, и он стал задыхаться. Тогда он снял шляпу — пусть холодный дождь освежит его. Он не мог бы объяснить, какие он испытывал чувства, — его одолевали смутные желания, от отчаянной тоски он ощущал физическую боль. Мимо проезжало свободное такси. Он поднял руку. Сел, дал шоферу адрес дома. Но воспоминание о тех двух — мужчине и женщине, обнимавшихся в роскошной машине, осталось.

«Узнать бы, куда они отправились, — почти всерьез подумал он. — Дать шоферу их адрес, поехать к ним и попросить, чтобы они взяли меня с собой». Эти нелепые мысли и видения слегка успокоили его. Однако при каждом толчке ему казалось, будто он пробудился от чудесного сна, и он с горечью сознавал, что это — грезы и что его жизнь не изменится ни на йоту, все и вся вокруг останутся прежними.

До дому он добрался за пять минут, под усиливающимся дождем быстро пересек сад, вошел в темный холл. В коридоре тоже было темно. Он положил плащ и шляпу на стул и, не зажигая огня, стал ощупью пробираться к лестнице. Проходя мимо гостиной, он заметил, что сквозь замочную скважину пробивается луч света и слышится музыка — вальс, тот самый, что совсем недавно звучал в зале отеля «Ритц». «Меня преследуют галлюцинации», — подумал он. Открыл дверь, вошел. В той части гостиной, где обычно принимали гостей, было темно, но дальше за аркой горел свет и кто-то играл на рояле. Он подошел поближе. И тут женщина, склонившаяся над клавишами, обернулась и посмотрела на него. Это была Лиза.

«Пришла, чтобы объясниться, — тоскливо подумал Микеле. — Как будто я сам не понял все уже давным-давно».

Он сел в кресло, в тени.

— Мы танцевали в «Ритце», — спокойно сказал он. — Но там была такая скучища, что я ушел. И потом, представь себе, я поссорился с Лео.

Она с любопытством посмотрела на него.

— В самом деле? — сказала она, встала и подошла к нему. Села совсем рядом. — А по какому поводу? — спросила она доверительным голосом, но как-то нерешительно. — Быть может, из-за меня?

Микеле посмотрел на ее полное робкой надежды лицо и чуть не расхохотался. «Бедная ты моя Лиза, — хотелось ему ответить. — Как же мне тебя убедить, что я тебя не люблю». Но из жалости сдержался.

— Нет, не из-за тебя... Из-за наших дел, вернее, из-за матери, — лаконично ответил он.

— А, понимаю, — сказала Лиза, немного разочарованная. Она пристально, влюбленными глазами смотрела Микеле прямо в лицо. Ей мучительно хотелось оправдаться, объяснить, что произошло сегодня у нее с Лео.

«Тогда все станет ясно, — подумала она, — и Микеле, как вчера, положит мне голову на колени». Однако время шло, а она никак не находила предлога, чтобы заговорить об этом.

Они посмотрели друг на друга.

— Я не случайно спросила, не из-за меня ли вы поссорились, — сказала Лиза. — Ведь у тебя есть основания сердиться на меня и на Лео!

— С чего бы!.. Я ничего не имею ни против тебя, ни против него, — ответил он, в упор глядя на Лизу. «К сожалению», — хотел он добавить.

— Я тебя понимаю, — продолжала Лиза. — О, я тебя прекрасно понимаю!.. Поэтому я и хочу объяснить тебе все.

Микеле ничего не ответил и не пошевелился. «Надо ей показать, что меня не волнуют ее переживания. Мне это просто неинтересно».

— Прежде всего, — Лиза наклонилась и посмотрела Микеле в глаза, — если ты думаешь, что между мной и этим человеком есть что-то, поверь, ты глубоко ошибаешься... У нас... Скрывать бесполезно... была связь... Он любил меня... — Лиза небрежно махнула рукой, как бы давая понять, что все это давно быльем поросло. — Я была молода... нуждалась в помощи... Он был настойчив, обстоятельства так сложились... Словом, я ему уступила.

— Мне говорили, что ты до сих пор замужем, — невольно вырвалось у Микеле.

— Мой муж сбежал, — невозмутимо ответила Лиза, — спустя год после свадьбы... прихватив все мои драгоценности...

Она на миг задумалась, но не было в ее взгляде ни печали, ни растерянности — просто важный разговор прервался из-за несущественной подробности, и теперь она старалась поймать утраченную нить.

— Я уступила Лео, — продолжала она после короткой паузы, — и наши отношения продолжались несколько лет... Три года... Пока однажды я не поняла, что не люблю его, никогда не любила. И мы расстались.

«Вернее, не бросил ли он тебя ради моей матери?» — хотелось спросить Микеле. Но он подавил в себе это желание. Да и что это меняет?

— Больше мы не виделись, разве что изредка в вашем доме... И так вплоть... вплоть до сегодняшнего дня... когда он пожаловал ко мне с непонятными намерениями... Быть может, хотел все начать сначала. — Она презрительно засмеялась, чтобы подчеркнуть всю нелепость надежд Лео. — Точно я могла забыть его прежнее поведение!.. Да и вообще, как будто у меня не было другого выбора... Словно достаточно ему было явиться, чтобы заполучить меня... Я как раз выгоняла его из дому, когда ты пришел... Это чистейшая правда, поверь мне. Могу поклясться всем, что есть самого святого на свете!..

Лиза неуверенно, с немой мольбой взглянула на Микеле. Он сидел, опустив голову, и рассматривал свои руки.

— Да, верно, — сказал он наконец, глядя на нее с выражением некоторой озабоченности.

«Что, — да, верно? Что он этим хотел сказать? Да, верно, ты мне не изменила? Либо — да, верно, ты мне изменила?» Его ответ окончательно поверг Лизу в смятение. Наклонившись к нему и еще не остыв после своего пламенного объяснения, она пристально посмотрела на него, пытаясь угадать по его лицу скрытый смысл его слов. Но Микеле оставался хмурым, равнодушным, в глазах была суровость. Казалось, будто он за все время вообще не проронил ни слова.

Лиза, глубоко разочарованная, выпрямилась в кресле. В голове у нее роились мысли, одна неприятнее другой. «Он мне не верит», — думала она и от отчаяния готова была до боли заломить руки. Так, в неловком молчании, прошло с минуту. Вдруг Лиза засмеялась.

— Бедный Лео! — воскликнула она. — Сегодня у него поистине несчастливый день... Поссорился с тобой и со мной... Не считая скандала с Мариаграцией, что, впрочем, в порядке вещей. Сколько неудач сразу! — Она посмеивалась, а сама искоса поглядывала на Микеле и видела, что взаимное непонимание не уменьшается, а растет. А она все смеялась; гостиная была погружена в полутьму, две лампочки на рояле, вставленные в две оплывшие искусственные свечи, освещали сверкающую крышку рояля и казались двумя восковыми

свечами на крышке гроба. Лиза смеялась, но смех замирал в горле при взгляде на замкнутое лицо Микеле, смотревшего на нее с плохо скрываемой жалостью. Она словно читала отражавшиеся на нем мысли.

«Передо мной — сумасшедшая. Поневоле приходится ее слушать, поддакивать ей, а главное, стараться ее не рассердить». Для нее, с такой страстью мечтавшей о полном примирении, не было ничего страшнее этой холодной вежливости.

Наконец Микеле сказал:

— Конечно, все могло сложиться для него и получше.

Этот ответ лишил Лизу последних призрачных надежд. Ею овладело полнейшее, горчайшее разочарование. «Он мстит мне, — подумала она. — Решил, что я ему изменила, и теперь даже не хочет меня выслушать. Поэтому он и ответил так по-идиотски».

И все-таки перед ней сидел прежний Микеле — в этом не было никаких сомнений: та же чистота и честность во взгляде и на челе. Его увлечение ею было искренним, неподдельным. Ей вновь показалось, что если она отыщет нужные слова, то наверняка сумеет его убедить в своей искренности.

— Пойми, Микеле, — умоляюще сказала она, снова наклоняясь к нему. — Не моя вина, что ты застал меня с Лео... Он пришел... И потом, неужели ты способен поверить, что после того, что произошло между мной и тобой утром, я в полдень могла спокойно принять этого человека? И вообще, я при всем желании не могла любить Лео: он корыстный, суетный человек. Нет, ты плохо обо мне думаешь. Поверь, ты не прав, ты считаешь меня легкомысленной и — как бы это поточнее выразиться? — легко доступной женщиной. Но, уверяю тебя, это не так... Я совсем другая... Мне нужно нечто совсем иное, большее, чем красивая внешность и мужская сила... Я об этом дни и ночи мечтаю... Мне нужны еще... — Тут она внезапно умолкла и посмотрела Микеле в глаза. — В тебе, только в тебе, — медленно, тихим голосом договорила она, приблизив свое лицо к лицу Микеле, — соединилось все, что мне нужно. И поэтому я ценю и люблю тебя.

«Вот это, что называется, высказала все откровенно, в лоб», — подумал Микеле. Он ничего не ответил, откинул назад голову и скорее смущенно, чем презрительно, посмотрел на Лизу. Она всем телом клонилась к нему из своего низкого кресла. Узкое платье натянулось, обнажив мускулистое бедро с розовыми подвязками. Микеле поразило, какое оно упругое. «Лизой и в самом деле не стоит пренебрегать, — подумал он. — Лео прав». Но тут же, отчасти из-за фальши, звучавшей в ее голосе, отчасти из-за низости собственных мыслей, он почувствовал к ней такое отвращение, что у него дрогнули губы.

«Нет, не этого я жду от любви», — подумал он. Опустил глаза и откинулся назад в кресле.

— Не смотри на меня так! — не дав ему заговорить, испуганно воскликнула она, увидев, что, воспламенившись было при виде ее оголенной ноги, он сразу же вновь отпрянул и застыл в неподвижности. — Не будь таким... замкнутым... Прошу тебя, ответь!.. Скажи искренне все, что ты думаешь. — Она умолкла.

Впервые с момента своего прихода Микеле услышал, как хлещет дождь по ставням, вспомнил о Лео, о сестре и матери, оставшихся в «Ритце».

— Что я думаю? — повторил он без тени иронии. — Думаю, что они все не возвращаются, что сегодня плохая погода, вот о чем я думаю.

Молчание. Лиза так и осталась сидеть, согнувшись вдвое. Больше говорить было не о чем и незачем. Все ее попытки безнадежно провалились, Она смотрела на туфли Микеле, а в душе была крошечная тьма. «Уж лучше было не отвергать Лео, — поймала она себя на мысли. — По крайней мере, сейчас у меня хоть он был бы».

В гостиной становилось все темнее. Тьма постепенно поглощала стены и мебель, она густела и мрачно опускалась на обоих, Лизу и Микеле. Слабый свет словно вырывал из темноты небольшую пещеру с низким дымным сводом. И в этом мертвенном свете две черные фигуры сидели у гроба, на крышке которого язычки пламени восковых свечей покачивались, мигали, все больше слабая, пока наконец не погасли вовсе.

— Что случилось? — с отчаянием спросила Лиза из ночной тьмы.

— Ничего особенного, — донесся до нее голос Микеле. — Из-за бури где-то, верно, порвались провода. Подождем.

Полнейшее молчание, тьма, шелест дождя. И вдруг Микеле почувствовал, что на руку ему легла рука Лизы, и безжалостно усмехнулся. «Самый удобный момент, чтобы простить, забыть все и в желанной темноте дать волю чувствам», — подумал он.

Но его измученная душа отвергала едкий сарказм, в своем воображении он видел иное, — он ищет Лизу в ночи, находит, прижимает к груди и целует, впервые искренне, крепко... Какие-то мгновения он еще боролся со своей слабостью, во тьме перед глазами мелькали совсем другие образы — мужчина и женщина, которых он увидел в роскошном автомобиле. И тут же вспоминал об обнаженной ноге Лизы, на которой сосредоточились все его желания. «Почему Лиза не та женщина, а я не тот мужчина?!» Слышно было, как ударяют капли дождя о стены виллы, тьма была непроглядной, глупая, нежная рука по-прежнему жадно ласкала его. Микеле не решался отбросить ее, потерять навсегда. Он отсчитывал секунды в надежде, что вот-вот загорится свет и разделит их. «О, рука, — молил он, — подожди немного... Ну хоть столько, чтобы можно было соблюсти приличия». Он попытался улыбнуться. Но свет не загорался. И тогда Микеле, сознавая, какой непростительной слабости он поддается, наклонился и поцеловал ей руку.

«Теперь все кончено, — подумал он с радостью и отвращением. — Сейчас я посажу ее к себе на колени и поцелую в губы». Он уже хотел так поступить, как вдруг из коридора донесся взрыв хохота, шум голосов. Дверь гостиной отворилась, колеблющийся свет свечи прорезал тьму, и сама комната словно покачнулась. К потолку взметнулись яркие языки пламени и гигантские тени. Первым вошел Лео, за ним — Карла и Мариаграция.

Они ступали осторожно, стараясь разглядеть тех двух, что сидели в креслах. Лео держал в руке свечу, и Микеле прекрасно видел его красное, залитое светом лицо. Мариаграция и Карла шли по бокам, и пламя свечи освещало их лишь наполовину. Они нерешительно приблизились в сопровождении своих гигантских теней, скользивших по потолку и стенам.

— А, это ты?! — воскликнула наконец Мариаграция, узнав Лизу.

— И давно вы тут сидите? — спросила Карла. — А когда погас свет?... Ну, а мы танцевали, веселились... А потом, представляешь, Лео уговорил маму станцевать чарльстон!

— И она его отлично станцевала, — сказал Лео, подойдя поближе.

— Ах, Мерумечи, не вспоминайте об этом чарльстоне, — со вздохом сказала Мариаграция. Она села в кресло и казалась очень усталой. — Вообрази только, — добавила она, повернувшись к Лизе. — Вдруг он меня закрутил, стал выделять самые немыслимые па и говорит: «Повторяйте за мной». Я вначале не хотела, но потом стала подражать каждому его движению и уже минут через пять танцевала лучше всех в зале... Не такой уж трудный танец этот ваш чарльстон.

— Да... Но не станешь же ты утверждать, что умеешь танцевать его в совершенстве, — заметила Карла.

— Почему не стану? — обиделась Мариаграция. — Если хочешь, могу его повторить. Хоть сейчас... Это легче легкого.

— Но, мама, — не сдавалась Карла. — Новый танец нельзя разучить за один вечер!

— Ах вот как?! — воскликнула Мариаграция в крайнем возмущении и встала. — Так вот... сейчас сама увидишь. Тогда ты убедишься, что не в пример тебе я никогда не лгу.

Она сняла накидку, повесила ее на кресло.

— Лиза, сыграй, пожалуйста, чарльстон! — попросила она, повернувшись к приятельнице. — Ноты найдешь в сборнике танцев, который лежит на рояле.

Лиза поднялась, и Лео, держа в руках свечу, пошел за ней.

— Какой танец сыграть? — спросила Лиза. — «На океанском корабле»? или «Ночь в Нью-Йорке»?

— Отлично. Сыграй «Ночь в Нью-Йорке», — одобрила Мариаграция.

Лиза села за рояль и приготовилась играть. Лео стоял сбоку и освещал ноты. У противоположной стены стояли, окутанные тьмою, Микеле и Карла.

В тишине зазвучали легкие, стремительные звуки музыки.

— Ну, смелее же, — подбодрил Мариаграцию Лео.

Внимательно глядя на свои ноги, Мариаграция начала танцевать. Язычок пламени скупое освещал ее накрашенное, напряженное лицо, изрезанное мелкими морщинами. Серебристого цвета платье было слишком узким, и при каждом резком движении отчетливо обозначались полная грудь и бедра. Мариаграция резко вскидывала ноги, стараясь попасть в ритм танца, но, очевидно, она позабыла урок Лео, потому что внезапно остановилась и разочарованно поглядела на него.

— Не знаю... в «Ритце» играли другой танец. Этот у меня не получается, — сказала она.

— Вот видишь, мама! — воскликнула Карла, выйдя из тени. — Я была права.

— Нисколько! — Освещенное пламенем свечи лицо Мариаграции выразило величайшее недовольство. — Танец не тот.

— Но ведь ты сама его выбрала, — обернувшись, сказала Лиза.

Лео со свечой в руке подошел к Мариаграции, Карле и Микеле, которые стояли полукругом и обменивались враждебными взглядами.

— Не важно... не важно... — примирительно повторил он. — Не все сразу. В другой раз получится лучше.

Все пятеро на миг умолкли и посмотрели друг на друга. Должно быть, дождь усилился, слышно было, как он хлестал по ставням и как они вздрагивали от сильных порывов ветра.

Наконец Карла сказала:

— Надо пойти переодеться. Скоро ужин.

— Вы останетесь поужинать с нами, не правда ли, Мерумечи? — сказала Мариаграция, любой ценой желавшая встретиться с Лео на следующий день.

— Да нет. Хотя, пожалуй, останусь, — ответил Лео.

Один за другим они нетвердым шагом направились к двери. Мариаграция, держа в руке огарок свечи, объявила:

— Кто меня любит, тот последует за мной...

Карла засмеялась. Лео, прежде чем выйти, подошел к Микеле, который остался сидеть в кресле.

— Ну, — спросил он, — послушался моего совета? Не забывай, Лизой не стоит пренебрегать... Она, конечно, жирновата... но зато многоопытна.

После чего, подмигнув Микеле, который продолжал молча и равнодушно сидеть в кресле, поспешно догнал остальных. Пламя свечи в последний раз осветило притолоку двери и исчезло во тьме коридора. До Микеле донеслись голоса, он слышал, как мать говорила: «Карла, открой дверь». Микеле так и не встал с кресла и остался один сидеть в темноте.

Остальные четверо, сталкиваясь друг с другом, шумно поднимались по лестнице. На втором этаже Карла нашла в передней еще две свечи. Их взяла Мариаграция и увлекла Лизу за собой — показать новое платье.

— Воротник из золотистой парчи, — дважды повторила она, — сама увидишь. Это сейчас очень модно.

В передней остались Карла и Лео. Они взглянули друг на друга. Глаза Лео горели от едва сдерживаемого возбуждения. Он поставил свечу на стол и мягкими пальцами ласкал руку Карлы, руку, которая ему безумно нравилась, — она была белой, тонкой и холодной. Он смотрел на Карлу снизу вверх, с ленивым сладострастием и в то же время оценивающе, и представлял себе, на какие бесстыдные ласки способна эта холодная рука.

«Эти ручки кажутся цветами — такие они нежные, деликатные, — подумал он. — Но когда доходит до ласк, они способны на все». И чем больше он об этом думал, тем больше возбуждался. Внезапно лицо его помрачнело, он отпустил руку Карлы и обнял ее за талию.

Карла в этот момент явно думала о чем-то другом.

— Нет, Лео, нет, будь осторожнее, — отбиваясь, прошептала она, испуганно оглядываясь вокруг. Наконец она уступила.

И как раз в этот миг вошла Лиза.

Она увидела, что Лео и Карла застыли в объятии посреди комнаты, в окружении пяти бархатных портьер. Она отступила на шаг и спряталась. Слегка приоткрыла портьеру. Стоявшая на столе свеча выхватывала из тьмы две склоненные головы, губы, слившиеся в поцелуе, и две тени, взметнувшиеся в полной тишине к потолку. Она ни о чем не думала, сердце ее учащенно билось. На миг она перестала следить за влюбленными и застыла в нерешительности, испуганная, не зная, как быть дальше. Потом вновь осторожно посмотрела сквозь портьеру. Лео выпустил Карлу из объятий, и теперь они о чем-то шептались.

— Мне показалось, — донеслись до нее слова Лео, — что одна из портьер колыхнулась. — Дух, — с улыбкой воскликнул он, пародируя медиумов. — Если ты здесь, стукни об пол один раз, если тебя нет — два.

Карла нехотя засмеялась — ее полуосвещенное лицо прорезали морщинки. Лизе, притаившейся за портьерой, захотелось и в самом деле стукнуть об пол — посмотрела бы она, как они вскочат, потрясенные, испуганные, побагровевшие от страха.

— Сядь сюда, — сказал Лео. — Ко мне на колени.

— Но, Лео, — умоляюще проговорила Карла. — Если кто-нибудь нас застанет, Лео?!

— Не бойся.

Послышался шорох. Лиза широко раскрытыми глазами впилась в полутьму... Нет, это ей не пригрезилось. Карла сидела у Лео на коленях, головой прижимаясь к его голове. И он... целовал ее в шею.

— А теперь, Карла, — весело сказал Лео. — Если ты есть, поцелуй меня... если тебя нет — поцелуй дважды. — На секунду воцарилось молчание. Большая голова Карлы томно склонилась к плечу Лео. Внезапно Карла отпрянула назад.

— Нет, Лео, нет, — повторила она. — Это — нет.

И забилась в его объятиях. На потолке заколыхались две гигантские тени. Потом застыли. Пламя свечи становилось то коротким, то длинным. Эти двое не двигались и не говорили ни слова. Чуть-чуть слышно с равномерными паузами поскрипывал диван. Лиза поднялась и бесшумно проскользнула в комнату Мариаграции. Теперь изумление сменилось мстительной радостью. «Возьму Мариаграцию за руку, поведу в переднюю и покажу, что творит ее дорогой Лео», — подумала она. Но когда она вошла, вид Мариаграции, она и сама не знала почему, заставил ее отказаться от своего намерения.

Мариаграция прохаживалась по комнате, держа в руке свечу, и с гордостью поглядывала в зеркало на свое новое платье.

— Нравится тебе? — спросила она, озабоченная тем, что заметила маленький недостаток, — лишнюю складку чуть пониже пояса. — А не сшить ли мне поясок? — сказала она. — И, пожалуй, даже... Может, ты, Лиза, что-нибудь придумаешь?

Она беспрестанно вертелась перед зеркалом, неудовлетворенная производимым впечатлением. Лиза села в темном углу. Теперь, неизвестно почему, при воспоминании о поцелуе двух влюбленных у нее больно сжималось сердце. Она закрыла глаза.

— Право же, не знаю, — неопределенно ответила она.

— Как это, не знаешь?! — удивилась Мариаграция, снова глядя в зеркало. — Я тут мучаюсь, а ты отвечаешь — не знаю... Что же ты тогда знаешь?

«Я много чего знаю», — хотелось Лизе ответить. Но теперь у нее пропало всякое желание рассказать Мариаграции о новых проделках Лео. Ее удерживало какое-то странное чувство, вернее, даже обостренное чувство собственного достоинства. Она боялась, что подумают, будто она поступает, так из низменного желания отомстить Лео за измену, а не из-за искреннего отвращения к поступку Лео и чувства привязанности к Карле. Поэтому она промолчала.

— Как ты думаешь, может, прикрепить к груди золотую розочку? — спросила Мариаграция. Свеча, которую она держала в руке, осветила ее озабоченное дряблое лицо.

— Да, конечно, — поспешно согласилась Лиза.

А перед глазами стояли те двое, их склоненные головы. И ей хотелось плакать. Такое случилось с ней впервые. Она испытывала физическую боль, точно произошло нечто очень печальное и даже страшное.

— Ну, а как насчет пояса? — не унималась Мариаграция. — Тоненький золотой поясок сюда подошел бы?

Она еще раз посмотрелась в зеркало и, кажется, осталась довольна.

— Очень красивое платье, — сказала она. — Вот только эта складочка... Эта проклятая складка... — На ее раскрашенном лице снова отразилось сомнение. — Может, я неаккуратно надела комбинацию? — сказала она. Поставила огарок свечи на пол, обеими руками подняла подол платья и стала расправлять шелковую комбинацию. Язычок пламени колебался, покачивался, и к потолку, змеясь, вздымались струйки копоти.

Сидя на стуле в темном углу, Лиза не шевелилась и не говорила ни слова. Ее взгляд перебегал с толстых голых ног Мариаграции на дверь, за которой сейчас обнимались в передней Лео и Карла. Она испытывала гнетущее чувство омерзения. И это чувство было для нее новым — она ясно и трезво видела, что эта любовная интрижка приведет Карлу к полному падению, что она погубит свою молодость. Удивления или гнева к обоим она не испытывала, о нет! Да и как она могла, при ее-то собственной бурной жизни! Но она испытывала какую-то смутную жалость к Мариаграции, Лео, Карле, всем сразу, да и к себе самой. Необычность этих чувств испугала Лизу. Она вдруг ощутила странную усталость. И ей до слез захотелось сейчас же уйти, обдумать в одиночестве все события этого дня. Она встала.

— Я ухожу, — сказала она.

Мариаграция, которая тем временем сняла платье, подбежала к ней в одной комбинации и трусиках.

— Как, уже?! — воскликнула она. Но удерживать ее не стала, обняла на прощание и пошла поветить ей до дверей. — Что будешь делать сегодня вечером? — спросила она на пороге.

— Лягу спать, — самым естественным тоном ответила Лиза.

Мариаграция испытующе поглядела на нее.

— Ну, до свидания, — сказала Лиза и, громко хлопнув дверью, чтобы предупредить влюбленных, вышла.

Карла мгновенно встала с дивана и пошла ей навстречу.

— Я провожу тебя, Лиза, — сказала Карла. — А ты, Лео, пять минут побудешь один в темноте.

Пламя свечи ярко освещало круглое лицо девушки. Лиза заметила, что глаза у нее усталые, припухшие, а щеки бледнее, чем обычно. Лизе вдруг захотелось поговорить с ней, рассказать, что она все видела. Но Карла уже повернулась к ней спиной и стала спускаться по лестнице.

Все время, пока они спускались, Лиза на каждой ступеньке лихорадочно спрашивала себя: «Должна я с ней поговорить или нет?» Она смотрела на детские щеки Карлы, на ее большую голову, и ей становилось еще больше жаль девушку. «Во всем виновата Мариаграция, — думала она. — Это из-за нее Карла, бедняжка, очутилась в таком тяжелом положении». Они дошли до холла. Завести разговор или промолчать? Лиза никогда еще не испытывала такой неуверенности и такой жалости — чувства, прежде почти незнакомого ей. «Это не ее вина», — все время повторяла она про себя. Ей хотелось каким-нибудь жестом или взглядом, без слов, дать понять Карле, что ей известна ее постыдная тайна. Но это ей никак не удавалось.

В коридоре перед зеркалом она стала надевать шляпу. Карла стояла рядом, держа в руке свечу. Лиза беспрестанно поглядывала на девушку.

— Что с тобой, Карла? — внезапно спросила она. — Мне кажется, ты сегодня не такая, как всегда.

— Со мной?! — деланно изумилась Карла. — Ровным счетом ничего.

— Знаешь, ты очень бледная, — продолжала Лиза, — по-моему, ты переутомилась.

Карла промолчала. «Все-таки должна я с ней поговорить?» — все еще колебалась Лиза. Она надела пальто и, прежде чем уйти, взяла Карлу за руку. Они посмотрели друг на друга. Карла не выдержала пристального взгляда Лизы и опустила глаза.

— Карла, — внезапно сказала Лиза взволнованным голосом. — Ты изменилась... Что с тобой?

— Да... ничего.

Лиза была в растерянности и никак не решалась уйти.

— Тогда обними меня, — неожиданно сказала она. Они обнялись. Но, целуя Карлу в холодную щеку, Лиза испытывала сильнейшее недовольство собой и досаду. «Не так, совсем иначе я должна была с ней говорить». Они прошли в холл.

— Помни, — неловко сказала Лиза. — Если у тебя что-нибудь сложится не так либо... произойдут неприятности, — ты всегда можешь прийти ко мне. Ничего от меня не скрывай.

— Конечно, конечно, — стыдливо пряча глаза, ответила Карла.

Лиза вышла, и дверь захлопнулась.

Карла в задумчивости поднималась на второй этаж. Разговор с Лизой ее немного напугал. «Неужели она о чем-то догадалась?»- с беспокойством спрашивала она себя. Но чем больше она об этом думала, тем менее вероятной представлялась ей такая возможность. Ее любовная интрига с Лео началась лишь вчера, Лиза всего два раза заглянула к ним, да и то ненадолго. Нет, это исключено... Если только... если только у Лизы не зародились подозрения вчера вечером, когда ее и Лео вдруг не оказалось в холле. «Но догадалась она или нет, теперь уже слишком поздно, — подумала она со смешанным чувством радости и грусти, — сегодня вечером я отдамся Лео».

Она медленно поднималась по ступенькам, и дрожащий огонек свечи двигался вместе с ней, отбрасывая на стену гигантскую тень с огромной черной головой. «Значит, я иду навстречу новой жизни». Она хотела бы сохранить спокойствие, но это ей никак не удавалось. Бесполезно скрывать от самой себя, что сердце у нее дрожит от страха и она испытывает растерянность и тревогу. «Хоть бы уж поскорее пролетели эти часы, — подумала она и по-детски глубоко вздохнула. — Пусть поскорее пройдет эта ночь. Больше я ни о чем не молю бога».

В темной передней пламя свечи осветило Лео, сидевшего в кресле. Она поставила огарок свечи на стол и села с ним рядом.

— Какая скука, правда? Да еще свет никак не дают, — сказала она, чтобы только не молчать.

Лео ничего не ответил и взял ее за руку.

— Так ты придешь сегодня вечером? — спросил он. Но Карла не успела ему ответить. Портьера одной из пяти дверей распахнулась, и вошла Мариаграция. Она куталась в длинную черную шаль и несла свечу. Лицо ее было воплощением ехидства.

— Лиза ушла, — бросила она Лео, не садясь. — Вы, Мерумечи, возможно, предпочли бы, чтобы я пригласила ее на ужин. Я не ошиблась?... Но что поделаешь... Нельзя всегда получать все сразу... К тому же у вашей дорогой подруги будет время, чтобы подготовиться к вашему визиту... Ночному.

Слово «ночному» сопровождалось глухим смешком. Затем, не дожидаясь ответа, она повернулась и стала спускаться по лестнице.

— Куда ты, мама? — крикнула ей вслед Карла, вскочив со стула.

— Я думаю, пора ужинать, — не оборачиваясь, ответила Мариаграция и медленно, ступенька за ступенькой, продолжала спускаться, в одной руке держа свечу, а другой опираясь о деревянные перила. — Но если вам, Мерумечи, хочется поскорее увидеть Лизу, не стесняйтесь... Ведь мне это безразлично.

Луч света исчез, снова стало совсем тихо. Слова Мариаграции замерли где-то внизу, на последней ступеньке узкой лестницы. Карла, которая следила взглядом за тем, как мать

спускается, повернулась к Лео, откинувшемуся на спинку кресла.

— Бесплезно, — сказал Лео, — у твоей матери есть достоинства и недостатки. Но уж если она что-нибудь вбила себе в голову, ее потом не разубедишь. — Он умолк, безнадежно махнув рукой. С минуту они просидели в молчании. Карла озабоченно и даже испуганно смотрела на Лео.

— Знаешь, мне показалось, что Лиза кое о чем догадалась, — обратилась она наконец к возлюбленному.

— Каким образом?

— Не знаю... Но по тому, как она со мной говорила, по ее тону...

— По мне, пусть думает что угодно, — прервал ее Лео, сопроводив фразу презрительным жестом. Обняв Карлу, он привлек ее к себе. Но она, сама не зная почему, оттолкнула его.

— Нет... хватит, — запротестовала она, упираясь ему руками в плечи.

— Но почему? — прохрипел Лео, Он тянулся к ней из тени своим возбужденным лицом, пытаясь удержать ее в объятиях. — Что тебе стоит? Я только еще разик поцелую тебя.

— Нет! — Она сопротивлялась с необычным упорством. Глаза ее гневно сверкали. Борясь с Лео, она задела стол, стоявшая на нем свеча упала и погасла. Сразу же наступила полная тьма. Карла бегом бросилась вниз по лестнице. Топот шагов, и все стихло.

«Какая же она странная, — подумал Лео, оставшись сидеть один в темноте. — Чуть раньше позволила бы раздеть себя догола... а пять минут спустя не позволяет даже поцеловать в лоб».

Он был даже не рассержен, а лишь несколько удивлен. Желание постепенно улеглось. Он попытался разглядеть что-либо в окружавшей его тьме, затем стал рыться в карманах. Наконец отыскал коробку спичек, зажег одну. Быстро наклонился, поднял свечу и поднес горящую спичку к фитилю.

«А теперь, — подумал он, — надо пойти поужинать». Он поднялся, направился было к двери, но вдруг вспомнил, что забыл назвать Карле час и место встречи.

Он вернулся, поставил на стол огарок и медленно, методично, в зыбком свете свечи, толстой самопишущей ручкой с золотым пером написал на визитной карточке, которую вынул из бумажника: «Жду тебя через час в машине у ворот сада». «Отдам ее, когда буду уходить», — решил он. После чего, довольный собой, снова взял огарок и стал спускаться по лестнице.

На столе, накрытом для ужина, горела только одна свеча. В столовой было почти совсем темно. Лео различал лишь слабо освещенные лица Микеле, Карлы, Мариаграции, уже сидевших на своих обычных местах. Лео тоже сел, поставил рядом свечу и, не говоря ни слова, начал есть. Первое блюдо было съедено в полнейшем молчании. Все четверо смотрели на колеблющиеся язычки пламени двух свечей. Ни малейшего звука, каждый думал о своем, о том, что мучило его больше всего. Но из всех четырех особенно взволнованна и растерянна была Мариаграция. Она сидела, опираясь подбородком о скрещенные руки. В углах рта резко обозначились две морщины, широко раскрытыми глазами она молча следила за зыбкими огоньками обеих свечей.

Наконец она решилась и посмотрела на Лео. И сразу же лицо ее исказилось горькой, недоброй усмешкой.

— Хотела бы я знать, — напряженным голосом проговорила она, обращаясь сразу ко всем троим, — почему в мире столько лжецов?! Вот что я хотела бы знать! Ну хорошо, ты поступаешь подло, я допускаю, что так можно поступить... Но скрывать свои поступки, лгать, искажать истину... одна мысль об этом приводит меня в бешенство...

В ответ молчание. Никто не отваживался неосторожным словом невольнo поощрить Мариаграцию на новые обличения. Мариаграция переводила взгляд с одного на другого, точно побуждая их заговорить. Но Лео и Карла опустили глаза, а Микеле просто отвел взгляд. Тогда после атаки фланговой Мариаграция перешла в атаку любовую.

— Скажем, вы, — продолжала она, обращаясь к Лео, — имеете полное право встретиться с кем-то после ужина. Никто не может вам этого запретить. Хотя уйти сразу после ужина из дома, куда вас пригласили, было бы проявлением элементарной неучтивости к хозяевам... Но зачем, вместо того чтобы сказать правду, придумывать одну ложь за другой, уверять, что у вас важная деловая встреча, что вы идете к Смитсон, которая, кстати, находится в Милане. Словом, нести всякую чушь?! Объясните мне, Мерумечи, кто вас заставляет? Кто вас просит лгать, и притом глупо?! Ведь это не просто ложь, а прямое оскорбление. Будто я настолько глупа, что не понимаю простых вещей. А ведь было бы куда лучше сказать правду: знаете, уважаемая синьора, в такое-то время я должен буду вас покинуть, потому что иду к такой-то даме. Я бы вам ответила — идите куда и к кому угодно, хоть к дьяволу, коль скоро вам это нравится... И все стало бы на свои места.

Она умолкла, повелительным жестом отстранила блюдо, которое ей протягивала в полутьме служанка. Она была крайне возбуждена, руки у нее дрожали, она непроизвольно переставляла с места на место вилки, ножи и рюмки.

— Скажите же что-нибудь! — выкрикнула она, увидев, что Лео упорно молчит... — Говорите... Хоть раз скажите правду!

Лео исподлобья взглянул на свою бывшую любовницу. «Ты заслужила не одну, а целых десять пощечин, — подумал он, с ненавистью глядя на ее увядшее, глупое лицо. — Не меньше десяти». Но лишь взял с подноса мясо и процедил сквозь зубы:

— Мне нечего сказать.

Ничто не могло так возмутить Мариагратию, как этот равнодушный ответ.

— Как?! — воскликнула она. — Я вас обвиняю во лжи, притом справедливо, а вы не только не соизволите объяснить свое поведение, но и отвечаете грубо... Так... так, точно я же еще и виновата! Знаете, кто вы?! Вы наглец.

Обычно Лео не отвечал на упреки бывшей любовницы. Но в этот раз, то ли от нервного возбуждения перед ночной встречей с Карлой, то ли от того, что оскорбления Мариагратии задели его за живое, но он возмутился.

— Послушайте, — зло бросил он, внезапно повернувшись от служанки, которая протягивала ему поднос, к Мариагратии. — Пора бы вам наконец уняться... Иначе мне и в самом деле придется ответить грубостью... Хорошенького понемногу.

Сказав это, он посмотрел на Мариагратию с такой ненавистью и столь вызывающе, что у нее ком подступил к горлу. Язычки пламени двух свечей при малейшем порыве ветра колыхались, то выхватывая из темноты сведенные яростью челюсти Лео с гладко выбритой чуть розовой кожей, под которой пульсировала кровь, то вновь погружая их во тьму. Прищуренные, разгневанные глаза неотрывно смотрели на Мариагратию, рот кривился в недоброй, презрительной усмешке, и узкий конус тени, падавшей на край подбородка, как бы подчеркивал, что Лео с трудом сдерживает охватившую его ярость.

Мариагратия, обвинительная речь которой была столь внезапно прервана, в растерянности смотрела на это беспощадное лицо, на враждебный взгляд припухших от бессонных ночей глаз, готовых, точно катапульта, сокрушить ее одним ударом. Она дрожала всем телом, задыхалась и чувствовала себя несчастной, покинутой женщиной, которую никто не любит, и от этого у нее больно сжималось сердце. «Лулу, не смотри на меня так», — хотелось ей крикнуть и закрыть лицо руками. Но она продолжала сидеть, испуганная, неподвижная. «Я люблю его, а он отвечает мне с такой злостью», — потерянно повторяла она про себя, напрасно пытаясь собраться с мыслями.

Лео повернулся и взял с подноса два больших ломтя мяса и немного зелени. «Нашей любви пришел конец. И ничего уже нельзя поправить». Глаза ее наполнились слезами, она положила салфетку на стол и тяжело поднялась.

— У меня пропал аппетит, — сказала она. — А вы ешьте, ешьте... — И чуть не бегом, споткнувшись о ковер, выскочила из столовой.

Лео так и застыл с ножом и вилкой в руках. Его глаза изумленно смотрели в темный проем двери, в котором исчезла Мариагратия. Карла тоже уставилась на дверь.

Наконец Микеле, который удивился меньше других, обратился к Лео.

— Ты не должен был ей отвечать так резко, — сказал он без всякой досады, а лишь с выражением нестерпимой скуки на лице. — Ты же знаешь, какая она вспыльчивая... Теперь начнутся сплошные истерики...

— Что я ей такого грубого сказал? — ответил Лео. — Если у нее нервы не в порядке, пусть лечится... Уже и слова сказать нельзя.

— Вы оба и без того слишком много говорите, — сказал Микеле, глядя Лео прямо в глаза. — Очень много.

— Чепуха, — пробормотал Лео, пожав плечами. — Вот твоя мать в самом деле говорит слишком много, но я... — Он на минуту умолк, переводя взгляд с тарелки, на которой стыло мясо, на дверь, за которой исчезла Мариаграция. — Что будем делать дальше?! — добавил он. — Не бросать же из-за этого ужин!

Все молчали. Карла положила салфетку на стол.

— Микеле прав, — сказала она Лео. — Вы, Мерумечи, не должны были грубить маме. У нее свои недостатки, но все-таки она женщина... Вы нехорошо поступили.

Она поднялась, секунду постояла в задумчивости. То, что она собиралась сейчас сделать, было ей мучительно неприятно, даже отвратительно.

— Попробую уговорить ее вернуться, — сказала она наконец и, отодвинув стул, тоже вышла из столовой.

В коридоре было совсем темно. Она шла ощупью, держась за стену. «Надо было захватить свечу», — подумала она. Вдруг она вспомнила, что однажды после подобной же сцены мать спряталась в гостиной. Она сделала еще несколько шагов и так сильно споткнулась о ковер, что чуть не упала. Ее охватила неподдельная злость к матери, женщине уже в годах и такой по-детски наивной. «Все это должно кончиться раз и навсегда, — пробормотала она сквозь зубы. — Сегодня же ночью я приду к Лео... И все это кончится». Ей показалось, что тьма, застилавшая глаза, непонятным образом прокралась и в ее душу. «Что ж, а пока поищем мою глупую мать», — подумала она. Она не испытывала сейчас к матери ни малейшей жалости. И все-таки ей самой была неприятна собственная жестокость. Она закусил губу и вошла.

Как она и предвидела, Мариаграция укрылась в гостиной. В ночной тишине слышно было, как она всхлипывает и глубоко вздыхает, не забывая, однако, время от времени высморкаться. Раздражение уступило место чувству сострадания.

— Мама, где ты? — громко спросила она и шагнула вперед, широко раскрыв руки.

Никакого ответа. Наконец, несколько раз стукнувшись о мебель, она коснулась рукой плеча матери, которая сидела на диване в углу комнаты.

— Что ты тут делаешь, мама? — спросила она, взяв Мариаграцию за руку, и глядя не на нее, а куда-то вверх, хотя в комнате царил полная тьма и она все равно не могла увидеть заплаканное лицо матери. — Идем, вернемся в столовую...

Мариаграция пожала плечами.

— Ешьте сами, я не приду... — ответила она.

Карла вздохнула грустно и сердито, обошла вокруг дивана и села рядом с матерью.

— Идем, ну идем же! — повторила она, положив руки на плечи Мариаграции, не перестававшей тихо всхлипывать. — Лео вовсе не собирался тебя обидеть... Он первый огорчился, что так получилось.

— О, боже, какая я несчастная! — с детской безутешностью пожаловалась Мариаграция. — Какая я несчастная!

Карла испугалась.

— Ну вставай же, мама, — сказала она куда менее уверенно.

Диван скрипнул, две руки обвилились вокруг шеи Карлы, она почувствовала, как к ее щеке прижалась мокрая от слез щека матери.

— Скажи честно! Как ты думаешь, он снова полюбил эту женщину? — плачущим голосом спросила она.

— Но кого? — в растерянности сказала Карла. На плечо ей давила рыхлая, вздымающаяся от рыданий грудь матери. Она не знала, что делать дальше, ей казалось противоестественным и неприятным утешать мать. «Хоть бы перестала плакать», — подумала она.

— Лизу... — всхлипывая, ответила Мариаграция. — Разве ты не видела, что вчера вечером они ушли вместе? Я уверена, да, уверена, что между ними снова любовь! Ах, как я несчастна!

«Он не Лизу, а меня любит», — хотелось ответить Карле. Но так ли это? Ей вдруг стало противно все, что происходило вокруг.

— Что я сделала ему плохого? — продолжала плакаться Мариаграция. — Чем я заслужила такое к себе отношение? Я пожертвовала ради него всем лучшим в жизни... И вот теперь, видишь, как он ко мне относится.

Карла предпочла бы быть сейчас в тысяче миль от дома.

— Ничего я не знаю, — ответила она наконец. И уже собралась высвободиться из материнских объятий, как вдруг, словно кто-то повернул выключатель, зажглись две лампочки на рояле.

Тьма поредела. Инстинктивным жестом Мариаграция мгновенно отстранилась от дочери, наклонилась и стала сморкаться в платок. Карла поднялась.

— Я очень растрепана? — спросила Мариаграция и тоже встала. — Лицо, конечно, все красное?

Карла посмотрела на нее — щеки побледнели, волосы растрепались, нос покраснел, глаза слезились, точно она сильно простыла.

— Да нет... у тебя отличный вид.

Они пошли в столовую. В коридоре уже тоже горел свет. Мариаграция подошла к одному из круглых зеркал и, как могла, привела себя в порядок. Потом — впереди Карла, за ней Мариаграция — они вернулись в столовую. И здесь было светло. Лео и Микеле, сидя напротив, мирно беседовали.

— В делах, — поучал Лео собеседника, — преуспеть нелегко. Тот, кто в них не разбирается, отдает свои деньги в руки того, кто в этом разбирается. — Но едва он увидел Карлу и Мариаграцию, как прервал разговор на полуслове. — Надеюсь, мы снова друзья, не правда ли, синьора? — сказал он, поднявшись и идя Мариаграции навстречу.

— В известной мере, — подчеркнуто холодно ответила Мариаграция и села на прежнее место.

Конец ужина прошел в молчании. Каждый был погружен в свои мысли, никто так и не проронил ни слова.

«Убиралась бы ты к дьяволу», — в растерянности думал Лео, глядя на Мариаграцию. Его совершенно не волновало отношение к нему Мариаграции, но неожиданная ярость ее нападков не предвещала ничего хорошего. Мариаграция же искала способ отомстить бывшему любовнику, боль прошла, но осталось терпкое чувство обиды. «Он хочет, чтобы я именно ему продала виллу, а я продам ее на аукционе», — наконец торжествующе решила она. Она не знала, ни какую выгоду ей это принесет, ни истинной стоимости виллы, но смутно догадывалась, что не только досадит неверному любовнику, но и получит таким образом на несколько тысяч лир больше. Карла в смятении думала о надвигающейся ночи. «Неужели я дала ему обещание? — спрашивала она себя. — И сегодня ночью должна прийти к нему?» Что же касается Микеле, то он испытывал острое недовольство собой. Ему казалось, что его поведение во время спора между матерью и Лео было верхом равнодушия. «Упущена еще одна отличная возможность поссориться с этим типом, навсегда порвать с ним все отношения», — думал он.

VIII

Наконец все встали из-за стола и неторопливо вышли из столовой. В коридоре

закурили, украдкой взглянули на себя в зеркала и перешли в гостиную.

— Сегодня;- сразу сказал Лео, сев рядом с Мариаграцией и скрестив ноги, — я бы с удовольствием послушал классическую музыку... Карла, — обратился он к девушке, — сыграй нам что-нибудь — Бетховена или Шопена, лишь бы это была музыка тех старых времен, когда еще не существовало джаза, от которого потом адски болит голова... — Он добродушно засмеялся.

— Да, Карла, — поддержала его Мариаграция, она страшно обрадовалась неожиданной возможности свободно, без помех поговорить с любовником под звуки музыки. — Да, сыграй нам что-нибудь. К примеру... ту фугу... чью же?! А, вспомнила — Баха... Она у тебя звучала необыкновенно красиво.

Микеле идея послушать музыку тоже очень понравилась. Он испытывал усталость, раздражение, и обычное представление о мелодии как о сладостной реке, в которую стоит только погрузиться и сразу все забывается, показалось ему удивительно верным. «Послушать музыку, — подумал он, закрыв глаза, — и к черту все пошлые заботы... Лишь бы это была настоящая музыка».

— Я уже давно не играла, — предупредила Карла. — Так что не будьте ко мне слишком строги. — Она подошла к роялю, перелистала ноты.

— Фуга Баха, — объявила она наконец.

Зазвучали первые аккорды. Микеле закрыл глаза и приготовился слушать: одиночество, разговор с Лизой пробудили в нем огромное желание найти друга и любовь, возродили надежду, — среди всех людей на земле отыскать женщину, которую он мог бы полюбить искренне, без снисхождения, без глухого отчаяния. Настоящую женщину, чистую душой, не фальшивую, не глупую и не порочную — подумал он. Найти ее... и все сразу образуется. Пока он ее не нашел, и даже не знал, где искать, но уже носил в душе ее образ. Она была и идеалом, и женщиной во плоти и сливалась в его воображении с образами других женщин из того фантастического мира, где царят искренние чувства и в котором он хотел бы жить. Музыка поможет ему воссоздать образ возлюбленной... И вот после первых же звуков, скорее из-за экзальтации и страстного желания, а не благодаря музыке, этот образ в самом деле возник... То была чистая, невинная девушка, — это угадывалось и по гибкости ее тела, и по глазам, по каждому ее движению. Необычайно грациозная, она повернулась к нему и смотрела на него пристально, без обещания любви, без тени сладострастия, о, в этом он мог бы поклясться, но с любопытством девочки, с тем откровенным и острым любопытством, с каким дети смотрят на своих сверстников. «Моя подруга», — подумал он. И в облаках его неудержимой фантазии уже проплывали видения: вот она махнула ему рукой, улыбнулась, они обнялись, слились в поцелуе, а потом, когда неизбежное свершилось, — прогулки вдвоем, долгие беседы в ночи... как вдруг густой шепот вернул его из мира иллюзий к действительности.

Это был голос Мариаграции, которой наконец-то удалось под звуки музыки возобновить спор с Лео.

— Если хотите, Мерумечи, — ядовито глядя на Лео, сидевшего с задумчивым видом, сказала она, — можете сразу же идти на этот ваш прием... Вы вовсе не обязаны со скучающим видом слушать музыку... Никто вас не держит... Идите... идите же... Ведь вас ждут.

Лео внимательно смотрел на свою бывшую любовницу. Он не испытывал ни малейшей охоты ссориться с ней. Показал рукой на Карлу, точно желая сказать: «Не сейчас... сейчас мы слушаем Баха».

— Да нет! — не сдавалась Мариаграция. — Вам скучно... И не вздумайте возражать. Я сама, своими глазами, видела, как вы зевнули... Мы нагоняем на вас скуку, но ведь не можем же мы пуститься в пляс, лишь бы вас повеселить... Так отправляйтесь же туда, где вас встретят с распростертыми объятиями... И где никто не будет играть на рояле, мешать вам... идите, Мерумечи...

В течение всей этой тирады она неестественно улыбалась, — при одном воспоминании

о Лизе у нее от ревности снова начала кружиться голова.

— К тому же было бы верхом неприличия не пойти на вечер к Смитсон... Там, верно, будет тьма интересных людей... Должно быть, она заказала специальный поезд, чтобы все приглашенные успели попасть в Милан.

Лео готов был все отдать, лишь бы она оставила его в покое. Он стряхнул пепел с сигары и спокойно повернулся к Мариаграции.

— Если я и солгал, — сказал он, — то лишь из уважения к вам, чтобы вам не показалось, будто мне у вас скучно. На самом деле сегодня вечером я не иду ни на какой прием, а просто лягу спать... Последнее время я работал до поздней ночи и сильно устал... Сегодня я хочу лечь спать пораньше.

— Ах, вот как! — воскликнула Мариаграция с видом человека, которого не проведешь. — Итак, вы собираетесь лечь спать!.. Вы засиживались до поздней ночи, и потому вам хочется спать. Сразу видно, что вы от усталости валитесь с ног, бедняга... Как мне вас жаль!

— Я не нуждаюсь ни в чьей жалости, — резко ответил Лео, невольно разозлившись.

— Но разве вы сами не замечаете, что плетете одну небылицу за другой?! — гневно спросила Мариаграция. — Вначале была Смитсон... Теперь — работа до поздней ночи... Стыдитесь...

— Стыдиться, чего я должен стыдиться?

— Молчите, сделайте одолжение.

Лео пожал плечами и умолк.

Из своего кресла Микеле с отвращением наблюдал за ними. «Черт бы их побрал. Нельзя даже музыку послушать... Вечно затевают свои идиотские споры». Юная возлюбленная улетучилась. «Бессмысленный набор звуков — вот что такое музыка», — мрачно подумал он. Мать и Лео торжествовали над ней полную победу.

— Ляжете спать! — не унималась Мариаграция. — Ляжете спать, не так ли? — прошептала она Лео на ухо. — Но знаете, что я вам скажу? Мне все известно. Надеюсь, вы меня поняли? И о вчерашнем вечере и о сегодняшнем, все.

— Между тем вам ничего не известно, — не оборачиваясь, проронил Лео. Он затаился и выпустил струю дыма. Карла была рядом. Он видел ее узкие, крепкие плечи. «Какая будет ночь! — думал он. — Осталось ждать всего несколько часов, но мне они кажутся вечностью». Его неподвижные, застывшие глаза не замечали ни Мариаграции, ни Микеле, ни саму гостиную... страсть подсказывала одно видение за другим: вот Карла сидит на табуретке у рояля совершенно нагая. Ему казалось, будто он видит и ее белую спину, и широкие, округлые бедра, а теперь, когда она повернулась к нему из своего темного угла лицом, — и упругую грудь. Но музыка кончилась, и Лео сразу возвратился в мир реальности. Микеле зааплодировал с необычным для него воодушевлением, и тогда Карла нерешительно спросила:

— Вам понравилось?

— Да, очень, — сказал Лео. — Очень понравилось. Сыграй еще что-нибудь.

— Нет, Карла, не играй, — приказала Мариаграция. — Не играй! Мерумечи не только томится скукой, но и мечтает поскорее уйти... Он хочет спать... буквально валится с ног от усталости... зачем же его удерживать?! — И, обратившись к Лео, потянула его за рукав и настойчиво повторила: — Ну, идите же спать.

Лео высвободил руку и кисло улыбнулся. Он испытывал большое желание отвесить безнадежно глупой любовнице пару звонких пощечин. Карла какое-то время смотрела на них. «Неужели я обещала ему прийти сегодня ночью?» — повторила она про себя. Ей казалось странным, что вот она сидит за роялем, а спустя всего два часа окажется в спальне Лео. Она догадывалась, что Лео сгорает от нетерпения. Именно поэтому, из желания отсрочить, насколько возможно, решающую минуту, да еще, быть может, из робкого кокетства, она решила поиграть еще немного.

— Что ж, — твердым голосом сказала она. — Лео останется и проскучает еще десять

минут... Не так ли, Лео?

Она открыла ноты и с мрачным, сосредоточенным видом стала играть Баха.

«Ах, маленькая ведьма! — подумал Лео... — Хочешь полюбоваться, как я буду умирать от страсти... Насладиться моей агонией».

Теперь музыка, беседа, тишина — все бесило его, — он был в полном плену у похоти. У него было лишь одно желание — увезти Карлу к себе и там овладеть ею. «Кто знает, сколько это еще продлится, — подумал он, в бешенстве прислушиваясь к первым аккордам. — Десять минут, четверть часа? Надо же мне было, черт возьми, попросить ее сыграть!..»

Однако Мариаграция и не думала сдаваться, она тронула Лео за плечо.

— А завтра утром, — с обольстительной улыбкой, словно продолжая прерванную беседу, сказала она, — я схожу к своему адвокату и распоряджусь, чтобы он продал виллу с аукциона.

Если бы на голову Лео упал кирпич, он не испытал бы столь неприятного чувства и столь сильного испуга, как сейчас, от этих слов Мариаграции. Лицо его вначале стало красным, а затем багровым. Он сжал зубы, в мозгу пронеслись обрывки фраз. «Только этого не хватало... Именно сегодня вечером... Будь она проклята... Лишь со мной может случиться такое».

Он всем телом повернулся к Мариаграции.

— Ты этого не сделаешь, — властно, со злостью сказал он, сжав кулаки.

«Сейчас они вцепятся друг другу в волосы», — с отвращением подумал наблюдавший за ними Микеле.

— Непременно сделаю, — с преувеличенным хладнокровием ответила Мариаграция. — Завтра же утром.

— Сумасшедшая! — воскликнул Лео. Он схватил руку Мариаграции и прижал ее к дивану. — Ты хочешь... Вы хотите продать виллу на аукционе, чтобы потерять пятьдесят процентов?! И сообщили мне об этом именно сегодня вечером! («Именно сегодня вечером», — повторил он про себя, бросив исступленный взгляд на Карлу.) Теперь, когда контракт уже подготовлен и остается лишь подписать его... Это же самое настоящее безумие!

— Называйте это как хотите, — ответила Мариаграция, которая сама не поверила бы, что может держаться с таким олимпийским спокойствием. — Но завтра утром я первым делом отправлюсь к своему адвокату.

Лео посмотрел на нее. К раздражению, которое вызывала у него неудовлетворенная похоть, добавился теперь и бессильный гнев от этой новой пакости. Первым его побуждением было вскочить, надавать Мариаграции пощечин и даже задушить ее. Но он сумел сдержаться.

— Но вы, конечно, шутите, — настойчиво сказал он. — Подумайте как следует и вы поймете...

— Я уже подумала...

— Послушай, Мариаграция (на этот раз он намеренно обратился к ней на «ты»), нельзя поступать так опрометчиво. В делах вредно действовать импульсивно... Хочешь... давай завтра после полудня увидимся и поговорим обо всем?

— Бесполезно, — куда менее уверенно ответила Мариаграция. — Я думаю, лучше мне сходить к моему адвокату.

«Проклятая дура», — так и подмывало Лео крикнуть ей в лицо. Но он лишь просяще сложил руки.

— Мариаграция, аукцион — всегда риск, — умоляющим голосом сказал он. — Твой адвокат может оказаться проходимцем, в мире их полным-полно. Ты женщина, и тебя легко обвести вокруг пальца. Ведь в этих вещах ты совершенно не разбираешься!..

— Ты так думаешь? — сказала Мариаграция, нерешительно улыбаясь.

— Уверен... Значит, договорились? Жду тебя завтра в четыре.

Она кокетливо огляделась вокруг, ее душа стареющей женщины ликовала. «Любишь меня?» — хотелось ей спросить, но она лишь повторила:

— Завтра... Нет, не смогу...

— Тогда послезавтра.

— Подожди, — прошептала Мариаграция и посмотрела вверх, словно припоминая что-то. — Да, у меня деловая встреча, но я перенесу... Хорошо, приду... Только не думай, — добавила она с ослепительной улыбкой неотразимой соблазнительницы, — что сможешь меня уговорить.

Она умолкла, поколебавшись, взяла руку Лео в свои и уже хотела спросить шепотом: «Ты меня любишь хоть немножко?» — как вдруг музыка оборвалась, и Карла негромко сказала, повернувшись к ним лицом:

— Бессмысленно играть дальше... Все разговаривают, спорят. Лучше и в самом деле отправиться спать.

Мариаграция и Лео были застигнуты врасплох. Мариаграция тут же выпустила руку Лео и растерянно посмотрела на дочь.

— Мы говорили о твоей игре, — ответил наконец Лео. — Ты хорошо играешь, Карла. Прошу тебя, продолжай.

Эта новая ложь послужила как бы сигналом к бунту.

Точно все сразу пробудились от долгой спячки. И первым взбунтовался Микеле, который до сих пор молча терпел перешептывания матери и Лео.

Гнев и возмущение заставили его схватить лежавшую на коленях газету и с силой швырнуть ее об пол.

— Неправда! — крикнул он, глядя Лео прямо в глаза. — Наглая ложь! О музыке вы думали не больше... не больше, чем я о том, чтобы сделаться священником... Вы говорили о делах, об адвокате... — Тут он зло усмехнулся. — И еще кое о чем...

В комнате стало тихо-тихо.

— Наконец-то! — крикнула Карла, хлопнув в ладоши. — Вот она правда!.. Наконец-то можно дышать.

Казалось, будто кто-то настезь распахнул окна, и в гостиную внезапно проник холодный ночной воздух.

Некоторое время все четверо в растерянности глядели друг на друга.

Первым пришел в себя Лео.

— Ты ошибся, — сухо сказал он. — Надо было слушать музыку, а не глядеть по сторонам!

Подобная ложь вызвала у Микеле приступ громкого презрительного смеха.

— Ха-ха-ха! Совсем неплохо придумано! — воскликнул он, откинувшись в кресле. Вдруг приступ смеха прервался. — Лжец! — выпалил Микеле, мрачно глядя Лео в лицо.

Карла затаила дыхание. Мариаграция побледнела.

— Ну, это уж слишком! — внезапно крикнул Лео и стукнул кулаком по столу. Но не поднялся, а остался сидеть, испытующе поглядывая на Микеле. — Я не знал, что ты такой вспыльчивый, — добавил он. Секунду помолчал и заключил: — Если ты не уймешься, придется надрать тебе уши.

Эту последнюю, довольно-таки глупую, фразу он произнес весьма внушительно. Но Микеле показалось, что грозное предостережение, звучавшее вначале так зловеще, постепенно утратило силу. Лео закончил свою тираду смехотворным обещанием надрать ему уши. Понятно, что и его, Микеле, гнев поубавился. «Нет, тут ничего не поделаешь, — нелепо бросать Лео перчатку либо говорить о поруганной чести. Значит, остается лишь закрыть ладонями уши. Но разве это достойный ответ на оскорбление?!»

«Надрать уши, надрать уши мне? Мне? Мне?» Каждое новое «мне» должно было сильнее распалить его, но, увы, в глубине души он испытывал лишь равнодушие и холод. Фальшивыми были вырвавшиеся у него гневные слова обвинения, фальшивым был и сам голос. Куда девались ярость, страсть? Исчезли! А может, их и не было вовсе?!

На столе среди цветов, чашек и кофейника стояла пепельница из белого мрамора с серыми прожилками. Микеле точно лунатик протянул руку, схватил пепельницу и несильно швырнул ею в Лео. Вдруг Мариаграция вскинула руки, вскрикнула. Лео завопил:

— Да ты с ума сошел!!

Карла вскочила. Микеле понял, что пепельница угодила не в Лео, а в мать. В голову? Нет, в плечо.

Он встал, неловко подошел к дивану. Мать лежала на спине. Лицо ее лишь слегка побледнело, но она почему-то закрыла глаза и время от времени горестно вздыхала. Однако было видно, что ей не очень-то больно и вообще ее обморок — сплошное притворство.

Вместе с Лео и Карлой, Микеле наклонился над матерью. Жалкий вид раненой должен был бы отозваться болью в его сердце, но он не испытывал никаких угрызений совести. Ему никак не удавалось отделаться от мысли, что вся эта сцена смешна и нелепа. Напрасно он убеждал себя: «Это моя мать... Я ранил ее... И даже мог убить». Напрасно пытался пробудить в себе чувство жалости к лежавшей неподвижно матери, так ничего и не понявшей. В душе была пустота. Он наклонился еще ниже, надеясь получше разглядеть рану. Не меняя положения тела и не открывая глаз, Мариаграция подняла рыхлую руку, оттянула пальцами платье у ключицы, куда попала пепельница. Оголилось полное плечо без всяких следов удара: ни синяков, ни красных подтеков, ровным счетом — ничего. Однако она продолжала оттягивать платье, опускать его все ниже до самых подмышек. Зрелище было нелепое — бесстыдные пальцы лихорадочно шевелились все сильнее, обнажая белую грудь, — казалось, они преследовали совсем иную цель, чем просто показать рану.

И верно, все представление с обмороком разыгрывалось только для Лео. Оно должно было вызвать у него романтическую жалость к несчастной жертве. «Он увидит меня раненой, потерявшей сознание, с обнаженной грудью и вспомнит, что я прикрыла его своим телом, — втайне надеялась Мариаграция. — И тогда его душа преисполнится признательности и нежности...» В своем воображении она уже видела, как он заключает ее в объятия, тихонько трогает рукой, зовет по имени и, видя, что она не приходит в себя, начинает страшно волноваться. Тогда она вздохнет, медленно откроет глаза, ее первый взгляд будет для него, Лео, для него — ее первая улыбка. Но все вышло иначе. Лео не заключил ее в свои объятия и не позвал нежно и страстно.

— Мне, пожалуй, лучше уйти, — сказал он Карле с едкой иронией.

На Мариаграфию точно вылили ушат холодной воды, и как раз на обнаженное плечо. Она открыла глаза, привстала, огляделась вокруг. Микеле смотрел на нее насмешливо-грустно, словно вместе с угрызениями совести он испытывал и совсем другое чувство. Карла старалась прикрыть ей грудь. Но Лео? Где же Лео? Он вовсе не стоял рядом. Он поднял пепельницу и, точно желая определить ее вес, слегка подбросил. Вдруг он резко повернулся к Микеле.

— Хорошо, — насмешливо сказал он, как бы поощряя Микеле на новые подвиги. — Очень хорошо!

Микеле пожал плечами и посмотрел на него.

— Конечно... хорошо... Даже превосходно, — отчеканивая каждый слог, невозмутимо парировал он.

И тут за спиной Лео раздался знакомый пронзительный голос Мариаграфии.

— Ради бога, Мерумечи! — умоляла она. — Ради бога, не начинайте все сначала... Не трогайте его... Не разговаривайте с ним... Даже не смотрите в его сторону...

Все это говорилось таким тоном, словно ее долготерпение и выдержка вот-вот иссякнут, и тогда наступит миг безумия.

Микеле отошел к окну. Дождь не унимался. Слышно было, как он стучит по ставням и шелестит в листве деревьев сада. Он мерно и уныло кропил виллы и пустынные улицы.

«Должно быть, множество людей, как и я, стоя за закрытыми окнами, прислушиваются к шуму дождя, и их сердца полны той же тоской, и им тоже опостылел манящий уют их квартир. Все напрасно, — повторял он про себя, рассеянно касаясь пальцами

подоконника, — все напрасно... Эта жизнь не для меня». Он вспомнил сцену с пепельницей, мнимый, до смешного нелепый обморок матери, свое равнодушие. «Все здесь — сплошная ложь и фарс... ни в чем ни грана искренности... А я не создан для такой жизни». Лео, человек, которого он должен был бы ненавидеть, не вызывал у него настоящей ненависти. Лиза, женщина, которую он хотел бы полюбить, была лжива, за ее отталкивающей сентиментальностью скрывалась примитивная жажда наслаждения, и ее невозможно было полюбить. Ему казалось, что он отвернулся не от гостинной, а от черной бездонной пропасти.

«Это не моя жизнь, — твердо решил он. — Что же мне делать?»

Сзади хлопнула дверь. Он обернулся. В гостинной, кроме него, никого не осталось — Карла и мать пошли проводить гостя. Лампа освещала неподвижный круг пустых кресел.

— Микеле еще мальчишка, — сказала в холле Мариаграция гостю. — Не надо принимать его всерьез... Он не ведает, что творит.

Она с сокрушенным видом сняла с вешалки котелок и протянула его Лео.

— Лично мне, — шутливо сказал Лео, старательно кутая шею шерстяным шарфом, — он ничего плохого не сделал. Мне больно за вас, своим телом прикрывшей меня от своего рода снаряда.

Он засмеялся холодно, с фальшивым добродушием... Взглянул на Карлу, точно ожидая от нее одобрительного кивка, затем повернулся и стал надевать пальто.

— Он еще мальчишка, — повторила Мариаграция, сама не замечая, что помогает Лео надеть пальто. Мысль о том, что Лео может, воспользовавшись необдуманном поступком Микеле, порвать с ней, приводила ее в ужас. — Можете не сомневаться, — покорным, но твердым тоном добавила она, — что подобное никогда не повторится... Я сама поговорю с Микеле... И если понадобится, — неуверенно закончила она, — приму меры.

Наступила тишина.

— Ну зачем... так огорчаться, — сказала Карла, которая стояла, прислонившись к двери, и внимательно смотрела на мать. — Я уверена, — тут она опустила глаза и улыбнулась, — что Лео уже забыл об этом.

— Совершенно верно, — подтвердил Лео. — На свете есть куда более важные вещи. — Он поцеловал руку Мариаграции, которая еще не вполне пришла в себя от страха.

— До скорой встречи, — сказал он Карле, пристально глядя ей в лицо. Она побледнела и медленно, обреченно повернула ручку двери.

Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену, точно кто-то, горя желанием войти, изо всех сил толкнул ее снаружи.

— О, какой холод! Какая сырость! — воскликнула Мариаграция.

Точно в ответ на ее слова, в холл ворвался ветер, и на сверкающие плитки пола обрушился дождь. Лампа заколыхалась. Легкое пальто Микеле, висевшее на вешалке, своими длинными рукавами несколько раз хлестнуло Лео по лицу. Юбки Карлы и Мариаграции сразу вздулись, взметнулись вначале вверх, а затем обвилились вокруг ног.

— Закрой... скорее закрой! — крикнула Мариаграция, уцепившись обеими руками за дверь. Она стиснула ноги и всем телом прижалась к двери, чтобы не промокнуть. Карла осторожно, точно журавль, вышагивая по мокрому полу, забилась в дальний угол.

— Закрой же, — повторила Мариаграция... Но ни Лео, ни Карла не пришли к ней на помощь. Все пораженно смотрели на это буйство стихии, возникшей, казалось бы, из ничего. А вода и ветер, точно живые существа, ревели, стонали, скрежетали зубами и плакали на пустом пороге дома. Вдруг распахнулась и вторая дверь. И сразу водяной смерч, пролетев по коридору, ворвался в комнаты. Слышно было, как то вблизи, то вдали растворяются двери со странным грохотом, не похожим на хлопанье дверей, когда их отворяет чья-то яростная рука... Это был грохот, в котором сливались воедино завывание ветра, треск и жалобное скрипенье, как бы предваряющие последний, самый страшный, удар. В пустых комнатах с высокими потолками грозно гудело эхо. Вилла содрогнулась, словно она вот-вот должна была оторваться от земли и, бешено вращаясь волчком, взмыть на светящийся гребень облаков.

— Что же будем делать дальше? — спросил Лео у Мариаграфии после того, как ей с невероятным трудом все-таки удалось закрыть дверь.

— Подождем, — был ответ.

Все трое молчали. Мариаграфия смотрела на Лео горько и трезво, такая поспешность любовника обескураживала ее. Через несколько минут Лео уйдет, растворится в дождливой ночи, оставив ее в холодном доме одну на огромной постели. А он отправится к другой. Скорее всего — к Лизе. Конечно, он пойдет к Лизе, где его давно ждут! Как эти двое будут наслаждаться сегодня ночью и как они, наверно, будут смеяться над ней!

Она сделала последнюю попытку. Лицо ее вдруг приобрело сосредоточенное выражение, как у человека, который напряженно прислушивается к чему-то.

— Мне показалось, — сказала она, — что в гостиной что-то дребезжит... Сходи, Карла... Сходи, посмотри, — нетерпеливо повторила она. Все трое прислушались.

Мариаграфия всем своим видом словно заклинала двери загреметь снова, но на вилле теперь, как назло, было тихо-тихо.

— Непохоже, — сказала немного спустя Карла. — Ровным счетом ничего не слышу.

— А я тебе говорю — дребезжит, — не сдавалась Мариаграфия. — Слышишь, — добавила она в полнейшей тишине, — как хлопают двери?

И тут Лео засмеялся.

— Да нет же, — спокойно сказал он, потешаясь над глупостью Мариаграфии. — Вам показалось, никакие там двери не хлопают.

При этом он с удовольствием отметил печаль в глазах своей бывшей любовницы.

— Галлюцинация, — заключил он, надевая котелок. — Галлюцинация, дорогая синьора.

— Уже уходите? — спросила Мариаграфия.

— Конечно... Мне пора...

— Но... дождь льет как из ведра, — в полнейшем отчаянии сказала она, становясь между Лео и дверью. — Не лучше ли переждать, пока он утихнет?

— Дождь льет, — ответил Лео, застегивая пальто, — так же сильно, как хлопают двери.

Он поцеловал у совершенно подавленной Мариаграфии руку, поискал перчатки сначала в одном кармане, затем в другом и решительно направился к двери. Открыл ее и, придерживая, чтобы ветер не захлопнул, сказал Карле:

— До скорой встречи. — Пожал протянутую руку, улыбнулся и вышел.

Мариаграфия и Карла вернулись в холл. Мариаграфия поежилась.

— Какая холодина!.. Ах, какая холодина! — повторяла она. На ее усталом лице проступили морщины. Она чувствовала себя поверженной, ее взгляд растерянно блуждал по комнате, и ей казалось, что все предметы покачиваются и дрожат. Слишком сильно накрашенное лицо предстало сейчас перед Карлой во всей своей удручающей наготе. Уголки рта то и дело подергивались.

— Пойду спать, — сказала она, медленно поднимаясь по лестнице и держась за деревянные перила. — Пойду спать... Спокойной ночи.

Ее тень взметнулась к потолку, задержалась на лестничной площадке, извиваясь, перебралась на стену и, наконец, исчезла.

Карла осталась в холле одна. Она подошла к лампе. В крепко сжатом кулаке что-то хрустнуло — это была записка Лео, записка, которую она взяла дрожащими пальцами, когда Лео необычно долго пожимал ей руку. Она была короткой: «Жду тебя через час в машине у ворот сада». И подпись: «Лео».

В растерянности Карла стала подниматься по лестнице. «Через час, через час я должна выйти из дому», — беззвучно повторяла она. Переступая со ступеньки на ступеньку, она добралась до темной площадки и посмотрела вверх — передняя была пуста, погружена во тьму, видны были лишь кресло да угол дивана. В душном воздухе была разлита мирная, домашняя тишина. Час спустя и Микеле и мать наверняка будут спать крепким сном. Она одолела последние ступеньки и направилась прямо в свою комнату, в глубине сумеречного

коридора. На пороге остановилась. Ее поразили уют и теплота комнаты. Каждый предмет стоял на своем месте, горела лампа с розовым абажуром. На кровати лежала шелковая ночная рубашка голубого цвета, одеяло было расстелено, все звало ко сну. Ей оставалось лишь раздеться, юркнуть под простыни и заснуть.

Дождь и ветер свирепо стучались в ставни, а застеленная кровать точно звала ее отдохнуть в надежном убежище. Быть может, на нее так подействовало манящее тепло кровати, а может, виной тому была накопившаяся за день усталость, но Карла вдруг ощутила такое отчаянье, такое отвращение к ночному приключению, что она испугалась.

«Ну хорошо, — подумала она, — выспаться, отдохнуть... А что потом? Завтра утром все повторится, как же я тогда смогу найти эту новую жизнь?»

Она переступила порог, подошла к зеркальному шкафу и стала разглядывать себя, то приближаясь, то отступая на шаг. Издали ей казалось, что лицо ее пылает, а глаза лихорадочно блестят. Стоило ей подойти поближе, и она замечала, что под глазами у нее большие черные круги, смущавшие ее, точно улика. Но едва она отходила на один-два шага, как сразу же становилась празднично принаряженной девушкой, сложившей руки на животе и склонившей на плечо крупную голову, девушкой с грустными глазами и застенчивой улыбкой. И только. Она пыталась проникнуть в тайну этого странного превращения, но ей это никак не удавалось.

Она отошла от шкафа, сделала несколько шагов по комнате, села на кровать. Легкое волнение мешало ей сосредоточиться. Она чувствовала, что готова к ночному, приключению, ждет его нетерпеливо, с любопытством. Точно так же, как прежде, когда они с матерью наносили кому-нибудь визит, и она, прохаживаясь по комнате и осматриваясь вокруг, ждала той минуты, когда неслышно, с мягкой улыбкой, появится хозяйка дома. Сейчас она ощущала лишь нетерпение — и ничего больше. Она сидела, скрестив ноги и наклонив голову. Ей самой казалось, что она задумалась о чем-то очень важном, близко ее касающемся, но по тому, как бессмыслен был ее взгляд, едва она вставала и смотрела на себя в зеркало, она понимала, что мысли ее где-то далеко-далеко...

Так она просидела на кровати несколько минут. О сне уже не могло быть и речи. В глубине души она смутно понимала, что сегодня ночью отдастся Лео, но не знала когда, и ей казалось, что эта минута, к счастью, наступит еще не скоро. «Какой дождище!» — думала она в те мгновения, когда шум воды становился сильнее. Она словно совсем забыла, что этой ночью ей придется выйти из дому под дождь, чтобы встретиться с Лео. Ею овладела блаженная истома. Наконец она медленно, вовсе не испытывая тоски, растянулась на постели и обхватила руками голову.

Теперь она видела лишь потолок, и до ее слуха доносились только хлесткие удары ночного ветра. Она беспрестанно повторяла себе, что скоро ей надо будет встать и выйти из дому, незаметно закрыла глаза и задремала... Хрупкое забытье с внезапными пугливыми пробуждениями постепенно перешло в глубокий сон.

Сон был бездонным и черным, как смола, — и он, несомненно, сыграл свою роль в путанице и страхах этой ночи. То, что ей ничего не снилось, ввело Карлу в заблуждение: ей показалось, что она спала очень долго. Внезапно, без всякой видимой причины она пробудилась. У нее перехватило дыхание. Она похолодела от ужаса, когда поняла, что спала. «Я заснула, — испуганно подумала она, блуждая взглядом по мирной, освещенной комнате. — Который час... Два часа ночи или три?! Лео, наверно, ждал, не дождался — и ушел... уехал на машине». От досады на самое себя и от отчаяния она чуть не разрыдалась.

— Я заснула, — громко повторила она, обхватив голову руками и глядя в зеркало на свои растрепанные волосы и лихорадочно блестящие глаза.

Вскочила, подбежала к стоявшим на комодѣ часам. Прошло не больше сорока пяти минут — часы показывали без четверти двенадцать.

Это показалось ей невероятным. Она решила, что часы остановились, поднесла их к уху. Нет, часы шли, она не ошиблась, еще не поздно спуститься в сад, к Лео. Сама не зная почему, она вдруг огорчилась. Снова поставила часы на комод.

Но теперь у нее возникло новое сомнение: где и когда она должна встретиться с Лео? Она помнила, что было написано: «Через час», — не забыла она и того, что Лео будет ждать ее в машине у ворот сада. Но так ли это? «Записка, — внезапно подумала она, — куда девалась записка?» Она поискала вокруг и ничего не нашла. Посмотрела на комод, уставленный безделушками, — ничего. Подошла к кровати, порылась в простынях, перевернула подушку — ничего. Ею овладело непонятное беспокойство. Где же эта записка? Она забегала по комнате, раскидала одежду, перерыла все ящики... и вдруг застыла на месте. «Попробуем разобраться спокойно, не торопясь, — подумала она. — Я прочла записку внизу, в холле, и я наверняка держала ее в руке, когда вошла в комнату. Значит, она здесь. Не надо волноваться — она где-то здесь». Она медленно, методично, точно ловила маленькую бабочку или мышку, обыскала всю комнату. Стараясь не запачкать платье, нагнулась и пошарила под мебелью, касаясь лбом пыльного пола. Она заглянула во все тайники, пытаясь отыскать клочок бумаги. Когда она подымалась, то почувствовала боль во всех суставах. Она прикрыла глаза и стояла неподвижно, раскинув руки, и ей смутно представлялось, что эти отчаянные поиски — наказание за ее грехи. Всякий раз, когда она нагибалась вновь, ей хотелось переломиться надвое и навсегда остаться лежать на полу, как сломанная игрушка.

Она с ребяческим упрямством искала записку в самых немыслимых местах: в корзинке с вышиванием, в пудренице... И ничего не нашла. Усталая, потрясенная неудачей, села на кровать. Что же это была за записка, если она исчезла, едва ее прочли? Сама сказочная нереальность сна вносила еще большую сумятицу, мешала ей вспомнить что-либо. Так бывает порой, когда после необычайных, мимолетных событий начинаешь думать: «Произошли ли они наяву, или мне все это пригрезилось? А может, я вообще их придумал?»

Рукопожатие и этот клочок бумаги на миг прервали обычное течение ее жизни, и в это трудно было поверить. Потом все стало, как прежде. В своем смятении Карла непременно хотела отыскать записку Лео сейчас же. Она хотя и смутно, но помнила, что получила ее. Однако никак не могла припомнить ее точного содержания. Да, она держала записку Лео в руках и, кажется, прочла ее, но твердой уверенности в этом у нее не было, и теперь ее мучили сомнения.

«Что же там было написано? Будет ждать ровно через час? Не поздно ли уже? Не слишком ли сильный на улице дождь? Не лучше ли лечь в постель и уснуть, чтобы утром начать прежнюю жизнь?» Она сидела неподвижно, согнувшись, а время летело, обгоняя ее. И ей казалось, что от всех этих сбивчивых мыслей нет иного спасения, кроме как умереть, наложить на себя руки.

Внезапно она вздрогнула — часы звонко пробили полночь. И тут ей впервые пришла в голову здравая мысль: «Спустишь в сад. Если Лео там не будет, значит, мне все это приснилось». Она посмотрела на часы, — должно быть, Лео ждет не меньше пятнадцати минут. И тут она лихорадочно заторопилась; подбежала к окну, прижалась лицом к черным стеклам — посмотреть, идет ли еще дождь. Прислушалась, вглядываясь в темноту, но ничего не слышала и не видела. Ночь не хотела выдавать свою тайну, а сзади, за спиной, бесстрастно мерцала лампа, и комната с лукавой, роковой улыбкой звала ее вернуться в светлый мирок иллюзий. «Дождь или не дождь, но я выйду. Надену плащ и спущусь». Она подбежала к шкафу, вынула плащ, надела его, стоя перед зеркалом, нагнулась и подтянула ослабевшие подвязки. Решила также напудриться, слегка подкрасить губы, причесаться. Нацепила первую попавшуюся шляпу, надела ее плохо — на затылок. «Как у американских девиц», — подумала она, заметив, что из-под узких полей виднеется полоска выпуклого лба и локоны. «Куда делись эти проклятые перчатки?!» — подумала она, лихорадочно, испуганно роясь в шкафу. Она больше не размышляла, она действовала. Эти механические движения избавляли ее от всяких мыслей. Она подбежала к часам с тем же преувеличенным нетерпением, с каким, натягивая чулки, причесываясь и взмахивая оголенными руками, бывало, кричала служанке, перед тем как отправиться в гости: «Скорее... Скорее... Мы опаздываем, опаздываем». Взглянула на стрелки часов. «Прошло уже десять минут, — подумала она. — Надо поторопиться...» Открыла дверь и, заставив себя идти помедленнее,

тихонько, на цыпочках, выскользнула в коридор.

В передней еще горел свет, все стояло на своих местах: кресла, диван. Карла бесшумно вытащила из ящика стола ключи от дома и с величайшей предосторожностью, держась сначала за стенку, потом за перила, спустилась по узкой лестнице. Деревянные ступеньки поскрипывали у нее под ногами, второй лестничный марш показался ей совсем темным. Она с трудом различала лишь коричневый ковер, сбегавший вниз по ступенькам. Внизу было темно. Она зажгла свет, прошла по коридору между двумя рядами зеркал, сняла со стенки зонтик, отворила входную дверь...

Дождь лил не переставая, воздух был влажным, из черной тьмы до Карлы со всех сторон доносился монотонный шум. Карла спустилась по мраморной лестнице и раскрыла зонтик таким привычным жестом, что сама поразилась.

«Видно, и впрямь при необычных обстоятельствах все происходит необычно, совсем не так, как всегда», — мелькнуло у нее.

Она подумала, что не испытывает ни той грусти, ни стыда, которые на ее месте испытала бы всякая другая. Она спокойно, чуть пригнувшись под зонтом, стараясь, чтобы секущие струи дождя не попали ей на лицо, старательно обходя лужи, пересекла аллею. Она шла по саду, не чувствуя ни удивления, ни даже той безбрежной печали, которая бывает неизбежным спутником всех тяжелых решений и поступков. Мокрый гравий хрустел под ногами, она с удовольствием прислушивалась к его похрустыванию.

Она подняла глаза и увидела прямо перед собой черное пятно ворот, два белых столба, темную зелень большого дерева, сгибавшегося под порывами ветра и дождя. Открыла боковую калитку, вышла на улицу и посмотрела влево. Лео ждал ее с правой стороны. «Его уже нет, уехал», — разочарованно подумала она, глядя на мирный свет дугового фонаря у края мостовой. Но сзади машина Лео уже нагоняла ее, опережаемая на миг огнями фар.

«Прощайте знакомые улицы, весь квартал, в котором, словно вражеская армия, буйствовал дождь, виллы на холмах, уснувшие вместе с мокрыми садами и длинными, тенистыми аллеями, растревоженные бурей парки, прощай квартал добропорядочных людей».

Сидя рядом с Лео, Карла изумленно смотрела, как струи дождя злобно хлещут в смотровое стекло, как в них растворяются огни города, рекламы и фары встречных машин. Казалось, улицам не будет конца; они извивались, одна вливалась в другую, либо кружилась где-то внизу, под стремительно несущимся вперед капотом машины. Ее подбрасывало на ухабах, и на миг из ночи выплывали черные фасады зданий и вскоре исчезали вдали, точно океанские суда, утопающие в гигантских волнах. Черные группки людей, освещенные двери, уличные фонари, все на какое-то мгновение выбегало навстречу стремительно летящей машине и тут же навсегда исчезало, поглощенное тьмой.

Карла, точно зачарованная, смотрела то на Лео, который спокойно и осмотрительно вел машину, то на его лежащие на руле руки, то на дорогу. Молниеносная смена впечатлений ошеломляла ее, она ни на чем не могла сосредоточиться. И когда минут через десять машина вдруг остановилась и Карла подумала: «Уже», — у нее от волнения комок подступил к горлу...

Но Лео вылез и приказал ей: «Подожди меня в машине». Сквозь смотровое стекло она увидела, как он отворил что-то, скорее всего черные ворота, и сразу же растаял во тьме сада.

«Хочет поставить машину в гараж».

И верно, сквозь шум дождя она расслышала скрип поднимаемой железной решетки. Вновь появился Лео и, не обращая на нее никакого внимания, повел машину через усыпанную гравием дорожку в темный гараж, где пахло бензином и смазочным маслом. Машина остановилась в углу у красной лампочки. Они оба вышли и вместе не без труда опустили железную решетку, после чего Лео аккуратно повесил замок и закрыл его на ключ.

Круглый фонарь с правой стороны освещал вход с четырьмя мраморными ступеньками и запертую дверь. Лео открыл дверь и втолкнул Карлу в парадное. Только что, в саду, царили тьма и сырость, здесь же все сверкало и блистало. С потолка свисал фонарь кованого железа,

свежевыкрашенные стены сияли белизной, по углам стояли кадки с зелеными пальмами. Все было новым, чистым. Их уже ждал в своей клетке лифт, но они предпочли подняться пешком. Молча одолели два лестничных марша. На первой площадке, отразившись от сверкающих плит, донесся до них приглушенный звук граммофонной музыки. И в то же мгновение из тех же дверей вырвался на лестницу веселый, нестройный шум голосов и топот ног.

— Танцуют, — сказала Карла с вымученной улыбкой и прислонилась к перилам. — Кто это?

— Это... — сказал Лео, наклонившись и разглядывая медную табличку на двери, — господин доктор Иннаморати, который, — добавил он, чтобы позабавить Карлу и умерить собственное нетерпение, — вместе со своей уважаемой супругой и юными отпрысками достойным образом принимает у себя избранных друзей и дам из высшего общества.

Он засмеялся и взял Карлу под руку.

— Идем, — сказал он, — осталось совсем немного.

На пустой, ярко освещенной мраморной лестнице музыка граммофона слышна была хоть и отчетливо, но словно доносилась откуда-то издалека. Стоило музыке умолкнуть, как наступала полная тишина. И тогда нетрудно было представить себе небольшую гостиную, уставших танцоров, сгрудившихся вокруг горячей лампы. Смех, остроты, а в углах, возле окон и за гардинами невинный флирт.

...Квартира Лео была на третьем этаже. Они вошли.

В холле Лео снял шляпу и пальто и помог Карле снять плащ. Холл был светлый, просторный, с тремя дверьми. Напротив входной двери было большое и темное окно прямоугольной формы, которое, очевидно, выходило во внутренний дворик. Они прошли в гостиную.

— Давай посидим тут, — сказал Лео, показывая на кожаный диван с множеством маленьких подушек. Они сели. Лампа с красным абажуром, стоявшая на столике, освещала их только наполовину. Их головы оставались в тени. Почти совсем темной была и остальная часть комнаты. С минуту они сидели молча, не двигаясь. Карла без всякого любопытства осматривалась вокруг. Ее взгляд упал на бутылку ликера, стоявшую на столике, затем — на стены. Она не столько разглядывала комнату, сколько нетерпеливо ждала от Лео слова или жеста. А Лео любовался своей гостьей.

— Так что с тобой все-таки происходит, дорогая? — сказал он наконец. — Ты молчишь и даже не смотришь на меня. Ну, смелее же, душа моя! Открой, что тебя тревожит? И если тебе что-нибудь нужно, ты не стесняйся и попроси все, что захочешь. Чувствуй себя как дома.

Он протянул руку и пальцами нежно коснулся напряженного лица Карлы.

— Уж не жалеешь ли ты, — без тени смущения добавил он, — что пришла?

Она повернула голову.

— Нет, — ответила она. — Нет, я очень рада... только... пойми, мне нужно... привыкнуть.

— Привыкай, дорогая, привыкай, — невозмутимо сказал Лео. Он еще ближе подвинулся к ней. Он сгорал от желания. «О, Господи, — думал он в некотором смятении. — Какая тоска — все эти длинные церемонии!» Он обнял ее за талию. Карла точно не заметила этого.

— Какое у тебя красивое платьице! — ласковым, тихим голосом начал он. — Кто тебе его шил?... Какая ты сама красивая... Вот увидишь, нам будет хорошо вместе. Ты будешь моей деткой, одной-единственной, моей прелестной девочкой.

Он умолк, на миг прикоснулся губами к ее руке и к голому плечу, к ее шее. Привлек к себе ее крупную голову. Они поцеловались. Карла тут же отстранилась. Ее глаза смотрели на Лео печально и серьезно.

— Садись сюда, ко мне на колени, — сказал Лео. Карла безропотно повиновалась. Когда она устраивалась поудобнее, ноги ее обнажились, но она не одернула платье. И это окончательно убедило Лео в прочности его завоевания.

— А там что? — спросила Карла, показав на вторую дверь гостиной.

— Спальня, — ответил Лео, пристально глядя ей в лицо. И тут же снова обнял ее и небрежным тоном сказал: — Но не думай об этом... Послушай... Ты меня любишь?

— А ты?... — еле слышно ответила Карла, пытливо глядя на него.

— Я? Что за вопрос?! Конечно, я тебя люблю. Иначе бы я не звал тебя к себе. И как я могу не любить мою Карлотту, мою куколку, мою Карлоттину! — воскликнул он, судорожно глядя ее по волосам. — Я очень ее люблю... И горе тому, кто ее тронет... И я хочу обладать ею, да, хочу ее, всю целиком. Хочу эти губы, эти щечки, эти красивые руки, эти чудесные плечи, все ее тело, такое женственное, стройное, полное очарования и грации... Ты, Карла, сводишь меня с ума! — прохрипел он и, точно безумный, бросился на нее. Обнял что есть сил, и оба они упали на диван. Ровный свет лампы выхватил из темноты спину Лео с натянувшимся от напряжения пиджаком, и ноги Карлы в розовых чулках. Они лежали в обнимку. Лео, весь дрожа от похоти, бессвязно шептал ей какие-то нежные слова. Карла молчала. Она терпеливо, но не бесстрастно принимала его ласки. Однако полного спокойствия, как она представляла себе раньше, сохранить не смогла. Ее щеки пылали от возбуждения. И было в этом что-то очень постыдное. Бесполезно было скрывать — ласки Лео не оставляли ее равнодушной. Она испытывала приятное волнение, тем более сильное, что она этого никак не ожидала. У нее кружилась голова.

«Что же со мной происходит?!» — думала она, невольно вскрикивая от бурных, жестоких объятий Лео.

Никогда еще эта любовная интрига не казалась ей такой банальной, губительной и непростительно нелепой. «Но это начало новой жизни», — слабея, успела подумать она. И закрыла глаза.

Но Лео даже в своей похоти умел оставаться благоразумным. Когда он увидел, что Карла закрыла глаза и застыла в изнеможении на темном диване, бледная как полотно, он мгновенно решил: «Нет, я не возьму ее здесь... лучше в спальне... Тут очень неудобно». Он поднялся, помог встать Карле. Они сидели молча, неподвижно, тяжело дыша. Луч света падал на Карлу, а Лео, откинувшись на спинку дивана, оставался в тени.

Карла была уже совсем непохожа на ту скромную девушку, которая несколько минут назад вошла в комнату: волосы у нее растрепались, прядь волос падала на глаза, лицо было красным, напряженным, растерянным. В момент объятий одна из бретелек порвалась, обнажив белое плечо. И теперь один кусок бретельки свисал на грудь, другой на спину. Она напряженно смотрела прямо перед собой, и вдруг Лео увидел нечто странное. Похоже, это была сложенная вчетверо бумага, засунутая за пазуху, она в двух-трех местах острым углом выдавалась сквозь красный шелк платья. Лео улыбнулся, протянул руку, дотронулся до платья.

— А это что такое? — без всякого умысла, из чистого любопытства спросил он. Карла испуганно повернулась к нему.

— Что... это?

— Этот... клочок бумаги, который ты так бережно хранишь на груди? — сказал Лео с почти отеческой улыбкой.

Карла опустила голову и протянула руку к груди. Лео не ошибся, за пазухой лежал клочок бумаги. Вот только она не помнила, чтобы клала его туда, да и не могла понять, откуда он взялся. Она подняла глаза и растерянно посмотрела на Лео.

— Местечко, куда все девушки прячут свои тайны, — сказал Лео, которого растрогало, но и заинтриговало, что и у Карлы есть свой уютный тайник. — Давай посмотрим, Карла, посмотрим, что же это за секрет! — Он протянул руку, чтобы достать клочок бумаги.

— Не позволю, — внезапно крикнула Карла и, сама не зная почему, прикрыла грудь руками.

Улыбка исчезла с лица Лео.

— Ну хорошо, — сказал он, пристально глядя на нее. — Я позволю тебе не позволять... Вынь сама это сокровище... И потом вслух прочти, что там написано.

Тишина. Карла в полнейшей нерешительности растерянно смотрела на Лео; она догадывалась, что эта история с запиской начала его злить всерьез. Это было видно по сердитому выражению его глаз. Напрасно она ощупывала пальцами клочок бумаги, пытаясь понять, что же это за записка. Но так ее и не вынула, отчасти из упрямства отчаяния (а вдруг это и в самом деле тайна, которую нужно скрывать от всех!), отчасти из смутного желания посмотреть, как ведет себя Лео, когда им овладевает ревность.

— А если я не хочу показывать тебе это письмо?! — с вызовом сказала она, кладя руки на колени.

— Ах, так это письмо! — воскликнул Лео удивленно и теперь уже с некоторой тревогой. — Что же это, с твоего позволения, за письмо, которое надо хранить на груди — и только на груди, и нельзя оставить дома? Может, оно от какой-нибудь важной персоны?

Она, прищурясь, посмотрела на него и склонила свою большую растрепанную голову на голое плечо.

— Этого, — ответила она капризным тоном, глядя куда-то вверх и невозмутимо постукивая пальцами по колену, — этого я тебе не скажу.

«Она вполне способна, — в бешенстве подумал Лео, — вполне способна иметь другого любовника — более чем способна».

Он медленно встал с дивана.

— Послушай, Карла, — сказал он, отчеканивая каждое слово и впиваясь ей в лицо властным, инквизиторским взглядом. — Я желаю знать, от кого это письмо!

Она негромко засмеялась, забавляясь его ревностью. Но не изменила своего поведения, держась с прежней твердостью.

— Угадай.

— Мужчина? — спросил Лео.

— Возможно, — насмешливо ответила она. — Но не исключено, что и женщина.

Чтобы помешать ему внезапно выхватить письмо, она прижала руку к груди. Она уставилась в потолок, по которому плыли тени, и прикрыла глаза. Она испытывала усталость, и ей хотелось склонить голову на этот свой секрет, которого не существовало, и уснуть.

— Я понял, — с натянутой улыбкой сказал Лео... — Понял... Какой-нибудь влюбленный... мальчишка?

— Нет, не угадал, — ответила она, не опуская головы, — мужчина. — Она увидела, что большая, расплывающаяся тень Лео заколыхалась, точно он готовился накинуться на нее и смять. — Мужчина, — совсем усталым голосом повторила она, не переставая постукивать пальцами по колену. — И если бы ты знал, как я его люблю! — добавила она с непонятной ей самой беспричинной тоской. Глаза ее наполнились слезами, сердце учащенно билось. «А между тем, — трезво подумала она, — этого мужчины нет и в помине».

— Мужчина... поздравляю тебя.

Теперь Лео и в самом деле был вне себя. Невинность, которой не оказалось, победа, которую уже одержал другой, — было от чего прийти в бешенство. Непорочная, по-детски чистая Карла представилась ему теперь опытной в любви девицей, которая без всякого страха приходит к мужчине домой. Нежный аромат цветка пропал. Гордости и самолюбию соблазнителя был нанесен сильнейший удар — он стоял с пустыми руками перед давно распахнутой дверью.

— Моя вина, — убежденно сказал он. — Я должен был догадаться, что тебе это не впервой.

— Что не впервой? — мгновенно повернувшись, спросила она.

— Не впервой... ты меня понимаешь... наносить визит... прийти в дом к мужчине.

Щеки Карлы запылали огнем, она посмотрела на Лео. Ей хотелось возмутиться, открыть ему безрадостную истину, но еще сильнее хотелось продолжить игру. Поэтому она выбрала второе.

— А если даже и так? — сказала она, взглянув ему в глаза.

— Ах, так это правда!

Лео стиснул кулаки и крепко сжал зубы, но тут же овладел собой.

— Значит, у тебя, непорочной девицы, есть любовник? — с издевкой сказал он, сорвавшись на фальцет.

— Да, — призналась она и снова густо покраснела; насмешливый тон Лео ранил ее в самое сердце. Еще никогда она так не нуждалась в сочувствии и поддержке, как сейчас.

— Молодчина, какая молодчина! — медленно проговорил Лео. Он посмотрел Карле в лицо и, точно говоря с самим собой, негромко, продолжал: — Вообще-то ничего удивительного нет... Яблоко от яблони... недалеко падает.

Внезапно глаза его налились кровью, он схватил Карлу за руку.

— Знаешь, кто ты?... Самая настоящая... самая настоящая... — От ярости он никак не мог найти подходящего слова. — Самая настоящая распутница... И у тебя еще хватило наглости прийти ко мне?

— Это другой вопрос, — спокойно ответила Карла.

— Какой еще вопрос?... Гадость одна.../ Подумать только, что ей всего двадцать четыре года, — бормотал Лео, глядя на Карлу. — Позволь хотя бы узнать, кто он, этот господин?

— Он высокого роста, — ответила она, стараясь воссоздать образ идеального возлюбленного, который жил в ее душе. — Волосы у него каштановые... лоб высокий, красивый, лицо продолговатое, не красное, а скорее бледное... Руки большие, длинные.

— Санторе?! — воскликнул Лео, приняв за ее любовника первого же пришедшего ему на ум приятеля Карлы, который походил на этот воображаемый портрет.

— Нет, не он. — Карла посмотрела прямо перед собой. «Если бы он и в самом деле существовал, я бы сейчас не была здесь», — подумала она.

— Он очень любит меня, и я тоже очень его люблю, — тихо, нежным голосом продолжала она рассказывать с легкостью, удивившей, даже увлекшей ее самое. Теперь и ей казалось, что это правда. — Мы познакомились два года назад и с тех пор встречаемся часто-часто... Он не такой, как ты... Он... он на редкость добрый... И понимает меня, даже когда я молчу. Ему я могу открыть все, что думаю, любую тайну. Он умеет утешить меня, как никто другой. Обнимает меня и... и... — Голос ее задрожал, глаза наполнились слезами. В эту минуту она совсем было поверила собственным словам. Ей казалось, что она, как живого, видит возлюбленного, созданного ее воображением... И он не похож на всех остальных. Он один по-настоящему любит меня, — заключила она, растроганная и немного смущенная своей красивой сказкой.

— Имя, — сказал Лео, на которого не произвели ни малейшего впечатления ни тон Карлы, ни ее слова. — Могу я узнать имя?

Карла отрицательно покачала головой.

— Нет, имя его я не назову.

Секунду они молча смотрели друг на друга.

— Дай письмо, — повелительным голосом приказал Лео.

В растерянности она прикрыла грудь руками.

— Зачем оно тебе, Лео? — умоляюще проговорила она.

— Письмо... Вынь письмо!

Внезапно он схватил Карлу за пояс и хотел силой залезть в ее «тайник». Но Карла извернулась, высвободилась и, растрепанная, взлохмаченная, убежала в другой конец комнаты.

— Знай же, силою ты ничего не добьешься! — крикнула она и, распахнув дверь спальни, скрылась за ней.

Вне себя от гнева, Лео кинулся к двери. Но Карла с другой стороны заперла ее на ключ, и он не мог проникнуть в спальню.

— Открой, — приказал он, задыхаясь от бешенства и молотя по двери кулаками. — Открой, кретинка!.. — Никакого ответа.

Вдруг он вспомнил, что может, попасть в спальню через ванную комнату. Он выбежал в холл, зашел в ванную. Все было как всегда: в темноте поблескивали никелированные трубы и белый кафель. Он с радостью заметил, что стеклянная дверь прикрыта неплотно. Вначале он не увидел Карлу — свет не горел, и в спальне царил полутьма.

«Уж не выбросилась ли она из окна?» — подумал он, ощупью пробираясь к выключателю. Зажег свет — в комнате и в самом деле никого не было. «Черт бы ее побрал, куда она могла деться?» — подумал он. И уже хотел отправиться на поиски беглянки в другие комнаты, как вдруг заметил, что она, сжавшись в комок, прячется за дверью ванной. Он подошел, схватил ее за руку и сердито вытащил из укрытия, точно перед ним был упрямый ребенок.

— Сейчас же дай письмо! — недобрым голосом приказал он, крепко держа ее...

Они посмотрели друг на друга. Карла понимала: сейчас Лео обнаружит, что ее рассказ — всего лишь жалкая выдумка. Это пугало ее и унижало. Она догадывалась, что этот клочок бумаги — скорее всего визитная карточка либо какая-нибудь ничего не значащая, глупая записка. И ей заранее становилось больно при мысли о том, что придется признаться Лео, — увы, это была несбыточная мечта.

Она сделала последнюю попытку.

— Но это же несправедливо, Лео! — укоризненно сказала она. — Ведь я...

— Письмо! — вновь приказал Лео.

Она поняла, что сопротивляться бесполезно. «Будь что будет», — подумала она, смирившись с неизбежным и немного заинтригованная, — от кого же в самом деле записка, сунула руку за пазуху. Вынула клочок бумаги и протянула его Лео.

— На.

Лео схватил записку, но, прежде чем ее прочесть, посмотрел на Карлу. И тут, неизвестно почему, Карле вдруг стало нестерпимо стыдно. Лицо ее внезапно сморщилось, она повернулась, подошла к постели, упала на нее, закрыв лицо руками. Но это был всего лишь театральный жест. В душе она ничего не испытывала, даже обиды, — она не обманывалась на этот счет. Вдруг она услышала смех Лео и подняла голову.

— Так это же моя записка! — крикнул он, направляясь к ней. — Записка, которую я дал тебе сегодня.

Она не удивилась. В сущности, вся история с письмом была невероятной — никто не мог ей написать, никто ее не любил. И все-таки это показалось ей жестоким и несправедливым. И особенно несправедливо, что не произошло чуда. (Почему ее страстное желание чуда не превратило глупую записку в любовное послание?!) Несправедлива и вся беспощадная реальность. Она побледнела.

— Да, это твоя записка, — подтвердила она, испытывая горькое, неизбежное разочарование. — А что ты ожидал?

— Значит, — продолжал он, подходя и садясь рядом. — Значит, я тот мужчина... Каштановые волосы, высокий лоб, — это меня ты любишь?!

Она пристально посмотрела на него, пытаясь отыскать в самодовольном, красном лице черты вообразяемого возлюбленного.

— Но, но... — пробормотала она, запинаясь и опустив глаза, сознавая, что вновь лжет, — разве ты сразу не догадался?

Впервые с тех пор, как она его знала, Лео рассмеялся по-юношески свежо и чисто.

— Представь себе, не догадался. — Он обнял ее за талию. — Забудь о том, что я тебе наговорил. Считай, что ничего не было.

Он наклонился, поцеловал ее в плечо, в шею, в щеки, в грудь. Молодое тело Карлы возбуждало его, вместе с иллюзией любви к нему вернулась похоть.

— Моя маленькая врушечка. Моя маленькая детка, врушечка моя! — повторял он.

Его любовные излияния длились недолго. Он неловко встал с постели.

— Ну а теперь? — спросил он полушутя, полусерьезно. Он даже не пригладил растрепавшихся волос, отчего казался опьяненным страстью и даже немного наивным. —

Тебе не кажется, что пора в постельку?... Я так хочу спать, ужасно хочу...

Карла вымученно улыбнулась, робко кивнула головой.

— Тогда будь умницей, — сказал Лео. — Вот пижама. — И он показал ей висевшую на спинке кровати смятую пижаму в широкую полоску. — Там в шкафу найдешь все, что нужно для туалета... Раздевайся и ложись в кровать, я сейчас вернусь. — Он доверительно улыбнулся ей, легонько хлопнул по плечу и пошел в ванную комнату...

IX

Широкая, низкая кровать занимала весь угол спальни. Карла, не раздеваясь, легла и принялась разглядывать комнату. В полутьме, которую не мог рассеять свет единственного бра, висевшего над изголовьем, были видны два шкафа с поблескивающими зеркалами, один — справа от двери в гостиную, второй — с противоположной стороны. Другой мебели в спальне не было.

Низкое, прямоугольное окно с узкими стеклами и белоснежными занавесками, было очень большим — во всю противоположную от кровати стену. У окна трубы парового отопления были отгорожены тонкой решеткой. Жалюзи были опущены; дверь в гостиную — закрыта, так же, как и дверь в ванную комнату, которую она видела лишь краешком глаза через слабо освещенные стекла, похожие на стенки аквариума, залитые солнцем. Она опустила глаза — у ее ног лежала шкура взъерошенного белого медведя. Глаза у него были словно два желтых целлулоидных шарика. Он свирепо скалил пасть, утыканную огромными, острыми зубами. Шкура с короткими лапами и небольшим хвостом была примята так, точно по ней провели гигантским катком, пощадив лишь голову с гневно разинутой пастью.

Карла встала, прошлась по комнате, дотронулась до теплой печи, отодвинула занавеску и вдруг повернулась. Сквозь сверкающие стекла ванной было видно, как колыхается тень Лео, слышны были плеск воды и другие непонятные звуки... И тогда, посмотрев в тусклое зеркало на свое растерянное, испуганное лицо, она начала раздеваться...

Она ни о чем не думала, непривычные действия поглощали ее внимание, удивляли ее, словно все происходило во сне. Больше всего ее поражало, что в такой поздний час она не у себя дома, а в этой чужой комнате. Она сняла порванное платье, повесила его на спинку низкого кресла, стоявшего возле кровати. Затем сняла чулки и секунду смотрела на свои голые ноги; сняла лифчик, трусики. Она заколебалась — снять ли комбинацию. Подумала и решила — да, конечно. Быстро сняла и ее и бросила на ворох одежды. Но совершенно голой она почувствовала себя, лишь когда скользнула под холодные простыни и, свернувшись в клубок, прижалась к постели, положив одну руку на грудь, другую — на колени. Пижаму в широкую полоску, которая напоминала арестантскую форму, она бросила на пол — подумала, что ее, наверно, надевала мать.

Постепенно ее горячее тело согрело простыни. Ей вдруг показалось, что от этого тепла растаяли страх и растерянность, больно сдавившие сердце. Но уже через минуту она снова почувствовала себя совсем одинокой, ощутила к себе огромную нежность и щемящую жалость и свернулась клубком — так сильно, что коснулась губами своих круглых колен. Исходивший от них чистый, влекущий запах растрогал Карлу. Она несколько раз страстно поцеловала их. «Бедная я... бедная...» — повторяла она, поглаживая нежную кожу. Глаза ее наполнились слезами. Ей хотелось склонить голову на чересчур крупную грудь и выплакаться, точно на материнской груди. Не сводя глаз со стены, едва освещенной лампой, она прислушалась. Доносившиеся до нее звуки были ей знакомы и не оставляли никаких сомнений в том, где она находится. Все еще шел дождь — слышно было, как он шелестит за окнами. Кто-то ходил в ванной, оттуда доносился шум льющейся воды. Стоило ей пошевелиться, и сразу же матрас мягко, с глухим, словно доносящимся откуда-то издалека скрипом, опустился. Но она так и не поняла, показалось ли ей это, либо пуховая перина и в самом деле оказалась необычайно податливой. Это была не ее домашняя постель, узкая и жесткая, и не одна из тех чужих постелей, на которые ложилась после долгого путешествия,

и тебе сразу начинает казаться, что она слишком высока или низка, и ты не получаешь от сна никакого удовольствия. Нет, это была удобная, удивительно мягкая постель, готовая окружить тебя теплом и заботой, и все-таки дрожащее тело страшилось ее. Карла сжалась в комок и снова и снова ощупывала рукой огромные, холодные простыни, эту бесконечную, голую, враждебную ей сибирскую степь из белого полотна. Ощущение было неприятным. Карле представлялось, что она идет по темной дороге и кто-то преследует ее по пятам.

Она зажмурила уставшие глаза, прошло не больше минуты, а ей казалось, что она уже час лежит в этой кровати. «Почему же не возвращается Лео?» — вдруг подумала она. Мысль об этом повлекла за собой другую. «Я повернусь к нему, лишь когда он потушит свет, — без всякого, однако, гнева сказала она себе самой. — Не хочу его видеть».

Она содрогнулась от ужаса. «Это конец всему», — неуверенно подумала она. Твердая решимость навсегда покончить с прежней жизнью привела ее в эту постель, и теперь Карла страстно желала наступления темноты. Тогда она очутится в объятиях Лео. С волнением представляла она себе, как это произойдет. И сама не знала, чем объяснить свое волнение, — то ли заложенной в ней от природы жаждой наслаждений, то ли желанием поскорее погрузиться в бездну порока и под покровом сообщницы-ночи предаться самым немислимым животным ласкам, о существовании которых она хотя и смутно, но уже давно догадывалась. И все-таки эти пробужденные ее разгоряченной фантазией образы не могли отвлечь ее от томительного ожидания. «Почему не возвращается Лео?!» — ежеминутно повторяла она.

А потом, истомленная страстью, обессиленная, она уснет рядом с ним. Мысль об этом ей непонятно почему понравилась. Она представила себе, как, наверно, приятно и в то же время грустно спать вместе с возлюбленным, касаясь локтем его локтя. А может, она будет лежать в объятиях Лео, нагая, слившаяся с ним воедино. Она испытывала сейчас к Лео нечто похожее на нежность. И подумала, что не пошевелится и даже затаит дыхание, чтобы не разбудить его... как вдруг дверь ванной распахнулась и тихо звякнули стекла.

Карлой уже начинала овладевать тревога, и этот внезапный, но такой знакомый скрип двери доставил ей неожиданную радость, словно в незнакомом, пугающе чужом месте дал о себе знать друг. С таким же точно звоном открывались стеклянные двери на всем белом свете, как у нее дома, так и в других домах. Она вмиг позабыла о своем решении — открыла глаза и увидела на стене большую тень Лео. Он наклонился к ней. Она еще успела заметить, что на нем была не пижама, а легкий халат, что он аккуратно побрился, напудрился и причесался. Не спуская с нее строгого, спокойного взгляда, он поднял одеяло и лег с ней рядом.

X

Первым заснул Лео. Неожиданная пылкость неопытной возлюбленной утомила его. После последнего объятия они несколько мгновений лежали не шевелясь, в блаженной истоме, сплетая мокрые от пота руки и ноги, закрыв глаза и откинувшись головами на одну подушку. Но вдруг Карла почувствовала, что Лео тихонько разжал руку, обвивавшую ее талию, высвободил ногу и повернулся к стене.

«Что же меня ждет утром? — смутно подумала она, прислушиваясь к мерному дыханию спящего Лео. Что ждет меня утром?» Она тоже почувствовала себя безмерно усталой, ей казалось, что она уже целую вечность лежит погруженная в непроглядную тьму этой комнаты. У нее болела голова, она боялась пошевелиться. Внезапно, хотя она все еще ощущала прикосновение нагого тела Лео, столь непривычный для нее пряный запах простыней и самый воздух вокруг напоминал ей — ты находишься в чужом доме, вся эта необычная обстановка вдруг перестала удивлять ее, будто она в мгновение ока ко всему привыкла. Она натянула на себя одеяло и заснула.

Ей приснился странный сон. Карле показалось, что рядом — воображаемый возлюбленный, которого она так живо описала Лео. Он высокий, быть может, потому, что

стоит рядом с кроватью, а она лежит на спине; у него широкий лоб и глаза его светятся теплотой и состраданием. Он стройный, одет небрежно и смотрит на нее удивленно, задумчиво, словно и вправду только сию минуту вошел в комнату и увидел все: ее, лежащую обнаженной на постели, ее прежде девственно чистое, а теперь поруганное тело, с каплями пота на груди, животе, плечах, которые жадно ласкал Лео. Сама она себя не видит, лежит навзничь, но по взглядам юноши понимает, что поцелуи Лео оставили на всем ее теле синяки, что для него она тоже изменилась, стала чужой, совсем не той девушкой, которую он знал до ее связи с Лео. Несколько секунд оба хранят молчание, не шевелясь смотрят друг на друга. О, это непроницаемо-спокойное, суровое лицо! В конце концов испытующий взгляд, устремленный на ее поруганное тело становится невыносимым. Она закрывает лицо рукой, готовая разрыдаться. И тут новый неприятный сюрприз: глаза ее остаются сухими, как ни пытается она выдавить хоть одну слезу, ничего не получается. Она не в силах заплакать. И потом она испытывает адскую боль, невыносимую тоску. Она стонет, кричит, — по крайней мере, так ей кажется в тяжком сне, и, хотя она лежит навзничь (какая попытка чувствовать, что ты прикована к постели и не можешь ни встать, ни согнуться!), она корчится, ее обнаженная грудь и бедра судорожно вздрагивают; она дергается, словно пронзенная булавкой бабочка, и в короткие мгновения озарений видит где-то далеко вверху спокойное лицо, сурово нахмуренный лоб, безотрывно устремленные на нее глаза юноши.

«Разрыдаться, я должна разрыдаться», — повторяет она про себя. Она отчаянно пытается заплакать, но тщетно... ее боль не находит выхода, по-прежнему душит ее и страшной тяжестью давит на грудь. Наконец она не выдерживает и отчаянно протягивает руки к этому далекому юному возлюбленному. Ей кажется, что она называет его самыми нежными, необыкновенными именами, которые сами срываются с губ и трогают ее до глубины души. Клянется любить его вечно, всю жизнь. (Упоминание о вечности почему-то вызывает у нее чувство невероятной горечи.) Но все напрасно, внезапно возлюбленный исчезает, и она снова погружается в кромешную тьму. И тогда с нарастающим грохотом в уши, точно мрачный звон колокола, ударяет — «Сан... Сан!.. Сан...», отчего растерянность и дикий страх становятся еще сильнее. И вдруг кто-то гулко произносит «Санторо», и она просыпается.

Теперь, после пробуждения, ее со всех сторон обступает ночь, все тело в испарине, у левого бока она ощущает что-то влажное и очень горячее. «Где я?» — испуганно спрашивает она себя. Но растерянность длится всего лишь миг: она сразу же вспоминает все, что с ней произошло, и понимает, что тепло исходит от Лео, прижавшегося к ней голым бедром.

Ей душно, кажется, что она вот-вот задохнется. Она откидывает одеяло на грудь, высвобождает руки из-под скомканных простыней. Свобода движений и прохлада приносят ей облегчение. Она широко раскрывает глаза и начинает вспоминать все, что произошло с ней этой ночью, — из-за страха перед новыми кошмарами и от нервного напряжения у нее пропадает всякая охота спать.

В голове мелькают обрывки событий, — то она видит себя в машине, бешено несущейся под дождем по улицам города, то в гостинице, сидящей на коленях у Лео. И почти сразу вспоминает то мгновение, когда Лео лег к ней в постель. И вот уже перед глазами всплывает странная, смущающая ее картина, — оба они голые, сонные и словно отупевшие стоят рядом в ванной из белого кафеля в ожидании горячей воды. Все, что произошло так недавно, почему-то представляется ей совершенно нереальным, и она никак не может найти этому объяснения. У нее такое ощущение, будто все случилось не с ней, а с кем-то другим. И, однако, нет никаких сомнений: события этой ночи, столь близкие, что она и сейчас отчетливо, крупно видит себя в объятиях Лео, произошли с ней. Достаточно протянуть под простыней руку, чтобы дотронуться до голого тела уснувшего любовника, либо зажечь свет и убедиться, что она не в своей комнате, а в спальне Лео. «Далеко от дома, — подумала она в сильнейшем волнении. — Здесь... в постели любовника».

Но если даже воспоминания о самых естественных событиях этой ночи поражали ее, то другие вещи, о которых она прежде не знала, хотя и догадывалась, повергли ее в полное

смятение. Она снова и снова перебирала их, разбирала и даже впивала в себя запах... К примеру, она ясно помнила те мгновения любви, когда лампа еще не была потушена. В одно из таких мгновений она вдруг увидела себя и Лео в столь непристойной позе, что это видение навсегда, несмываемыми красками запечатлелось в ее памяти.

Но то ли ее совсем окутала тьма, то ли возобладало чувство неуверенности и страха, только постепенно воспоминания утомили ее, и уже не в силах были отвлечь ее от грустных мыслей. «А теперь, — внезапно подумала она, — что со мной будет теперь?» Она чувствовала себя бесконечно одинокой, хотя и не хотела признаться в этом даже самой себе. Лежала навзничь на кровати, во власти тоскливых мыслей, слабости и страха. Ее широко раскрытые глаза до краев наполнились ночной тьмой. А Лео, ее возлюбленный, не касался нежно рукой ее лба, не приглаживал ее растрепанные волосы, не приходил ей на помощь и не защищал от страшных ночных видений. Его точно не существовало... Он лежал справа от нее и ровно дышал... Вот так же спокойно и ровно мог дышать не Лео, а любой другой мужчина. И только его ровное дыхание время от времени напоминало Карле, что она все-таки не одна.

Внезапно ей отчаянно захотелось, чтобы Лео проснулся и приласкал ее. «Почему он спит? — подумала она. — Почему не заботится обо мне?» Это летаргическое дыхание начало ее пугать. Карле казалось, что дышит не Лео, а другой, незнакомый и, быть может, даже враждебный ей человек. В этом равномерном дыхании было столько безразличия к обступившим ее призракам, что она не знала, испугаться ли ей или возмутиться. Она постаралась вообще забыть о нем и стала напряженно прислушиваться к немногим доносившимся до нее звукам — поскрипыванию мебели, ночным шорохам. Широко раскрытыми глазами уставилась во тьму, чтобы различить какой-нибудь предмет и потом сосредоточить на нем все свое внимание... Но и это не помогло: ровное, почти нечеловеческое дыхание Лео подавляло все остальные звуки... «Как было бы хорошо, если б он сейчас проснулся и сказал, что любит меня!» — с тоской подумала она. И уже растроганно представила себе, как это произойдет... Он привлечет ее к себе и, прижавшись щекой к ее щеке, станет шептать ей на ухо ласковые слова; при одной мысли об этом она испытывала волнение и нежность. Вдруг она похолодела от ужаса.

Ей показалось, что дверь ванной там, в глубине спальни, чуть приоткрылась. И то ли оттого, что стекла слегка поблескивали, то ли оттого, что жалюзи на окнах ванной не были опущены и со двора проникал свет, но только в комнате стало светлее... Вот дверь и в самом деле тихонько отворилась, точно кто-то осторожно толкнул ее, желая проникнуть в спальню.

От ужаса у нее перехватило дыхание. Сердце бешено забилося. Она вся напряглась и застыла, неотрывно глядя на дверь. В голове мелькнула нелепая мысль, которую она сразу же отогнала: «Это — мама, она пришла, чтобы меня уличить...»

Вдруг дверь слабо скрипнула, и тут Карла не выдержала — зажмурившись, она издала отчаянный, пронзительный крик.

Какая-то возня, яркий луч света. И сразу же после этого спальня предстала Карле во всем своем ночном покое. Лео вскочил и сел на постели, потирая сонные глаза.

— Что случилось?

— Дверь, — пробормотала Карла, бледная, тяжело дыша. — Дверь в ванную!

Лео, не говоря ни слова, слез с кровати. Открыл дверь и исчез в ванной, затем появился вновь.

— Я ничего такого не увидел, — сказал он. — Должно быть, это ветер... Я не закрыл окно в ванной.

Он подошел к кровати, приподнял одеяло, устроился поудобнее на прежнем месте.

— Ничего не бойся и спи, — сказал он. — Приятного сна. — И потушил свет.

Все это Лео проделал так быстро, свет горел так недолго и она так растерялась, что у нее не осталось времени ни поговорить с ним, ни хотя бы обнять его, нежно посмотреть на него, выразить взглядом всю жажду ласки и утешения. И теперь в наступившей вновь темноте она расплакалась.

Слезы быстро стекали по щекам, в них выливалась вся горечь, накопившаяся за ночь у нее в сердце. «Если б он меня любил, он бы меня приласкал, утешил... — повторяла она про себя. — А он даже внимания не обратил. Потушил свет и повернулся ко мне спиной».

Полное одиночество в будущем, о котором она прежде не задумывалась, теперь казалось ей неизбежным. Она прикрыла глаза рукой и с гримасой невыразимой боли — она это почувствовала по тому, как сжалось лицо — подумала: «Он меня не любит... Никто меня не любит». Пальцами дернула себя за прядь волос... «Он меня не любит», — повторила она. Щеки ее стали мокрыми от слез. Наконец назревшая за ночь усталость одолела ее, и вся в слезах она уснула.

Когда она проснулась, уже было утро. Она поняла это по тонким лучам, проникавшим сквозь жалюзи в комнату, где стало немного светлее. Она проснулась легко и сразу поняла, где находится, и не удивилась, что на ней полосатая пижама, которую она вчера вечером не хотела надевать. Правда, она не могла вспомнить точно, когда ее натянула. Она приподнялась, прислонилась к стене, и едва ее сонные глаза привыкли к пыльной полутьме комнаты, как обнаружили там, на подушке, темное размытое пятно — голову Лео. Сон рассеял все ночные страхи, она словно бы давно привыкла просыпаться в постели любовника. Кончились все переживания, исчезли нетерпеливое ожидание и изумление и вместе с ними — ощущение призрачности этого печального приключения. Она сидела, прижавшись спиной к стене, глядя широко раскрытыми глазами в душную тьму, и по удивительному спокойствию, необычному чувству удовлетворенности и сытости, по ясности в мыслях поняла, что в самом деле наступила новая жизнь. «Странно, — вдруг подумала она со страхом и досадой, — я точно сразу постарела...» Несколько секунд она стояла неподвижно, испытывая смутное волнение, затем наклонилась и тронула возлюбленного за плечо.

— Лео... — позвала она необычно тихим голосом.

Лео натянул простыни на лицо. Казалось, он спал глубоким сном и вначале не услышал, либо притворился, будто не слышит... Карла наклонилась и снова тронула его за плечо.

И тут с подушки донесся сонный голос Лео:

— Зачем ты меня разбудила?

— Уже поздно, — сказала она тем же тихим, доверительным голосом. — Мне пора домой.

Не говоря ни слова и не двигаясь, Лео вытянул из-под простыней руку и зажег лампу. И снова, как и вчера вечером, комнату залил ровный свет. Карла сразу увидела мебель, обе двери, маленькое кресло, на котором белым пятном выделялось ее нижнее белье, и себя, неподвижно сидящую на кровати... Часы на туалетном столике показывали половину шестого.

— Всего половина шестого, — не поворачиваясь, недовольно пробурчал Лео. — Зачем, спрашивается, ты меня разбудила?

— Уже поздно, — повторила Карла. Секунду она пребывала в нерешительности, а затем перебралась через Лео и села на край кровати.

Лео промолчал и сделал вид, будто ничего не заметил. Он закрыл глаза. «Наверное, опять заснул», — подумала Карла. Не обращая на него больше никакого внимания и не оборачиваясь, она стала одеваться.

Но едва она скинула эту отвратительную пижаму в широкую полоску и, совершенно голая, хотела надеть рубашку, как сзади чья-то рука обвила ее за талию. В первый момент она испугалась, уронила рубашку на пол и молниеносно обернулась. И тут она увидела, что Лео тянется к ней своим сонным красным лицом.

— Карла, — прошептал он, перегнувшись, глядя на нее горящими, припухшими глазами и притворяясь, будто еще не совсем проснулся и говорит с трудом, — почему ты уходишь так рано? Иди сюда... Ложись под бочок к своему Лео.

Она сверху взглянула на лицо соблазнителя, освещенное теплым светом лампы, и

внезапно ощутила необъяснимое отчаянье.

— Оставь меня, — упрямо ответила она, пытаясь оторвать его пять прилипших к бедру пальцев. — Уже поздно... Мне пора домой.

Она увидела, что Лео возбужденно смеется, щуря сонные глаза-щелки.

— Кое для чего никогда не бывает поздно,

И вдруг, без всякой причины, — в душе она отлично сознавала и допускала, что у любовника, может вновь вспыхнуть страсть, — ее раздражение достигло предела.

— Говорят тебе, оставь, — зло повторила она.

В ответ Лео неуклюже протянул к ней другую руку, стараясь повалить ее на кровать. Сильно толкнув его в бок, она высвободилась, подошла к креслу возле постели и, не удостоив любовника даже взглядом, стала натягивать чулки.

После чулок настал черед подвязок. С минуту она одевалась, не подымая глаз, и лишь потом сурово посмотрела на Лео. Но он повернулся к стене и, очевидно, снова заснул.

«Приятного сна», — подумала она. И в тот же миг сердце ее больно сжалось, точно это обычное пожелание вновь пробудило чувство страха и смутения. И опять в мозгу прозвучали старые, давно забытые слова: «Новая жизнь». Она наклонилась, подняла рубашку. «Неужели, — подумала она, нервно комкая ткань и глядя прямо перед собой, — это и есть новая жизнь?!»

Мысль об этом неотступно преследовала ее все время, пока она одевалась.

— Вставай! — крикнула она Лео, наклонившись и трогая его за плечо. — Проснись... нам пора...

— Хорошо, — ответил он.

Уверенная, что, вернувшись, найдет его уже одетым, она прошла в ванную. Она причесалась расческой и щеткой Лео, вымыла руки, и стала внимательно изучать в зеркале свое бледное лицо.

«Дома помоюсь как следует, — подумала она. — Приму ванну. А потом... потом надо сразу же пойти на корт, поиграть в теннис!» Но эти спокойные, будничные рассуждения не помогали ей избавиться от неотвязной мысли: «Неужели это и есть новая жизнь?!»

В спальне ее ждал неприятный сюрприз, — Лео не только не оделся, но даже не встал с постели. Он лежал в прежнем положении и, похоже, спал.

Она подошла к нему, принялась тормошить.

— Лео... уже поздно... Нам пора... вставай.

Он повернулся, приподнял с подушки сонное лицо и посмотрел на нее.

— Да?... Ты уже оделась?

— Уже поздно, Лео.

— Поздно? — повторил Лео так, словно он ничего не понял. — Ну и что?

— Как что?... Ты должен отвезти меня домой. Он зевнул, почесал голову.

— Если бы ты знала, как я хочу спать! — начал он. — Ты всю ночь ни на минуту не оставляла меня в покое... Звала меня... что-то говорила... толкала ногами... Всего и не припомнишь... Я до смерти хочу спать.

Он говорил медленно, запинаясь на каждом слове и стараясь не смотреть на Карлу. А сама Карла, наоборот, пристально глядела на него. «Конечно, он притворяется, будто хочет спать, — внезапно подумала она спокойно, без злобы. — Просто не хочет меня проводить. И не только потому, что и вправду не выспался, но прежде всего потому, что я не уступила его желанию». Она выпрямилась.

— Если хочешь спать, — почти ласково сказала она, — то не стесняйся. Я могу и сама добраться до дому.

— Ерунда, — он бесцеремонно, лениво потянулся. — Раз уж ты меня разбудила, я тебя провожу.

«Нужно доказать ему, что он ошибается, что я... такая, как он», — подумала Карла.

— Да нет же, — настойчиво повторила она, по-прежнему мягким тоном. — Нет... не беспокойся. Ты хочешь спать, это вполне понятно... А я предпочитаю вернуться одна.

Лео посмотрел на нее в некоторой растерянности.

— Ну уж и одна! — не слишком уверенно сказал он наконец. — Это ты сейчас так говоришь... Я, вас, женщин, знаю... Нет, я твердо решил... Я тебя провожу.

Он умолк, энергично тряхнул головой, но так и не поднялся. Они посмотрели друг на друга.

— А если я тебе приказываю? — резко спросила Карла.

— Что именно?

— Не провожать меня.

Лео удивленно захлопал ресницами и в полнейшем недоумении поглядел на нее.

— Что ж, это меняет дело, — осторожно ответил он.

— Так вот, — сказала Карла, невозмутимо поправляя пояс платья. — Я тебе приказываю.

— Сначала ты хотела, чтобы тебя проводили, — после секундного молчания сказал он. — Теперь передумала... Что за капризы?

«Ах, так это я капризничаю!» Она села на край кровати, рядом с Лео.

— Это вовсе не каприз, — ответила она сквозь зубы. — Я подумала, что ты можешь меня скомпрометировать... Ведь если нас увидят вместе... К тому же Микеле, наверно, уже встал... Так что, сам понимаешь... Лучше мне вернуться одной... Дорогу я знаю... Через десять минут буду дома... А ты... сможешь выспаться.

Наступило молчание, они смотрели друг на друга. Теперь, когда мимолетное желание прошло, Лео почувствовал, что и в самом деле очень хочет спать. Подниматься сейчас с постели и провожать Карлу, быть может, даже под дождем — не бог весть какое удовольствие! К тому же придется выкатить машину из гаража. Он улыбнулся Карле, протянул руку и ласково потрепал ее по щеке.

— В сущности, — сказал он, — несмотря на все твои причуды, ты замечательная детка... Так я действительно могу отпустить тебя одну?...

— Конечно, — сказала она, вставая. Тон Лео был ей неприятен. — Можешь не беспокоиться... Больше того, я прошу тебя остаться.

— Во всяком случае, — добавил Лео, точно говоря с самим собой, — ты видела, что я настаивал до последней минуты... И если я тебя не провожаю, то только, как ты удачно выразилась, из боязни тебя скомпрометировать... Так что потом не вздумай меня упрекать, ведь... — Тут он осекся, — Карлы уже не было в комнате, она ушла в прихожую за шляпой. «Тем лучше, — подумал Лео. — Тебе приятно, и мне хорошо... В итоге все довольны».

Немного спустя Карла вернулась. Она была в плаще и шляпе, в руке держала зонтик. Она надела перчатку и, хмурясь, стала озабоченно рыться в карманах, ища другую.

— Ничего не поделаешь, — сказала она наконец. — Наверно, я ее потеряла... Кстати, — подойдя поближе добавила она без тени смущения, — не найдется у тебя денег на такси? У меня нет ни лиры...

Пиджак Лео висел на стуле, стоявшем возле кровати. Он перегнулся, сунул руку в карман пиджака и выудил пригоршню серебряных монет.

— На, — сказал он, протягивая ей деньги.

Монеты перекочевали в ее карман. «Начинаю зарабатывать», — невольно подумала она. Подошла к кровати, наклонилась.

— Итак, до скорой встречи, дорогой, — почти нежно сказала она, точно желая загладить свою прежнюю резкость. Они поцеловались.

— Закрой хорошенько дверь, — крикнул ей вслед Лео. Он увидел, как она осторожно вышла из комнаты, и ждал, что сейчас хлопнет дверь, но не услышал ни малейшего шума. Тогда он потушил свет, повернулся к стене и сразу же снова заснул.

XI

Туманные фигуры знакомых, приснившиеся Лео рано утром, когда уже ярко светит

солнце и его лучи со всех сторон проникают в неубранную комнату, точно вода в тонущий корабль, то появлялись, то исчезали... Карла, Микеле, Мариаграция вели себя с веселой непристойностью, но лица их расплывались, словно их растопил проникавший снаружи свет. И хотя Лео еще спал, правда не так уж крепко, он отчаянно пытался их удержать. «Я не должен просыпаться. Не должен», — бессознательно повторял он. Однако откуда-то издалека его звал слабый, мелодичный голос. «Лео, Лео, проснись, это я». Он все же уверил себя, что это только сон. И, упрямо жмуря глаза, накрывшись с головой одеялом, надеялся, что сейчас эта минутная путаница кончится и он снова окунется в чудесное, глубокое море сновидений... Но кто-то звал его все более отчетливо, с легким упреком, и чья-то рука легла на его плечо. Тогда он открыл глаза и увидел Мариаграфию.

Вначале он решил, что это ему померещилось. Пригляделся. Да, это, несомненно, была его прежняя любовница — в сером костюме с меховой горжеткой на шее и большой шляпой на голове. Она стояла возле кровати. Ночной мрак совсем улетучился из спальни, день обещал быть чудесным, блики солнца уже лежали на пыльной, темной мебели.

— Ты? Как ты сюда попала? — удивился он.

— Пришла передать тебе записку, — ответила Мариаграция. — Увидела, что дверь открыта, и вошла.

Лео удивленно посмотрел на нее. «Дверь была открыта? — подумал он. — А, ну да... это все Карла». Он зевнул и без стеснения потянулся.

— Что же ты хотела мне сказать?

Мариаграция села на кровать и сразу очутилась в тени, которую прорезали лучи солнца, пробивавшиеся сквозь прутья жалюзи.

— Собиралась тебе позвонить, — начала она. — Но мы уже два месяца не платили налоги, и нам отключили телефон. Вчера вечером ты обещал, что мы увидимся завтра... Но потом я передумала... Сегодня после полудня ты свободен?

Лео обхватил руками колени.

— Сегодня после полудня? — повторил он. Предложение Мариаграфии его устраивало. Он сразу прикинул, что уже к вечеру освободится от назойливой любовницы и оставшиеся дни недели сможет провести с Карлой. Но на всякий случай решил не давать никакого обещания.

— Послушай, — сказал он. — Сегодня после обеда я приду к вам... Тогда и договоримся обо всем... Хорошо?

— Хорошо.

Долгое молчание. Полная подозрений, Мариаграция недовольно осматривалась вокруг и внимательно изучала такие знакомые ей безделушки, кровать. Пристально посмотрела Лео в лицо. Ей показалось, что оно бледное, усталое. Это явная улика, да и то, что она нашла Лео спящим, вполне подтверждало ее порожденные ревностью подозрения. «Он провел ночь с Лизой, — подумала она. — Тут не может быть никаких сомнений... Наверно, Лиза совсем недавно ушла от него». Сердце ее обожгла горькая обида, она бросила на Лео укоризненный взгляд.

— Я, — сказала она кислым голосом, — на твоём месте не вела бы себя так, словно тебе двадцать лет.

— Как это понимать? — удивленно спросил Лео.

— Как понимать? — ядовито повторила Мариаграция. — А так, что ты стареешь прямо на глазах и даже не замечаешь этого... Как не замечаешь и того, что безумства, которым ты, видно, предавался ночью, тебе уже не под силу... Посмотри на себя в зеркало, — добавила она, повышая голос. — Посмотри, какие у тебя синяки под глазами! Какое бледное лицо!.. Как ты весь посерел... Посмотри, пожалуйста!

— Я старею?... Какие безумства?! — воскликнул Лео, которого задело за живое слова Мариаграфии о том, что он уже изрядно в годах... — О каких безумствах ты говоришь?

— Не притворяйся, мне все известно, — ответила Мариаграция, многозначительно махнув рукой. — И знаешь, что я тебе скажу?! Через год, самое большее через два, тебя

будут возить в коляске... Наверняка... Своими ногами ты уже ходить не сможешь.

Лео в бешенстве пожал плечами.

— Если ты явилась, чтобы сообщить мне эту чепуху, то лучше бы не приходила вовсе. — Он посмотрел на часы, стоявшие на столике сбоку от кровати.

— Уже двенадцать!.. А я слушаю твои глупости, когда в половине первого у меня деловое свидание!.. Уходи, сейчас же уходи... — Он соскочил с постели, сунул ноги в домашние туфли, подошел к окну, поднял жалюзи. Комнату залил яркий свет.

— А халат, который я тебе подарила, ты больше не носишь? — не вставая с постели, спросила Мариаграция. — Может, ты его уже подарил одной из своих случайных любовниц?

Лео ничего не ответил и прошел в ванную. Мариаграция поднялась и отчасти из любопытства, отчасти желая как-то отвлечься, принялась осматривать комнату.

«И второй мой подарок, чудесная ваза муранского стекла исчезла».

— Неужели ты и вазу подарил?! — крикнула она. И снова не дождалась ответа. Из ванной доносился плеск воды: Лео принимал душ.

Обескураженная, но не сдавшаяся, Мариаграция продолжала осмотр... Каждый предмет в спальне вызывал у нее приятные воспоминания, и она часто вздыхала, сравнивая те чудесные дни с теперешней жалкой действительностью. Но когда она увидела на комодке свою фотографию, в ней снова пробудилась робкая надежда. «Но любит он меня одну, — подумала она. — Когда ему плохо, когда у него неприятности, он всегда приходит ко мне... А холодность его временная... он вернется. Поставлю-ка я цветы сюда». На улице она купила букетик фиалок и приколотла к груди. Сейчас, из чувства признательности к Лео, желая сделать ему приятное, она сняла букетик и поставила в вазочку рядом с фотографией. Затем вошла в ванную.

Лео был в халате и стоя брился.

— Итак, я тебя покидаю, — сказала Мариаграция. — И... вот что... Сегодня, когда придешь, сделай вид, будто мы не виделись. Словно ты и в самом деле получил мою записку... Договорились?

— Договорились, — не оборачиваясь, ответил Лео.

Довольная ответом, Мариаграция ушла. Она торопливо спустилась по лестнице, вышла на улицу. На углу села в трамвай, шедший в центр. Лиза уже минут двадцать, как ждет ее в шляпном магазине, где они условились встретиться, чтобы посмотреть последние парижские модели... Мариаграция сидела в углу у окна и, стараясь, насколько это возможно, отгородиться от остальных пассажиров, разглядывала улицы. По тротуарам текла живая пестрая толпа рабочих, возвращавшихся домой. Холодное февральское солнце освещало их лица, покрасневшие от пронизывающего ветра, на голове у них были широкополые, бесформенные, выцветшие шляпы. Почти все они кутались в позеленевшие от времени пальто и плащи. Солнце было немощным и бледным, но оно щедро дарило свой неяркий свет этим одетым в лохмотья людям, точно благословляя их. Мимо, один за другим, проплывали роскошные магазины с красными, белыми, голубыми вывесками над широченными витринами. Неоновые рекламы над карнизами домов, мрачные, блеклые, казались обгоревшими насекомыми. Трамвай, словно ярмарочный балаган, был битком набит вульгарными, пестро одетыми пассажирами и двигался медленно, скрипя и позванивая. Время от времени в поле зрения Мариаграции попадал бешено несущийся автомобиль со сверкающим продолговатым капотом. Он молниеносно обгонял трамвай, внезапно останавливался, и его большие фары словно искали проход, затем снова устремлялся вперед... Мариаграция видела через толстое стекло неподвижно сидящего за рулем шофера в перчатках, кожаной куртке и фуражке. А на заднем сиденье, откинувшись на кожаные подушки, полулежал толстый мужчина и, щурясь, самодовольно окидывал взглядом толпу, либо, утопая в мехах, сидела синьора с накрашенным, тонким лицом... И тогда Мариаграция невольно вздыхала. Ей уже не суждено пронестись, промчатся в мощном, внушительном автомобиле сквозь плохо одетую толпу. Лучшие годы прошли безвозвратно, молодость

пролетела в сверкающем автомобиле ее мечтаний. Но понемногу эти персонажи, которым она так завидовала, эти эфемерные создания, стрелой пронесившиеся мимо в своих грохочущих колесницах, исчезли, как исчезли и воспоминания, и сладкие надежды. Покорившаяся судьбе, она с достоинством и даже высокомерием продолжала свой путь в трамвае, — этом балагане из стекла и железа.

Когда она вошла, Лиза уже сидела в задней комнате магазина, уставленной зеркалами и коробками со шляпами. Какая-то молодая дама откровенно любовалась собой, надменно и горделиво прохаживаясь перед зеркалом. Из соседней комнаты доносились обрывки разговоров и позвякивание стеклянных дверей. От пола исходил запах воска. В одном из углов стояла пирамида больших и легких шляпных коробок из белого картона. Некоторые из них были открыты. В противоположном углу уже вырос целый лес новых элегантных шляп, красивых, со вкусом подобранных расцветок. Все они висели на деревянных подставках.

Лиза увидела Мариаграцию и тут же встала.

— Мне весьма жаль, — сказала она. — Просто очень жаль! Но я вынуждена тебя покинуть... Уже поздно, и мне пора домой.

Мариаграция подозрительно посмотрела на нее. «Она уже выбрала себе шляпу, а мне помочь не хочет», — подумала она.

— Что ж, я останусь, — нерешительно сказала она.

— Поступай, как знаешь, — сказала Лиза и протянула Мариаграции руку, но та вдруг передумала.

— Пожалуй, я пойду с тобой. А шляпой займусь в один из ближайших дней.

Они вместе вышли на людную улицу.

— Я провожу тебя до бульваров, — сказала Мариаграция. — Так что у нас будет время побеседовать.

Лиза промолчала. Они пошли вместе, часто останавливаясь у витрин, разглядывая товары и сравнивая цены. Лавки ювелиров настраивали Мариаграцию на печальный лад.

— У меня было такое же ожерелье, — говорила она со вздохом, показывая на лежавшую в шкатулке нить жемчуга. — А теперь его нет и, похоже, никогда не будет. — Лиза смотрела на нее, но ничего не говорила — ее драгоценности тоже пропали, и безвозвратно. «Но мои хоть унес муж, — подумала она. — Мне все-таки не пришлось их продавать, чтобы кое-как перебиться».

Так, не торопясь, они дошли до конца улицы. Мариаграция пошла с приятельницей для того, чтобы проверить свои подозрения насчет Лео. Но понемногу веселая толпа, магазины, солнечное утро смягчили ее досаду. Однако, когда на площади она вдруг увидела Лео, который стоял на тротуаре с каким-то незнакомым господином, одетым в черное, и когда Лео поздоровался с ней, не прерывая беседы и почти не глядя в ее сторону, а лишь слегка приподняв шляпу, ее подозрения вспыхнули вновь и стали особенно мучительными.

Она посмотрела на Лизу. «Вчера вечером она была с ним», — подумала Мариаграция. Теперь ей казалось, что ее догадки неопровержимы. Ведь даже если смотреть на Лизу менее предубежденно, чем она, нетрудно заметить, что между Лео и Лизой что-то произошло. Она изучающе глядела на соперницу и находила, что у нее снова появился шарм. И все ее тело словно дышит счастьем. Это видно с первого взгляда. Столь внезапное преображение было явной уликой. Мариаграция была уверена, что Лизу преобразила любовь. И это вызывало у нее неприязнь к сопернице и болезненное любопытство. Достаточно было взглянуть на полное, мягко очерченное лицо, какое часто бывает у блондинок, чтобы понять — Лиза любит и любима. Здесь не может быть никаких сомнений. «Но кем? Конечно же, Лео», — подумала Мариаграция, а услужливо созданные ее воображением непристойные картины лишь разожгли ее ревность.

«Вчера вечером она была с ним», — вновь думала Мариаграция. Подтверждение этому гнусному предательству она находила во влажных глазах Лизы, в ее чувственно вздрагивавших ноздрях. «Как можно любить такую женщину?! — с отвращением, чуть ли не в истерике спрашивала она себя. — Я не могла бы даже дотронуться до нее. Она буквально

пышет любовным жаром. Это же похотливое животное, а не женщина!» При мысли о том, что Лео мог ласкать это тело, эту голову, всю эту жаркую, трепещущую плоть, у Мариаграции пальцы невольно сжимались в кулак.

Сейчас их взглядам открывалась длинная, широкая и прямая аллея, которая тянулась между двумя рядами вилл, утопающих в садах, и исчезала где-то в серой дали. Деревья — гигантские платаны — были голыми, воздух — холодным и неподвижным. На тихой аллее прохожих было совсем мало. С шелковистым шорохом по гладкому асфальту почти бесшумно проносились огромные машины, о которых так мечтала Мариаграция,

Сейчас она рассказывала Лизе о своих приготовлениях к бальному вечеру.

— Костюм испанки чудесно гармонирует с моей смуглой кожей, — говорила она. — Знаешь, я заколю волосы большим гребнем. Да, да, андалузским гребнем... Нас пригласили за свой столик Берарди... А ты... ты придешь?

— Я? — сказала Лиза, опустив глаза. — На бал-маскарад? Но у меня нет кавалера.

И умолкла, с нетерпением ожидая ответа приятельницы. Она подумала, что Мариаграция могла бы пригласить ее на бал-маскарад. Она тоже была знакома с семейством Берарди, ну а какую-нибудь маску она бы нашла. На вечере она бы выпила вина, немного повеселилась. А на обратном пути попросила бы Мариаграцию уступить ей Микеле. (Ей нравилось обращаться с ним, как с мальчишкой.) Бал-маскарад закончится поздней ночью, и она уговорила бы Микеле проводить ее домой, всю дорогу острела бы, подшучивала над ним, возбудила бы в нем страстное желание. Взяла бы закрытую машину и велела шоферу потушить свет. Дорога до ее дома долгая, большинство улиц — темные. У них с Микеле будет достаточно времени, чтобы поговорить, помолчать, одним словом, чтобы понять друг друга. У дверей она пригласит Микеле подняться к ней — выпить рюмочку ликера либо чашку чая, прежде чем холодной ночью отправиться к себе домой.

Этот план очень понравился Лизе своей стройностью. Микеле просто не мог не подняться к ней, никак не мог.

И тут Мариаграция заговорила. Она долго обдумывала ответ, но, как все женщины, уверенные в своем остроумии и язвительности, перестаралась — намек ее получился столь тонким, что Лиза его просто не поняла.

— Друзей у тебя предостаточно, — многозначительно сказала она. — Пусть один из них и сводит тебя на бал.

— Мои друзья — вы, — ответила Лиза, которая хотела любой ценой получить приглашение. — Кроме вас, у меня никого нет.

— Спасибо, ты очень любезна.

— Кто вас пригласил? Берарди? Но ведь я с ними знакома... — не сдавалась Лиза. — Мы вместе отдыхали два года тому назад.

— Ах, вот как?!

— Кто же будет сопровождать тебя с Карлой? — наивно спросила Лиза...

— Лео будет сидеть за другим столиком, — отчеканивая каждый слог, ответила Мариаграция. — Нас будут сопровождать Берарди.

«Какое мне дело до Лео!» — хотела ответить ей Лиза.

— Ты думаешь, там будет весело? — нерешительно спросила она.

— Ослепительно весело.

Секунду они молчали.

— Мне бы хотелось пойти на вечер, — небрежно сказала Лиза, глядя прямо перед собой. — Еще и ради того, чтобы повидаться с Берарди... Мы давным-давно не виделись... Пожалуй, больше двух лет.

— А, ну да — с Берарди!

Мариаграция стала нервно постукивать зонтиком о камни тротуара.

— Именно с ними?

— Да, — избегая ее взгляда и словно припоминая что-то важное, ответила Лиза. — Пиппо, Мэри, Фанни... Как они поживают?

— Превосходно... Не волнуйся... Все в полном здравии.

Они снова умолкли. «Что с ней такое стряслось?» — думала Лиза, глядя на порозовевшее лицо приятельницы. Она наконец заметила, что Мариаграция явно нервничает, и поняла, что ей на вечер, увы, не попасть.

«Какой эгоизм! — с горечью подумала она. — Ведь Мариаграция понимает, как мне хочется пойти, но не зовет меня, только чтобы мне досадить». Она была обескуражена. Но все-таки сделала последнюю попытку.

— Должна признаться тебе, Мариаграция, — прошептала она, стараясь придать своим словам как можно больше убедительности, — что мне очень хотелось бы попасть на этот бал-маскарад. Мне неловко тебя беспокоить. Но, может, ты могла бы пригласить и меня за столик Берарди?

В ответ Мариаграция лишь рассмеялась.

— Совсем неплохо придумано! — воскликнула она, захлебываясь едким смехом. — А может, даже — должна?... Благодарю покорно. От всей души благодарю, но подобных услуг я никому не оказываю.

— Какие услуги? — с обидой начала было Лиза, поняв наконец подлинный смысл язвительных намеков приятельницы, но та ее прервала.

— Тебе очень хочется, чтобы я сказала все, без утайки? — спросила она. — Так вот, я все поняла. Ты стремишься на вечер не ради меня или Берарди, а из-за одного человека, который тебя весьма интересуется.

— Какое это для тебя имеет значение?

— Верно, — сказала Мариаграция с горечью, покачав головой. — Какое все это может иметь для меня значение? Никакого. Абсолютно никакого. В сущности, ты права. Какое имеет значение, если меня ограбят или убьют? Никакого. Абсолютно никакого.

На миг она умолкла, словно впитывая яд своих подозрений, затем продолжала:

— И все потому, что я добра, слишком добра... Если б я в самом деле раздавила тебя... — Мариаграция показала, как давят ногой невидимого врага. — Ничего подобного бы не случилось.

— Раздавить меня? Меня?! Да в своем ли ты, Мариаграция, уме? Нет, ты определенно рехнулась!

Обе женщины шли по пустынному тротуару, громко переругиваясь. На Мариаграфии было серое платье, на Лизе — коричневое. И та и другая кутались в лисьи горжетки: в рыжую горжетку — Лиза, и в серебристую — Мариаграция. Они шли и ссорились. Мимо них проносились сверкающие автомобили, проходили элегантно одетые юные пары. И над всем властвовали два цвета — серый и золотой. Серыми были далекие и близкие фигуры прохожих, тенистые сады за железной оградой, пустынная аллея, платаны; золотым — юное, холодное солнце, еще так недавно скованное суровой зимой. Оно излучало свет и жгло огнем уже истончившиеся сосульки и было улыбочивым и слабым, как выздоравливающий больной младенец, запеленатый в вату, — это золотистое солнце, окутанное голубой ватой февральского неба.

Мариаграция продолжала свой нескончаемый монолог.

— Слишком добрая? — громко и презрительно расхохотавшись, повторила Лиза. — Это ты-то слишком добрая?!

Секунда молчания.

— Одного не могу понять, — продолжала Мариаграция, отстранившись от приятельницы и глядя прямо перед собой, точно она говорит с кем-то третьим, — как можно любить некоторых женщин?!.. Вот этого я не понимаю.

— Я и сама удивляюсь.

Лиза побледнела, у нее дрожали губы, — почему Мариаграция так беспощадна и так жестока к ней? Она не причинила ей никакого зла. И как грустно, что мать проявляет заботу о сыне, только чтобы досадить прежней сопернице. Какое имеет для Мариаграфии значение, что она идет на бал-маскарад ради встречи с Микеле?... Пожалуй, впервые в жизни Лизу в

чем-то обвиняли незаслуженно, поэтому ее обида была особенно сильной и бурной. И чем несправедливее были обвинения Мариаграции, тем более чистой и невинно-обиженной чувствовала себя Лиза. Она уже видела себя в ореоле мученицы, и ей представлялось, что за спиной у нее выросли ангельские крылышки. Она любит Микеле, и Микеле любит ее. Как же можно оскорблять такую любовь, искать повод для скандала?!

— А вчера вечером, — не унималась Мариаграция, — вчера вечером все сложилось как нельзя лучше, не правда ли? С нами он не остался, ему, видите ли, хотелось спать... И он удрал... Что ж, все правильно... Его ждала ты. — Она на миг умолкла. — Знаешь, что я тебе скажу? — вырвалось у Мариаграции. — Тебе должно быть стыдно! — Она повернулась, посмотрела на приятельницу сверху вниз, и рот ее скривился в гримасе. — Между прочим, ты уже совсем не молода, дорогая.

— Но мы с тобой одних лет... Ты даже старше... — не поднимая головы, мягко ответила Лиза.

— Нет, милейшая, — решительно возразила Мариаграция... — Я вдова... А это совсем другое дело... Ты же до сих пор состоишь в браке... у тебя есть муж... И потому ты должна была бы стыдиться своего поведения!

Они проходили мимо виллы с закрытыми окнами. Вероятно, на вилле, окруженной высокими голыми деревьями, играли в мяч. Оттуда доносились звучные удары, гулким эхом отдававшиеся в безмолвном полуденном небе, словно что-то с грохотом разбивалось там, в голубой выси. А когда ветер, гнавший прочь белый дым печных труб, дул в сторону улицы, можно было слышать и веселые, громкие голоса играющих.

С минуту Лиза задумчиво прислушивалась к эху, затем посмотрела на Мариаграцию и поразилась — неужели это ревнивое, злое лицо выражает... материнскую любовь?! И что это за любовь, если она приводит в бешенство женщину, которая никогда не была особенно нежна со своими детьми. А не ревность ли это, слепая ревность покинутой любовницы?... Внезапно она все поняла и почувствовала огромное облегчение. Затем взглянула на Мариаграцию и снова засомневалась.

— Мариаграция, ты говоришь о Лео, не так ли? — спросила она.

Мариаграция в растерянности кивнула, тоскливо глядя на Лизу, и на лице ее можно было прочесть: «Зачем ты спрашиваешь?... Ты же знаешь... У меня, кроме него, нет никого на свете...» Они посмотрели друг на друга. Глаза Лизы светились радостью, торжеством и состраданием к приятельнице.

— Бедная моя Мариаграция! — воскликнула она. Теперь-то она сможет все объяснить, оправдаться, и тогда сразу разгладятся морщинки на лице Мариаграции, исчезнет ее подозрительность. — Бедная моя Мариаграция, — повторила она.

На нее вновь нахлынули воспоминания. Перед глазами снова всплыла вчерашняя сцена в полутемной передней... Карла в объятиях Лео. «Тебе надо ревновать к своей дочери», — подумала она. Она испытывала сейчас жалость к своей недогадливой приятельнице, но в то же время ощущала такую радость и даже счастье оттого, что она, Лиза, невиновна, и Мариаграция зря ее обвиняет, что не знала, как заговорить обо всем этом, — в тоне сочувственном или презрительном.

— Можешь не сомневаться, — сказала она наконец... — Можешь не сомневаться, я не видела Лео... Ни вчера... ни прежде. Клянусь тебе всем, что для меня свято.

Мариаграция продолжала молча глядеть на приятельницу, и в глазах ее стыла подозрительность.

— Поверь, — добавила Лиза, которую смущал ее испытующий взгляд, — произошло недоразумение.

Стараясь казаться невозмутимой, холодной и неприступной, Мариаграция, опустив голову, произнесла:

— Лучше нам расстаться. Уже поздно.

Слышен был стук мячей, время от времени из сада доносились голоса игроков. Мариаграция сделала несколько шагов.

— Поверь, — неуверенно повторила Лиза, — это чистейшее недоразумение.

Она осмотрелась вокруг, точно пытаясь найти подтверждение своим словам. Аллея была пустынной, и солнце, освещавшее бесконечно длинный безлюдный тротуар, лишь усиливало ощущение затерянности и одиночества. Лиза озиралась вокруг, не двигаясь с места. А Мариаграция уходила все дальше, задумчивая и неуверенная, глядя в землю.

«Поверь же мне, — хотела крикнуть ей вслед Лиза. — Он изменяет тебе, моя бедная Мариаграция, не со мной, а с Карлой, с твоей дочерью...»

Но Мариаграция удалялась, чуть сторбившись, и в самой ее походке угадывалось упрямое нежелание обернуться и взглянуть правде в глаза. Постепенно она становилась все меньше, растворяясь в лучах солнца и сливаясь с зыбкими тенями высоких оград тенистых садов, пока не превратилась в черное пятно там, на спуске, в самом конце аллеи.

XII

Почему Лиза вначале почти признала свою вину, а потом стала клясться в своей невинности? Других бы это озадачило, но только не Мариаграфию. Для нее все было яснее ясного и объяснялось очень просто: Лиза — лгунья и лицемерка. В этом Мариаграция была убеждена твердо. Нелегко объяснить почему, но лицо, поведение, речь Лизы — все говорило об одном. В лживости подруги она убедилась давно, после какого-то уже забытого теперь спора. Но этот спор был неотделим от того представления о моральных качествах Лизы, которое закрепилось у Мариаграфии раз и навсегда. Так что отказаться от него означало бы вообще вычеркнуть подругу из памяти.

Итак — Лиза лжива и лицемерна, и в этом все дело. Почему она почти с состраданием сказала: «Бедная моя Мариаграция?!» Да только для того, чтобы посмеяться и позлорадствовать над ней; в лучшем случае, чтобы пожалеть ее, обманутую любовницу, за слепоту и наивность. Почему она так рвалась пойти на костюмированный вечер с ней и семейством Берарди? И тут все ясно и понятно, — чтобы коварно обмануть ее, заставить поверить, что в тот вечер она вовсе не ждала Лео. Словом, Лиза, эта ловкая интриганка, придумала тысячу способов обвести ее вокруг пальца. И ей это удалось? О нет! Не так-то легко ее, Мариаграфию, обмануть. Совсем даже не легко! «Не надейся, дорогая, — хотелось ей бросить Лизе в лицо. — Я глупа... но не до такой степени... Прошло время, когда я считала всех добрыми, милыми, преданными, любезными... Теперь я гляжу в оба, и меня никто не проведет... О нет, моя дорогая... хватит одного раза!.. Так что не надейся, золотце, я все поняла... Ты меня не обманешь. Я женщина проницательная, очень проницательная, более чем проницательная!»

Думая об этом, она на ходу многозначительно покачивала головой и усмехалась с горьким чувством превосходства и презрения к Лизе. Больше всего ее злило, что Лиза могла принять ее за наивную дурочку. Глаза ее от ярости сузились, она сжала зубы. Никогда еще она не чувствовала себя такой безжалостней. Если б Лиза умирала от жажды, она не дала бы ей и глотка воды, если б от голода, — и куска хлеба. А если Лиза вдруг впала бы в нищету, то, умоляй она ее на коленях и даже целуй ей руки, она не дождалась бы ни денег, ни одежды — ничего. И если бы она умирала, покинутая всеми, и позвала ее, Мариаграфию, она бы даже не подошла к изголовью, — пусть подышает одна, как собака, в грязной постели, повернувшись лицом к стене. Мариаграция знала, что она даже способна была бы колоть Лизу иглой, дергать за волосы, бить острыми каблуками в живот, в грудь, в лицо... Она была способна на все. Ни разу в жизни она не чувствовала себя такой беспредельно жестокой.

Но... разве не лучшая месть — прощение? Да, но какое прощение? Душевное, любовное, радостное? Или же высокомерное, холодное, брошенное в лицо, точно милостыня?

Именно второе. Лиза погубит себя, погрязнет в долгах, разорится, станет оборванной попрошайкой. Либо после тяжелой болезни превратится в худющую, уродливую, землисто-серую старуху, а может, даже... случается ведь и такое — в полоумную, слепую

нищенку... Впалые щеки, выцветшие глаза, морщинистый лоб: натывается на мебель, на людей. Это будет перст господень, божья кара — бывает ведь и такое. Вот тогда она, Мариаграция, простит ее...

Но не торопитесь, она простит ее лишь отчасти, выказав ей вначале холодность, презрение и дав понять, что вовсе не забыла прошлое. Она унизит Лизу и не позволит ей приблизиться — пусть поймет, что она даже гнева недостойна. А как будет выглядеть сцена прощения? Ага... вот так!.. Званный ужин... грохочущий оркестр играет танец за танцем... по сверкающим салонам ее виллы проплывают пары. У ярко горящих светильников, возле буфета, в укромных уголках, в холле, даже на террасах, где, облокотившись на мраморную балюстраду, так приятно смотреть, как из-за черных елей восходит луна, собираются группками кавалеры и дамы из высшего общества. И вот наступает кульминационный момент вечера. Торопливые речи и музыка сливаются в один нестройный гул, разгораются страсти, увядают цветы, кавалеры шепчут дамам нескромные признания... И тут войдет служанка и еле слышно скажет: «Вас ждет синьора Лиза». Она тут же встанет... нет, заставит ее немного подождать, затем, извинившись перед гостями, выйдет из гостиной в холл, буквально заваленный пальто и шляпами. Нет ни одного свободного стула. Среди этих роскошных пальто ее стоя ждет бедно одетая, постаревшая, по крайней мере, лет на десять Лиза. Едва увидев ее, бросается к ней с распростертыми объятиями. Не торопись, не торопись, милочка!.. Лишь потом, поставив бывшую подругу на место, она выслушает сбивчивые слова извинения, клятвы в дружбе... Затем, весьма холодно и надменно ответит: «Так и быть, Лиза, я тебя прощаю... Но придется тебе набраться терпения и подождать меня здесь либо наверху, в передней... У меня прием — тьма гостей, которым я не могу тебя представить... Сама понимаешь, это люди из высшего общества, аристократы... Они не могут знакомиться с первым встречным. И вообще они держатся своего узкого круга... Итак, договорились, ты подождешь внизу...»

И она заставит Лизу ждать весь долгий вечер... Наконец поздно ночью выйдет к несчастной, грустно сидящей в темном углу Лизе, ошеломит ее ослепительной улыбкой и роскошным платьем. «Уж прости, но сегодня я никак не смогу побыть с тобой. Приходи завтра, надеюсь, завтра я буду свободнее». И с громким смехом уйдет. А кто будет ждать ее у ворот? Лео. Он стоит возле огромной машины, — мотор восьмицилиндровый, капот никелированный, шелковые занавески и сиденья, на которых восседают сразу два импозантных шофера. И вот она и Лео, насладившись унижением Лизы, уносятся на машине в ночь.

Эти сменявшиеся с кинематографической быстротой видения немного утешали Мариаграцию. Но когда она поднимала глаза, в ее мечты врываются унылый пейзаж и безжалостное солнце. И она обнаруживала, что осталась прежней Мариаграцией и страна ее мечтаний куда дальше, чем даже Индия, что она идет пешком одна по безлюдным улицам предместья.

Наконец она добралась до виллы, толкнула калитку и вошла.

Поспешно пересекла аллею сада. Она испытывала сильную усталость, то ли из-за ссоры с Лизой, то ли из-за ощущения безысходности, которое овладевало ею всякий раз, когда она давала волю фантазии. В передней она увидела Микеле — он сидел в кресле и курил.

— Я смертельно устала, — сказала она, с трудом сняв шляпу. — Где Карла?

— Дома ее нет, — ответил Микеле.

Не сказав больше ни слова, Мариаграция вышла.

Микеле был в плохом настроении: события прошлого вечера нагнали на него грусть и меланхолию. Он понимал, что надо наконец побороть свою апатию и что-то предпринять. Это было бы вполне естественно, но он ни во что не верил: сыновняя любовь, ненависть к любовнику матери, честь семьи — все эти чувства были ему неведомы... Впрочем, какое это имеет значение. Когда ты ни во что не веришь — нужно все время притворяться, и если долго притворяешься, то рано или поздно начинаешь верить, — так возникает любая вера...

Словом — сплошная игра и притворство. Да, самое настоящее притворство.

«Взять, к примеру, Лизу, — подумал Микеле. — Я ее не люблю... Даже не испытываю к ней влечения. И все-таки вчера вечером я поцеловал ей руку... А сегодня пойду к ней. Вначале я буду холоден, затем придет возбуждение, желание... Все это так нелепо... Но в конце концов я, наверно, стану ее любовником...»

Для него не существовало веры, искренности, подлинных чувств, сквозь призму скуки все казалось ему жалким, нелепым, фальшивым. Он понимал сложность и опасность своего состояния. Он должен преисполниться страсти, действовать, страдать, побороть свою слабость, убогость, фальшь, нелепость своей жизни. Нужно быть искренним, с душой, открытой людским страданиям.

«Как, верно, был прекрасен мир, — подумал он с иронией и грустью, — когда обманутый муж мог крикнуть в лицо жене: „О, гнусная женщина, ты заплатишься жизнью за свою низость!“ И что еще прекраснее — мысленно произнести эти слова, а потом броситься на жену, любовницу, родных и убить их всех, без жалости и без страха перед наказанием. Нет ничего лучше, чем немедленное действие, следующее за мыслью. „Я ненавижу тебя!“ — раз, и — удар кинжала. И вот уже друг или враг плавает в луже крови. Первое побуждение всегда самое верное, нельзя долго раздумывать. Прекрасно, когда жизнь имеет хоть какой-то смысл, когда люди умирают на самом деле, когда убивают, ненавидят и любят всерьез, когда льют искренние слезы из-за подлинных бед. Только тогда ты становишься живым существом, уходящим своими корнями в реальность, как деревья в землю». Постепенно ирония улетучилась, и на смену ей пришла острая тоска. Он хотел бы жить в трагические и честные времена, испытывать ту же неистребимую, всепоглощающую ненависть, вознестись в сферу высоких чувств, но, увы, оставался пленником своего времени и этой недостойной жизни.

Он думал и беспрестанно курил: на столике в коробке из десяти сигарет осталась лишь одна. Вот уже почти два часа он сидел в передней, залитой ярким утренним светом. Встал он поздно и тщательно оделся: галстук, белоснежная рубашка, костюм. Сколько старания он вкладывает в процесс одевания, как тщится во всем походить на элегантных английских манекенщиков, чтобы найти хоть какое-то утешение в своем жалком положении. Ему очень нравятся джентльмены в широких плащах, стоящие рядом со своими гоночными машинами, пряча гладковыбритые лица в шерстяной шарф, нравится красивый, банальный пейзаж с коттеджем, утонувшим в густой зелени круглых, ветвистых деревьев. И еще его восхищают жесты, манера завязывать галстук, складки костюма, шерстяные джемперы и хрусталь английской знати.

Сейчас он сидел в кресле в благородной, изящной позе, положив ногу на ногу и слегка подпернув брюки с безукоризненной складкой, так что были видны шерстяные носки. Волосы были причесаны и напомажены. Склонив голову набок, он следил за дымом сигареты, которую небрежно держал двумя пальцами. На его мягком, свежевыбритом удлинённом лице выражение иронии сменялось выражением мрачного раздумья — точно так же свет и тень отражаются на лице статуи. Он курил и размышлял.

Показалась Карла, — возвращаясь с корта, она медленно поднималась по лестнице. На ней была пестрая кофта и белая плиссированная юбка. На руке она несла плащ, ракетку и маленькую сетку с мячами. Она радостно улыбалась.

— Где мама? — крикнула она. Она одолела лестницу, подошла и встала возле Микеле.

— Я встретила Пиппо Берарди. Они пригласили нас на ужин — меня и маму. А потом поедем танцевать. Если хочешь, можешь присоединиться к нам.

Она умолкла. Микеле курил и ничего не отвечал.

— Что с тобой? — нервно спросила она, чувствуя, что Микеле наблюдает за ней. — Почему ты так смотришь на меня? — Ее голос звучал в пустой передней, точно вызов, полный, однако, печали и надежды. Новая жизнь началась, и все должны были узнать об этом. Но за ее призрачной уверенностью крылась щемящая боль, лишавшая ее силы. Ей хотелось закрыть глаза, сложить руки на груди и погрузиться в черный, беспробудный сон.

Вошла Мариаграция,

— Знаешь, мама, — томно повторила Карла, но уже без прежней радости в голосе, — Берарди пригласили нас на ужин... А... потом они повезут нас на танцы.

— Хорошо, — без всякого восторга откликнулась Мариаграция. Нос у нее покраснел и припух, лицо без пудры блесло, прищуренные глаза смотрели довольно холодно. — В таком случае нам нужно немедленно выбрать подходящий костюм. — Она села. — А с тобой, — сказала она, глядя на Микеле, — с тобой я хочу поговорить отдельно.

Карла вышла.

— Со мной?! — притворно изумился Микеле. — Со мной? О чем же?

Мариаграция покачала головой.

— Сам знаешь, и лучше меня... Вчера вечером ты бросил пепельницу в Лео... К счастью, попал в меня... Посмотри, у меня до сих пор остался знак...

Она подняла руку и хотела обнажить плечо, но Микеле остановил ее.

— Нет, — с отвращением сказал он. — Нет уж, благодарю... Не надо попусту устраивать спектакли... Я не Лео.

Воцарилось молчание. Лицо Мариаграции исказилось, глаза потемнели. Она так и не отняла руку от груди, и сидела с выражением Мадонны, которая показывает на свое разбитое горем сердце. Казавшаяся вначале, смешной, поза эта выглядела теперь почти трагической. Мариаграция словно хотела показать другую рану, совсем не ту, что нанес ей сын пепельницей. Но какую? Этого Микеле узнать не успел, потому что она резко переменяла положение и заговорила.

— Я хочу тебе добра, — прерывающимся голосом сказала она, — что с тобой, Микеле? Что с тобой творится?!

— Со мной ничего.

Его раздражение усилилось. «Она должна была бы знать, что со мной», — подумал он с отчаянием и невольной нежностью. Плачущий голос матери заставил его вздрогнуть. «Если она будет продолжать в том же тоне, это станет зрелищем трогательным, но нелепым, нелепым и трогательным... — думал он. — Нужно любой ценой прекратить ее романтические излияния... Не хочу видеть, как она кричит или умоляет... прекратить любой ценой!»

— Микеле, — продолжала она. — Сделай матери одолжение...

— Хоть тысячу, — прервал ее Микеле, изобразив на лице ласковую улыбку.

— Тогда дай мне доказательства своей любви... — сказала она, немного успокоенная, не уловив иронии в его мягком ответе. — Выкажи хоть немного дружеских чувств к Лео, ну хотя бы притворись, что испытываешь их... поверь, я удовлетворюсь и этим.

Они посмотрели друг на друга.

— А он, — внезапно спросил Микеле, сразу посуровев, — он испытывает ко мне дружеские чувства?

— Он? — повторила Мариаграция и молодо улыбнулась. Наивная улыбка женщины, многократно обманутой, но так ничему и не научившейся! — Он любит тебя, как родной отец.

— Ах, вот как! — удивленно воскликнул Микеле. Такое простодушие и такая доверчивость обескуражили его. «Ничего не поделаешь, — думал он, — пока положение не изменится, жизнь будет принадлежать матери, а не мне». Матери принадлежал и этот мир, карикатурный и омерзительно лживый. А для него, Микеле, для его надежд и прозрений в этом мире нет места.

— Он, — продолжала Мариаграция с торжествующей, ясной улыбкой, — самый добрый человек на свете.

«Отлично, превосходно. Ничего не скажешь!» Казалось, сама поруганная земля вдруг перестала вращаться. Микеле подавленно молчал.

— Он часто говорит о тебе, — продолжала Мариаграция. — Его волнует твое будущее, он надеется, что...

— Весьма ему благодарен, — прервал ее Микеле.

— Не веришь?! — воскликнула Мариаграция. — Так знай же... всего лишь позавчера он делился со мной своими планами насчет тебя и Карлы... Если бы ты слышал наш разговор, то сам убедился бы, как велика доброта этого человека. И вот что он сказал. Слушай же! — Тут лицо Мариаграции стало печальным, точно она читала молитву. — Я хорошо знаю, что Микеле не слишком меня любит. Но это не имеет значения... Я все равно желаю ему добра. Когда Карла выйдет замуж, ему надо будет подыскать работу. И тогда, поверь, я не откажу ему ни в помощи, ни в советах, ни в протекции.

— Он так и сказал? — с живейшим интересом спросил Микеле. Его недоверие уступило место соблазнительным надеждам так же быстро, как женщина легкого поведения, едва ее ущипнут за грудь, уступает, довольна улыбаясь. «А вдруг это правда, — подумал Микеле. — Вдруг Лео в самом деле готов помочь мне сделать карьеру, стать... богатым?» Вспыхнувшая надежда подстегнула его воображение, пробудила завистливое желание: обладать роскошными женщинами с ослепительной улыбкой, путешествовать, останавливаясь в первоклассных гостиницах, делить свое время между делами и бурными развлечениями. Нечто подобное случается в кино, когда под ликующую, душещипательную музыку оркестра изумленным взорам многочисленных зрителей с экрана предстают далекие города с их несметными богатствами, экзотические пейзажи, невероятные приключения, самые красивые женщины и самые удачливые мужчины. Жаждавшее иллюзии сердце Микеле забило учащенно, и на экране его честолюбивых фантазий кадры замелькали все быстрее, преследуя, настигая друг друга и сливаясь в одно целое. От этого стремительного бега надежды захватывало дыхание, душа взволнованно вздрагивала и замирала от сладких предчувствий. Но вот видения исчезли, и осталась неприглядная действительность. Точно так же, как в кино, когда зажигается свет и Зрители разочарованно, с горечью, смотрят на своих соседей. «Если б это было правдой, — повторил он. — Если б было правдой!»

— Он сказал это и еще многое другое, — продолжала свой рассказ Мариаграция. Она на миг умолкла. — Он добрый, — добавила Мариаграция и посмотрела так, точно увидела посреди комнаты Лео и рядом с ним его доброту. — По-настоящему добрый... Конечно, и у него есть недостатки, но пусть первым бросит в него камень тот, у кого их нет... Нельзя судить по внешним признакам. Обычно он немногословен, резок, не говорит всего того, что думает, умеет скрывать свои чувства. Но надо знать его и видеть в интимной обстановке...

«Да, уж ты его знаешь интимно», — подумал Микеле; все это и злило и забавляло его.

— Лишь тогда можно понять, какой он бывает порой экспансивный, веселый, ласковый... Помню, — с нежной улыбкой добавила Мариаграция, — как он сажал на колени тебя и Карлу. Вы были еще совсем маленькими, и он угощал вас шоколадками, совал их вам в обе руки... Часто я заставляла его, Микеле, когда он, словно ребенок, играл с вами.

Микеле невольно усмехнулся.

— Скажи, — спросил он, чтобы избежать новой волны сентиментальных воспоминаний, — он в самом деле обещал мне помочь?

— Разумеется, — не совсем уверенно ответила Мариаграция. — Он наверняка вам поможет, тебе и Карле, как только ты закончишь институт... В высших кругах у него такие связи!

Мариаграция подняла руку, точно желая показать, на каких местах там, наверху, спесивые и гордые, восседают друзья ее бывшего любовника... — Разумеется, он тебе поможет.

— Значит, он мне поможет?

На губах Микеле невольно промелькнула радостная улыбка. Этот превосходный, блистательный Лео! Мать права — человек он, конечно, практичный, грубоватый, но сердце у него золотое. В один прекрасный день он придет к нему и скажет: «Послушай, Лео... напиши такому-то письмо. Посоветуй меня этому всемогущему человеку». Либо: «Извини, Лео, ты не сможешь одолжить мне сто тысяч лир?» И Лео в ответ: «Сейчас, Микеле... Садись, садись... вот тебе письмо... А вот и деньги... Предпочитаешь чек или наличными?» И добавит со всей сердечностью, провожая его до дверей и ласково хлопая по

плечу: «Если надо будет, приходи снова, Микеле... Ведь я обещал твоей матери помочь тебе утвердиться в жизни... Поддерживать тебя всегда и всюду». Ах, Лео, Лео — крепкий, надежный, добрый! Сердце Микеле переполняла нежность к нему. Всплывали в памяти случаи, когда Лео выглядел благородным другом, скромным, деловым, твердым и щедро наделенным благоразумием и добротой. Порою веселый, порой серьезный, ворчливый, честный добряк, который, однако, никогда не выглядел смешным.

— Да, — продолжала Мариаграция, постепенно преодолевая недоверие сына. — Да, он тебе поможет. Но при условии, что ты будешь с ним помягче... Иначе он в конце концов рассердится. Возьми, к примеру, Карлу... Ни одного лишнего слова, ни одного необдуманного поступка с ее стороны... И вот Лео... привязался к ней всей душой.

— Правда, он к ней привязался?... — переспросил Микеле с робкой улыбкой.

— Конечно! И до того сильно, что относится к ней как к дочери. К примеру, он отлично понимает, что ей надо выйти замуж... в ближайший же год... И он этим озабочен... Посмотрел бы ты, как он старается!.. Вчера на вечере он как раз говорил со мной об этом... Сказал, что Пиппо Берарди — хорошая партия для Карлы.

— Но он дико некрасивый, этот Пиппо! — воскликнул Микеле.

— Некрасивый, но приятный... Как видишь, — добавила Мариаграция, — мы должны беречь нашего Лео.

«Нашего Лео», — с восторгом повторил про себя Микеле.

— Поэтому не груби ему и уж, понятно, не бросайся пепельницей.

Совсем успокоившись, Мариаграция взяла сына за руку.

— Ну, обещаешь мне быть ласковым с Лео? — спросила она. Ее голос дрожал от неподдельного волнения, а в сердце была такая нежность, что она готова была обрушить волны любви не только на Лео, но и на всех — Карлу, Микеле, Пиппо Берарди, — Так обещаешь мне, не правда ли, Микелино? — повторила она. Нет, она не случайно назвала его Микелино; это он сидит с ней рядом — светловолосый мальчуган, напомнивший ей о молодости, о пролетевших годах, он, Микелино, был и остался любящим сыном, а не этот Микеле.

— Хорошо, — ответил Микеле, которого влажные глаза матери привели в замешательство, — хорошо, обещаю.

Только теперь он ясно понял, что при всей своей проницательности заблудился в темном лесу материнской страсти к Лео, и ему уже не выбраться... Вошла Карла.

— Что вы тут делаете? — удивилась она. — Я думала, вы давно обедаете!

— Знаешь, я ему говорила, что надо быть полюбезнее с Лео... — возбужденно объяснила Мариаграция. — Разве я не права, Карла?... Лео не раз помогал нам, он старый друг дома и, можно сказать, был вашим крестным отцом. Он заслужил иное обращение, чем остальные наши друзья.

Неподвижно стоя посреди комнаты, Карла посмотрела на мать и впервые поняла, как велика ее душевная слепота и незащитность. И впервые осознала, что совершила предательство. «Что бы ты сказала, если б я открыла тебе правду?» — подумала она.

— По-моему, любезным нужно быть со всеми, — шурясь, наконец ответила она низким голосом.

— Вот видишь! — радостно воскликнула Мариаграция. — Карла согласна со мной. Подойди поближе, Карла, — с неожиданной нежностью добавила она. — Дай, я полюбуюсь на тебя.

Она привлекла ее к себе, посадила на ручку кресла и погладила по щеке.

— Доченька, — сказала она, — ты немного бледная. Ты хорошо спала?

— Отлично.

— А я — плохо, — с обезоруживающей наивностью призналась Мариаграция. — Мне приснился страшный сон. Мне казалось, что в углу сидит какой-то толстый мужчина. А я задумчиво прохаживаюсь по комнате, потом подхожу к нему и спрашиваю, который час... А он не отвечает... Я решаю, что он глухой, хочу отойти и вдруг замечаю, что глаза у нег

совсем заплыли, и едва можно различить зрачки. Надбровья вздулись, лоб в буграх жира, словом, сплошной ужас... Я, понятно, разжалобилась и спросила, что с ним, а толстяк ответил, что скоро жир совсем зальет ему глаза, и он ослепнет. «Вам надо меньше есть», — сказала я. Но он промолчал. Тут я решила, что нужно любой ценой открыть ему оба глаза. Тогда он сможет меня увидеть. И уже протянула руку, чтобы раздвинуть складки жира, мешающие ему смотреть, как вдруг начался снегопад. Да такой густой, сильный, что вскоре я сама перестала что-либо различать. Хлопья снега залетали мне в глаза, в уши, ложились на непокрытую голову. Я спотыкалась, падала, вскакивала и вдруг почувствовала, что лязгаю зубами от холода... Тут я проснулась и увидела, что ветром распахнуло окно... Ну разве все это не странно? Говорят, сны имеют свой скрытый смысл... Хотела бы я знать, в чем смысл этого сна?

— Обычные зимние сны, — сказал Микеле. — А не пора ли нам обедать?

Они встали.

— Все-таки, Карла, ты очень бледная... Может, ты слишком долго играла в теннис и устала? — вновь стала допытываться Мариаграция.

— Да нет же, мама!

Они молча прошли в холодную столовую. Сели за слишком большой для троих стол, застеленный белой скатертью. Ели, не глядя друг на друга, и в каждом жесте сквозило ледяное спокойствие священнослужителя, совершающего привычный обряд.

За все время они не перекинулись ни единым словом. И это мрачное, равнодушное молчание, которое лишь изредка нарушалось позвякиванием вилок о тарелки, чем-то напоминавшим пугающий скрежет хирургических инструментов, извлекаемых при операциях из стерилизатора, огорчало Мариаграцию, такую общительную и разговорчивую.

— Какая тишина! — внезапно воскликнула она с мягкой улыбкой... — Словно ангел пролетел... Признайтесь, нам всем недостает Лео?!

— Да, именно Лео, — задумчиво проговорил Микеле.

Карла подняла голову и посмотрела на мать.

«Тебе уже сейчас его недостает. Ну а что будет потом, когда вы расстанетесь навсегда? Что тогда будет с тобой, мама?» — хотелось ей спросить. Она ощущала легкость, но и смятение, — так бывает, когда человек должен вот-вот уехать и в последний раз сидит за семейным столом, и торопливо ест, а его мысли уже заняты предстоящим путешествием... А Мариаграция казалась ей вечно сидящей на одном и том же месте с неизменным выражением лица и неизменными словами: «Нам недостает Лео». И десять и двадцать лет спустя она каждый раз будет садиться на свое место во главе стола, с тоской вспоминая о потерянном возлюбленном.

— Не станете же вы отрицать, — продолжала Мариаграция, словно кто-то ей возражал, — что, когда приходит Лео, сразу становится веселее... Вот, например, вчера... Сколько он любопытного порассказал?! И как всех нас развлек. Право же, он неистощим на выдумки!

— Если тебе так его недостает, — с насмешливой улыбкой сказал Микеле, — если ты не в силах без него обойтись, то приглашай его каждый день... Можно даже полностью взять его на содержание...

— Какая ерунда! — раздраженно ответила Мариаграция, уловив в словах сына насмешку.

«Но ведь я сказал чистую правду», — хотел возразить ей Микеле.

— Просто мне приятно его общество, — продолжала Мариаграция. — Он веселый, сердечный, остроумный.

Она умолкла и снова принялась за еду.

— Поговорим о другом, — сказала она наконец. — Карла, кто из Берарди тебя пригласил? Пиппо?

— Да, Пиппо.

— А! Он тоже был на кортах! И вы провели вместе все утро?

— Нет — полчаса...

— Всего полчаса?! — разочарованно протянула Мариаграция... — И о чем же вы говорили?

— Обо всем понемногу, — ответила Карла, положив вилку. — Мы следили за игрой. Снова стало тихо. Служанка унесла грязные тарелки и принесла суп.

— Ну и как, понравился он тебе?

— Так... ничего, — неопределенно ответила Карла.

— А тебе, Микеле, каким он показался? — спросила Мариаграция.

— Некрасивым, но довольно приятным, — подтвердил ее собственное суждение Микеле.

Мариаграция недовольно огляделась, точно хотела услышать еще чье-то мнение.

— Он юноша воспитанный, умный, много путешествовал, знает массу интересных людей. И похоже, — добавила она с наивным лукавством, — он равнодушен к тебе, Карла.

— Неужели?! — отозвалась Карла.

— Должно быть, они богаты! — продолжала Мариаграция, следуя логике своих надежд. — Очень богаты...

«И поэтому это будет удачный брак», — чуть было не закончил за нее Микеле. Но промолчал и с легкой усмешкой невозмутимо посмотрел на мать, точно все ее заблуждения странным образом его не касались, и он оставался лишь равнодушным, далеким зрителем.

— У них целых пять автомобилей! — явно преувеличивая, воскликнула Мариаграция.

— Десять, — поправил ее Микеле, не подымая головы. — У них десять автомобилей.

— Нет, — спокойно уточнила Карла, — всего три машины, одна — отца, одна — Пиппо, и одна, маленькая, для двух его сестер.

Вошла служанка и принесла второе, что вызволило Мариаграфию из весьма затруднительного положения.

— Синьора Берарди сказала мне, — продолжала она, кладя себе на тарелку мясо, — что на одни только платья для Мэри и Фанни они тратят в год восемьдесят тысяч лир.

Она и на этот раз слегка преувеличила, но Микеле не стал ее поправлять. Что толку? Бывают такие ситуации, когда любая помощь уже бесполезна.

— Да, у них уйма красивых платьев! — без всякой зависти, но с затаенной грустью подтвердила Карла, словно заранее признавая, что ее гардероб, увы, куда как скуден.

Ей вдруг стало не по себе. Что это там за стеклом? Туман, а может, белая кисея? Белый призрак, проникший сквозь окна в комнату, огромной, распухшей ватной рукой сжал ее трепещущее сердце. И чем сильнее ватная рука сжимала сердце, тем больше заволакивало туманом глаза, и все вокруг становилось белым, ослепительно-белым. И в этом сплошном, белом облаке одинокие голоса матери и Микеле звучали глухо и протяжно, точно в испорченном граммофоне. И тут Карла невольно вспомнила события минувшей ночи: из густого, поглотившего его лицо и тело тумана протягивалась рука Лео и принималась ласкать ее большую, упругую грудь и маленький живот. И хотя она сидела неподвижно, ей казалось, что она вся дрожит от возбуждения. Потом туман рассеялся, и после этих секунд томления, еще более жестокой и непонятной показалась ей действительность, и еще более далекими — лица матери, Микеле, служанки, которая протягивала ей второе блюдо. Карла слабо махнула рукой.

— Как?! Ты не хочешь есть, Карла?! — удивилась Мариаграция. — Почему?

— Так...

У нее и в самом деле пропал аппетит среди всех этих вещей, словно глядевших на нее голодными, хищными глазами. Ведь столовая, в которой она обедала день за днем, сама съедала ее, Карлу, живьем.

Да, окружавшие ее неодушевленные предметы беспрерывно высасывали из нее жизненные соки, решительно пресекая ее робкие попытки высвободиться. В темном дереве пузатого буфета текла ее юная кровь, в неизменном беловатом воздухе точно растворилась белизна ее кожи, а в старом зеркале напротив вечной пленницей застыла ее молодость.

— Что значит «так»? — не сдавалась Мариаграция. Сама она ела с жадностью и, прежде чем отправить в рот кусок мяса, внимательно его осматривала. — Отец Пиппо, — продолжала она перечень достоинств семейства Берарди, — зарабатывает кучу денег.

— Промышленник, — в тон ей добавил Микеле, — производство необработанной пряжи, а также набивных тканей.

— Ах, так он промышленник! Значит, человек он умный, энергичный. Начинал, можно сказать, с нуля и всего добился собственным трудом.

Мариаграция выпила вина, вытерла губы, и наконец посмотрела на Микеле с ленивым любопытством сытой женщины.

— Он почетный кавалер, — будто невзначай бросила она.

— Неужели? — удивился Микеле. — Берарди почетный кавалер? За что же ему дали столь высокое звание?!

— Откуда я знаю, — ответила Мариаграция, не уловившая в его словах иронии. — Возможно, он оказал какие-то услуги государству.

— Когда? Где? Каким образом? — с самым серьезным видом продолжал допытываться Микеле.

— Ах, откуда мне знать! — наклонив голову, ответила Мариаграция. Затем снова вскинула на него свои глуповатые глаза. — Да, — повторила она мечтательно и благоговейно. — Он почетный кавалер, Карла, — вдруг сказала она. — Я следила за тобой позавчера, когда ты танцевала с Пиппо. Ты показалась мне холодной, равнодушной. Танцевала, как бездушный манекен. Стоит ли удивляться, что он не пригласил тебя на следующий танец.

— Это не я была холодной, — взволнованно ответила Карла, — а он слишком горячим. Говорил всякие непристойности. Тогда я попросила его помолчать. И потом мы до конца танца не обменялись больше ни словом.

Мариаграция недоверчиво покачала головой.

— Не выдумывай, — сказала она с многозначительной улыбкой. — Что он тебе мог сказать такого непристойного? Обычные глупости, которые юноши шепчут девушкам... Признайся лучше, — добавила она, — что ты, Карла, была настроена против него заранее.

Вошла служанка и поставила на стол фрукты. Карла подождала, пока та выйдет, взяла яблоко и задумчиво посмотрела на него.

— Вначале, — спокойно сказала она, не подымая глаз, — он стал распространяться о твоей красоте.

— О моей красоте? — весьма польщенная, переспросила Мариаграция.

— Да... Потом спросил, не приду ли я в его мастерскую. Я поинтересовалась, чем он занимается, а он ответил, что изучает женское тело.

— Ну и что тут плохого? — прервала ее Мариаграция. — Ведь он художник.

— Подожди... Тогда я по наивности спросила, рисует ли он, или пишет масляными красками. Он засмеялся и своим манерным голосом: «Синьорина, да я в жизни не брал в руки кисти!» — «Но тогда... Зачем же вы?...» Он снова засмеялся и, прервав меня, сказал: «Приходите, все равно приходите... ручаюсь, что и обнаженной вам холодно не будет...» И тут он подмигнул мне... — Карла прервала свой рассказ, с усмешкой посмотрела на пораженную Мариаграцию и вдруг нагло подмигнула ей. — Вот так... и потом спрашивает: «Ну как, придете?» Я ему сухо ответила: «Нет», — а он сильно удивился и воскликнул: «Не станете же вы утверждать, что это будет вам первой?!» Поняла, мама?! Он был уверен, что я привыкла... посещать мастерские мнимых художников. Я, естественно, даже не ответила, на этом наш разговор и закончился.

В гостиной воцарилось тягостное молчание. Мариаграция была олицетворением оскорбленного достоинства. Точно Пиппо проявил неуважение не только к дочери, но и к ней лично, жестоко оскорбив ее, либо, что еще хуже, толкнув так сильно, что ее лицо сразу утратило всю свою величавость. Микеле удивленно посмотрел на Карлу. Эта история застала его врасплох, и сколько он ни пытался сбросить с себя броню равнодушия, убедить себя в

том, что Пиппо — гнусный негодяй, что Карле нанесено оскорбление, у него ничего не получалось. Он никак не мог все обдумать хорошенько, живо, осязаемо представить себе разговор сестры с Пиппо. Казалось, речь шла не о Карле, а о молодой, красивой, но такой далекой Лукреции, которую обесчестил распутный Тарквиний. «Какая неслыханная наглость», — подумал он, но никак не мог точно определить, в чем эта особая наглость.

Наконец Мариаграция вновь обрела дар речи. Она брезгливо поморщилась и гневно воскликнула:

— Негодяй!

— Увы, мама, многие плохо говорят обо мне, — сказала Карла, не подымая глаз.

Она была совершенно спокойна. «Скоро злые языки восторжествуют. Либо я убегу с Лео, либо нас застанут в момент свидания. Подобные истории всегда так кончаются». Она обреченно подумала о неизбежном скандале, и это убило в ней последнюю надежду на новую жизнь.

— Иначе, мама, почему бы Пиппо осмелился так заговорить со мной?! — грустно добавила она.

Микеле не сводил глаз с сестры. Она выглядела печальной, незащищенной. Но, кроме мягкого сострадания, он ничего больше не испытывал. «Значит, я должен возмутиться?» — подумал он и тут же понял, как нелеп сам этот вопрос. Он чувствовал себя холодным, слишком рассудочным. Внимательно посмотрел на сестру. «А ведь она очень недурна собой». Теперь он лучше понял похотливость Пиппо и негодование Карлы. «У этого Пиппо губа не дура, — с некоторым стыдом подумал он. — И потом, может, Пиппо прав, и ей это и в самом деле не впервой». С холодным любопытством дилетанта он представил себе сестру в объятиях чужого мужчины. Полуголая, с растрепанными волосами, она сидит, скрестив ноги, и прижимается головой к его груди. А может, она небрежно уселась ему на колени. Ничего удивительного — она тоже женщина... И у нее есть свои желания... Свои романы. Она уже вполне созрела физически и, верно, очень темпераментна... Он вспомнил, что однажды увидел ее выходящей из ванны: склоненная длинная белая спина, большая мокрая голова, белая крупная грудь и темный пушок под мышкой. «Купающаяся Сусанна», — подумал он тогда и неслышно удалился. «А теперь этот Пиппо положил на нее глаз. Однако у него хороший вкус».

Он саркастически усмехался и молчал. Внезапно он понял, что должен, просто обязан что-то сказать, бурно вознегодовать, наконец! Иначе его снова одолеет обычное равнодушие, которое парализует его волю и не дает ему жить, как все нормальные люди. Он уже достаточно поиронизировал с игривой легкостью над собственной невозмутимостью. Пора хоть однажды в трагических обстоятельствах проявить искренность и силу воли. «Сейчас или никогда», — подумал он.

Бросил быстрый взгляд на Мариаграфию.

— Да, самый настоящий негодяй, — повторил он и похолодел от ужаса — так равнодушно, пошло прозвучал его голос. Точно он сказал «добрый день» или спросил, «который час». Он стукнул кулаком по столу. — Нет, я пойду к нему и надаю этому мерзавцу пощечин! — пронзительно, с деланной яростью воскликнул он. Поднял глаза и увидел свое лицо в висевшем напротив старом венецианском зеркале. «Это я или же кто-то другой отражается в зеркале и, лицемерно поглядывая на меня снизу вверх, словно шепчет еле слышно: „Нет, Микеле... не хватит у тебя духу. Признайся?“»

Мариаграция, казалось, вообще не обратила внимания на этот взрыв гнева.

— Все знают, кто они такие. Нувориши, нувориши и есть! — повторила она.

Карла услышала гневную тираду брата и повернулась к нему лицом.

— Очень тебе благодарна, — сказала она. — Но я уже поставила его на место... Предоставь все это мне.

Ее спокойствие подстегнуло Микеле.

— Предоставить тебе! — воскликнул он и с облегчением отметил, что теперь его голос звучал куда более искренне. — А ты не думаешь, что хватит двух моих слов?! И он сразу

поймет, что не на ту напал.

— Прошу тебя, предоставь все это мне, — повторила Карла, пристально посмотрев на брата. Впервые ей довелось увидеть Микеле в необычной роли брата-мстителя. И он показался ей смешным и напыщенным, ни дать ни взять — провинциальный актер.

«А если бы он узнал, что я отдалась Лео? — в смятении подумала она. — Как бы он себя повел?!»

Она поглядела на него. Микеле умолк и склонился над тарелкой. Опустив свою гладко причесанную голову, он молчал и, казалось, о чем-то задумался, а пальцы его машинально катали хлебные шарики. Ничто не говорило о его воинственных намерениях. «Как бы он тогда себя повел?» — снова подумала Карла. Она ощущала какую-то неловкость и смутно догадывалась, что и поведение, и слова брата, как и удар кулаком по столу, были неискренними. И когда Микеле поднял на нее глаза, ей показалось, что взгляд их полон грусти и тайного стыда. Она поежилась. Белый призрак крепко сжал своими ручищами ее трепещущее сердце. Все вокруг подернулось белесой пеленой. Где-то в тумане звучал голос матери.

Обед кончился.

— Какие у тебя планы на сегодня, мама? — спроси. Карла, закуривая сигарету. Она ждала ответа с некоторым беспокойством. «Лишь бы не попросила пойти с ней вместе куда-нибудь», — подумала она. После полудня ей хотелось встретиться с Лео — она уже не могла без него обойтись и прекрасно это понимала. На смену радостной мечте о новой жизни пришла привычка, и она испытывала жадное, нетерпеливое желание вновь очутиться в его спальне.

— У меня? — задумчиво, бесцветным тоном сказала Мариаграция. — Не знаю... скорее всего отправлюсь за покупками! — Она умолкла и посмотрела на горящий кончик сигареты. — А ты? — спросила она. Ее дряблое, доверчивое сердце билось учащенно. Этот день станет ее днем. Лео после мимолетных заблуждений вернется к ней, к своей старой, надежной любви. Так было уже не раз; воспоминание об этом очень ее утешало и воскрешало надежду.

— Я? Кларетта пригласила меня на чай, — столь же невозмутимо ответила Карла.

Обе умолкли и опустили глаза, каждая желая скрыть торжество и сдержанную радость. На увядшем лице Мариаграции и детском лице Карлы отразилось одно и то же чувство облегчения и удовлетворенности. Обе они всем сердцем рвались к одному и тому же возлюбленному, и обе втайне были счастливы, что скоро смогут ему ласково сказать: «Вот видишь... Я все устроила как нельзя лучше... Никто нам не помешает».

Они встали и вышли из комнаты. В гостиную первой вошла Мариаграция, поеживаясь и потирая посиневшие от холода руки.

— О! Кого я вижу, Мерумечи! — удивленно воскликнула она. Подошла к нему и протянула руку. — Давно нас ждете?

Вошла Карла и с тем же удивлением, радостно улыбаясь, воскликнула:

— О, да тут Лео!

Последним появился Микеле. Он кивнул Лео, закурил сигарету и сразу ушел.

— Ну, так каким же ветром вас сюда занесло? — спросила Мариаграция, садясь и с явным удовольствием потирая руки.

— Правда, летел я сюда, как ветер, но принесла меня машина! — плоско пошутил Лео.

И мать и дочь засмеялись нервным, веселым смехом сытно пообедавших людей, которые в интимной обстановке холодной, но уютной гостиной охотно и благосклонно принимают даже заплесневелые остроты.

— Я получил ваше деловое письмо, — уже более серьезным тоном продолжал Лео, глядя на Мариаграцию, — и хотел позвонить вам... Но вспомнил, что у вас не работает телефон...

— И приехали сами, — dokonчила за него Мариаграция. Она повернулась к Карле. — Скажи, чтобы подали четыре кофе, а не три.

Карла поднялась и вышла, опустив глаза.

— А теперь ответь, — доверительно сказала Мариаграция с обольстительной улыбкой, — ты все обдумал?

— Да, — сказал Лео, внимательно изучая кончик горячей сигары.

— Что случилось? — настойчиво, с волнением спросила Мариаграция и тут же встала. — Что случилось, Лулу? — Лицо ее выражало беспокойство и нежность. Ей хотелось и вырвать у него признание, и приласкаться. Она подошла к нему сзади, обняла за шею, наклонилась и прижалась щекой к его щеке. — Что случилось? — повторила она.

Лео досадливо отстранился.

— Ровным счетом ничего, — ответил он, не сводя взгляда с сигары.

Мариаграция взяла его руку и, точно преданная собака, стала тереться о нее мясистыми губами и холодным носом.

— Ты любишь меня? — чуть слышно спросила она и, не дав ему ответить, внезапно изменила тон, точно почувствовала, какая опасность таится в этой навязчивой интимности. — Я приду сегодня, — небрежно сказала она. — Но будь благоразумным, предельно благоразумным.

Она непроизвольно повторила те же слова, которые сказала Лео, когда тот под благовидным предлогом впервые пригласил ее к себе домой.

«Будь предельно благоразумным», — сказала она тогда с ослепительной улыбкой, войдя в его дом. С тех пор минуло пятнадцать лет. И благоразумие, о котором она лицемерно просила возлюбленного, наконец пришло к нему. Предельно благоразумный Лео пытался освободиться от ее страстных объятий.

— Станем ласковыми, — добавила она, крепко целуя вялую руку Лео, — станем ласковыми детьми.

Она немного укусила Лео за указательный палец и облизала губы.

«Ласковыми детьми», — с плотоядным выражением повторила она, предвкушая тот ритуал, который последует за этой условной фразой.

Когда-то она говорила это, дрожа от счастья, и игриво грозила Лео пальчиком, стараясь придать лицу выражение детской наивности. А потом, вознеся свое белое полное тело на желтое одеяло, звала возлюбленного. И он отвечал с той же радостью и страстью, тоже шутливо грозя ей пальцем: «Станем ласковыми детьми», — после чего начиналась утонченная и сложная любовная игра.

Но сейчас Лео покачал головой.

— Должен сказать тебе, Мариаграция, — без всякого смущения пробормотал он, — что сегодня нам встретиться не удастся. У меня деловое свидание, очень срочное... Поэтому встречу придется отложить.

Он склонил голову и снова уставился на горящую сигару. Лицо Мариаграции исказилось гримасой, на нем отразились разочарование, удивление и боль... Но она с прежней нежностью неуверенно спросила:

— Выходит, сегодня я тебя увидеть не смогу?

— Увы.

Она сразу выпустила Лео из объятий, отошла, поднесла руки к груди. Лицо ее стало жестким.

— Я — нет, — негромко прошипела она со злобой. — А вот такие подлые женщины, как Лиза, — да... Для них, — добавила она, — все возможно... Ради них переносятся самые срочные деловые встречи... Для них прихорашиваются у зеркала, вздыхают... Сгорают от страсти. Ну что ж, Лулу, сгорай дотла...

Она подошла к нему и, сжав зубы, кончиками пальцев ущипнула его за руку.

Лео сердито пожал плечами, потер больное место, однако так ничего и не ответил. Он внимательно изучал носки ботинок, сначала одним глазом, затем — другим, и, казалось, был совершенно поглощен этим занятием.

— Знаешь, что я тебе скажу, — проговорила Мариаграция, пристально глядя на

него. — Ты прав... тысячу раз прав... Я наивная дурочка, не умеющая жить... Но ты, — гордо добавила она, выпрямившись во весь рост и грозно хмурясь, — еще раскаешься. Все тайное становится рано или поздно явным... Завтра увидишь.

Она отступила на два шага, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела ее угроза: ни малейшего. Вошла Карла, неся поднос с кофе.

— Микеле куда-то запропастился, — объявила она. — Так что Лео выпьет кофе Микеле.

Она налила всем по чашке, села. Все трое в молчании выпили кофе.

— У меня есть для вас приятная новость, Лео, — сказала Мариаграция, поставив на столик пустую чашку. — Сегодня утром я встретила вашу Лизу. И она...

— Мою? — с улыбкой прервал ее Лео. — Почему мою, синьора? С каких это пор она стала «моей»?!

— Умный поймет меня с полуслова, — многозначительно изрекла Мариаграция, глупо усмехаясь. — И она просила передать вам, Лео, — добавила она, сама не замечая, что лжет, — нежнейший и сердечный привет.

— Весьма вам благодарен, — сразу перестав улыбаться, ответил Лео. — Но не понимаю, уважаемая синьора, что все это значит?

— Будет вам... Вы прекрасно меня понимаете, — еще более многозначительно сказала Мариаграция, явно давая понять, что Карлы этот разговор не касается. — Слишком хорошо... И очень вам советую, не пропускайте ни одного свидания... Мне было бы вас просто жаль.

Ее лицо и губы дрожали. Лео в ответ молча пожал плечами.

— О чем речь? — спросила Карла, всем телом резко наклонившись вперед. Сердце ее колотилось, у нее перехватило дыхание. Ей хотелось встать и оставить этих людей, навсегда избавиться от этой гостиной, от всей гнетущей обстановки дома.

— Речь идет о делах, — нервно перебирая пальцами бусы из искусственного жемчуга, как можно непринужденнее объяснила Мариаграция. — Наш Лео, — более громким голосом добавила она, глядя в потолок и еще быстрее перебирая бусины, — человек деловой и крайне занятой... Столь деловых людей, пожалуй, больше и не сыскать... Об этом все знают!.. Ха! Ха! — Она захохотала, дрожа всем телом, и внезапно порвала нить. Первые бусины с сухим треском упали на пол. Мариаграция неподвижно сидела в кресле, положив руки на подлокотники, и даже не пыталась поймать бусины, которые падали в вырез платья. Она держалась с театральным достоинством; и вид у нее был не только смешной, но и жалкий. И вдруг, так же внезапно, как она порвала бусы, она расплакалась. Из подкрашенных глаз обильно напудренному лицу скатились две черные слезы, оставив узенькие бороздки. Потом — еще две... А бусины все скатывались на вздрагивающую грудь. Но Мариаграция по-прежнему сидела прямая и гордая, как статуя. Бусины, падая, смешивались со слезами, которые струились по ее дрожащему, искаженному болью лицу и бурно вздымавшейся груди.

«Черт бы побрал этих неврастеничек!» — подумал Лео, когда Мариаграция порвала ожерелье. Слезы бывшей возлюбленной привели его в замешательство. «Черт бы побрал этих плаксивых дур», — с ненавистью думал он, тупо уставившись на носки ботинок.

Карла поднялась.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — спросила она. Но голос звучал холодно, на лице была написана тоска.

Лео показалось, что Карле тоже надоели все эти сцены ревности.

— Черт бы побрал этих плаксивых дур, — повторил он шепотом.

А Мариаграция повелительным жестом руки отстранила от себя дочь, словно боялась, что та нарушит ее картинную позу.

В этот момент вошел Микеле. Он собрался куда-то и был в пальто и шляпе.

— Мама, тебя какая-то женщина спрашивает, — сказал он, не снимая перчаток. — Она принесла картонку. Должно быть, это модистка... — Тут он умолк, увидев, что мать

плачет. — Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — ответила Мариаграция. Она поспешно встала, уронив последние бусинки на пол. Шумно высморкалась.

— Я сейчас вернусь, — сказала она и, наклонив покрасневшее лицо, поспешно вышла, словно желая что-то спрятать.

— Что все-таки случилось? — повторил Микеле, с любопытством глядя на Лео.

Тот пожал плечами.

— Ничего, — ответил он. — У нее порвались бусы... Ну а потом она ударилась в слезы.

Стало очень тихо. Карла молча стояла у опустевшего кресла матери. Лео смотрел в пол, Микеле, неподвижно стоя посреди комнаты, не сводил с Лео растерянного взгляда. Ни ненависти к нему, ни жалости к матери он не испытывал. Он чувствовал себя лишним, ненужным. На миг у него вспыхнуло желание что-то сделать, учинить Лео допрос, оскорбить его, возмутиться. А потом, испытывая острое чувство унижения и скуки, он подумал, что в конце концов все это его не касается.

— Делайте, что хотите! — резко сказал он, — Я ухожу. — И вышел.

— Иди сюда, Карла, — возбужденно, с напускной небрежностью прошептал Лео, едва за Микеле закрылась дверь... — Нет, еще поближе.

— Тебе хорошо спалось? — подойдя к нему, спросила Карла.

— Отлично.

Он протянул руки, обнял ее за талию, привлек к себе.

— Потом поедem ко мне, — глухим голосом добавил он. — Что-нибудь придумаешь — тебе, мол, надо к подруге. Или по делам.

Он еще крепче прижал ее к себе, положив руки на ее упругие бедра.

— Все обошлось хорошо сегодня утром? — спросил он, чтобы только не молчать.

— Да, — ответила она со смешанным чувством отвращения и страха, глядя сверху вниз на сидящего в кресле возлюбленного. Он говорил, не подымая головы и не сводя глаз с ее живота, точно весь разговор происходил между ним, Лео, и ее животом и точно его интересовала лишь эта не самая благородная часть ее тела. — Никто ничего не заметил.

— Было очень рано, — сказал он, не меняя позы и словно говоря с самим собой.

Наконец он разогнулся, поднял глаза и посадил Карлу к себе на колени.

— Не боишься, — спросил он, глупо и самодовольно глядя на Карлу, — что кто-нибудь войдет?

Карла пожала плечами.

— Что мне теперь бояться? — ясным голосом сказала она и сглотнула слюну.

— Но представь себе, что сейчас... в этот миг, входит мама, — с веселым любопытством настаивал Лео. — Как бы ты тогда поступила?

— Сказала бы всю правду.

— А потом?

— А потом, — поигрывая галстуком возлюбленного, неуверенно ответила она, сознавая, что лжет в страхе перед куда более глубокой правдой, — уйду к тебе... Буду жить с тобой.

Польщенный этим признанием, смысл которого он истолковал превратно, Лео довольно улыбнулся.

— Ты очень милая девочка, — сказал он и обнял ее. Они поцеловались.

— Мы можем побыть вместе с трех до семи, — сказал Лео.

Сам он от подобной перспективы был совсем не в восторге. Несмотря на свое возбуждение, он смутно догадывался, что для этого крепкого юного тела, для горящей страстью молодой женщины его сил с каждым разом будет все больше не хватать. Ощущение было очень неприятным: он словно заранее чувствовал, что окажется несостоятельным. Перед ним, чтобы удовлетворить его голод и жажду наслаждений, поставили огромные бочки вина, столы, ломящиеся от изысканных яств, и распахнули двери

комнат, переполненных самыми красивыми женщинами, которых уложили на полу в ряд. «С трех до семи, — усмехаясь подумал он. — Зачем мне целых четыре часа?» Он посмотрел на себя в зеркало; лоб с залысинами, лицо слегка обрюзгшее, красное, пухлые щеки, на которых мелкая щетина отсвечивает голубым металлическим блеском. Мужчина в годах. «Наплевать, — спокойно подумал он, не пытаясь себя обманывать. — Когда сил иссякнут, я ей так честно и скажу». Все это время машинально гладил Карлу по шее.

— Какая ты горячая! — воскликнул он.

Она молчала, глядя на красное, грубое лицо любовника.

— Почему мама расплакалась? — наконец спросила она.

— Я сказал, что сегодня не смогу с ней встретиться.

— Когда-нибудь, Лео, ты и мне скажешь то же самое? — мягко спросила она.

— При чем здесь ты? — воскликнул Лео.

Его поражало несоответствие между той покорной благодарностью, с какой Карла принимала его ласки, вздрагивая всем телом, и равнодушным, вернее, даже печальным выражением ее лица. «Словно тело ее живет своей, независимой жизнью», — удовлетворенно думал он.

С минуту они молчали. Наконец Лео поднял глаза, и их взгляды встретились.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— О том дне, когда ты и мне скажешь, что не можешь меня принять, — ответила она, сознавая, что притворяется.

— Ерунда, — ответил Лео, опустив голову и снова принимаясь ласкать Карлу. — Разве ты Мариаграция?

— Это ты сейчас так говоришь, — не сдавалась Карла. — А потом?... — Она и сама не знала, зачем завела этот разговор. В глубине души ее не очень волновало, бросит ли ее однажды Лео. Но она хотела точно знать, что ее судьба будет иной, чем у матери. Ее вопрос можно было понять так: «Могу я надеяться, что моя жизнь не будет повторением жизни мамы?»

Лео ничего не ответил. Он старательно гладил ей колено.

— А что это такое? — спросил он, ткнув пальцем в бедро.

— Подвязка.

Она так сильно наклонилась, что стукнулась лбом о крепкий лоб возлюбленного.

— Ты... любишь меня? — спросила она.

Лео изумленно посмотрел на нее.

— Я хочу сказать, — поспешно добавила она, — маму ты никогда не любил, но меня ты любишь, да?

И тут Лео осенило: «Она ревнует к Мариаграции. Теперь я понял... Она ревнует меня... к своей матери». Гордый своей пронизательностью, весьма польщенный, что может вызывать такую ревность, он улыбнулся.

— Не бойся и больше об этом не думай. С твоей матерью все кончено. Ясно тебе? Все кон-че-но!

— Да нет же... — Карла хотела было объяснить, какие противоречивые чувства ее обуревают, как вдруг дверь гостиной отворилась.

— Пусти, — прошептала она, — это мама. — Мгновенно высвободилась и соскользнула на пол.

Вошла Мариаграция со свертком в руках. Она немного успокоилась, успела привести себя в порядок и даже напудриться.

— Что ты делаешь, Карла? — спросила она.

— Собираю бусы, — ответила Карла. Стоя на коленях на ковре, она старательно собирала упавшие бусины. Лео с любопытством смотрел на ее склоненную голову с разметавшимися волосами, на слегка оголившиеся полноватые ляжки и длинную гибкую спину.

— Это была не модистка, — сказала Мариаграция, — а синьора, которая продает ткани

и подушечки... Одну я купила!

— Что? — спросила Карла, пытаясь достать бусину, закатившуюся под оттоманку.

— Наволочку, — пояснила Мариаграция. — Посмотри, вон еще одна закатилась в угол...

Она упорно делала вид, будто не замечает Лео.

— Вижу, — сказала Карла, продолжая собирать бусины. «Но почему мне так хочется нагнуться, спрятаться, ползать по полу, сжимая в кулаке бусины, и печально вглядываться в полутьму?» Она и сама этого не знала. Раскрасневшаяся, она поднялась наконец и ссыпала бусы в пепельницу.

— Покажи наволочку, — сказала она.

Мариаграция развернула сверток и продемонстрировала покупку — квадратный кусок голубого шелка, на котором красными, зелеными и золотистыми нитками был вышит обычный китайский дракон с извергающей пламя пастью и игольчатым хвостом.

— Красиво, — сказал Лео.

— Нравится тебе? — спросила Мариаграция у дочери, притворившись, будто суждение Лео ее вообще не интересует.

— По-моему, совершенно бесполезная покупка, — резко ответила Карла. — В доме и без того полно всяких подушечек, вышивок... Не знаю даже, куда ты ее положишь!

— В передней на диван, — несмело сказала Мариаграция.

— А вообще-то, наволочка будет довольно приятная, — поспешила сгладить свою резкость Карла.

— Ты находишь? — с робкой, довольной улыбкой сказала Мариаграция.

Карла направилась к двери.

— Пойду переоденусь, — сказала она. — Лео, подожди меня... Выйдем вместе...

— Еще рано! — посмотрев на часы, крикнула Мариаграция и бросилась вслед за дочерью.

— Мне уже пора, — ответила Карла с порога.

— Да нет же! — воскликнула Мариаграция. — Нет же! — И обе, споря, волнуясь, взмахивая руками, словно две большие испуганные птицы, ушли, и за ними с грохотом захлопнулись двери.

Оставшись один, Лео бросил потухшую сигару, потер затекшие руки и ноги, зевнул. Затем вынул из кармана пилочку и стал чистить ногти. За этим занятием спустя десять минут и застала его Карла.

— Ну, Лео, — сказала она, надевая перчатки, — Идем?

— Олл райт, — ответил он. Встал и вышел вслед за Карлой.

В холле он по привычке принялся грубо паясничать.

— Удостоите ли вы меня, синьорина, чести, — проговорил он, поклонившись, — составить вам компанию?

— Удостаиваю, — ответила Карла, краснея и невольно улыбаясь. Весело посмеиваясь, легонько толкая друг друга, по-кошачьи упруго перепрыгивая через пожелтевшие от недавних дождей мраморные ступеньки, они спустились в сад. У ворот виллы стоял низкий, приземистый автомобиль Лео с большими колесами. Он ярко блестел на солнце.

С громким смехом они подошли к сверкающей никелем машине. Быстро сели в нее, вначале — Лео, за ним — Карла.

— Ничего не забыла? — спросил Лео, нажав на стартер.

— Ничего, — ответила Карла. В ясном, холодном воздухе ее страхи и печали сразу улетучились. Сидя рядом с Лео, она наслаждалась голубым небом, омытой дождем пожухлой травой, сверкающей машиной.

Машина тронулась и быстро промчалась мимо голых деревьев парка. Ярко светило солнце. Свисающие ветки и ветер несильно хлестали их по голове, на их лицах отражалась одна и та же радость и юношеское изумление, а перед глазами проплывала одна и та же цветовая гамма.

Непричастные стремительному бегу машины, они словно любовались собой в ветровом стекле, за которым одни сады и небеса сменялись другими и на миг отражались то глаза и рот Лео, то детские щеки Карлы. И оба они, Лео и Карла, словно плыли по воздуху, в минутном, призрачном слиянии душ.

XII

Микеле отправился к Лизе. Все утро он только и думал что об этой встрече, испытывая такое же смущение и неловкость, какие возникают в большой компании, где все знает о скандальном происшествии, но никто не решается заговорить об этом первым.

Целое утро воспоминание о том, как он вчера поцеловал ей в темноте руку, жило в нем, вызывая чувство подавленности и смятения. Он смутно догадывался, что главное не подыскать себе какое-то занятие и тем самым убить время, а решить, должен ли он вернуться к Лизе. Важно сейчас не читать, писать, есть, иными словами — любым способом отвлечься, а понять — любит ли он ее. Наконец после обеда, сказав, что идет погулять, он отправился к ней.

О том, что он собрался не на прогулку, а к Лизе, он понял, едва вышел на улицу и взглянул на небо, которое теперь было затянуто белесыми, тонкими облаками.

«Само собой разумеется, — спокойно подумал он, закрывая за собой калитку сада, — что я иду не гулять и не выпить чашку кофе... Нет... нечего себя обманывать, — я собрался к Лизе». Ему казалось, что он проявляет колоссальную силу воли и даже мужество, решившись на неотвратимую подлость и заранее приняв условия, которые потом уже никак не изменить. Не помогли ни мнимое упрямство, ни наивная и детская гордость, заставившие его избрать ложный путь, когда он на миг поверил, что Лиза и в самом деле снова сошлась с Лео. Очень скоро следовать по этому пути стало для него нестерпимо тяжело. Теперь ему было ясно, что иронический поклон, который он отвесил, стоя у двери, задыхающейся, растрепанной Лизе, был всего лишь красивым жестом. Он и тогда не чувствовал настоящего гнева. С такой же легкостью он мог бы войти, сесть, завести с Лизой разговор или даже смириться с очевидностью, а может, взять и просто увезти ее прямо из объятий Лео. Между тем, как истинный комедиант, вынужденный импровизировать, он уловил, что удобнее всего, вернее, даже наиболее естественно в подобной ситуации прибегнуть к иронии.

Слова насмешки, эффектный поклон, — и он удалился. Но потом, на улице — ни ревности, ни боли, лишь невыносимое отвращение к собственному равнодушию, которое позволяло ему менять чувства и мысли каждый день, как другие меняют одежду.

Одно было ясно — его визит к Лизе многое решит. Ведь это было последним испытанием его искренности. И если он этого испытания не выдержит, то либо так и останется в плену беспрестанных сомнений и метаний, либо пойдет по привычному для большинства людей пути, на котором любое действие не бывает оправдано ни верой, ни честью. Тогда один поступок стоит другого, а духовное начало постепенно угасает и в конце концов гибнет. Но если он выдержит последнее испытание, тогда все изменится. Он вновь обретет себя, как актер вдруг обретает вдохновение прежних, самых счастливых дней. Начнется новая жизнь, настоящая, единственно возможная.

Он свернул на более широкую улицу и вскоре подошел к светофору. Там была остановка трамвая, шедшего в район, где жила Лиза. «Стоит ли его ждать?» Он посмотрел на часы — слишком рано, лучше пойти пешком. И он снова двинулся в путь, как и прежде, погруженный в свои мысли. Итак, есть две возможности — либо он станет искренним и честным, либо приспособится жить, как все...

Первая возможность была предельно проста — нужно было встречаться лишь с теми немногими людьми, кого действительно любишь, если такие есть, довериться немногим искренним чувствам и желаниям, и на этой тонкой, но прочной основе начать жить заново, сохраняя верность принципам чести и совести. Вторая — тоже несложна: ничто не изменится, кроме его чувств. Не в силах из-за безденежья построить новый дом, он

постарается кое-как подправить старый, пришедший в запустение: спокойно позволит семье разориться, либо перейти на содержание к Лео, а сам утешится, заведя грязную любовную интрижку с Лизой. При одной мысли об этом он испытывал чувство стыда. Низость, мелкие гадости и постыдная ложь — кто не прячет их в темных уголках души, как сор по углам большой и пустой комнаты? Прощай, жизнь ясная, чистая, — он станет любовником Лизы.

А вилла? Долг? Насчет этого он договорится с Лео. «Ты мне дашь деньги на жизнь для меня и моей семьи, а в обмен я тебе дам...» Но что еще Лео не забрал? Так, подумаем... Остается Лиза... с которой Лео безуспешно пытался возобновить любовную связь... Лиза?... Ну конечно!.. Итак: «Ты мне дашь деньги... а я за это постараюсь убедить Лизу».

И он заранее представил себе, какая между ним и Лизой разыгрывается сцена.

Однажды вечером, после долгих колебаний, он заговорит об этом с Лизой. Она, понятно, возмутится. Тогда он умоляющим тоном попросит: «Сделай это из любви ко мне. Если только ты в самом деле меня любишь!» В конце концов она покорится судьбе. И кто знает, может, в глубине души ей будет даже приятно вернуться к прежнему любовнику. «Пусть будет по-твоему, — скажет она с презрением, — пусть приходит. Но не думай, что я делаю это ради твоей семьи. Только ради тебя, Микеле». Он ее обнимет, горячо поблагодарит, выйдет в прихожую и позовет Лео. «Иди, Лео, — скажет он. — Лиза тебя ждет». И приведет его за руку, сам бросит его в объятия своей любовницы. А где Лео даст ему деньги? Прямо в спальне Лизы, у нее на глазах? Или где-нибудь в другом месте? В другом. Потом он тихо выйдет, пожелав ей и Лео спокойной ночи, и бесшумно прикроет за собой дверь. И станет ждать в прихожей. Как бесконечно долго тянется ночь, когда ты сидишь в прихожей, прислушиваясь к скрипу и голосам в соседней комнате, где эти двое, Лиза и Лео, лежат в одной постели! Он то засыпает, то внезапно просыпается, и взгляд его снова и снова падает на пальто Лео, висящее на вешалке, — молчаливое напоминание о том, что тот предается любви с Лизой.

Какая мучительная ночь! А на рассвете Лео уйдет, даже не взглянув на него и не поблагодарив. Лишь позволит ему, точно слуге, помочь надеть пальто. Этот счастливчик Лео уступит ему свое место в постели. Но в какой? Пропитанной потом, смятой! Он, Микеле, ляжет рядом с полуобнаженной Лизой, которая будет спать тяжелым свинцовым сном после испытанных наслаждений. И таких ночей будет не одна и не две. Лео будет приходиться к Лизе всякий раз, когда Микеле понадобятся деньги.

«Но это хоть какой-то выход из положения», — подумал он. Однако он испытывал такую подавленность и разбитость, точно все его видения уже сбылись. Ну, а если Лео не захочет и слышать о Лизе?! Или, наоборот, — Лиза о Лео?! Тогда... тогда... остается Карла... Только она сможет его спасти... Совершенно верно... Карла — тоже неплохой шанс. Коль скоро решаешься на подобные низости, то лучше идти до конца... Значит, остается Карла. Выдать ее замуж?... За Лео?... Это был бы брак по расчету... Ради денег. Но ведь таких браков — хоть пруд пруди, и чаще всего они оказываются удачными. Любовь придет потом. А если и не придет, тоже не велика беда... Карла сможет утешиться с другим... В мире — не один только Лео... Все верно... Но... но если Лео согласится дать деньги только при условии, что Карла станет его любовницей?

«Он и на это способен, — подумал Микеле. — Вполне способен». На миг он остановился. У него закружилась голова. Он вдруг ощутил предельную усталость и черное отчаяние, сердце забилось часто-часто. Но он заставил себя идти дальше, целиком в плену мучительных раздумий... «Вперед, вперед, — подумал он, смутно удивляясь своей способности открывать в себе все новые гнусности. Когда же наступит конец? Я должен дойти до конца!» — Он тоскливо улыбнулся. — Итак, если Лео не захочет жениться... Такая возможность тоже не исключена... Тогда обе договаривающиеся стороны могут прийти к иному соглашению. Лео дает деньги, но, принимая во внимание молодость, невинность и красоту Карлы, он уплатит вдвое-втрое больше, чем за Лизу, зрелую и развращенную... У каждого товара — своя цена... И вот он, Микеле, за деньги, конечно, — когда катишься вниз по склону, и до этого можно докатиться, — возьмется уговорить Карлу. Нелегкая задача. Для

Карлы, наверно, это дело принципа, и не исключено, что она влюблена в кого-нибудь. Задача нелегкая. Тут возможны два тактических маневра: либо сразу выложить ей все начистоту — и честь семьи, и неизбежное разорение, а если понадобится, найти и другие доводы, и одним мощным и стремительным ударом выиграть сражение. Либо подготовить Карлу постепенно, исподволь, изо дня в день, сбивая ее с толку и запугивая. Постоянными, настойчивыми намеками дать ей понять, что от нее требуется... Какая из двух тактик лучше?... Конечно — вторая... О некоторых вещах куда легче намекнуть, чем сказать прямо... А потом искусно подготовленная намеками и недомолвками Карла — слабая, одинокая, растерянная — не устоит перед искушением и рано или поздно сдастся.

«Такое случается со многими девушками, — думал он. — Почему же не может случиться и с ней?» Отмеривая шаг за шагом и глядя в землю, он с удивительной ясностью представил себе, как произойдет совращение его сестры... Серое, как сегодня, утро, прохладное, туманное, без луча солнца, без жизни. Так же, как сегодня, Лео придет и пригласит его и Карлу покататься на машине. Они сразу согласятся... А потом отправятся выпить по чашке чая. Не так ли? К Лео? Да, да, домой к Лео. Карла охотно примет приглашение, ведь она пойдет вместе с братом. Все трое выйдут из машины у дверей дома Лео и вместе медленно поднимутся по лестнице, — первой — Карла, за ней — Лео и он... На пороге, в тот самый момент, когда Карла в холле, стоя у зеркала, снимет шляпку, он и Лео обменяются многозначительным рукопожатием... Вместе с Лео он обойдет все комнаты, не в силах сдержать восхищения. Потом они трое будут сидеть в маленькой гостиной Лео, залитой мягким полуденным светом, думая каждый о своем. Карла, ничего не подозревая, в последний раз нальет им чай, и из ее рук оба они получат по чашке чая с молоком, сахар, бисквитное печенье. Безмятежная девичья улыбка, чистый, ласковый взгляд... Все трое сядут у окна, потому что небо нахмурится и темень мало-помалу завладеет гостиной. Все трое будут пить, есть... вести дружескую беседу в полуденной тишине. Он и Лео будут посматривать друг на друга, словно два заговорщика, а Карла шутить и громко смеяться... А потом, в момент, когда после вкусной еды людьми овладевает сытое оцепенение, он взглянет на Лео. И тот ответит ему быстрым взглядом!.. Лео глазами покажет ему на мягко склоненную голову Карлы и на дверь... Он сразу поймет и медленно встанет... «Схожу за сигаретами», — скажет он и, как ни странно, твердым шагом, вскинув голову, выйдет, оставив сестру и Лео вдвоем — два черных, неподвижных силуэта у окна, затянутого серыми облаками.

Он выйдет в холл, наденет пальто и выскользнет на лестницу, осторожно затворив за собою дверь...

Долгие послеобеденные часы он проведет, прохаживаясь в одиночестве по улице либо в каком-нибудь маленьком кафе или кино. А вечером вернется на виллу и вновь увидит там Карлу, а может, и Лео, за семейным столом. Он будет пристально всматриваться в их лица, пытаясь понять, что же произошло в четырех стенах после его ухода, но так и не сможет уловить ни малейшего взгляда или знака... Погоня за Карлой по темным комнатам, грохот падающих стульев и распахнутых дверей? А может, минутная борьба у подернутого серой пеленой окна в малой гостиной? Но скорее всего Карла проявит покорность судьбе. Ведь грехопадение, которое она сама давно предчувствовала, покажется ей неизбежным.

Он не узнает об этом никогда. И, несмотря на этот трагический в жизни Карлы полдень и на то, что эти постыдные, гнусные свидания будут повторяться, жизнь семьи в силу привычки и стремления соблюсти приличия внешне ни в чем не изменится... Еще одной недомолвкой, еще одной ложью больше. Вот и вся разница! Но, быть может, однажды тайные мерзости, подобно червям, выползающим из гниющего трупа, вдруг вылезут наружу в момент ссоры двух эгоистов, и здание лжи рухнет. Они внезапно предстанут друг перед другом голыми, и это будет конец, подлинный конец всему.

Микеле показалось, что он задыхается. Он остановился и, глядя прямо перед собой невидящими глазами, уставился на витрину магазина. Теперь он добрался до самого края бездны: больше уже нечего продавать — ни невинность Карлы, ни его любовь к Лизе, ни

отчаянную решимость совершить гнусность, ему нечего больше вручить Лео в обмен на деньги. После всех этих фантастических картин, таких же мрачных, как и пропасть, в которую катилась его жизнь, у него пересохло во рту. Он испытывал глубочайшее опустошение, ему хотелось кричать, плакать. Он чувствовал себя смертельно усталым, растерянным, точно в самом деле несколько минут назад оставил Карлу в доме Лео и сейчас там, за закрытыми дверьми, свершается надругательство над его сестрой; она сопротивляется, пытается оттолкнуть Лео, обращается в бегство, Лео настигает ее и обнимает. И в непроглядно-черном небе его мрачных фантазий молнией сверкнуло видение: в мгновенной смене цветов и форм — бессильно повисшие руки, обнаженная грудь, стыдливо прикрытые глаза, нагое, тело Карлы и склонившееся над ним тело Лео. Он испытывал такое отвращение и одновременно жалость к себе, такую тяжесть от всей этой грязи, что ему невольно захотелось умыться чистой водой, будто в сумеречные, тайные уголки его души могли ворваться потоки свежей воды — журчащие в траве ручьи, белые, бурливые каскады, низвергающиеся со скал, холодные пенистые горные реки, несущиеся по мелким камням, сбегаящие весной с тающих снежных гор потоки, которые потаенными, извилистыми путями спускаются в долины. Все самые прозрачные источники земли, казалось, не могли утолить жажду его истрадавшегося, иссохшего сердца.

Он пошел дальше. Теперь он понял, что слова: «К счастью, это лишь бредовые помыслы», — не очистят его. По душевному смятению, по горечи во рту он понимал, что пережил эти фантазмагории наяву. Больше он не сможет смотреть на Карлу глазами брата, забыть, что он вообразил ее такой, какими обычно представляют себе пропащих женщин. Поздно возвращаться к успокоительным картинам, подлость в мыслях ничем не лучше подлости содеянной.

И он понял, что станет с ним, если он не сумеет побороть свое равнодушие. Одиноким, без желаний, без любви, он, чтобы спастись, должен либо принять устоявшиеся жизненные принципы, либо навсегда выйти из игры. Но тогда он должен возненавидеть Лео, полюбить Лизу, испытывать отвращение и сострадание к матери и нежность к Карле. Увы, все эти чувства были ему незнакомы. А может, ему следует уйти из дому и искать близких ему по духу людей, искать такие места, где, точно в земном раю, все, и слова, и жесты, и чувства, нерасторжимо связано с породившей их реальностью.

Этот рай искренности и правды (во всяком случае, так ему показалось) он увидел однажды, два года, назад, когда проститутка, которую он встретил на улице и привел в гостиничный номер, вдруг залилась слезами. У этой маленькой, недалекой женщины было странное тело, привлекавшее смешным несоответствием между крупной грудью и ягодицами, и худой, грациозной спиной. Поэтому раздетая она ходила, наклонившись вперед, горделиво покачивая, точно павлин хвостом, своими пышными округлостями. Другое несоответствие заключалось в том, что она выставляла свои розовые, потасканные прелести завернутыми в жалкую черную шаль, которую нацепила как-то косо, точно карнавальным костюмом. На ступеньках лестницы она без тени грусти рассказала ему, что это рваное подобие шали надела в знак траура по матери, которая умерла неделю назад. Но это печальное событие — ведь теперь она осталась совсем одна на всем белом свете — не мешало ей каждый вечер искать друга, который разделит бы с ней ее одиночество, да и жить надо. В номере она разыграла сценку оскорбленной стыдливости, — весело, с живостью и непосредственностью. Комната была маленькой и скромно обставленной. Точно беглец, который, чтобы легче было скрыться, избавляется от ненужного ему оружия, она постепенно оставляла на полу разнообразные предметы своего туалета: ветхую черную шаль, юбку, комбинацию, трусики. И, наконец, почти совершенно голая, в одних лишь чулках, спряталась в самом теплом и темном углу возле печки. Потом появилась из своего убежища с комичными ужимками, нелепо поводя бедрами, точно кланялась на каждом шагу. При этом она громко возмущалась и старательно прикрывала руками срамные места. Наконец осторожно легла в постель с милой, таинственной улыбкой, обещавшей невиданные, утонченные ласки. Но когда он попытался заставить ее показать свое профессиональное

искусство, она отказалась. Он настаивал, и тогда она залилась слезами. Но это был не сдержанный, горестный плач, полный достоинства, и не истерика с криками и конвульсиями. Нет, она плакала по-детски беспомощно, шумно всхлипывая, и по лицу ее катились крупные слезы, отчего все ее тело содрогалось, особенно — нежные белые груди, точно они были двумя неопытными всадниками, которых строптивая лошадь беспрестанно подбрасывает в седле. Он изумленно смотрел на нее, не понимая этого внезапного перехода от веселья к отчаянию. После долгих расспросов он понял, что в тот момент, когда он просил ее блеснуть своим профессиональным мастерством, в голове этой женщины, лежавшей рядом с ним и столь далекой ему, вспыхнула мысль о недавно умершей матери, и воспоминание было таким нестерпимо острым и сильным, что она разрыдалась. Сбивчиво объяснив это жалобным, сонным голоском, она высморкалась, вытерла слезы краем простыни и снова стала веселой, спокойной, даже трогательно-заботливой, точно просила прощения за неуместное проявление горя. А он, склонившись над ней, с большим интересом разглядывал ее лицо.

Кончилось все как нельзя лучше, и спустя час они расстались у дверей гостиницы. Каждый пошел своей дорогой: больше они не встречались.

И теперь, вспоминая о слезах этой женщины, он подумал, что они были искренними и безыскусными, как сама ее жизнь. По накрашенному лицу обильно катились слезы, беря свое начало в глубинных, таинственных истоках жизни. Так при малейшем усилии под кожей вдруг вздуваются мускулы. Душа той пропащей женщины со всеми ее пороками и добродетелями осталась цельной и здоровой и словно была хранилищем прочных и подлинных ценностей. В каждом ее движении проявлялась глубокая и простая правда чувства. А вот он был совсем другим. Его душа точно служила белым, плоским, бесстрастным экраном, на котором тенями проплывали радости и горести, не оставляя никаких следов. Его собственная несостоятельность, казалось, передавалась другим, все вокруг него становилось бессмысленным, бесцельным — призрачной игрой света и тени. А фигуры тех, кто по традиции был воплощением семейных уз — мать и Карла, воплощением любви — Лиза, в его воображении бесконечно двоились, порождая совсем иные образы. Так, в Карле он, в зависимости от обстоятельств, вполне мог увидеть порочную женщину, в матери — глупую, нелепую даму, в Лизе — похотливую самку. Не говоря уже о Лео. Под влиянием чужих слов и собственных беспристрастных суждений он то ненавидел его, то проникался к нему симпатией.

Достаточно было одного его искреннего поступка, подкрепленного истинной верой, и тогда люди и лица перестали бы мелькать, точно в калейдоскопе, и моральные ценности приобрели для него свое привычное значение. Как раз поэтому визит к Лизе казался ему необычайно важным. Если он сумеет ее полюбить, все станет возможным — и ненависть к Лео, и все другие человеческие чувства.

Он поднял глаза и увидел, что миновал улицу, где жила Лиза. Повернул назад. И снова в душе зазвучал ехидный дьявольский голосок. «Если тебе и удастся все поставить на свои места, выиграешь ли ты от этого хоть что-нибудь? Ты уверен, что твоя жизнь изменится к лучшему, если ты станешь страстным возлюбленным, преданным сыном и братом, либо последовательным эгоистом, подобно большинству людей? Ты искренне, со всей убежденностью в это веришь?» Ни на один из этих вопросов он не находил ответа.

«А не думаешь ли ты, — продолжал все тот же ехидный голосок, — что путь сомнений и низостей, по которому ты сейчас идешь, приведет тебя куда дальше? Не кажется ли тебе, что ты хочешь стать таким же, как все, из трусости? Да и вообще, к чему приведет меня честность и искренность?» — подумал он с горькой иронией.

Словно зачарованный, смотрел он на свое отражение в витрине магазина. Внезапно ему показалось, что он понял, к чему приведет полная искренность. Посреди витрины парфюмерного магазина, привлекая внимание прохожих, стоял манекен в окружении сверкающих флаконов дешевого одеколona, водруженных на горку розового и зеленого мыла. Манекен, сделанный из картона, был выкрашен в яркие тона и больше походил на

живого человека, чем на фантастическое существо из мира рекламы. На его неподвижном лице с большими карими глазами, полными несокрушимой, наивной веры, застыла глупая улыбка. Одет он был в модный домашний костюм и, похоже, только что встал с постели. С неизменной улыбкой он неумоимо и старательно затачивал на ремне лезвие опасной бритвы. Не было и не могло быть никакой связи между этим прозаическим занятием и радостным выражением его розового лица. Но именно в этом контрасте и заключался весь эффект рекламы. Чрезмерная радость объяснялась не глупостью манекена, а превосходным качеством бритвы. Манекен точно говорил — неплохо, конечно, быть тупым и самодовольным, но еще лучше бриться отличной бритвой. Однако у Микеле рекламный трюк с манекеном вызвал совсем иные ассоциации.

Ему показалось, что манекен повторяет его самого, его стремление к искренности. И еще ему показалось, что улыбающийся манекен дал ответ на вопрос, к чему искренность и вера приведут. Ответ был удручающим: «К тому, что у тебя будет такая же бритва и ты получишь, как и все остальные, свою порцию скромного, немудреного счастья в сверкающей обертке... И главное в жизни — быть хорошо выбритым». Такой же ответ ему дал бы любой из благоразумных преуспевающих синьоров. «Поступай, как я... и станешь таким, как я». И он непременно приведет в пример себя самого — ничтожного, самодовольного, вульгарного. Этой весьма непривлекательной вершины он должен достигнуть ценою жертв и мучительных раздумий. «Вот к чему все это приведет. Не так ли? — упрямо добивался ответа ехидный внутренний голос. — Ты станешь таким же глупым, ничтожным розовым манекеном». Он зачарованно смотрел на большую куклу, которая беспрестанно, точными движениями — раз, два три, — затачивала бритву, и ему хотелось ударить ее и согнать с лица сияющую, ослепительную улыбку.

«Тебе бы плакать надо, — подумал он, — плакать горячими слезами». Но манекен продолжал, улыбаясь, затачивать бритву.

Микеле с трудом оторвался от удивительного зрелища (в самом деле, было что-то противоестественное и даже жуткое в этом беспрестанном движении) и свернул на улицу, где жила Лиза. Одна дурацкая, нелепая фраза неотступно преследовала его. «Вот, Лиза, вот он, твой несчастный манекен с бритвой», — повторял он.

XIV

В темный коридор доносился из кухни пряный запах еды. Точно таким же запахом были пропитаны коридоры и других, похожих на этот, домов. Открыла ему сама Лиза. С сигаретой в зубах, возбужденная и растрепанная, скорее всего от выпитого вина, она явно только встала из-за стола.

— Сюда... а теперь сюда, — сказала она, не ответив на приветствие, и повела гостя прямо в будуар, на ходу захлопывая одну за другой распахнутые двери: душевой спальни с неубранной постелью, закопченной маленькой кухни, заставленной всевозможной утварью, и уже знакомой Микеле пыльной, темной гостиной.

— Здесь будет всего уютнее, — сказала она, войдя в будуар. Через два занавешенных окна в него проникал яркий свет. Должно быть, небо уже прояснилось, и сейчас за окнами в вышине нестерпимо сверкало солнце.

Они сели рядом на диван.

— Ну, как жизнь? — спросила Лиза, протянув ему коробку с сигаретами.

Не поднимая глаз, с тем же озабоченным видом, он взял одну. «Лучше всего сразу поговорить с ней откровенно», — подумал он, разглядывая сильно напудренное лицо хозяйки дома. На ней была старая; пожелтевшая от времени белая блузка и серая, помятая, сильно поношенная юбка из грубой ткани. На шее висел очень яркий, слегка засаленный и небрежно повязанный галстук, манжеты были украшены перламутровыми пуговицами в виде собачьей головы... Точно по контрасту с этим чисто мужским одеянием пышная грудь, казалось, вот-вот прорвет рубашку, а бледно-розовые покатые плечи мощно вырисовывались

сквозь прозрачную ткань, открывая взору две белые бретельки от сорочки. — Плохо, — ответил он наконец.

— Плохо? — Лиза была в смятении. То ли от выпитого вина, то ли по другой причине, но сердце у нее забилось сильнее, дыхание стало прерывистым, и к ее возбужденному, хмурому лицу прилила кровь.

— Почему вдруг?

Она смотрела на Микеле с затаенной надеждой, что он вспомнит о вчерашнем поцелуе в темной гостиной.

— Сам не знаю. — Он положил сигарету и пристально посмотрел на Лизу. — Я о многом передумал... Рассказать тебе — о чем?

Она энергично кивнула головой.

— Конечно, расскажи! — И заранее изобразила на лице живейший интерес и даже нежность.

«Интересно, каких она ждет от меня признаний, — горько подумал Микеле. — Быть может, признаний в любви?... Да, она только этого и ждет!»

Он снова сунул в рот сигарету.

— Должен тебе сказать, — начал он, — что я попал в сложный переплет, особенно в моих отношениях с вами.

— С кем это нами?

— С тобой, Лео, матерью, Карлой.

Она пытливо посмотрела на него.

— И в отношениях со мной? — переспросила она, словно невзначай взяв его за руку. Они поглядели друг на друга.

— Да, и с тобой, — ответил он и сжал ей пальцы. — К каждому из вас я должен был бы испытывать определенное чувство, — приободрившись, продолжал он. — Я сказал «должен был бы», потому что окончательно убедился: обстоятельства каждый раз требуют от меня совершенно определенного отношения. Это все равно, как если идешь на похороны или на свадьбу. В обоих случаях выражение горя либо радости обязательны, как и соответствующая одежда. Нельзя смеяться, идя за гробом, и плакать, когда жених и невеста обмениваются кольцами. Такое поведение было бы скандальным, даже хуже — бесчеловечным... А кто из равнодушия ничего не испытывает, должен притворяться... Так и я с вами... притворяюсь, будто ненавижу Лео... будто люблю свою мать...

— И все? — жадно спросила Лиза, увидев, что он в нерешительности остановился.

— И все, — ответил он.

Его охватила тоска и усталость. «Если ты ждешь, что я заговорю о тебе, то ошибаешься», — подумал он, глядя Лизе в лицо.

— Но только, — добавил он, и голос его задрожал, словно он жаловался кому-то, — мне трудно. Я не умею притворяться... и потому чувства, поступки, слова, лживые помыслы превращают мою жизнь в жалкую комедию... Я не умею притворяться, понимаешь? — На миг он умолк.

Лиза смотрела на него с явным разочарованием.

— И потом, — заключил он обескуражено, ощутив вдруг, что в будуаре звучит лишь его голос, не вызывая ответного отклика, — все это тебя не интересует, да и непонятно... Я мог бы говорить обо всем этом целый день, и ты все равно бы меня не поняла...

Он опустил голову. И тут Лиза сказала притворно-взволнованно, доверительным тоном:

— Я бы тебя поняла, бедный мой Микеле!.. Уверена, что поняла бы...

Ему показалось, что таким же голосом заговорил бы он, вздумай он объясниться Лизе в любви.

«Вот как! Оказывается, мы с тобой одного поля ягоды», — с грустной усмешкой подумал он. И вдруг почувствовал, что на голову ему легла рука Лизы. Ничего, кроме презрительной жалости к ней да и к себе самому, он сейчас не испытывал.

«Несчастливая, это меня-то ты собираешься учить, как ломать комедию?!»

Но когда он поднял голову, то прочел в приторно-слащавом взгляде Лизы такую требовательную страсть, что испугался.

«Уже время!» — в растерянности подумал он, словно больной, который ожидал долгих приготовлений к операции, но едва лег на операционный стол, как увидел блестящий скальпель в руке хирурга. Он смотрел Лизе в лицо — полуоткрытые губы, пылающие щеки, умоляющий, смятенный взгляд. Он оставался совершенно равнодушным, но постепенно уступил немой мольбе, понимая, что жизнь снова требует от него притворства. Пальцы Лизы слегка сжали его пальцы, точно прося решиться наконец; он наклонился и поцеловал ее в губы.

Долгое объятие. Перистые облака заволокли небо, и в пронизанном светом будуаре сразу потемнело, стены поблекли, и от них повеяло холодом... А на диване между двумя окнами все еще сидели Лиза и Микеле, чуть наклонившись, чтобы можно было целоваться, не двигаясь. И если бы не вспухшие, вздрагивающие губы, скорее можно было бы подумать, что эти двое мирно беседуют, а не целуются.

Микеле опустил руки и широко раскрытыми глазами лениво оглядывал стену напротив. Лиза же, переплетя свои пальцы с пальцами Микеле, то и дело встряхивала головой, точно утоляющий жажду, который на миг отрывается от источника, а затем с удвоенной жадностью прикикает к воде. Наконец оба откинулись на спинку дивана и молча посмотрели друг на друга.

«А теперь, что же будет теперь?» — думал Микеле, пытливо глядя на возбужденное лицо Лизы. Ее щеки покраснелись, влажные губы приоткрылись в счастливой, умоляющей улыбке, а глаза смотрели на него чуть ли не с религиозным благоговением. Недоставало лишь сложенных в мольбе рук, взывающих к состраданию. Но тут она протянула к нему руку и, нежно погладив его по голове, дрожащим, фальшивым голосом прошептала: «Мой дорогой».

Он опустил глаза. Лиза, точно невзначай, все ближе подвигалась к нему, не переставая гладить его по голове. При этом задравшаяся юбка все больше обнажала толстое бедро с перекрученным чулком. Микеле досадовал и даже злился на себя, что не удержался и поцеловал ее. Его досада еще усилилась оттого, что ласки Лизы и ее нежные слова никак не вязались с этими ее незаметными, хитроумными, полными вопиющего бесстыдства маневрами. «За кого ты меня принимаешь?» — с отвращением подумал он. Пробудившееся было при поцелуе желание теперь пропало. Он отодвинулся и, глядя ей прямо в глаза, неловко поднялся.

— Нет, — сказал он, покачав головой. — Так ничего не выйдет.

Пораженная его словами, Лиза с укором смотрела на него, даже не пытаясь скрыть своего возбуждения и одернуть юбку.

— Что — не выйдет? — спросила она наконец. Холодность Микеле оскорбляла ее пылкую страсть и готовность к самопожертвованию. «Глупый мальчишка, — обиженно думала она. — Все так хорошо началось... И вот... в самый последний момент он вдруг поднялся с дивана...» Микеле снова покачал головой и повторил: «Так ничего не выйдет...» Тогда она потянулась к нему и осторожно взяла его за руку.

— Садись, — сказала она, пытаясь привлечь его к себе. — Ну сядь же сюда... рядом!.. И объясни, что не выйдет.

Какой-то миг он был в нерешительности, потом все же сел.

— Я тебе уже говорил, что ничего не выйдет, — скучающим тоном пояснил он, глядя куда-то поверх Лизиной головы и притворяясь, будто не замечает, как она нервно гладит его рукой и растроганно глядит на него своими влажными глазами. — Ведь я к тебе отношусь так же сложно и запутанно, как и к другим.

— Как это понимать?

— Ну, так же, как я не могу ненавидеть Лео...

— Даже теперь? После всего того, что я тебе рассказала?!

Микеле посмотрел на нее.

— Должен тебе сказать, — в некотором замешательстве пояснил он, — что все это время я лишь делал вид, будто не знаю о связи мамы с Лео... Я давно все знал.

— Давно?

— По крайней мере, уже лет десять.

Он наклонился и поднял с пола упавший разрезной нож. И когда он клал его на место, ему вдруг до слез захотелось хоть раз быть правдивым до конца.

— И вот, так же, как я не в силах ненавидеть Лео, хотя могу рассказывать тебе во всех подробностях историю его связи с мамой... так же я не могу любить тебя. Причина одна — равнодушие, полное равнодушие ко всему на свете. И потому, раз уж я не в состоянии притворяться, будто умираю от страсти, жажду заключить тебя в свои объятия, я предпочитаю ничего такого не делать.

Он умолк и посмотрел на Лизу. Увидел ее глаза, полные такой растерянности и тоски, что ему стало ее жаль.

— Постарайся меня понять, — с досадой, мрачно добавил он. — Ну, как я могу делать что-то, ничего при этом не испытывая!

— А ты попробуй...

Он покачал головой.

— Бесплезно... Все равно, как если бы я пришел к Лео и сказал ему: «Послушай, мой дорогой, я тебя и не думал ненавидеть... Наоборот, ты мне очень симпатичен. Я преисполнен к тебе дружеских чувств. Но увы, мне придется влить тебе пощечину...» И затем началась бы драка.

— Но любовь приходит потом... — упрямо возразила Лиза с поразившим Микеле бесстыдством... — Когда двое лучше узнают друг друга.

— Мы даже слишком хорошо друг друга знаем!

Лиза побледнела. Никто еще не отвергал ее так грубо. Она испугалась — неужели ее «милый юноша» покинет ее навсегда? На миг у нее мелькнула безумная мысль — броситься перед ним на колени, точно перед святым, умоляя его остаться. Но она только робко спросила:

— Ты все это говорил не всерьез, да?

— Более чем всерьез.

Она встала, подошла к нему и взяла его за руку. Сердце ее учащенно билось, щеки пламенили от еле сдерживаемого возбуждения.

— Не будь таким жестоким, — проникновенным голосом сказала она, глядя его руку. — Неужели... ты ничего не испытываешь?... Ну совсем ничего... к твоей Лизе?... Скажи, неужели ты не доставишь мне этой радости? — добавила она, обняв его шею... — Микеле, неужели ты совсем не любишь меня?!

Ее багрово-красное лицо искажилось от волнения. Голос звучал назойливо, слащаво... Всем телом подавшись к Микеле, она касалась коленом его ноги. Он покачал головой.

— Пойми же, — повторил он, вне себя от ярости на эту назойливую в своей похотливости женщину. — Куда денется вся твоя любовь, если я, не очень-то считаясь с твоими чувствами, без лишних слов опрокину тебя на диван, словно продажную женщину, и овладею тобой? Пойми же!

— Но мы еще не дошли до того... чтобы ты опрокинул меня на диван... — глупо засмеявшись, ответила она, польщенная его словами.

После секундного колебания она с томным видом крепко обняла его и, откинувшись назад, упала на диван. Вначале ее трюк удался. Застигнутый врасплох, Микеле рухнул вместе с ней. Но когда он увидел ее возбужденное, пылающее лицо, горящие глаза, властно нахмуренные брови, вытянутую, как у гусыни, шею, когда ощутил всю тяжесть ее тела, он уже не в силах был сдержать иступленное презрение.

Он поднял голову, уперся ладонями в ее лицо, умоляющее и одновременно жалкое, высвободился из объятий и рывком вскочил на ноги.

— Если ты так жаждешь наслаждений, — угрюмо сказал он, машинально поправляя галстук, — тогда вернись... вернись к Лео...

Лиза осталась лежать на диване. Она закрыла лицо руками, грудь ее бурно вздымалась, вся она казалась воплощением боли и стыда. Но едва он произнес имя ее прежнего любовника, как она тут же вскочила и, сверкая глазами, как обвинитель на процессе, протянула к нему руку.

— Лео... Ты сказал, что я должна вернуться к Лео?! — крикнула она, не обращая внимания на то, что волосы ее растрепались, а блузка расстегнулась. — И, если не ошибаюсь, ты сказал также, что не в силах ненавидеть Лео, верно? Несмотря на все, что ты о нем знаешь?

— Да... да... Но какая здесь связь? — пробормотал Микеле, пораженный ее остервенением.

— Я-то знаю, какая тут связь, — с нервным смешком ответила она. — Уж я-то знаю!

Вдруг она умолкла и торопливо сглотнула слюну.

— Вот что я тебе скажу, — снова не выдержала она и, наклонившись, впилась в него своими злыми, как у разъяренной кошки, глазами. — Есть одна очень серьезная причина, из-за которой ты мог бы возненавидеть Лео, а я никогда к нему не вернусь.

— Моя мать? — неуверенно сказал Микеле, которого явно смутил угрожающий жест Лизы. В ответ она лишь презрительно захохотала.

— Твоя мать!.. Ну, разумеется, только о ней и речь! — воскликнула она, захлебываясь хриплым смехом. — Бедный мой Микеле, твоя мать уже давно вне игры... Очень давно...

Микеле взглянул на нее. Ему показалось, что смотрит он на нее с недостижимой высоты, испытывая чувство превосходства. И не столько из-за большей душевной чистоты, сколько из-за презрительной жалости к этому еще более ничтожному, слепому существу, с укором, мстительно простершему к нему руку. Ему хотелось наклониться и пригладить ее растрепавшиеся волосы, чтобы она немного успокоилась. Но он не успел.

— Нет... — продолжала она, не сводя с него взгляда. — Нет, дорогой мой... речь идет не о твоей матери, а о ком-то другом... угадай сам. Ну, попробуй угадать... — Она снова нервно засмеялась, поудобнее устроилась на диване, поправила волосы, одернула блузку. Теперь она смотрела прямо перед собой, словно хотела пронзить насквозь стены будуара, чтобы разглядеть за ними фигуры, запечатлевшиеся в ее памяти.

— Я?! — Она изобразила на лице полнейшее изумление. — Я?... Но я же тебе сказала, бедный мой Микеле, что по этой самой причине никогда не вернусь к Лео... И знаешь, из-за кого?! Знаешь?!

С губ ее готово было сорваться имя, но в последний момент она сдержалась.

— Нет, — сказала она, покачав головой. — Нет, лучше ничего тебе не говорить.

Первый порыв неподдельного возмущения прошел, она стала прежней лживой Лизой, которая находит лучшее утешение в тонкой, захватывающей игре, сотканной из намеков и недомолвок.

— Не хочу, чтобы по моей вине произошла трагедия...

Она закурила сигарету и, всем своим видом показывая, что твердо решила молчать, уставилась в ковер на полу.

— Послушай, Лиза, — бросил Микеле, — что ты все-таки собиралась сказать?... Ведь я вижу, ты сгораешь от желания открыть мне тайну... И окончим на этом разговор.

Он подошел к ней, схватил за волосы и запрокинул ей голову. Глядя в ее злые, неумные глаза, он подумал, что она с безнадежным упрямством совершает ошибку за ошибкой. И снова почувствовал к ней презрительную жалость. «Если б я любил, — подумал он, отпуская ее голову, — все было бы по-другому». Он снова сел.

— Что за манеры, что за манеры! — тягучим голосом говорила она, в растерянности поправляя взлохмаченные волосы.

Микеле не спускал с нее глаз. «Виноваты не они, а я... И она, и Карла, и мама нуждаются в моей любви... А я ничего не могу им дать».

— Значит, ты хочешь знать все, до конца?

— Да... и не тяни...

Секунду она молчала.

— Ты сказал, — нерешительно начала Лиза, — что хотел бы, но не можешь ненавидеть Лео?

— Да, — ответил он. — И еще я сказал, — смущенно добавил он, — что хотел бы, но не могу тебя полюбить...

Она резко махнула рукой.

— Обо мне не беспокойся, — сухо сказала она.

Помолчала с минуту, точно собираясь с мыслями, прежде чем приступить к рассказу.

— История совсем короткая, — начала она наконец свой рассказ, опустив глаза и разглядывая руки. — Помнишь... вчера Лео, Мариаграция и Карла вернулись с танцев... Погас свет, и все стали искать свечи... Потом твоя мать утащила меня в свою комнату показать новое платье, которое ей привезли из Парижа... Очень красивое платье, вот только в талии у пояса была лишняя складка. Спустя какое-то время, уж не помню почему, я решила спуститься вниз... Открываю дверь, вхожу... Угадай, кто был в передней?

Микеле быстро взглянул на нее. Рассказывала она сдержанно, ледяным тоном. И слушал он ее рассеянно, без особого интереса, как слушают обычную банальную историю. Но вдруг вспомнил, что вступление было связано с Лео. Постепенно сжимая круг, Лиза подобралась к самому важному. От мрачного и грозного предчувствия беды у него защемило сердце.

— Лео? — не сказал, а выдохнул он.

— Да, Лео, — подтвердила Лиза, старательно и невозмутимо стряхивая пепел. — Лео и Карлу... Они сидели обнявшись.

Микеле остался сидеть неподвижно, как зачарованный, уставившись Лизе прямо в лицо. Его словно оглушило, перед глазами все двоилось, точно он надел разбитые очки.

Лиза поглядывала на него с любопытством, страхом и тупой гордостью человека, который нанес врагу внезапный удар или одним словом пригвоздил к позорному столбу.

— Как это — обнявшись? — спросил он наконец.

— Обнявшись, — со всей жестокостью повторила Лиза, злясь на его непонятливость и глядя на него, точно на вздрагивающего, раненого зверя, который никак не хочет умереть. — Как? Как все... Карла сидела у него на коленях, прильнув тубами к его губам... Одним словом — обнявшись.

Молчание. Микеле устался на ковер возле самого дивана, розовый, как и обои будуара, весь обтрепанный по краям, — крепко сжатые ноги Лизы с силой вдавились в него. «Обнявшись... — повторил Микеле про себя. — Обнявшись... Но это немыслимо! — хотелось ему крикнуть. — Немыслимо!» Он был удивлен, даже поражен неожиданностью случившегося. Но гнева не испытывал, отвращения — тоже. Скорее уж ему не терпелось узнать все досконально, услышать новые подробности.

Так, в напряженном молчании, прошло несколько секунд. Он уже собрался задать ей несколько вопросов, как вдруг с ужасом понял, что и теперь, в решающую минуту, не испытывает тех чувств, которые должна была бы вызвать у него эта удручающая новость. Карла в объятиях Лео — даже это не вызывало у него ничего, кроме чисто светского любопытства. Несчастье сестры не тронуло его до глубины души. Нет, он снова не выдержал неожиданного испытания на искренность и отзывчивость. Эти двое, Лео и Карла, казались ему обычной влюбленной парочкой, как множество других, знакомых и незнакомых, а не двумя близкими ему людьми.

«Ты должен понять, — внушал он самому себе, — речь идет о Карле — твоей сестре... Лиза видела ее в объятиях Лео, любовника твоей матери... Разве это не ужасно? Не гнусно?... Ведь это... почти кровосмешение». Но Карла и Лео, своим поступком предавшие мать, оставались безнадежно чужими ему людьми, и ему никак не удавалось вызвать в себе гнев и отвращение к ним. И даже приблизиться к ним он был не в силах.

Он взглянул на Лизу и по ее глазам, по всему ее виду понял, что она с наслаждением и острым любопытством ждет великолепной сцены, когда праведный гнев оскорбленного брата выльется наружу. «Гнев... ярость... ненависть, — лихорадочно пронеслось у него в мозгу. — Все богатства мира за крупицу искренней ненависти». Но, увы, он оставался равнодушным и свинцово-спокойным: ни гнева, ни ярости, ни ненависти. Карла вся в слезах, обнаженная, униженная, Лео — безжалостный сластолюбец, — весь этот стыд и позор его не трогали.

И тут ему пришла на ум отчаянная мысль, — раз уж последнее испытание закончилось крахом и даже сильнейший шок не вывел его из душевного оцепенения, не лучше ли попробовать притвориться, будто он способен и на щедрую любовь, и на ненависть, и на гнев. И уже потом притворяться вовсю, обильно, бурно, словно он огнедышащий вулкан. Мысль, конечно, была безумной. «Это конец», — подумал Микеле. Ему показалось, что он в самом деле навсегда утратил чистые, неиссякаемые вечные источники жизни... «Да — конец... Но что-то должно произойти... и что-то непременно произойдет». Он встал.

— Нет, — сказал он, расхаживая взад и вперед по будуару, как и полагается потрясенному, разгневанному мужчине. — Нет, дальше так продолжаться не может... Всему есть предел.

Он слушал себя самого с трезвой иронией, и ему показалось, что голос его звучит недостаточно сурово. Он решил говорить погромче. Сделал паузу. Затем торопливо продолжал:

— Лео уверен, что ему все дозволено, но он ошибается.

Лиза сидела неподвижно, немного согнувшись, и молча смотрела на него.

«Нет — слишком слабо, — подумал он, не переставая расхаживать взад и вперед. — Надо сразить Лео наповал одной-единственной фразой. Ведь я брат и сын, и мне нанесено страшное оскорбление — моя сестра обесчещена, а мать опозорена». Все эти выпренные слова о сыновнем долге казались ему нелепым, безнадежно устаревшим вздором. «Я должен нанести Лео смертельную обиду... И если понадобится — то даже обрушиться на него с великой яростью». Но как он ни пытался разжечь в себе гнев, его все больше одолевала тоскливая усталость. Он словно со стороны насмешливо наблюдал за разыгрываемой им самим комедией, и ему все сильнее хотелось встать перед Лизой на колени, точно перед любимой женщиной, и открыть ей правду. «Лиза, я лгу, мне безразличны и Карла, и все вокруг. Что мне делать, Лиза?»

Но Лиза не была любимой женщиной, и она бы его не поняла. Она, как и все остальные, ждала от него естественного в таких случаях бурного взрыва возмущения.

— Как же ты теперь поступишь? — спросила она. Он остановился и устремил на нее скорбный взгляд, стараясь изобразить смятение, которого на самом деле не испытывал.

— Как поступлю?... Как я теперь поступлю?... Как я теперь поступлю? — скороговоркой трижды повторил он. — Яснее ясного, что я должен сделать... Прийти к этому негодяю и схватить его за горло.

Ему показалось, что Лизу поразило его ожесточение.

— Когда? — спросила она, пристально глядя на него сквозь дым сигареты, словно прилипшей к губам.

— Когда?... Завтра... Нет, сегодня же... Немедля...

Он взял со стола сигарету, закурил. Заметил, что Лиза окинула его удивленным взглядом.

— Что ты ему скажешь? — поинтересовалась она.

— О! Я ему все выскажу. Но при этом буду с ним сдержан и холоден. Предельно холоден, — ответил он, с отчаянной решимостью взмахнув рукой. Он хмуро смотрел прямо перед собой, как человек, разглядевший свою судьбу, — с каждой минутой ему становилось все легче притворяться. — Всего несколько слов... Но он поймет, что это вовсе не шутка!..

Лиза снова бросила на него быстрый взгляд. «Какой же я кретин!» — подумал он.

— Но отвратительнее всего — низость Лео, его двуличие, — продолжал он в горячей

надежде проникнуться искренним гневом и убедить самого себя и Лизу... — Если б он ее по-настоящему любил, это еще можно было бы если не простить, то как-то понять... Но нет... Я уверен, что он ее не любит. Просто она ему приглянулась, показалась хорошенькой, и он решил с ней позабавиться... И только... Это вполне в его характере. И если вообще подло пользоваться неопытностью девушки, — трижды подло хладнокровно соблазнять ее, да еще если ты близкий друг ее матери!.. Поистине трудно быть большей... — Он поискал для Лео самое подходящее слово. — Большой свиньей... Я уже сказал, если б им овладела страсть, настоящее, искреннее, глубокое чувство, тут уж пришлось бы смириться... Но ни страсти, ни любви, ни глубокого чувства нет и в помине. Одна лишь похоть и гнусная, отвратительная ложь. Он притворяется искренним, страстно влюбленным... Такое нельзя ни понять, ни простить... Он сам обрек себя на суровую кару, — с пафосом воскликнул Микеле.

Первые слова он произнес довольно неуверенно, но постепенно вдохновился и конец своей длинной тирады произнес с поразившей его самого силой и чувством.

— Что же до Карлы, — заключил он, — то она не виновата... Она лишь позволила себя соблазнить.

Наступило молчание. Сидя на диване и обхватив голову руками, Лиза изучающе смотрела на Микеле.

— Конечно, лживость — большой порок, — одобрительным тоном, но как-то неопределенно сказала она.

— Очень большой.

Он подошел к окну — солнце скрылось, над городом нависли серые плотные облака. Лиза жила на втором этаже, но дом стоял на холме, и из окна открывался вид на окрестные крыши; дымовые трубы, слуховые окна, карнизы — все они, на фоне серых облаков, казались мокрыми и ржавыми, блекло-коричневого цвета. А сквозь потрескавшееся стекло одного из окон они приобретали искаженную форму и оттенки, словно их красил грязной кистью неумелый маляр. Вдалеке дым сливался с облаками, образуя полосу тумана, за которой неровные очертания крыш и лес печных труб становились все гуще и расплывчатей, покуда не сливались в одно сплошное пятно.

Внизу черепица домов была бледно-красной, и в трещинах росли пучки травы. Микеле молча рассматривал этот мрачный пейзаж. Он впервые обнаружил, что и город может представлять собой живописную картину, и никак не мог оторвать от нее глаз. Особенно его поразили бесчисленные крыши. «Снять бы их, посмотреть, что происходит в этих домах», — подумал он. Вдруг от одного слухового окна к другому метнулся черный кот. Какое-то мгновение Микеле провожал его взглядом. «Скоро начнется дождь», — подумал он, глядя на серое небо и на серые крыши вдали. Он поежился, отвернулся от окна и снова увидел выцветший будуар и Лизу, в глубокой задумчивости сидящую на ободранном диване. Он подошел к ней. «Надо притворяться, — подумал он, с трудом возвращаясь к насквозь пропитанной ложью действительности. — Мне хочется... хочется спать... но я должен притворяться». Между необходимостью притворяться и желанием спать не было никакой связи, но это последнее слово произвольно пришло ему на ум, как точное выражение охватившей его смертельной усталости.

— Который час? — резко спросил он. — Не пора ли мне отправиться к Лео?

Лиза медлительно повернула голову и посмотрела на наручные часы.

— Четыре, — сказала она, внимательно глядя на Микеле. Помолчала. Потом добавила: — А не лучше ли сначала позвонить, дома ли он?

Встала и пошла к двери.

В коридоре было совсем темно. Лиза повернула выключатель, и желтый, неяркий свет залил с низкого потолка унылые стены. Телефон висел у дверей гостиной на высоте среднего человеческого роста. Внизу, на полочке лежала телефонная книга. Лиза торопливо перелистала ее, принялась набирать номер станции.

— Но ты и в самом деле пойдешь к нему? — с сомнением спросила она, повернувшись к Микеле.

— Ты еще сомневаешься? — решительно ответил он. Но ему показалось, что Лиза смотрит на него презрительно, с явным недоверием.

— Нет, вовсе нет, — поспешила ответить она. Повернулась и набрала номер.

Зазвонил телефон. Встав на цыпочки, Лиза крикнула своим низким голосом: «Аллоооо... Аллоооо...» Подождав немного, позвонила снова. Тем временем Микеле разглядывал коридор: два платяных шкафа, пустой книжный шкаф, несколько стульев. Лиза стояла к нему спиной. Сквозь пронизанную желтым светом блузку еще сильнее, чем в будуаре просвечивала розовая, жирная спина, схваченная у плеч двумя белыми бретельками комбинации. В тусклом свете лампочки бедра казались не такими широкими, а ноги — не такими кривыми. Он рассеянно смотрел на нее и думал: «Я у Лизы... Стою в коридоре... Нужно притворяться... Ежеминутно... Без конца притворяться». Не вполне отдавая себе отчет в своих действиях, он подошел к ней и обнял за талию.

— Ты до сих пор на меня сердисься? — притворно-задушевым голосом спросил он, касаясь губами ее затылка. В трубке послышался чей-то голос. Лиза назвала номер и повернулась к Микеле.

— Обо мне не думай, — сказала она, вновь оценивающе взглянув на него. — Подумай лучше о сестре и о Лео.

— О них я уже подумал, — немного смутившись, ответил он. Отпустил ее и прислонился к стене. «Притворяться... но до каких пор?» На душе была горечь. Недоверчивый взгляд Лизы все ему объяснил, — она явно сомневалась в искренности его гнева. Как же ее убедить?

Наконец она дождалась ответа.

— С кем? С кем я говорю? — повторила она. — С синьором... синьором Мерумечи?... О, простите! Я ошиблась.

Она повесила трубку и повернулась к нему лицом.

— Лео дома, — сухо сказала она. — Если ты пойдешь немедленно, то скорее всего застанешь его...

Они посмотрели друг на друга. «Нет, она мне не верит», — решил Микеле, подозрительно глядя на нее.

— Ну, так ты идешь? — спросила она.

Микеле неопределенно, по-детски неуверенно махнул рукой, что могло означать: «Куда торопиться... Еще есть время». Наконец он шагнул к вешалке.

— Иду... Да, я иду, — повторил он, стараясь убедить самого себя.

— Можешь и не идти, — суровым голосом сказала Лиза. — Притвориться, что ты ничего не знаешь... лично мне все равно — пойдешь ты или нет.

В холле она помогла ему надеть пальто и протянула шляпу.

— Так я вернусь завтра и расскажу, как все было.

— Хорошо, до завтра.

И все-таки Микеле не хотелось уходить. Он колебался. Он чувствовал, что Лиза не поверила ни единому его слову. И он готов был поклясться, что говорит правду. Найти слова сильные, впечатляющие, сделать какой-нибудь смелый жест. Тогда ее сомнения исчезнут.

— Я убежден, — сказал он наконец, взяв в ладони протянутую Лизину руку, — что ты не веришь в мое отвращение и ненависть к Лео. — Он умолк.

— Да, не верю, — откровенно призналась она.

— Почему?

— Так.

Снова воцарилось молчание.

— А если я докажу тебе это на деле? — спросил Микеле.

— На деле? Каким образом?

Он вновь заколебался. Лиза смотрела на него требовательно, с явным сомнением.

«Действительно, как я смогу доказать?» — подумал он. Ему стало совсем не по себе. Какой именно поступок убедит Лизу в его искренности? И вот, собираясь отправиться к

своему врагу, он нашел — так же внезапно, как обнаруживают вещь, которую бессознательно ищут долго и безуспешно, — надо убить Лео. Идея ему понравилась. Не потому, что он собирался ее осуществить, а потому, что это должно было произвести на Лизу сильное впечатление.

— К примеру, — невозмутимо сказал он — ты поверила бы мне, если б я убил Лео?

— Если б ты его убил? — В первый момент она испуганно вздрогнула. Он улыбнулся, довольный впечатлением, которое произвели его слова.

— Да... если б я его убил?!

Но Лиза уже успокоилась. От нее не ускользнуло, что лицо Микеле оставалось совершенно бесстрастным, а в глазах не было ни искорки гнева.

— Тогда поверю... — с насмешливой улыбкой ответила она. — Но достаточно послушать, как ты это говоришь, чтобы понять — ты никогда этого не сделаешь.

Наступило молчание. «Как вяло я об этом сказал, — подумал Микеле, рассердившись, что весь эффект от его слов пропал. — Да, но разве о желании убить кого-то говорят по-особенному?» Занавес упал, комедия провалилась. Ему оставалось лишь гордо удалиться.

— Так ты не веришь, что я способен убить Лео? — настойчиво повторил он.

В ответ Лиза засмеялась хотя и не очень уверенно, но без тени страха за него, Микеле.

— Нет, не верю, бедный мой Микеле. Многие говорят и грозятся... Но между словом и делом... И потом, я тебе уже сказала, — достаточно посмотреть на твое лицо, чтобы понять: всерьез ты об этом даже не помышляешь. — И, словно желая отогнать последние сомнения, добавила, улыбаясь со снисходительной жалостью: — Впрочем, если б ты в самом деле решился на такой отчаянный поступок, я бы никогда тебя не отпустила.

Она открыла дверь и протянула ему руку.

— Поторопись, — сказала она. — Иначе ты его даже и не увидишь, нашего Лео.

Микеле мрачно осклабился.

— Ну, а если я его все-таки убью? — точно заклинание, повторил он, выходя на лестничную площадку.

— Тогда... тогда я тебе поверю, — ответила она с недоверчивой улыбкой. И закрыла за ним дверь.

XV

Через стеклянный купол на лестницу падал белый свет. Дверь за Микеле тихонько закрылась. На лестничной площадке было тихо. «Никто мне не верит, — подумал он. — И никогда не поверит». Медленно спустился на несколько ступенек. Он испытывал тягостное чувство и, как ни старался, не мог отогнать печальных, отрывочных воспоминаний.

Один за другим перед глазами проплывали персонажи и события его жалкой жизни: совращение Карлы, встреча с Лизой, так и не поверившей ему, Мариаграция, Лео. Все они, точно выхваченные вдруг из ночной тьмы вспышками молний, представляли яркими мгновенными видениями и сценками на фоне унылого пейзажа. «Никто мне не верит», — грустно повторил он про себя. И сразу же мелькнула мысль: «Карла отдалась Лео». Он вновь и вновь видел перед собой насмешливое лицо Лизы в дверном проеме и испытывал чувство унижения, а потом мрачно представлял себе растрепанную, полуголую Карлу в объятиях Лео... Но едва он попытался воссоздать цельную картину, связать воедино все факты, сжать их в кулак, как кукольник сжимает нити кукол-марионеток, хладнокровно, бесстрастно обдумать всю сложность своего положения, как сразу же запутался, к горлу подступило удушье.

Его мысли и желания были слишком вялыми, слабыми, чтобы противостоять жестокой действительности, ему не доставало мудрости, чтобы охватить взглядом всю панораму своей жизни, постичь глубинный смысл событий.

Он пытался выстроить свои рассуждения в стройный ряд. «У моей истории, как у медали, две стороны: лицевая и оборотная, — подумал он. — Оборотная — мое равнодушие,

отсутствие веры и искренности, лицевая — все события, на которые я не способен отвечать как должно. Но, увы, обе стороны — одинаково неприглядны».

Он поднял глаза, точно желая разглядеть обе стороны проблемы. «Нет, — мрачно подумал он. — Я сам виноват... Не умею радоваться жизни». Он снова стал спускаться по лестнице. «Карла тоже виновата». Ему хотелось в упор спросить у нее: «Зачем ты это сделала, Карла?» Но и мама виновата, все они виноваты. И выяснить, с чего началось, понять первопричину — невозможно.

Все виноваты... Ему казалось, что он видит их на лестничной площадке, — вот они стоят, прислонившись к стене. «Вы ничтожные людишки, — думал он. — Мне вас жаль... всех... И тебя, мама, с твоей дурацкой ревностью, и тебя, Лео, с твоим победоносным взглядом...» Он точно увидел перед собой Лео, живо представил себе, как цепко хватает его за руку. «Но больше всех мне жаль тебя, Лео!.. Да, да, тебя... Ты уверен, что всемогущ. О, мой бедный Лео!..» Ему хотелось бросить эти слова в лицо своему врагу невозмутимо, вот так... Он опьянел от собственных мыслей, гордо вскинул голову. «Мелкие людишки... жалкие существа. Ничего, скоро увидите, что с вами будет!» Вдруг у самых дверей парадного он обнаружил, что по-прежнему держит шляпу в руках. Собственная рассеянность и никчемность его обескуражили.

Он изнемогал от отчаяния, от бессильной злобы к самому себе.

«Это я ничтожный человечиска. И нечего придумывать героические истории». Он снова почувствовал себя низвергнутым с воображаемых высот, пригнутым к земле. Надел шляпу и вышел.

Дома словно помертвели, платаны замерли, воздух застыл в неподвижности. Свинцовое небо нависло над покатыми крышами. И хотя улица была длинной, на пути — ни тени, ни огонька, а лишь напряженное ожидание бури.

«А теперь — к Лео», — подумал он. И мысль об этом привела его в невероятное возбуждение. «Так ты не веришь, что я способен убить Лео!.. — беспрестанно повторял он. — Не веришь?! Ну, а если я его убью?» Он шел быстро, печатая шаг, уверенный в себе, полный решимости. И в такт его шагам гулко отдавались в голове немислимые, странные фразы: «Идем, Лиза. Придем и вместе убьем Лео... Потом мы его поджарим... Поджарим на медленном огне». И еще: «Лео, Леуччо, Леуччино, позволь пристрелить тебя, как собаку». Он смотрел прямо перед собой и улыбался холодной улыбкой отчаяния. «И твоей блестящей карьере, мой Лео, тоже пришел конец. Как жаль — ведь тебя ждало прекрасное будущее... Я первый пролью слезу... Но что поделаешь?! И тебе пришел конец». Ему хотелось запеть на мотив модной грустной песни. «Fi-ni-ta, fi-ni-ta la bella vita».³

Он шагал стремительно, твердо и смело, как солдат, идущий на битву. Улица была узкой, неприглядной. Навстречу ему попадались маленькие лавчонки с убогими витринами; цветочный магазин с венками для похорон, типография, оклеенная визитными карточками всех форм и размеров, мебельный магазин, парикмахерская.

«Я отправлю тебя на тот свет по всем правилам, мой Лео. Сначала закажу тебе великолепный гроб, потом куплю красивый венок и вложу в него свою визитную карточку... А затем... парикмахер аккуратно тебя побреет», — подумал он. Мебельный магазин примыкал к зданию строгой архитектуры с большими, монастырскими воротами. Он прошел мимо, бросив беглый взгляд на пустой внутренний двор. Потом увидел лавку — витрину, небольшую дверь. Вначале он не понял, что это за лавка, — зеркальная витрина слепила глаза. Сделал еще шаг и увидел наверху надпись белыми буквами «Оружейная лавка». За стеклом витрины выстроились в ряд охотничьи ружья. «Тут я и куплю пистолет», — подумал он. Но сразу не остановился. Наконец вернулся, нерешительно потоптался у дверей и вошел.

— Мне нужен пистолет, — громким голосом сказал он, облокотившись на прилавок.

³ Кончилась, кончилась твоя чудесная жизнь (*итал.*).

Главное было сделано. Внезапно ему стало страшно, — вдруг владелец лавки догадается о его намерениях. Он опустил глаза и постарался изобразить на лице спокойствие и выдержку. Ему видна была лишь грудь продавца. Тот был в черном рабочем халате, и неторопливо, с профессиональной обстоятельностью снимал товар с полок и подносил к прилавку. На застекленных красноватых полках Микеле увидел множество сверкающих ножей: простые, с одним лезвием, и замысловатые — с несколькими, лезвия одних ножей были раскрыты веером, других — коротких и массивных — закрыты. Он поднял глаза, — темная, маленькая лавка казалась еще меньше от сплошных застекленных полок вдоль стен. На одних — пирамиды ружей, на других — собачьи ошейники. В дальнем конце прилавка лежал деревянный брус, в гнезда которого, строго по размеру, были вставлены патроны. Микеле они почему-то напомнили россыпь звезд.

Продавец, худой, седовласый человек с усталым лицом и маленькими глазками, методично один за другим выкладывал пистолеты всех типов. И тут же монотонным голосом объявлял цену каждого: сто лир, семьдесят, двести пятьдесят, девяносто пять. Одни пистолеты — автоматические — были черные, плоские, другие — с барабаном — сверкающие, выпуклые. «Для Лео нужен этот», — с усмешкой подумал Микеле глядя на огромный, висевший на стене пистолет с складной рукояткой, похожий скорее на ручной пулемет. Он не испытывал ни волнения, ни неловкости. Наклонившись, выбрал самый дешевый.

— Вот этот, — твердо сказал он. — И комплект патронов.

Достал из кармана кошелек. «Хватит ли, чтобы расплатиться?» — подумал он, выкладывая деньги на прилавок. Звон металла. Наконец он взял завернутый в бумагу пистолет, сунул его в карман и вышел из лавки. «Теперь отправимся к Лео», — сказал он самому себе. Серые неподвижные облака обронули на землю первые слезинки дождя. На углу была ремонтная мастерская. У раскрытой двери человек в грязном комбинезоне разбирал велосипедное колесо. Было душно. В воздухе слышалась тишина. Дома здесь были однотипными, шестиэтажными. Но под морозящим дождем их вид странным образом изменился. Дома словно извивались, гнулись, окнами касались земли. Но почему-то тротуар оставался сухим — никаких следов дождя. Тротуар был в желтых пятнах, похожих на плевки, но на него не упало ни единой капли. Значит, ему все это померещилось?!

Он свернул на более широкую улицу. Когда он одолеет ее и пересечет площадь, то окажется на улице, где живет Лео. Торопиться некуда. Он шел медленно и, точно обыкновенный зевака, разглядывал встречных прохожих, афиши кинотеатров, витрины магазинов. Пистолет приятно оттягивал карман. Он остановился возле какого-то магазина, вынул сверток, осторожно развернул его и крепко сжал рукоятку пистолета. Металл охлаждал руку. Легкое нажатие курка, и все будет кончено. Для Лео. Один выстрел, два, три. А затем немного дрогнет ствол... Он сжал зубы и крепче стиснул рукоятку... Выстрел... Еще один. Он живо представил себе, как это произойдет. Он поднимется по лестнице, войдет в гостиную. Будет ждать с пистолетом в руке. Наконец появится Лео. «Что случилось, Микеле?» — «Вот что случилось», — ответит он и сразу же выстрелит. Главное, не промахнуться. Толстый Лео — удобная мишень, и, куда бы ни попала первая пуля, он упадет. Тогда он прицелится и выстрелит Лео в голову. Потом склонится над ним. Лео будет валяться ничком на полу и громко стонать. Он приставит дуло пистолета к виску этого негодяя. Ощущение будет очень странным — голова жертвы дернется, Лео взглянет на него обезумевшими глазами. И тогда он, Микеле, в третий раз выстрелит. Грохот, струйка дыма! А потом надо будет уйти, сразу же, не оглядываясь, уйти из этой комнаты, в которой, раскинув руки, будет лежать на полу безупречно одетый господин, и на него будет литься из окон яркий свет.

Нужно быстро спуститься по лестнице и выскочить на улицу, прежде чем появится кто-нибудь из жильцов. На улице — толпа людей, полно машин. А там, наверху, в маленькой комнате — убитый. Он, Микеле, пойдет искать полицейского. (Где находится ближайший полицейский участок, куда можно прийти и добровольно сдать в руки полиции?) На

перекрестке будет неподвижно стоять полицейский. Он подойдет и тихонько тронет его за плечо. Полицейский обернется, решив, что один из прохожих хочет у него что-то спросить. «Слушаю вас», — вежливо скажет полицейский. «Арестуйте меня... Я убил человека...» Полицейский недоумевающе посмотрит на него. «Я убил человека, — повторит он. — Арестуйте меня».

А между тем мимо будут спешить куда-то люди, мчаться автомобили... Наконец полицейский, не очень ему веря, неохотно поведет его. Не схватит его за шиворот, не наденет наручники, а просто отведет в ближайший полицейский участок. Пыльная комната, на столе конторская книга, несколько полицейских, застоявшийся запах табачного дыма. Письменный стол. За столом — толстый, седой полицейский комиссар с грубыми манерами. Допрос. Однажды, когда его обокрали, он уже приходил в полицию. Все должно произойти именно так.

Он отошел от витрины магазина и двинулся дальше. А потом будет суд. Все газеты под огромными заголовками оповестят об убийстве. Опубликуют подробные судебные отчеты. Поместят фотографии: его, убитого, «проницательного» комиссара полиции, который арестовал преступника, комнаты, где произошло убийство, не забудут даже крестиком указать место, где был найден труп. Все, конечно, проявят нездоровое любопытство, и в день открытия процесса зал суда будет переполнен. В первом ряду — элегантные дамы, его знакомые из высшего общества. Как на театральной премьере. Напряженное ожидание. Выходит судья. Микеле казалось, что он видит его, — невозмутимый, выдержанный старец, который разговаривает с ним, как учитель с учеником. С высоты своего пыльного трона, наклонив голову и глядя на него без всякой злобы из-под седых бровей, он спросит: «Подсудимый, что вы можете сказать в свое оправдание?»

Тут он поднимется со скамьи. Взгляды всех в зале будут устремлены на него. Он расскажет о своем преступлении.

Поудобнее устроившись на сиденьях, элегантные дамы с жадностью вслушиваются в каждое его слово. Но время от времени они все же небрежно поправляют волосы либо, закинув ногу на ногу, лениво потягиваются. В зале так тихо, что слышно, как пролетает муха. В полнейшей тишине он откровенно расскажет свою печальную историю. И каждое его слово создаст вокруг него особый ореол, — подобно тому, как каракатица, подвергшаяся нападению, обволакивает себя чернильной жидкостью. Потом, когда он признается в своей неискренности, своей неспособности к настоящему делу, отсутствии подлинной веры, старик судья наверняка смягчится и склонится к нему седой головой. Мало-помалу публика неслышно покинет зал, и на пыльном возвышении останутся лишь двое, он и судья, среди грязных стен и пустых стульев. И он расскажет судье все до конца. «Так вот, — скажет он в заключение, — я убил Лео, не испытывая к нему ненависти... Хладнокровно... без настоящего чувства гнева... С тем же успехом я мог бы не выстрелить, а сказать ему; „Поздравляю тебя, Лео, моя сестра красивая девочка...“ Мое истинное преступление и мое несчастье — равнодушие». Воцарится тишина. Судья посмотрит на него с любопытством, как смотрят на уродца. Затем — грохот отодвигаемого кресла, который отдается эхом в зале суда, как отдается гулким эхом голос под церковными сводами. Судья покинет свой трон и, ступая по пыльному полу непомерно большими ногами, дружелюбно подойдет к нему; маленького роста, щупленький, в черной, достающей до пят мантии, надетой словно для того, чтобы скрыть какой-то физический недостаток. Быть может, из-за того, что он непрерывно восседает в судейском кресле, у него отекают ноги. Маленького роста, щупленький, с огромной головой.

«О синьор судья... синьор судья!» С этими словами он бросится к ногам старика. А тот после секундного молчания скажет: «Ты невиновен в убийстве. Но за неискренность, отсутствие веры, ты приговариваешься к пожизненному заключению». Жестокий приговор. А когда он поднимет голову, то вдруг увидит, что зал снова полон, судья рассеянно глядит куда-то в сторону, а возле него самого стоят два вооруженных охранника. Одно видение в другом. Нелепые химеры.

В действительности все произойдет иначе. Родные найдут ему знаменитого адвоката, и тот в ярких красках обрисует его жизнь примерного сына и брата, который долго подвергался всяческим унижениям со стороны Лео и, не выдержав, отомстил ему. Публика в зале встретит речь адвоката аплодисментами. Вызовут свидетелей. Первой даст показания Лиза. Небрежно одетая, ненакрашенная, она своим фальшиво-проникновенным голосом расскажет о том, как узнала о любовной связи Лео и Карлы. Ее рассказ произведет на публику огромное впечатление. Лиза поведает, как он сказал ей, что намерен убить Лео. И как она ему не поверила.

«Почему?»

«Потому, что сказано это было очень странно».

«Как именно?»

«Спокойно, почти шутливым тоном».

«Знал ли подсудимый об отношениях его матери с убитым?»

«Да, знал».

«Как вел себя убитый в доме своей любовницы?»

«Как хозяин».

«Как долго длилась связь между убитым и матерью подсудимого?»

«Пятнадцать лет».

«А с ее дочерью?»

«Насколько мне известно, всего несколько дней».

«Знала ли дочь о том, что ее мать была возлюбленной убитого?»

«Да, знала».

«В каких отношениях были подсудимый и убитый?»

«В дружеских».

«А деловых отношений между ними не было?»

«Были».

«Что это были за отношения?»

«Точно не помню, но, кажется, речь шла о продаже виллы».

«Правда ли, что подсудимый говорил, будто Лео Мерумечи хочет их разорить?»

«Да, правда...»

«Какие причины заставили вас рассказать подсудимому о любовной связи между убитым и Карлой?»

«Симпатия к подсудимому, дружеские чувства ко всей семье».

«Как убитый относился к Карле прежде?»

«Как отец. Ведь он знал ее еще маленькой девочкой с косичками и голыми ножками!»

«Слыла ли Карла девушкой честной и серьезной?»

«Нет... Суждения о ней были нелестные».

«Думаете ли вы, что убитый был влюблен в Карлу?»

«Нет».

«А Карла — в убитого?»

«И она вовсе не была в него влюблена».

«Считаете ли вы, что убитый намеревался жениться на Карле?»

«Насколько мне известно — нет».

«Правда ли, что убитый не скрывал от Карлы и ее брата своей связи с их матерью?»

«Да, правда».

«Правда ли, что между убитым и его возлюбленной часто вспыхивали ссоры?»

«Да».

«По каким причинам?»

«Мариаграция была очень ревнивой».

«К кому она ревновала убитого?»

«Ко всем знакомым женщинам».

«Подозревала ли Мариаграция свою дочь в связи с убитым?»

«Нет. Больше того, она даже внушала мне, что Лео питает к Карле отцовские чувства».

«Последний вопрос. Верили ли вы, что подсудимый способен на убийство?»

«Нет».

«Почему?»

«Потому что он слишком слабovolен».

Придет в суд мать, одетая в траурное платье, накрашенная, недоступная. Однако не очень уверенная в себе. Она обойдет загородку, за которой сидят свидетели, и направится прямо к судье, точно это ее знакомый. Давая показания, она станет длинно рассказывать всю историю, начав со стародавних времен. Голос ее будет надрывным, она прибегнет к театральным жестам. Черная вуаль будет беспрестанно вздыматься, создавая впечатление, что она вырядилась на бал-маскарад. Защитники закидают ее вопросами и набросятся на нее, как кровожадные зубастые акулы на несчастную жертву. Под конец мать подтвердит, что преданно любила убитого. На вопрос, не лишил ли ее Лео всего имущества, она ответит отрицательно.

«А что вы знали о соvrращении дочери?»

«Со стороны Лео это было безумием, но пусть тот, кто не совершил в жизни ни одного безумства, бросит в него первый камень...»

«Вы это называете безумием?» — с иронией заметит его, Микеле, защитник. Между ним и прокурором начнется словесная перепалка. Судья призовет их обоих к порядку.

«Считаете ли вы, что Лео, желая искупить свой неблагоприятный поступок, потом женился бы на Карле?»

После короткого замешательства мать ответит: «Нет... Я этого не думаю».

Ее показания вызовут сенсацию.

Могла ли она примириться с таким унижительным положением — ее любовник и друг дома стал бы любовником ее дочери?

Мать в растерянности. Потом отвечает: «Нет, но Лео заранее подумал обо всем. Он решил подыскать Карле мужа».

Смех в зале. Язвительные реплики.

«Правда ли, что убитый пообещал Карле дать приданое, когда она выйдет замуж?»

«Да, правда».

«А в обмен, — заметит его защитник, — синьор Лео заранее оставил за собой „право первой ночи“».

Новая ожесточенная перепалка между защитником и прокурором. Публика на его, Микеле, стороне... В зале раздается свист. Председательствующий говорит, что прикажет немедленно очистить зал от публики. Так всегда бывает на громких процессах.

«Правда ли, что между убитым и подсудимым в последнее время происходили весьма бурные объяснения?»

«Да, правда».

«Верно ли, что подсудимый однажды бросил в Лео пепельницу?»

«Да, но промахнулся и попал мне в плечо...»

«Каковы были причины ссоры?»

«Микеле ошибочно считал, что Лео, давая деньги под залог, хотел нас разорить».

«А как вел себя убитый во время той ссоры?»

«Очень достойно. Как благородный человек».

«Правда ли, что между вами и убитым часто бывали ссоры?»

«Нет. Между нами царила полнейшая гармония».

«Но ваша приятельница намекнула, что дело обстояло иначе».

«Это и понятно. У нее есть свои причины, чтобы чернить память покойного».

«Какие именно?»

«О, одна-единственная! Но весьма серьезная. В прошлом она была его любовницей».

Шум в зале.

«Похоже, — бросит реплику его защитник, — этой участи не избежала ни одна из

знакомых покойного!»

«Когда Лиза была его любовницей? До вас?»

«Да».

«На следствии вы обвинили Лизу в том, что она подстрекала вашего сына к совершению преступления? Вы подтверждаете свое обвинение?»

«Да, подтверждаю».

«Чем при этом руководствовалась Лиза?»

«Ревностью и завистью».

«Вы также обвинили ее в том, что она хотела совратить вашего сына?»

«Безусловно... Ведь у этой женщины нет ни стыда, ни совести!»

Слова матери производят сильное впечатление на публику. Судья просит ее не прибегать к столь резким выражениям. Мать бурно протестует.

«Да, — громко крикнет она. — Лиза была и осталась развратной женщиной, способной даже на убийство!»

Судья вторично попросит ее проявлять большую сдержанность.

«Правда ли, что, когда убитый охладел к вам, вы заподозрили Лизу, а не свою дочь?»

«Да. Потому что Лиза явно пыталась возобновить любовную связь с Лео».

«Словом, по вашему мнению, главный виновник преступления — Лиза?»

«Конечно. Это она подстрекала Микеле, разжигала в нем ненависть. В сущности, убийство — ее рук дело...»

«По-вашему, убитый поступил честно, соблазнив вашу дочь?»

«Нет. Но ведь известно — человек слаб. И потом, есть тут вина и Карлы...»

«А — Микеле?»

«Микеле — несчастный, безответственный мальчишка, слепое орудие в руках Лизы. Он слишком безволен, чтобы сам совершить преступление».

Последней из трех даст показания Карла. Это будет утром. Осунувшаяся, бледная, она направится к барьеру, провожаемая жадными взглядами публики. На ней будет светлое платье, светлые чулки и светлая шляпка. На плечах — меховая горжетка. Элегантная молодая женщина, не робкая и не наглая, слегка накрашенная. Старик судья посмотрит на нее так же беззлобно, как прежде смотрел на него. Она облокотится о барьер и медленно начнет свой рассказ. Публика с величайшим любопытством ждет пикантных подробностей. Напряжение в зале все нарастает. Но тут судья велит очистить зал и продолжить слушание дела при закрытых дверях. В ответ — ропот, свистки. Но приходится подчиниться. Постепенно зал пустеет. Карла остается единственным ярким пятном на фоне серых стен и черных судейских мантий. Допрос свидетельницы продолжается.

«Правда ли, что в последнее время между убитым и вами были интимные отношения?»

«Да, правда».

«Знали вы о любовной связи между вашей матерью и убитым?»

«Конечно, — с детских лет».

«Как, с детских лет?»

«Однажды, еще маленькой девочкой, я увидела в зеркале, как они обнимались».

«А знали ли вы, что убитый не мог или не хотел жениться на вас?»

«Да, знала».

«Было ли вам известно, что убитый присвоил почти все ваше имущество?»

«Да, мне и это было известно».

«И, несмотря на все, вы сошлись с ним?»

«Да».

«Почему?»

«Сама не знаю».

«Как вел себя с вами убитый? Как влюбленный или как развратник?»

«Как развратник».

«Значит, он вас не любил?»

«Наверно, нет».

«Каким образом начались ваши интимные отношения?»

«Однажды, когда я была одна дома и, скучая, почитывала книгу, пришел Лео. Завязалась теплая интимная беседа. Постепенно его возбуждение передалось мне. Лео поцеловал меня и пригласил к себе домой».

«И вы пошли?»

«Да — на следующий день».

«И что там произошло?»

«Все, что бывает при любовной встрече».

«Встречались ли вы после этого у него дома?»

«Да, каждый день».

«Правда ли, что Лиза застала вас в передней после бального вечера и вы сидели обнявшись?»

«Да, раз она это утверждает».

«Не боялись ли вы, что мать застанет вас в объятиях Лео?»

«Нет».

«Не думали ли вы, что губите себя, связавшись с этим человеком?»

«Нет».

«Почему?»

«Мне было все равно».

«Мать скрывала от вас свою связь с убитым?»

«Нет. Больше того, делилась со мной своими переживаниями».

«Убитый говорил с вами о матери?»

«Да».

«Как он о ней отзывался?»

«Плохо».

«Что он о ней говорил?»

«Что она старая, глупая и что он ее разлюбил».

«По словам вашей матери, убитый, несмотря на любовную связь с вами, собирался подыскать вам мужа и даже дать приданое? Это правда?»

«Нет».

«Откуда вам это известно?»

«Потому что Лео предложил мне бросить мать и брата и обещал снять маленькую комнатку, где бы мы могли встречаться».

«И вы согласились?»

«Со временем скорее всего согласилась бы».

«Убитый не боялся, что Микеле заставит вас порвать с ним?»

«Нет».

«Почему?»

«Он был убежден, что, если дать Микеле немного денег, он оставит нас в покое».

«А ваша мать?»

«Мать вначале устроила бы истерику, но в конце концов тоже утешилась бы...»

«Знали ли вы о частых ссорах между убитым и Микеле?»

«Да, однажды вечером Лео пригрозил Микеле надрать ему уши».

«А как отреагировал ваш брат?»

«Микеле кинул в него пепельницу, но попал в маму».

«Брат когда-нибудь говорил вам о намерении убить Лео?»

«Никогда».

«Как относился Микеле к семейным неурядицам?»

«Равнодушно. Он человек безвольный».

Потом и Карла удалится. Но сначала она подойдет к нему, чтобы попрощаться. Он представил себе, как это произойдет. Смущенная, печальная, она поглядит на него

умоляюще и растроганно, спросит о его здоровье. Он крепко пожмет ей руку. Потом она направится к дверям, слегка покачивая бедрами. И по дробному стуку высоких каблуков, по короткой дешевой юбке, по осторожным движениям, по ее неуверенному виду он поймет, как тяжело ей приходится в этой новой жизни. Впрочем, он это уже понял по жалкому траурному платью матери, утерявшей все свое прежнее достоинство.

Все три женщины, неразрывно связанные с его жизнью, сестра, мать и любовница, уйдут к себе домой. Суд возобновится.

Затем выступит прокурор. Произнесет гневную речь. Постарается в мрачных тонах обрисовать атмосферу лжи и разврата, в которой только и могло произойти подобное гнусное преступление. Он признает, что у обвиняемого есть смягчающие вину обстоятельства, но докажет, что убийство было предумышленным. «Господа присяжные заседатели! — воскликнет он, стукнув кулаком по столу. — Налицо предумышленное преступление. Обвиняемый, согласно показаниям свидетельницы, узнал от нее, что Лео Мерумечи соблазнил его сестру, и, уходя, в шутовском тоне сказал, что убьет соблазнителя... Значит, обвиняемый уже принял решение, — и Мерумечи был обречен. Обвиняемый не собиравшийся с ним объясниться, а заранее решил его убить. Для этого он пошел к нему домой. Тут не может быть никаких сомнений. Что же касается Лизы Бокка, то она, очевидно, дала ложные показания. Между разговором со свидетельницей и преступлением прошло почти два часа. Что делал обвиняемый в это время? Выйдя из дома своей возлюбленной, он направился в ближайший оружейный магазин (заметьте, он находится на той же улице, где живет свидетельница!) и купил за семьдесят лир пистолет. Потом он какое-то время бесцельно бродит по городу, одинокий, как корабль в бурю, с единственной мыслью отомстить оболгавшему своей сестры, кровью смыть позор. Представьте себе, как он с заряженным пистолетом в кармане останавливается у витрин магазинов, идет дальше, сворачивает на улицу, где жил Лео Мерумечи, снова идет дальше, возвращается, наконец, подходит к дверям его дома. Он долго колеблется, наконец входит, поднимается по лестнице... И вот, вообразите себе, как он проникает в дом своего врага! Лео Мерумечи идет ему навстречу, веселый, радостный, с дружеской улыбкой... С беспечной улыбкой человека, господина присяжные заседатели, не подозревающего, что он идет навстречу собственной гибели. Протягивает обвиняемому руку... И тут обвиняемый стреляет. Лео Мерумечи падает. Обвиняемый наклоняется и спокойно, безжалостно приканчивает его выстрелом в висок. Затем с хладнокровием закоренелого преступника закрывает за собой дверь и идет в полицию». Прокурор подробно разберет, как упорно, неумолимо обвиняемый преследовал свою цель — убить Лео Мерумечи. «А ведь он знал, что Карла, как это явствует из показаний свидетелей, отнюдь не была невинной, чистой девушкой. Совсем наоборот. И, значит, о соvrращении в подлинном значении этого слова говорить не приходится».

Слова прокурора произведут сильнейшее впечатление, и свою обвинительную речь прокурор закончит так: «Карла — одна из тех девушек, которые с самых юных лет бывают склонны к пороку. Сегодня один любовник, завтра — другой. Увы, в наше ужасное время таких безнравственных особ — великое множество». Он подчеркнет, что скорее всего не Лео соблазнил Карлу, а она его, из злорадного чувства соперничества с матерью. «Господа присяжные заседатели, — скажет он в заключение. — Никто не может самочинно вершить правосудие и тем более считать, что бог повелел ему покарать врата. Подсудимый осмелился взять на себя роль судьи. Он вынес своему врагу бесчеловечный, жестокий приговор и привел его в исполнение. В этом — главная вина подсудимого. Убийство было совершено не в порыве ярости или праведного гнева. Обвиняемый тщательно обдумал свое кровавое преступление. Не забывайте, что для подсудимого Лео Мерумечи стал трупом задолго до своей смерти. Подсудимый как бы заранее вырыл для несчастного могилу. „А ты, Микеле, — воскликнет прокурор, обращаясь к нему, — прими приговор, как возмездие за свое преступление. Лишь после того, как ты искупишь в тюрьме свой грех и очистишься, ты сможешь вернуться в семью и в общество“.

„Непонятно, почему судьи и прокуроры любят обращаться к обвиняемым на „ты“, —

подумал Микеле. Он покачал головой. — Ты ошибаешься, господин прокурор, — с иронией подумал он. — Глубоко ошибаешься. Не было и не будет ни очищения, ни искупления греха, ни даже любви к семье... Равнодушие, одно только равнодушие“. Он печально улыбнулся. А кто выступит после прокурора? Его защитник. Знаменитый адвокат, новый Демосфен поднимется и весьма нелестно обрисует всех участников этой истории. Не преминет он и воссоздать мрачную атмосферу в семье обвиняемого. Мать — бесчестная, порочная женщина. Лео — настоящий ростовщик и развратник, Лиза — сплетница, падкая до любовных утех. А подсудимый и его сестра Карла — лишь жертвы. Их отец был алкоголиком. (У подсудимых, если верить адвокатам, отцы всегда алкоголики.) Они росли без материнской любви, без веры. Откуда же у подсудимого могли быть моральные устои?!

„Вначале — любовник Лизы, а затем — матери подсудимого, — воскликнет адвокат, — Лео затем стал любовником Карлы. А ведь она была дочерью его прежней любовницы, дочерью, господина присяжные заседатели!.. Этот человек знал ее маленькой, невинной девочкой с длинными косичками. Он держал ее на коленях и, если можно так выразиться, взрастил для своих любовных прихотей... Он превратил этот дом в гарем!.. — патетически воскликнет адвокат. — Но и этого ему было мало... Он простер свои жадные руки к имуществу семьи...“ И, наконец, сложив камень за камнем зловещее здание преступлений Лео Мерумечи, красноречивый адвокат великолепно поставленным голосом возгласит: „Убийство было актом правосудия“. Микеле живо представил себе адвоката, этого Цицерона с багровым лицом и разметавшейся гривой волос. Грохнув кулаком по столу, он прорычит: „Неужели вы осудите моего подзащитного?! Ведь он лишь отомстил за поруганную честь сестры“.

И тут, подняв глаза, он увидел, что идет по улице, где живет Лео.

Он похолодел от страха. „Вот оно, начинается“, — в ужасе подумал он. Улицу он узнал по прежним рассказам Лео. Много новых домов, большие безлюдные сады, по обеим сторонам строящиеся дома, тротуары — немощные, редкие прохожие, никто не оборачивается и вообще не обращает на него никакого внимания. „Но я здесь, чтобы убить Лео“, — подумал он. Это показалось ему невероятным. Он сунул руку в карман, потрогал пистолет. Убить Лео означает обгадить руки кровью, навсегда лишит врага жизни. „Лео нужно убить“, — лихорадочно проносилось у него в голове.

„Убить... искусно... Так, чтобы никто не услышал выстрела... прицелиться в грудь... Он упадет. Я нагнусь и неторопливо, бесшумно его прикончу“. Минутная сцена вдруг представилась ему бесконечно долгой, распадающейся на ряд эпизодов. Его бил озноб. „Надо убить Лео незаметно. Тогда все будет хорошо“.

Небо было серым; редкие прохожие, виллы, сады. Промчался автомобиль.

„В кармане — пистолет, вот — рукоятка, вот — курок“. Микеле остановился, чтобы посмотреть номер дома, и его поразило собственное спокойствие.

„Если я и дальше буду так же спокоен, ничего не выйдет, — со страхом подумал он. — Надо рассвирепеть, преисполниться гнева...“ Он двинулся дальше — дом номер семьдесят три был в конце улицы. „Нужно разжечь в себе ярость, — снова подумал он. — Так... Почему я должен ненавидеть Лео?... Он соблазнил мать, затем — сестру... Всего несколько дней тому назад в своем доме он овладел ею... Нагая, обесчещенная... Моя сестра обесчещена... Моя сестра!.. С моей сестрой он обошелся, как с гулящей девкой... Овладел ею на своей грязной постели... Голая, она лежала в его объятиях... уступив похоти этого зверя... Какой позор!.. Я содрогаюсь при одной мысли об этом!.. Он опозорил Карлу“.

Он провел рукой по подбородку, в горле у него пересохло. „К черту Карлу“, — с отчаянием подумал он, чувствуя, что не в силах возненавидеть Лео. Все эти видения не привели его в ярость... Он снова остановился и посмотрел номер дома — шестьдесят пять. И тут он отчаянно испугался, что не решится на убийство. Сунул руку в карман, нервно стиснул пистолет. „К дьяволу их всех!.. Наплевать на причины... Я решил убить его и убью“. Он ускорил шаг, минуя один дом за другим — все быстрее и быстрее. „Лео надо убить, и я его убью... Вот и все причины!..“ Дом семьдесят пять, семьдесят шесть... перекресток...

семьдесят семь, семьдесят восемь. Внезапно он побежал, пистолет больно бил о бедро. Он заметил, что навстречу ему идет по тротуару девочка лет десяти, держа за руку совсем маленького мальчика. Он подумал, что, пожалуй, поравняется с ними у дома Лео. Но все-таки успел первым добраться до ворот и юркнул в них, пожалев, что бежал слишком медленно. „Самое приятное было бы, — мелькнула мысль, — если бы Лео не оказалось дома“. Он торопливо поднялся по лестнице и на второй лестничной площадке увидел номер квартиры Лео. Надпись на медной дощечке гласила: „Кавалер Лео Меру-мечи“.

Он не позвонил — хотел сначала отдышаться. Постоял перед закрытой дверью, дожидаясь, когда сердце успокоится и перестанет бешено колотиться. Но сердце продолжало гулко биться в груди, и он невольно судорожно ловил ртом воздух. „Даже сердце и легкие, — с досадой думал он, — не подчиняются мне. — Он приложил руку к груди, стараясь унять нервную дрожь. — Сколько еще времени пройдет, прежде чем я не только душой, но и телом буду готов к действию?“ Он сосчитал до шестидесяти, продолжая стоять в нелепой позе солдата, застывшего по стойке „смирно“, перед закрытой дверью. Снова начал считать... Наконец устал, махнул рукой и позвонил. Трель звонка эхом отозвалась в пустой квартире. Ни шороха, ни звука шагов. „Лео нет дома“, — с радостью и величайшим облегчением подумал он.

„Позвоню еще раз для очистки совести и потом уйду“. Собравшись снова нажать кнопку звонка, он уже представил себе, что опять выходит на улицу и отправляется гулять по городу, свободный, беззаботный. Он уже забыл о своих планах мести, как вдруг за дверью послышались тяжелые шаги. Дверь открылась, и на пороге появился Лео.

Он был в незастегнутом халате, надетом на голое тело. Взлохмаченный, мрачный. Он посмотрел на Микеле сверху вниз и зевнул.

— А, это ты, — сонным голосом сказал он, не приглашая Микеле войти. — Что тебе надо?

Они поглядели друг на друга.

„Что мне надо?! — хотелось крикнуть Микеле. — Тебе, негодяй, это и самому отлично известно!“ Но он сдержался. У него словно сдавило тисками грудь.

— Ничего, — выдохнул он. — Всего лишь поговорить с тобой.

Лео поднял глаза и смерил его наглым взглядом. На лице его была написана досада.

— Поговорить. Со мной? Чего вдруг? В такой поздний час?! — с преувеличенным изумлением сказал он, по-прежнему стоя на пороге. — Что же ты собираешься мне сообщить?... Послушай, Микеле, — добавил он, пытаясь закрыть дверь. — Я еще не совсем пришел в себя после сна. Не лучше ли нам встретиться в один из ближайших дней? Можно даже завтра. — И хотел захлопнуть дверь.

„Лжешь, ты вовсе не спал!“ — подумал Микеле. Внезапно ему все стало ясно. „Карла у него... в его спальне“. И он тут же представил себе, как она, голая, сидит на краю постели и напряженно прислушивается к разговору между любовником и неведомым посетителем. Он резко толкнул дверь.

— Нет, — сказал он прерывающимся голосом. — Нет, я хочу поговорить с тобой сегодня... Сию минуту.

Лео на миг растерялся.

— Ну хорошо, — процедил он наконец сквозь зубы, явно давая понять, что не следует злоупотреблять его долготерпением. Микеле вошел в переднюю.

„Карла там, в спальне“, — подумал он в сильнейшем волнении.

— Признайся, — с трудом проговорил он, когда Лео затворил дверь и дружески положил ему руку на плечо, — признайся, — я помешал приятной беседе. Ведь в спальне у тебя сидит гость или гостья... Скорее всего красивая девушка, не так ли?

Лео повернулся и противно, с нескрываемым самодовольством усмехнулся.

— Что ты, — никого!.. Я спал, — слабо возразил он.

Микеле понял, что не ошибся.

Он сунул руку в карман и крепко сжал пистолет.

— Я крепко спал, — повторил Лео, идя впереди него по коридору. — Спал и видел чудесные сны.

— Ах, вот как?!

— Да... А ты пришел и разбудил меня.

„Нет, стрелять ему в спину не буду“, — подумал Микеле. Он вынул пистолет и, прижимая локоть к бедру, прицелился в Лео... „Едва он обернется, я выстрелю“.

Лео вошел в гостиную, подошел к столу, закурил сигарету. В халате он был похож на борца перед выходом на ринг. Всклопоченный, большеголовый, он стоял, широко расставив ноги, спокойно, как человек, абсолютно уверенный в себе. Потом наклонился, чтобы потушить спичку. Обернулся. И тут Микеле, впервые ощутив к нему ненависть, вскинул руку и выстрелил.

Ни грохота, ни дыма. При виде наведенного пистолета Лео в величайшем испуге замычал и молниеносно спрятался за стул. Сухо щелкнул курок. „Осечка“, — подумал Микеле.

— Ты спятил! — завопил Лео.

Он схватил стул и замахнулся, снова превратившись в удобную мишень. Микеле резко наклонился вперед и выстрелил во второй раз. И снова глухо щелкнул курок. „Пистолет не заряжен, — сообразил он наконец. — А патроны у меня в кармане“. Лео бросил в него стул. Микеле увернулся, стул пролетел мимо. Он отскочил к противоположной стене. Во рту пересохло, сердце бешено колотилось.

„Патрон, хоть бы один патрон успеть вынуть!“ — с отчаянием подумал он. Он наклонился, лихорадочно нащупал в кармане несколько патронов, поднял голову и торопливо, непослушными пальцами, попытался зарядить пистолет.

Но Лео заметил его маневр и сбоку изо всех сил ударил Микеле стулом сразу по рукам и по колену. Он невольно разжал пальцы, и пистолет упал на пол. От боли он на миг зажмурился. Его охватил неукротимый гнев... Он бросился на Лео; пытаясь схватить его за горло. Но Лео перехватил его руку. Завязалась борьба. Лео швырнул его влево... вправо, затем толкнул с таким остервенением, что Микеле с размаху ударился о стул и шлепнулся на диван. Лео мгновенно очутился рядом, подмял его под себя и схватил за запястья.

Они взглянули друг на друга. Багровый, задыхающийся под тяжестью врага, Микеле попытался освободиться. Но, как он ни извивался, все было напрасно. Наконец боль и бессильная злоба на самого себя заставили его сдаться. Он подумал, что никогда еще жизнь не обходилась с ним столь жестоко. Вновь, как в детстве, он ощутил потребность в ласковом прикосновении материнской руки, утешавшей его в горестях. Глаза его наполнились слезами. Он разжал ослабевшие пальцы и затих.

Лео не отрывал от него бдительного взгляда. Халат его совсем распахнулся, голая волосатая грудь бурно вздымалась, большие ноздри раздувались с каким-то звериным бешенством. Он пристально, еле сдерживая ярость, смотрел Микеле прямо в глаза.

— Ты ненормальный! — воскликнул Лео, тряхнув головой. И после секундного раздумья отпустил его.

Микеле поднялся, потирая вспухшие запястья. Лео стоял посреди комнаты, рядом валялся опрокинутый стул, а в углу зловещим пятном чернел пистолет. „Да, все кончено... И притом самым бессмысленным для меня образом“. Но он никак не мог решить, должен ли он и дальше изображать негодование либо честно признаться, что ему страшно... Он смотрел на Лео и машинально потирал запястья.

— Ты доставишь мне огромное удовольствие, — сказал наконец Лео, повернувшись к двери, — если уберешься вон, и немедленно.

Он хотел нещадно обругать Микеле, но в последний момент сдержался.

— И учти, — добавил он, — об этой твоей идиотской выходке я обязательно расскажу матери.

Но Микеле не двинулся с места. „Он меня не осыпает бранью, не грозит избить, потому что надеется поскорее выпроводить, — подумал Микеле. — Он явно боится, что я увижу

Карлу. Она наверняка — в спальне“.

Он смотрел на дверь в спальню и удивлялся, что она ничем не отличается от всех остальных и ничем не выдает присутствия там Карлы. Он представил себе, как Карла в одной сорочке бросается назад, в спальню, край сорочки застревает в дверях и отрывается.

— Где Карла? — спросил он твердым голосом.

На наглом лице Лео промелькнул испуг, — но лишь на миг.

— Карла? — повторил он с величайшим изумлением. — Откуда мне знать? Может, сидит дома, а может, гуляет по городу. — Он подошел к Микеле и крепко сжал его локоть. — Не соизволишь ли ты наконец убраться?

— Поосторожнее! — крикнул Микеле, побледнев и пристально глядя на Лео. Но даже не попробовал вырваться. — Не думай — я тебя не боюсь. Когда захочу, тогда и уйду.

— Может, ты все-таки соизволишь убраться отсюда?! — повторил Лео, повышая голос. Он поволок Микеле к двери, тот отчаянно упирался.

— Я знаю, — закричал он, — что Карла в твоей спальне.

Лео больно толкнул его в спину.

— Пусти, — завопил он. Но Лео еще сильнее заломил ему руку.

— Нет, уйдешь, как миленький, уйдешь! — со злобной радостью процедил он сквозь зубы. — В своем доме — я хозяин и волен делать все, что мне вздумается.

Он грубо толкал Микеле в спину, не давая ему никакой возможности вырваться.

— Негодяй! — закричал Микеле, чувствуя, что вот-вот упадет. — Подлый негодяй!

— Да, да, — негодяй! — подтвердил Лео, выталкивая его в коридор. — Но сколько бы ты ни надрылся, из дома моего ты сейчас уберешься.

В эту секунду дверь спальни отворилась, и вошла Карла.

Сна была без жакета — в короткой юбке и шерстяной коричневой блузке. Похоже, что одевалась она впопыхах. Растрепанные волосы, лицо — усталое и помятое, какое бывает у женщин, не успевших утром привести себя в порядок. Она закрыла дверь и, не спуская глаз с Микеле, вышла на середину комнаты.

— Услышала шум, — сказала она, — и решила посмотреть, что происходит.

— Как! — воскликнул Лео, который после секундного замешательства бросил Микеле и подбежал к ней. Он грубо схватил ее за руку. — Как ты посмела выйти?! Я же тебе велел оставаться в спальне! Хорошо же ты ко мне относишься! Да вы оба ненормальные!.. Как ты могла?!

От ярости он не в силах был выговорить больше ни слова. Наконец он сумел совладать с нервами.

— Но раз уж ты вышла, — пробурчал он, — то полюбуйся на своего братца. Хорош, нечего сказать! Врывается в чужой дом и стреляет в людей. Впрочем, разбирайтесь сами... Я умываю руки...

Он отошел к окну и с деланно спокойным видом сел в кресло.

Микеле смотрел на сестру. Куда девался весь его гнев? Испарился при одном появлении Карлы. Если б Лео так бесцеремонно не схватил Карлу за руку и не будь она одета так небрежно, он не мог бы с уверенностью сказать, что сестра — любовница Лео.

„Представляю, в каком она была виде, когда я пришел!“- подумал он, жадно стараясь отыскать следы недавней любовной сцены. Томное выражение на усталом лице, круги под глазами, остатки помады в углах губ, блуждающий взгляд — все подтверждало его подозрения. Но само тело, которое только что содрогалось от неистовых ласк Лео было совершенно таким же, как всегда.

Лишь видневшаяся из-под не застегнутой доверху блузки белая полоска груди казалась чуть припухшей. Разыгравшееся воображение, помогло ему живо представить себе, что все ее тело, наверно, в синяках от страстных поцелуев Лео.

— Поздравляю, — с трудом выговорил он наконец. — Но, право же, незачем было одеваться... Ты могла, как и Лео, выйти в одном халате.

Он показал на Лео. Тот с силой запахнул халат на груди.

Короткое молчание.

— Микеле, не будь таким жестоким! — внезапно сказала Карла жалобно, просяще. — Дай мне объяснить...

— Что тут объяснять! — Микеле подошел к столу и тяжело на него оперся. — Не знаю, любишь ли ты его, — продолжал он так, словно Лео вообще не было в комнате, — но одно ясно — ты сама, своими руками погубила себя... Ведь ты знала, что это за человек и как он дорог маме. И все-таки отдалась ему..., К тому же я уверен, что ты его не любишь...

— Не люблю, — не поднимая глаз, подтвердила Карла. — Но была другая причина!

„А, вот оно что! Была другая причина!“ — повторил про себя Лео. Он смотрел на обоих, брата и сестру, с презрительным любопытством. Гнев его утих, и теперь он спокойно ждал, как дальше развернутся события. „Я бы мог легко объяснить, что это за причина, — думал он, вспоминая, с каким сладострастием Карла предавалась любви всего десять минут назад. — Причина эта называется похотью, жаждой наслаждений...“

— Ты сама не знаешь, почему решила на эту низость, — продолжал Микеле. Он вошел в роль, и ему казалось, что он читает в ее виновато опущенных глазах, как в раскрытой книге. — И ничего не сможешь объяснить.

— Нет, знаю, — возразила она, окинув его быстрым взглядом.

— Тогда объясни.

Карла в смятении переводила взгляд с Микеле на Лео. „Чтобы начать новую жизнь“, — хотела она ответить. Но у нее не хватало духу. Прежняя искренняя надежда теперь казалась ей глупой и нелепой. Ведь что изменилось в ее жизни, кроме того, что она утратила девственность?! Стыд, боязнь, что ей не поверят и поднимут ее на смех, мешали ей признаться в своей давней несбыточной мечте. Она опустила голову, так ничего и не сказав.

— Я сам тебе скажу — почему! — воскликнул Микеле, очень довольный собой и в то же время страшно злой оттого, что приходится играть роль сурового обвинителя. («Что я — отец семейства?») — подумал он.) — В минуту слабости и тоски ты покорно уступила домогательствам Лео. Только потому, что он оказался рядом. Иначе бы ты сошлась с любым другим, прояви тот настойчивость... Ты отдалась ему без всякого чувства. Чтобы хоть что-то сделать.

— Да... хоть что-то, — повторила она.

«И это она называет „сделать хоть что-то“», — усмехаясь, подумал Лео. Он не испытывал жалости ни к ней, ни к Микеле. Но больше всего его злило, что Микеле, этот сумасбродный мальчишка, который пытался его застрелить и при этом забыл зарядить пистолет, и эта шлюшка Карла, которая всего несколько минут назад лежала голая в его объятиях и позволяла ему все, изображают из себя суровых судей. С заоблачных высей, в ореоле святости, с ангельскими крылышками за плечами, они разыгрывают из себя чистых и благородных, а его бесчестят, смешивают с грязью. «Хватит притворяться! — хотелось крикнуть ему. — Не надевайте на себя личину благонравия, прервите обвинительные речи... Назовите вещи своими именами... Не притворяйтесь так нагло... Будьте самими собой». Однако он сдержался — очень уж ему хотелось посмотреть, чем кончится объяснение между братом и сестрой.

— А потом ты поняла, что ничего не изменилось, — продолжал Микеле. — Вырвалась из невыносимых условий, чтобы попасть в условия такие же безотрадные и тоскливые... Вот как все было!..

Он на миг умолк, взглянул на Карлу и увидел, что она застыла в неподвижности. Упрямо молчит и выслушивает его упреки, хотя и почтительно, даже покорно, как и подобает хорошей сестре, но совершенно равнодушно. И уж наверняка не чувствует за собой вины. В то же время он понимал, что и вся эта сцена — от начала до конца надуманная, фальшивая, что он принуждает себя действовать, — и ему стало нестерпимо больно и стыдно.

«Вокруг сплошная тьма! — подумал он. — Черная, непроглядная».

Он опустил глаза.

— Все придется начинать сначала, — проникновенно, но очень неуверенным голосом сказал он. — Наши ошибки порождены скукой, отчаянным желанием поскорее насладиться жизнью... Ты не любишь этого человека, я не испытываю к нему ненависти... И все-таки наши судьбы, хоть и по-разному, переплелись с его судьбой... — Сердце сдавила тоска. От сознания собственного бессилия ему хотелось закричать. Но он лишь горько заключил: — Должна же когда-нибудь и для нас начаться новая жизнь!

— Новая жизнь? — словно эхо, с тоской повторила Карла.

Она подошла к окну. Первые капли дождя упали на пыльные стекла. Какое-то мгновение она зачарованно смотрела в окно. Новая жизнь! А тюка ничего не изменилось. Ее грязная любовная интрига так и осталась грязной интригой, и ничем иным. Ей показалось, что она вот-вот задохнется.

— Нет, — звонким голосом, не оборачиваясь, сказала она. — Не верю, что для нас может начаться новая жизнь. Пойми, я сошлась с ним, — она смущенно показала на Лео, неподвижно сидящего в кресле, — ради новой жизни... А теперь вижу, что ничего не изменилось... Лучше больше и не пытаться!.. Жить как живется.

— Нет же, нет! — воскликнул Микеле, но в голосе его, не было ни веры, ни горячности. Теперь, когда мало было одного сострадания к Карле, а нужно было как-то ей помочь, он со страхом понял, что теряет последнюю надежду. — Ничего не изменилось только потому, что ты не любила и не любишь Лео... Это была роковая ошибка... Чтобы изменить жизнь, надо всегда быть искренним!

Ему вдруг показалось необычайно странным, что все свои недостатки он приписывает другим, как те психические больные, которые считают больными всех окружающих. Он подумал, что он безнадежный эгоист, не видит никого, кроме самого себя, и совершенно не понимает Карлу.

— Во всяком случае, так мне кажется, — обескуражено добавил он. — Тебе надо расстаться с Лео, которого ты не любишь... Продадим виллу, вернем ему долг, а если и нам кое-что останется, — тем лучше. Осточертевшие званые вечера, все те же приятели, та же обстановка, — со всем этим мы расстанемся! Поселимся в нескольких комнатах — это и будет нашей новой жизнью.

Но голос его звучал вяло, неуверенно, он и сам это ощущал. Нет в нем самом ни жара, ни сердечности, ни внутренней силы, а есть лишь равнодушие и усталость. Он даже не в состоянии ласково положить Карле руку на плечо.

Карла отвела взгляд от грустных, без искорки надежды глаз брата и уставилась в окно.

— Нет, это невозможно, — сказала она наконец, словно разговаривая сама с собой. В комнате воцарилась тишина.

Едва Микеле умолк, Лео почувствовал, что холодеет от страха. Куда девались все его высокомерие и сарказм! «Продать виллу... Этот сумасшедший на все способен», — подумал он. Но если эта семейка продаст виллу, он упустит выгоднейшее дело. Если они пригласят экспертов, то выяснится истинная цена этого огромного дома. Ведь вилла находится в одном из самых фешенебельных кварталов города, да еще окружена большим садом, который можно выгодно продать по частям. Тогда их уже не переубедишь.

«Для них — новая жизнь, а для меня — самая настоящая катастрофа», — подумал он.

Неожиданно в голову ему пришла спасительная идея. И как врачи в тяжелых случаях, не мешкая, прибегают к крайним мерам, так и он решил тут же ее осуществить.

— Подождите, — воскликнул он. — Подождите, а обо мне вы подумали?!

Он вскочил, резко отстранив Микеле, схватил Карлу за руку и заставил ее сесть.

— Садись вот сюда, в это кресло!

Карла так покорно выполнила его приказание, что Микеле стало не по себе.

«Ничего у нас не выйдет», — с тоской подумал он. Лео тоже сел — напротив Карлы.

— Конечно, мы поступили плохо, — начал он с той твердой решимостью, которую проявлял во всех своих делах. — Совершили немало ошибок... И пока вы тут разговаривали, я все думал об этом. И в первую очередь о тебе, Карла. Так вот! Что ты скажешь, если я, в

искупление грехов, предложу тебе выйти за меня замуж?

На его мясистых губах играла плотоядная, торжествующая улыбка. Он заранее был уверен в успехе.

— Ну, что ты на это скажешь? — повторил он и, перегнувшись, схватил ее за руку.

Карла попыталась высвободиться, но не смогла.

— Пожениться? — сказала она с горькой улыбкой. — Нам с тобой пожениться?

— Да — пожениться, — подтвердил Лео. — Что здесь такого особенного?

Карла покачала головой. Ей была противна сама мысль о подобном браке, — ведь мать, бывшая любовница мужа, будет жить под одной с ними крышей, постоянно ревнуя ее к Лео. И потом, уже поздно. Она и сама не знала почему, но была твердо уверена — им слишком поздно жениться. Слишком хорошо они знали друг друга, чтобы стать мужем и женой... Лучше им разойтись, расстаться... Либо — почему бы и нет — остаться любовниками. В первую минуту она инстинктивно почувствовала такое отвращение к подобному исходу, который никак не вязался с ее прежними наивными и целомудренными представлениями о замужестве, что браку с Лео она предпочла бы самую жалкую, постыдную жизнь. Так ей думалось, но она молчала, точно околдованная улыбкой и победным взглядом Лео. И тут на плечи ей легли руки Микеле.

— Прошу тебя, откажи ему, — тихонько прошептал он, чтобы не услышал Лео.

Тот отпустил руку Карлы и вскочил.

— Может, ты наконец оставишь в покое свою сестру?! — в бешенстве крикнул он. — Это ей, а не тебе нужно выйти замуж!.. Сделать разумный выбор... И вообще, лучше бы ты вышел из комнаты и дал нам спокойно поговорить. Потом мы сами тебя позовем.

— Никуда я отсюда не уйду, — с вызовом ответил Микеле.

Лео зло махнул рукой, но промолчал.

— Так подумай хорошенько, Карла! — сказал он, снова сжав ее руку. — Подумай — и реши... По-моему, я для тебя не такая уж плохая партия. У меня деньги, солидное положение, меня знают и уважают влиятельные люди... Так что подумай. — Он на миг умолк. — И потом, — добавил он, — в твоём-то положении, какие у тебя шансы найти другого мужа?

— Как это... в моем положении? — пристально глядя на него, переспросила Карла.

— А вот так, — с кривой усмешкой сказал Лео. — У тебя нет ни гроша, да и репутация довольно скверная. Поэтому...

— Скверная, — прервала она его звенящим голосом.

— Да, скверная, — повторил Лео. — Все твои приятели всерьез тебя не принимают... Одним словом, поразвлекься они всегда готовы, а жениться — не больно-то. Ничего хорошего от них не жди...

В комнате снова стало тихо. Они посмотрели друг на друга.

«Это ты и мама виноваты, что так ко мне относятся!» — хотелось ей крикнуть любовнику в лицо. Но она сдержалась и лишь печально опустила голову.

— А я, — продолжал Лео, — все бы уладил... И не только ты, но и вся семья зажила бы по-иному... Мариаграцию мы взяли бы к себе... Микеле стал бы работать... Пожалуй, я бы сам подыскал для него какое-нибудь местечко...

После каждого нового обещания он пристально смотрел на Карлу, как лесоруб, который после каждого удара топором смотрит, скоро ли упадет подрубленное дерево. Но Карла глядела в окно, исхлестанное струями дождя, и молчала.

Гостиную постепенно окутала темная, сырая пелена. И в этой полутьме Микеле безостановочно расхаживал по комнате. «Подыщет местечко... Я стану работать... — в смятении повторял он. — Лео наверняка говорит правду... И свои обещания он, пожалуй, выполнит... Я начну зарабатывать... — Его зыбким порывам честности Лео противопоставлял твердые обещания. — Что же выбрать?»

Искушение было сильным — деньги, знакомства, женщины и, может, путешествия, веселые развлечения... Во всяком случае, это будет надежная, спокойная, дарящая немало

радостей жизнь, и пройдет она в интересной работе, дружеских беседах, шумных празднествах... Вот сколько счастливых перемен принесет ему замужество Карлы... И вовсе он не продаст свою сестру, — он не верит в эти громкие слова, звучащие, как грозное обвинение, не верит в такие понятия, как честь и долг... И, как всегда, он оставался равнодушным, вялым и равнодушным.

«Ничего ей не скажу, — решил он, с трудом устояв перед соблазном... Пусть сама сделает выбор... Согласится — хорошо, откажет ему — тоже хорошо». Но он чувствовал и понимал, что поступает подло. Он поднял глаза и посмотрел в окно.

В блеклом свете, на фоне серых стекол, четко выделялись два черных пятна — копна волос Карлы и шевелюра Лео...

«Верно, идет дождь», — подумал он. Он снова зашагал по комнате... Но то и дело останавливался и смотрел на Лео и Карлу. Где он уже видел эти две фигуры у окна? Каждый раз, когда он бросал на них взгляд, ему становилось нестерпимо грустно.

«Вот, я меряю шагами темную гостиную, — думал он. — А они сидят у окна и беседуют о чем-то своем... Мы бесконечно далеки друг от друга. Точно нас разделяет невидимая стена... Почему так происходит? Словно мы каждый сам по себе, и один не замечает другого. — На глаза у него навернулись слезы. — Где же все-таки я их видел?»

А Лео продолжал убеждать Карлу.

— Если ты не решаешься из-за Мариаграфии, то напрасно. Клянусь тебе, между нами все давно кончено!

Он умолк. Карла покачала головой.

— Нет, не из-за мамы, — ответила она.

— Может быть, из-за Лизы?

— О нет!

— Тогда из-за чего же? — воскликнул он. — Почему бы тебе не согласиться? Не вижу причин для отказа... Надеюсь, — добавил он, крепче сжав руку Карлы, — не из-за нежных чувств к другому.

Карла посмотрела на него. Первым ее побуждением было отвергнуть его. Но теперь она ясно видела, что ждет ее впереди.

«В самом деле, почему я должна отказать ему, если уже ему отдалась, пусть не душой, но телом?» Она вся словно окаменела. Доводы Лео ее не убедили, о нет! «Мы не любим друг друга, — подумала она. — И брак наш будет несчастлив». Но доводы Микеле показались ей просто ребяческими. «Жизнь не меняется. И никогда не изменится. Лео прав... Лучше нам пожениться». И она уже готова была покориться судьбе, ответить ему с робкой, стыдливой улыбкой: «Я согласна» (она даже представила себе трогательную сцену — Лео, ее будущий муж, обнимает ее за талию и целует в лоб), — как вдруг из глубины гостиной донесся громкий, страстный голос Микеле: «Ради бога, Карла, ради бога, откажи ему!»

Лео и Карла разом обернулись. Микеле стоял посреди комнаты и, казалось, сам устыдился своего порыва.

Лео вскочил и стукнул кулаком по столу.

— Может, ты уймешься?! — завопил он. — Может, ты наконец перестанешь вмешиваться не в свои дела?

Микеле шагнул ему навстречу.

— Это моя сестра, — сказал он,

— Да — твоя сестра! — повторил Лео. — Ну и что? Она что, не имеет права сама выбрать себе мужа?!

Он снова уселся в кресло.

— Послушай меня, Карла... — сказал он. — Не обращай внимания на советы твоего брата... Он сам не знает, что говорит.

Но Карла повелительным жестом велела ему замолчать.

— Почему я должна ему отказать? — спросила она, повернувшись к Микеле.

Тот замялся. Потом пробормотал:

— Ты его не любишь.

— Довод не слишком убедительный... Можно жить вместе и без любви.

— А наша мать?

— О, мать! — Карла пожала плечами. — Она не будет нам помехой.

Она умолкла.

— Карла, — не сдавался Микеле. — Ты должна ему отказать... Уже хотя бы потому, что я тебя об этом прошу... Если ты выйдешь замуж за Лео... все пойдет прахом...

Голос его дрожал.

«Конечно, — думала она, внимательно глядя на брата, — ничего хорошего мне этот брак не сулит». Но после крушения всех радужных надежд на новую жизнь она сейчас отчетливо представляла себе реальное положение дел.

— Что же я получу взамен? — резко спросила она.

— Взамен?!

Микеле посмотрел на сестру. В глазах Карлы было спокойствие. Щеки казались черными, лицо обрамляла темная масса волос.

— Что получишь взамен?... Свободу. Сможешь свободно начать новую жизнь.

Карла ничего не ответила.

— Не думай, что я притворяюсь, лгу, — добавил он, пораженный тем, как неубедительно звучат его ничего не значащие фразы. — Я сам примерно в таком же положении... Но рано или поздно... Рано или поздно мы отыщем путь к новой жизни.

Не отрывая взгляда от окна, Карла недоверчиво покачала головой.

«Поверь мне, Карла!» — хотелось ему крикнуть сестре. Лео презрительно усмехнулся.

— Слова. Одни слова, — сказал он. — Не бывает жизни новой и жизни старой. Она такая, какая есть.

Карла стремительно повернулась к Лео.

— Значит, Лео, ты предлагаешь мне стать твоей женой? — с вымученным кокетством спросила она.

— Конечно, — решительно ответил он.

— А ты не боишься, что наш брак будет неудачным? Я так уверена, что ты мне со временем изменишь, — спокойно добавила она.

«Это ты мне со временем изменишь, шлюшка моя», — подумал Лео, глядя на ее большую голову, оставшуюся в тени. Он хотел слегка шлепнуть ее по груди, шутливо и бесстыдно. Ведь всего несколько минут тому назад она, голая, белокожая, извивалась под ним, как неопытный зверек. «Я женюсь на шлюхе», — повторил он про себя. И протянул ей руку.

— Клянусь, — торжественно произнес он, — что всегда буду тебе верным мужем.

— Карла, — повторил Микеле, — откажи ему. Он подошел к ней и положил руку на плечо. — Откажи ему... Есть причина... Я скажу тебе о ней потом.

Карла молча смотрела в окно. Ее голова казалась несоразмерно большой в сравнении с узкими худыми плечами.

Было уже очень поздно. Последние лучи света растаяли на мокрых стеклах. Шел дождь. В комнате стало совсем темно. Свет луны выхватывал из тьмы лишь странно осунувшиеся лица и лежавшие на столе руки.

— Мне пора, — сказала наконец Карла. И встала,

— Каков же будет ответ? — спросил Лео. Он тоже встал, ощупью добрался до стены, зажег люстру. Яркий свет ослепил их, они изумленно посмотрели друг на друга. Карла и Микеле, стоявшие рядом у окна, растерянно глядели на Лео, прислонившегося к двери. И тут впервые Лео бросилось в глаза сходство между братом и сестрой: то же робкое выражение лица, тот же неуверенный жест руки. На лице Карлы была написана усталость, она украдкой потерла ладонью глаза, обведенные темными кругами. Лицо Микеле выражало грусть и смятение. И оба они, как показалось Лео, смотрели на него с испугом.

— Ответ? — после короткого молчания повторила Карла. — Завтра, Лео... завтра...

Мне еще надо поговорить с мамой.

Она повернулась к Микеле и положила ему руку на грудь.

— Подожди меня здесь. Я только надену шляпу и вернусь, — сказала она, пристально глядя ему в лицо. Она проскользнула между братом и столом, легко и чуть развязно прошла мимо Лео, открыла дверь и не стала ее закрывать. Секунду спустя в спальне загорелся свет. Микеле увидел зеркальный шкаф, ковер, стул, на который была небрежно брошена мужская рубашка. Рукав ее свисал, отражаясь в зеркале. Карла двигалась по комнате уверенно, как хозяйка. Зажгла лампочку на комод, аккуратно причесалась. Затем вышла в соседнюю комнату, вернулась, держа в руках жакет и шляпу; кокетливо вертясь перед зеркалом, надела их, снова куда-то исчезла, вернулась с сумочкой, напудрилась.

Все это время и Микеле и Лео не сдвинулись с места и не проронили ни слова. Лео так и остался стоять у двери в распахнутом на голой груди халате, коротком, узком в талии, со множеством складок. Он стоял, широко расставив ноги и опустив голову, и с глубокомысленным видом разглядывал половицы. Поредевшие, взлохмаченные волосы на облысевшем лбу казались черным пушистым облачком. Заложив руки за спину, он то и дело привставал на цыпочки и тяжело опускался на пятки. Микеле так и не отошел от окна, откуда зачарованно следил за уверенными, непринужденными движениями сестры, которая прихорашивалась перед зеркалом. Ему казалось, что вся спальня насквозь пропитана запахом, разврата и похоти. В ней, наверно, царил полнейший беспорядок: скомканые простыни, брошенное на стулья нижнее белье, упавшие на пол подушки, запах духов, табачного дыма и пота. И в этом логове порока, среди всего этого беспорядка, Карла двигалась легко и даже весело, упруго ступая своими стройными ногами.

Еще минуту назад лицо ее было усталым, бледным, волосы растрепаны. И вот уже она совершенно преобразилась: припудрилась, наредила губы, надела изящную шляпку. Лицо ее, с двумя колечками волос на ушах, порозовело, вновь стало приятным и свежим. Она отошла от помутневшего зеркала, обогнула стул со свисавшей до пола рубашкой, вышла из этого душного алькова и подошла к нему.

— Я готова, — спокойно сказала она. Протянула возлюбленному руку. — До свидания, Лео.

— Значит, ты согласна, да? — прошептал Лео, целуя ей кончики пальцев. Он чувствовал себя уверенно. Карла досмотрела на его самодовольное лицо и ничего не ответила. Все трое вышли в холл: первой — Карла, за ней — Микеле и Лео. Пока Микеле в противоположном углу надевал плащ, Лео радостно топтался возле Карлы.

— Мы с тобой поженимся, непременно поженимся, — возбужденно прошептал он. Ему хотелось, чтобы она улыбнулась в знак согласия или хотя бы ответила ему нежным взглядом.

Но Карла упрямо делала вид, будто ничего не замечает и не слышит.

— До свидания, Лео, — уже стоя на пороге, повторила она. Сквозь щель в неплотно прикрытой двери он какое-то время следил, как Карла и Микеле молча, не оборачиваясь, спускаются по лестнице. По стене за ними скользили две продолговатые, расплывчатые тени. Наконец он захлопнул дверь и вернулся в гостиную. На полу валялся пистолет Микеле. Он поднял его, рассеянно подержал в руке, точно хотел определить его вес. Внезапно он вспомнил, что приглашен на званый вечер в «Гранд-отель».

«Да, и Мариаграция тоже собирается на этот вечер! Прекрасный случай для того, чтобы окончательно убедить Карлу», — подумал он. Вполне довольный жизнью, он подошел к зеркалу в спальне.

— Ей-богу, ты совсем неплохо выглядишь, дружище, — громко сказал он самому себе и даже хотел от радости хлопнуть себя по животу. — И, женившись, ты останешься прежним Лео!

Он прошел в ванную комнату и начал мыться.

Когда Микеле и Карла открыли дверь парадного, они увидели, что дождь льет вовсю, не очень жаростно, но обильно, словно у огромной небесной чаши вдруг отвалилось дно.

В темноте был слышен шум дождевых струй. По улице текли грязные ручьи, из водосточных труб вырывались целые потоки, в больших трещинах тротуара образовались лужи. Двухнедельной давности кучевые облака наконец-то разродились ливнем. Фонари, казалось, вот-вот захлебнутся. А черные, вознесенные к небу дома еще держались, затопленные тротуары были похожи на морские пристани, во время прилива наполовину уходящие под воду.

Согнувшись, Карла и Микеле торопливо шли под дождем, держась поближе к стенам домов и стараясь укрыться под единственным зонтиком. Внезапно свободное такси ослепило их острыми лучами фар. Они остановили машину, сели; машина сорвалась с места.

В полутьме они молча сидели рядом, не глядя друг на друга. При каждом толчке их резко подбрасывало, и они сталкивались, точно две безжизненные марионетки с деревянными руками и ногами и выпученными, удивленными глазами.

Микеле полулежал, откинувшись на спинку сиденья, и, похоже, о чем-то размышлял. Карла сидела, слегка наклонившись вперед, и пыталась рассмотреть что-либо сквозь стекло. Но это ей не удавалось. Мокрые окна помутнели от ее дыхания и капель дождя. Ей казалось, что ее насильно оторвали от остального мира и вместе с братом посадили в эту темную коробку. И теперь с огромной скоростью увозят в какое-то незнакомое место. Куда? Значит, так кончается этот день, и вместе с ним — ее прежняя жизнь? Ответа на этот вопрос она не находила. Куда нас несет судьба, днем ли, ночью ли, во тьме или при ярком свете? Никто не знает. Карле стало страшно. «Хоть чего-то добиться в жизни!» Ей отчаянно захотелось уберечь хотя бы свой крохотный мирок, замкнутый в пределах ее тесной комнатки. «Выйду замуж за Лео», — подумала она. Не отрываясь, она устало смотрела в ветровое стекло, и ей вдруг показалось, что на его блестящей, темной поверхности появились и задвигались маленькие, сверкающие фигурки. О, эти стекла, стекла домашних окон в дождливые ночи, стекла вагонных окон, монотонные и такие красноречивые, с таинственными искрами огней! Все они словно зовут нас в черную, бесконечную страну грез.

А маленькие фигурки — все ближе и ближе, и вот уже из тени выплыли залитые солнцем ступени церкви.

Сама она в длинном, белоснежном одеянии новобрачной идет под руку с Лео. Должно быть, солнце светит сильно, и оттого она слегка наклоняет голову. За ними, одна за другой, возникают из тьмы другие фигуры свадебного кортежа. В первом ряду идет мать. Она наверняка плачет, но в руках у нее огромный букет ярких цветов, и потому Карле не видно материнских слез. Микеле идет, опустив глаза, точно боится оступиться. Лиза — в необыкновенно красивом летнем платье. А сзади — множество приглашенных, невозможно даже разглядеть их лица; женщины — в белых платьях, мужчины — в черных костюмах. Они замыкают шествие. Некоторые из них еще остаются в тени, другие уже озарены лучами солнца. Все приглашенные — в элегантных костюмах, можно даже различить, как изумительно отглажена складка на брюках. Почти у всех мужчин в руках сверкающие цилиндры. В руках у женщин — большие, пышные букеты цветов... А теперь приглашенные на свадьбу возникают уже из-под невидимых сводов церкви и вслед за новобрачными спускаются по той же лестнице. Как и прежде, ступени церкви залиты лучами солнца.

Внезапно зазвучала музыка, медлительная и торжественная, она точно сопровождает свадебный кортеж. Играет ли это орган или звонят колокола? Карле чудится, что она слышит ликующие звуки церковной музыки. В них и торжество и горькая, щемящая грусть, точно она в своем белоснежном одеянии, под руку с мужем, идет навстречу не счастью, а жизни, полной незаметного самопожертвования, сомнений и неодолимых трудностей...

Она встрепенулась. Рука брата сжала ее руку. Черная тень на ветровом стекле становилась все больше и быстро поглощала сверкающие фигурки свадебного кортежа, точно это была засвеченная фотопленка. Автомобиль замедлил свой бег, а затем и совсем остановился — ждал, пока толпа перейдет улицу. Дождь лил не переставая. Скрип тормозов,

гудки, громкие голоса, яркий свет. Наконец автомобиль вздрогнул, покачнулся и понесся дальше.

— Ну, так что случилось? — повернувшись, спросила она у Микеле.

Он как-то нелепо, конвульсивно взмахнул рукой.

— Если не ошибаюсь, — с трудом сказал он, — я так и не объяснил причину, по которой ты должна отказать Лео?

Она пристально посмотрела на него.

— Нет.

— Тогда слушай. — Он наклонился и стал торопливо, сбивчиво рассказывать: — Причина вот в чем... Сегодня, прежде чем отправиться к Лизе... Кстати, это она открыла мне глаза на твою связь с Лео...

— Ах, так это была она!

— Да! Похоже, она застала вас вчера в передней, когда вы обнимались. Но я, кажется, отвлекся... Вчера, прежде чем отправиться к Лизе, не помню уж почему, я задумался о наших делах (по правде говоря, они весьма скверные) и постепенно, в поисках спасительных средств, дошел до того, что, как говорится, потерял всякую совесть. Я поймал себя на том, что хладнокровно прикидываю: мы накануне разорения, и тут уж ничего не поделаешь. Если так будет продолжаться и дальше, через год мы станем нищими... Но чтобы избежать этого, не разумно ли будет пойти на жертвы или хотя бы на сделку? Да, но с кем можно пойти на выгодную сделку? Только с Лео... И я невольно подумал — он ловелас и ради женщины, которая ему понравится, отдаст все. А может, стоит ему намекнуть, что в обмен на определенную сумму денег я не прочь отдать ему свою сестру Карлу. Словом — что я готов привести ее к нему в дом.

— И ты мог такое подумать?! — воскликнула Карла, стремительно повернувшись к брату и впившись в него взглядом.

На миг луч света уличного фонаря упал на лицо Микеле. И она увидела его широко раскрытые глаза, которые безмолвно, с отвратительным, жалким смирением ответили ей «да, мог». Микеле был бледен как полотно. Она отвернулась. Сердце больно сжалось от тоски и щемящей жалости к себе самой.

Машина неслась по улицам, Микеле продолжал рассказывать.

— Да, мне пришла в голову такая мысль... И знаешь, мне казалось, что я все вижу воочию. — Он взмахнул рукой, точно желая схватить что-то. — Казалось, что мы втроем, я, ты, Лео, отправляемся к нему домой... (Когда я бываю в смятении, я словно вижу наяву все, о чем в этот момент думаю.) В гостиной Лео угостил нас чаем. Потом я ушел, незаметно, как мы с ним заранее условились, оставив тебя наедине с Лео.

— Какой ужас! — испуганно пробормотала она, но Микеле не расслышал.

— И вот... Понимаешь? Когда я смотрел на вас, сидящих у окна гостиной, и Лео предложил тебе стать его женой... Мне показалось, что я вижу ту же, созданную моей фантазией, сцену... Такое со всеми случается... Идешь по улице и думаешь, что застанешь знакомых в таком-то виде, и действительно застаешь их в этом виде... Но в данном случае присутствовал еще и расчет — поживиться за счет Лео. И тогда я сказал себе: «Все произошло в точности, как я надеялся». А я не должен был на это надеяться. Все произошло так, словно я действительно предложил Лео: «Послушай, Лео... есть Карла, моя сестра... Красивая, цветущая девушка...» Не обижайся... Но именно так я представлял себе наш разговор...

— Я не обижаюсь, — не оборачиваясь, прошептала Карла. — Продолжай.

— ...Красивая, цветущая девушка, — повторил Микеле. — «Ты мне дашь деньги, много денег, возьмешь на себя содержание всей нашей семьи. А в обмен... в обмен я предоставлю тебе свободу действий в отношении Карлы... Делай с ней все, что хочешь».

— Но кем же, ты меня считал? Кем?! Что я — вещь, дрессированный зверек?! — не выдержав, с горечью и гневом воскликнула она.

— Нет, но я знал, — ответил Микеле с невольной улыбкой торжества, — что тебе

скучно... Что ты, как бы это поточнее выразиться... созрела для этого и легко уступишь его домогательствам.

— Знал и это? — еле слышно сказала она.

— И то, что наш разговор с Лео не состоялся, — продолжал Микеле, не ответив на ее вопрос, — уже не имеет никакого значения... Все равно я бы всю жизнь испытывал угрызения совести... Бывая в вашем доме, живя на ваши деньги, я бы все равно страдал... Словно настоящий преступник... понимаешь? Ты понимаешь? — повторил он, в порыве отчаяния схватив ее за руку. — Обдумываешь какой-то подлый, гнусный поступок, но так его и не совершаешь... Потом все происходит, как ты предполагал. Но не совсем — и ты еще можешь помешать самому худшему. Что я обязан был сделать? Постараться хотя бы помешать планам Лео, не допустить этого ужасного преступления. Иначе я сделаюсь сообщником Лео с самого начала и останусь им до конца. Ведь получается, что я и в самом деле уступил тебя Лео за деньги, — привел тебя к нему домой... Если ты станешь его женой, мне будет казаться, что я помог этому постыдному браку, толкнул тебя в объятия Лео, получив взамен деньги... Понимаешь?... Теперь ты понимаешь, да?...

Машину подбросило на ухабе, и они на миг столкнулись и с отвращением отпрянули друг от друга. Микеле умолк, машина понеслась дальше.

— Так ты меня прощаешь? — униженно, взволнованным голосом спросил наконец Микеле, наклонившись к самому лицу Карлы. — Ты прощаешь меня, Карла?

Она молчала, глядя прямо перед собой. Потом засмеялась сухим неестественным смехом.

— За что я тебя должна прощать? Ведь ты не сделал мне ничего... Ничего плохого... Что же я должна тебе простить?

Микеле молчал.

— Я никого и ни в чем не обвиняю. Ни в чем, — плачущим голосом, в отчаянье сказала она, не отрывая взгляда от стекла автомобиля. — Никого... Я хочу одного — чтобы меня оставили в покое.

Глаза ее наполнились слезами — виноваты были все — и никто. Она устала копаться в своих и чужих чувствах. И не хочет ни прощать, ни осуждать. Жизнь не изменишь, и лучше принять ее не раздумывая. И пусть ее ради всех святых оставят в покое.

Микеле услышал в ее словах окончательный приговор себе.

— Я ничего не сделал, — с удивлением повторил он, и ему показалось, будто он внезапно постарел, постарел на много лет за один этот страшный день. — И верно... я ничего не сделал... Всего лишь подумал. — Он вздрогнул от страха. — Я не любил Лизу... Я не убил Лео... Всего только подумал... В этом моя трагедия.

Он снова наклонился и взял Карлу за руку.

— Но ты ему откажешь? — в сильном волнении спросил он. — Скажи, что ты ему откажешь!..

В ответ молчание.

— Я выйду за него замуж, — сказала она наконец, И снова умолкла. — Что станет со мной, если я ему откажу? — печальным, но твердым голосом продолжала она. — Что со мной, станет?... Подумай сам... В моем-то положении!..

И она выразительным жестом руки передала сразу и свою бедность, и ожидающий ее неизбежный позор.

— Было бы безумием отказаться. Ничего другого не остается, как выйти за него замуж.

Ее мрачный тон убедил Микеле сильнее, чем все ее доводы.

«Все кончено, — подумал он, глядя на пухлые, точно у ребенка, щеки Карлы, освещенные светом фонаря. — Она рассуждает и поступает, как умудренная опытом женщина». Он понял, что проиграл.

— Значит, Карла, — вновь спросил он, точно мальчишка, который никак не хочет признать очевидный факт, — ты выйдешь за него замуж?

— Да, выйду, — не оборачиваясь, ответила она.

Автомобиль уже подъезжал к дому.

Улицы стали шире и безлюднее. Дальше были уже не дома, а белые виллы и угрюмые, исхлестанные дождем сады. Редкие фонари, широкие, пустынные тротуары. Карла неотрывно следила за стремительным бегом машины, и с такой же быстротой в ее усталом, возбужденном мозгу проносились тоскливые мысли. Вот так же, как и эта машина, ее жизнь слепо летела во тьму. Да, она выйдет замуж за Лео... Совместная жизнь! Они будут спать вместе, есть вместе, вместе выходить из дому, путешествовать, вместе страдать и радоваться. У них будет свой красивый дом в фешенебельном районе... В роскошную, с тонким вкусом обставленную гостиную входит элегантная синьора, ее подруга. Она, Карла, приветливо встречает ее, потом они вдвоем не спеша пьют чай, затем спускаются вниз. У парадного их ждет машина. Они садятся в машину, уезжают. Машина принадлежит ей, синьоре Мерумечи... Странно, что это она станет госпожой Мерумечи. Карла ясно представила себя несколько лет спустя. Она стала немного выше ростом, чем сейчас, раздалась вширь, — полные бедра и ноги, — после замужества женщины обычно полнеют, на шее — ожерелье, на пальцах — кольца, на запястьях — золотые браслеты. Она стала более равнодушной и холодной, очень красивой, но холодной. Ее суровые глаза словно хранят какую-то тайну. Чтобы случайно не выдать ее, она подавила в себе всякое чувство. И вот, элегантная, невозмутимая, она входит в переполненный зал ресторана. Следом идет ее муж, Лео Мерумечи. Он еще сильнее облысел и располнел, но, в общем, изменился мало. Они садятся, пьют чай, танцуют. Многие смотрят на них и думают: «Красивая женщина! Очень красивая, но злая... Ни разу не улыбнулась... У нее недобрый взгляд... Она похожа на статую... Кто знает, какие мысли бродят у нее сейчас в голове?» Другие стоят, прислонившись к колоннам и шепчутся. «Она вышла замуж за друга матери, который много старше ее... Она его не любит. У нее наверняка есть любовник». Все шепчутся, неотрывно смотрят на нее, строят догадки. А она сидит рядом с мужем, сидит, небрежно закинув ногу на ногу, и курит... И ее ноги, короткое платье с глубоким декольте вызывают у мужчин восторг. Они, все до одного, жаждут обладать ею и смотрят на нее так, словно готовы проглотить. А она отвечает им безразличным взглядом.

А дальше — уютная комната, синьора Мерумечи, опоздавшая на несколько минут из-за визита, от которого нельзя было уклониться, бежит навстречу возлюбленному, судорожно его обнимает. Куда вдруг девалась ее холодность бездушной статуи! Такие женщины, как она, самые темпераментные. На короткое время она вновь становится девочкой, плачет, смеется, что-то лепечет. Она точно пленница, впервые увидевшая свет. Ее счастье — белое, вся комната — белая, и сама она в объятиях возлюбленного превращается в белоснежную голубку... вновь обретает свою душевную чистоту. А когда наступает время расстаться, уставшая и счастливая, она возвращается в дом мужа, и снова на ее лице — прежнее холодное выражение. И так — долгие годы... Многие завидуют ей, она богата, развлекается, путешествует, имеет любовников. Что еще можно желать? Все, что нужно женщине, у нее есть...

Машина остановилась, они вышли. Дождь перестал. Было холодно, по небу ползли облака. Влажный ветер беспрестанно шелестел в густой вечнозеленой листве садов. Карла легко перепрыгнула через широкую лужу у края тротуара и, стоя возле фонаря, ждала, пока Микеле расплатится с владельцем такси. И тут она заметила у обочины дороги черный и длинный, похожий на кита, выброшенного на берег могучей гигантской волной, огромный автомобиль со сверкающим капотом. Шофер в надвинутой на глаза фуражке, словно приросший к сиденью, крепко спал. «Машина Берарди», — с удивлением отметила Карла. И внезапно вспомнила, что они приглашены на бал-маскарад.

— Микеле, — обратилась она к брату, который шел ей навстречу, осторожно перепрыгивая через лужи, — это машина Берарди?!

— Да, — подтвердил он, бросив взгляд на автомобиль. — Должно быть, приехали за нами.

Через калитку они вошли в сад, молча пересекли его, выбирая места посуше. Под

ногами хрустел гравий, было сыро, в небе плыли черные, сказочно-причудливые облака. Высокие деревья глухо шумели, словно морской прибой. Но дождь стих, как бы решив дать городу передышку. В теплом, ярко освещенном холле Микеле снял плащ и шляпу.

— Карла, — обратился он наконец к сестре, которая ждала его на пороге, — когда ты скажешь маме о своем решении выйти замуж?

Она быстро взглянула на него и спокойно ответила:

— Завтра.

Они пошли по длинному коридору. Из гостиной доносились голоса и громкий смех. Карла подошла к портьеру, за которой она целовалась с Лео. Осторожно ее раздвинула и на секунду заглянула в гостиную.

— Микеле, там уже сидят все трое — Пиппо, Мэри и Фанни, — сказала она, повернувшись к брату.

Они поднялись по лестнице. В передней их уже ждали Мариаграция и Лиза. Мариаграция была в костюме испанки. Ее увядшее лицо покрывал густой слой белил, что придавало ему смешное и нелепое выражение. Накрашенные щеки — в мушках, губы-ярко-красные, глаза — в черной туши. Длинный черный, весь в складках, костюм испанки колыхался в такт покачиванию бедер, из воткнутого в волосы большого черепахового гребня на жирные плечи и широкие, дряблые обнаженные руки ниспадала роскошная вышитая вуаль. В руках она держала веер из страусовых перьев, глупо улыбалась и, точно боясь нарушить неосторожным движением великолепие своей прически, ступала величественно, высоко вскинув голову.

Рядом стояла Лиза — белокурая, с белым, как мука, лицом, одетая в светлое платье. Если Мариаграция была царицей ночи, то она — королевой утра.

Завидев Карлу и Микеле, Мариаграция торопливо пошла им навстречу.

Где вы так задержались? — крикнула она, прежде чем они успели подняться на последнюю ступеньку лестницы. — Берарди ждут вас уже целых четверть часа!

Она была довольна и счастлива: Лиза провела все послеобеденное время с ней. Значит, Лео сказал правду, он ей не изменяет. От радости она выказала Лизе величайшую доброту. Поделилась с ней множеством своих секретов. На миг у нее даже мелькнула мысль пригласить Лизу на вечер. Но она тут же из природного эгоизма отказалась от этой идеи: Берарди очень плохо знают Лизу и могут не одобрить этой ее вольности.

— Живее, живее, — дважды повторила она Карле, которая, не двигаясь, разглядывала ее одеяние. — Поторопись, ведь тебе еще надо надеть маскарадный костюм!

— Так я должна надеть маску? — не подымая глаз, грудным голосом, в котором звучало сомнение, спросила Карла.

Мариаграция засмеялась.

— Проснись, Карла, — сказала она, и ее испанская вуаль сразу заколыхалась. — О чем ты только думаешь?... Уж не хочешь ли ты отправиться на бал без маски?!

Она взяла дочь под руку.

— Идем, идем, не то мы опоздаем, — сказала она.

Карла машинально сняла шляпу и, тряхнув большой головой, с копной растрепавшихся волос, пошла за матерью. Испанская вуаль мягко колыхалась, ниспадая на большие, туго обтянутые бедра. Карла смотрела на мать, совершенно не меняющуюся с годами, верную своим привычкам, и ей казалось, что с ней самой сегодня ничего не произошло. «И все-таки, — подумала она, — нужно сказать маме о предстоящем замужестве».

Так, все ускоряя шаги, они вышли из передней.

Лиза и Микеле остались одни.

С первой же минуты Лиза с жадным, болезненным любопытством следила из своего угла за братом и сестрой, которые откуда-то вернулись вместе. Теперь, не дождавшись, пока Микеле заговорит первым, она сама подошла к нему.

— Расскажи же... чем все кончилось! — воскликнула она, не скрывая бесцеремонного, назойливого интереса.

Он повернулся, пристально посмотрел на нее.

— Чем все кончилось? — неторопливо повторил он... — Плохо кончилось... Я выстрелил в него в упор.

— О, боже! — с напускным ужасом воскликнула Лиза. — Ты его ранил?!

— Промахнулся. Он даже царапины не получил.

— Идем...

В сильном возбуждении она потащила его к дивану.

— Садись вот сюда... Рассказывай! — И сама села рядом.

Но Микеле устало и недовольно отмахнулся.

— Не сейчас... позже...

Он смотрел на ее бледно-розовое тело, на тугую грудь, и ему отчаянно хотелось хоть на миг забыть о своем жалком положении.

— Ты тоже идешь на бал-маскарад? — перестав любоваться ее пышными формами, спросил он наконец.

— Нет.

— Тогда... тогда, коль скоро я тоже остаюсь дома, — после секундного колебания сказал он, — поужинаем вместе. У тебя... Там я тебе все и расскажу.

Она с восторгом согласилась.

— Очень хорошо, чудесно... Мы поужинаем вместе.

Он печально усмехнулся.

«На этот раз, — с раздражением и в то же время с внутренним удовлетворением подумал он, — можешь не бояться — я тебя не оттолкну, моя милая».

Ему стало противно, тошно. В сердце были лишь опустошенность и сознание одиночества, точно он один в целой пустыне. Ни веры, ни надежды, в тени которой можно было бы утолить жажду, отдохнуть душой. Он видел, что и другие столь же лицемерны, и грязны, и подлы, как и он. И все время с отчаяньем наблюдал за самим собой, и это отравляло ему жизнь. «Хоть немного искренности и веры, — повторил он, не в силах избавиться от навязчивой идеи. — И я бы убил Лео... Погубил бы себя, зато стал бы чистым, как капля в ручье».

Он чувствовал, что задыхается от тоски. Посмотрел на Лизу, и ему до боли захотелось крикнуть ей прямо в лицо: «А как ты живешь? Честно? С искренней верой? Объясни, как тебе удастся наслаждаться жизнью?» Мысли его сбивались, путались. «А может, — подумал он, внезапно вернувшись к суровой действительности, — может, у меня просто сдали нервы?... Может, все дело в деньгах или в неудачном стечении обстоятельств?» Но чем больше он старался упростить, преуменьшить свои проблемы, тем более пугающими и трудными они ему казались. «Так дальше жить нельзя!» Непролазно густой, темный лес жизни обступил его со всех сторон. А вдали — ни единого огонька. И никакого выхода.

Вернулись Мариаграция и Карла. Она была в костюме Пьеро. На лице — маленькая маска из черного атласа, шея схвачена огромным накрахмаленным воротником. Треуголка, слегка сдвинутая набок, курточка, панталоны, белые шелковые туфельки с большими черными пуговицами. Она шла на цыпочках, загадочно улыбаясь.

— Ну, как мы выглядим? — спросила Мариаграция.

— Очень оригинально... очень, — сказала Лиза. — Желаю вам повеселиться всласть.

— Так мы и сделаем, — с громким хохотом ответила Карла.

В маске она чувствовала себя иной, более веселой и легкомысленной... Она подошла к брату и хлопнула его веером по плечу.

— А с тобой мы завтра еще поговорим, — шепотом сказала она. Разговор в автомобиле произвел на нее тяжелое впечатление. Ей казалось, что Микеле губит себя и свою жизнь. «А между тем все так просто, — подумала она, надевая в своей комнатке перед, зеркалом панталоны Пьеро. — Взять хотя бы меня. После всего, что случилось, я, как ни в чем ни бывало, переодеваюсь и еду на бал-маскарад». И теперь ей хотелось крикнуть Микеле: «Все так просто!» И она решила, что нужно будет подыскать ему работу, приличное место,

словом, какое-нибудь занятие, как только они с Лео поженятся... Но Мариаграция потащила ее за собой.

— Идем... идем... — повторяла она, — нас ждут Берарди.

Они вместе спустились по лестнице — белый Пьеро и черная испанка. На лестничной площадке Мариаграция задержала дочь.

— Постарайся, — прошептала она ей на ухо, — быть... ну как бы это сказать?... Полнобезднее с Пиппо... Я долго об этом думала... Наверно, он все-таки любит тебя... А жених он завидный.

— Не волнуйся, я постараюсь, — очень серьезно пообещала ей Карла.

Они спустились вниз. Мариаграция довольно улыбалась. Она подумала, что Лео тоже придет на бал, и заранее предвкушала приятный вечер.

Альберто МОРАВИА (собств. Альберто Пинкерле) (1907–1990)

МОРАВИА, АЛЬБЕРТО (Moravia, Alberto) (1907–1990), литературный псевдоним Альберто Пинкерле (Pincherle), самого известного за пределами своей страны современного итальянского писателя. Родился 28 ноября 1907 в Риме. Первое же произведение Моравиа, *Равнодушные* (*Gli indifferenti*), опубликованное в 1929, через несколько лет после создания, принесло ему известность. Современный город — излюбленное место действия в книгах Моравиа, а в качестве героев он выводит городские типы — людей с зыбкой моралью, руководствующихся в жизни инстинктами: похотью, жадностью, честолюбием. Безыскусный, репортерский стиль и пессимистическая ирония характеризуют все творчество Моравиа. При этом писатель постоянно меняет угол зрения.

Написанный как автобиография проститутки роман *Римлянка* (*La Romana*, 1947) представляет порожденный городом особого рода духовный уклад. В романе *Приспособленец* (*Il Conformista*, 1951) Моравиа исследует причины преуспевания в фашистском обществе, в *Чочаре* (*La Ciociara*, 1957) — последствия войны в судьбах лавочницы и ее дочери. Безжалостно остранный анализ подвергнуты семейные отношения в романах *Супружеская любовь* (*L'amore coniugale*, 1949) и *Презрение* (*Il disprezzo*, 1954).

Один из ключевых аспектов творчества Моравиа — психология юности: повести *Агостино* (*Agostino*, 1944) и *Неповиновение* (*La disubbedienza*, 1948) рисуют чувствительных молодых людей в кризисные моменты переходного возраста. Малая проза Моравиа заслуживает не меньшего внимания, чем крупные произведения. Его перу принадлежат краткие, фотографически точные зарисовки из римской жизни в сборниках *Римские рассказы* (*I Racconti romani*, 1954) и *Новые римские рассказы* (*I Nuovi Racconti romani*, 1959). Среди прочих произведений Моравиа — сборники рассказов *Автомат* (*L'automa*, 1963) и *Вещь есть вещь* (*Una cosa e una cosa*, 1967), политический путевой дневник *Китайская культурная революция* (*La rivoluzione culturale in Cina*, 1967) и романы *Скука* (*La noia*, 1960), *Я и он* (*Io e lui*, 1971), *Внутренняя жизнь* (*La vita interiore*, 1979), и *Наблюдатель* (*L'uomo che guarda*, 1985).

Умер Моравиа в Риме 26 сентября 1990.

